

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Stefanos

class 9503.6

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

FRANCIS B. HAYES

(Class of 1889.)

This fund is \$10,000 and its income is to be used
"For the purchase of books for the Library."

Mr. Hayes died in 1884.

Sept. 17, 1897.

Д. Сокруов

ΣΤΕΦΑΝΟΣ
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

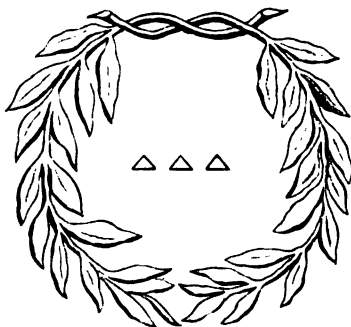
ΘΕΟΔΟΡΑ ΘΕΟΔΟΡΟΒΙЧА

СОКОЛОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

КЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИЦѢ ЕГО УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ОТЪ УЧЕНИКОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ.

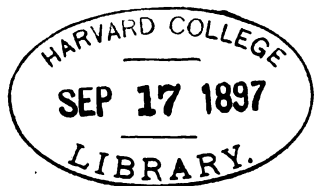

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Class 4503.6
~~122.31.42~~

Hayes f. d.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Б. А. Турасвъ, Изъ египетской мифологiи.	1
С. А. Жебелевъ, Къ исторiи образованiя послѣ-клисеевскихъ филъ (съ таблицей).	11
А. Н. Щукаревъ, Κολώναιον ἄγος и Ἀθηναίων πολιτεία	49
И. И. Холодникъ, Критическія замѣтки.	56
Б. М. Мелюханскій, Къ исторiи противоцерковныхъ движеній въ Македонiи въ XIV вѣкѣ.	62
М. Н. Крашенинниковъ, Къ вопросу о годѣ рожденiя Теренція	73
Г. Ф. Церетели, Гдѣ писано Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года? (съ таблицей)	76
Я. И. Смирновъ, О фригійскомъ богѣ Мѣсяцѣ (съ 6 рисунками въ текстѣ). .	81
Р. Х. Леперъ, Архаическая надпись изъ Аттики (съ рисункомъ въ текстѣ). .	136
В. Э. Регель, О городѣ Анастасіополѣ	147
В. К. Ернштедтъ, Переимѣна декораціи въ «Θεομορφιάζουσας» Аристофана. .	153
О. А. Шеборъ, Къ Горацию	167
В. В. Майковъ, Изъ Пиндара	181

Портретъ Ѳ. Ѳ. Соколова гравированъ на мѣди В. В. Матѣ, на средства князя С. С. Абамелекъ-Лазарева.

Class 9503.6
~~12231.42~~

Hayes

ИЗЪ ЕГИПЕТСКОЙ МИΘОЛОГИИ.

В. Тураева.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ явленій древне-египетской культуры относится, какъ извѣстно, тотъ интересъ, который этотъ народъ питалъ къ вопросамъ загробнаго бытія. Какъ продолжительность исторической жизни народа, при различныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, такъ и самый характеръ этихъ вопросовъ не могли, конечно, благопріятствовать тому, чтобы попытки разрѣшить ихъ приводили всегда къ одному и тому же результату, и это не можетъ удивлять насъ—стоитъ только вспомнить, къ какимъ противорѣчивымъ и страннымъ представленіямъ приходятъ въ наше христіанское время люди, не довольствующіеся Откровеніемъ и строящіе на языческой почвѣ чистилища и мытарства. Конечно, шагъ отъ покойника, пожирающаго все, что ему ни попадется на пути, питающагося тѣлами боговъ ¹⁾, ревниво оберегающаго свою пищу и не дѣлящагося ею ни съ кѣмъ ²⁾, до мирнаго земледѣльца, продолжающаго за гробомъ полевые работы, вполне естественъ; не можетъ быть также названъ неожиданнымъ и дальнѣйшій шагъ къ тому же земледѣльцу, но выступающему предъ нами въ видѣ леннаго вассала бога солнца, лицезрѣніемъ котораго онъ можетъ наслаждаться въ теченіе лишь одного часа въ сутки и проводящаго остальное время въ тоскѣ и вопляхъ. Принимая въ соображеніе вліяніе политическихъ и религіозныхъ переворотовъ на эсхатологическія представленія, мы поймемъ эти фазы развитія послѣднихъ и увидимъ, что, въ общемъ, онѣ не особенно чужды другъ друга, но зато, даже безъ особенно близкаго знакомства съ предметомъ, скоро замѣтимъ, что каждая фаза имѣетъ свои частности, свои *mutanda*, которыя древніе египтяне, при своемъ консерватизмѣ, не всегда послѣдовательно измѣняли и предпочитали комбинировать съ новымъ.

¹⁾ Пирам. Унаса, 509 сл. ²⁾ Пепи I, 443.

сворникъ.

ИЗЪ ЕГИПЕТСКОЙ МИΘОЛОГИИ.

В. Тураева.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ явленій древне-египетской культуры относится, какъ извѣстно, тотъ интересъ, который этотъ народъ питалъ къ вопросамъ загробнаго бытія. Какъ продолжительность исторической жизни народа, при различныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, такъ и самый характеръ этихъ вопросовъ не могли, конечно, благопріятствовать тому, чтобы попытки разрѣшить ихъ приводили всегда къ одному и тому же результату, и это не можетъ удивлять насъ—стоитъ только вспомнить, въ какихъ противорѣчивыхъ и странныхъ представленіяхъ приходятъ въ наше христіанское время люди, не довольствующіеся Откровеніемъ и строящіе на языческой почвѣ чистилища и мытарства. Конечно, шагъ отъ покойника, пожирающаго все, что ему ни попадется на пути, питающагося тѣлами боговъ ¹⁾, ревниво оберегающаго свою пищу и не дѣлящагося ею ни съ кѣмъ ²⁾, до мирнаго земледѣльца, продолжающаго за гробомъ полевые работы, выполнѣ естественъ; не можетъ быть также названъ неожиданнымъ и дальнѣйшій шагъ къ тому же земледѣльцу, но выступающему предъ нами въ видѣ леннаго вассала бога солнца, лицеизрѣніемъ котораго онъ можетъ наслаждаться въ теченіе лишь одного часа въ сутки и проводящаго остальное время въ тоскѣ и вопляхъ. Принимая въ соображеніе вліяніе политическихъ и религіозныхъ переворотовъ на эсхатологическія представленія, мы поймемъ эти фазы развитія послѣднихъ и увидимъ, что, въ общемъ, онѣ не особенно чужды другъ друга, но зато, даже безъ особенно близкаго знакомства съ предметомъ, скоро замѣтимъ, что каждая фаза имѣетъ свои частности, свои *mutanda*, которыя древніе египтяне, при своемъ консерватизмѣ, не всегда послѣдовательно измѣняли и предпочитали комбинировать съ новымъ.

¹⁾ Пирам. Унаса, 509 сл. ²⁾ Пепи I, 443.

Каждая изъ главныхъ эпохъ исторіи Египта оставила намъ памятникъ—кодексъ своихъ представленій о загробномъ мірѣ: древнее царство — тексты пирамидъ царей VI дин.; среднее и начало новаго— Книгу мертвыхъ; послѣдующій періодъ— „Книгу о преисподней“ и др.; сопоставленіе этихъ памятниковъ было бы предметомъ интересной и плодотворной задачи, по оно потребовало бы огромной затраты времени и было бы едва-ли вполне возможно, при настоящемъ состояніи науки, вслѣдствіе неудобопонятности текстовъ. Во всякомъ случаѣ, и теперь можно найти пункты, разсмотрѣніе которыхъ, возбуждая интересъ, представляетъ менѣе непреодолимыхъ трудностей, и я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

При первомъ взглядѣ на тексты пирамидъ, этотъ древнѣйшій литературно-религіозный памятникъ въ мірѣ, обнаруживающій предъ нами религіозныя представленія первобытнаго народа во всей ихъ отталкивающей наготѣ и ужасающей грубости, нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ, какъ много мѣста удѣлено здѣсь попеченіямъ о продовольствіи и пищѣ покойника, загробное существованіе котораго оказывается нуждающимся въ поддержкѣ со стороны. Мы не особенно преувеличимъ, если скажемъ, что памятникъ вращается около этого пункта, такъ какъ рѣдкая изъ его главъ не имѣетъ къ нему отношенія ¹⁾. Прокормленіе покойника—предметъ заботы всѣхъ, начиная отъ верховнаго Ра ²⁾ и кончая гуріями ³⁾, съ которыми ему приходится встрѣчаться; для этой цѣли существуетъ даже особая коллегія духовъ и на небѣ, и на землѣ ⁴⁾. Всѣ они заботятся о томъ, чтобы онъ не имѣлъ недостатка въ привычныхъ для него яствахъ: хлѣбѣ, винѣ, пивѣ и т. п. Конечно, безъ противорѣчій здѣсь не обходится, какъ и вообще во многихъ пунктахъ текстовъ пирамидъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ и только внѣшнимъ образомъ объединенныхъ. Въ то время, какъ въ однихъ изъ нихъ подчеркивается пропитаніе покойнаго обычной для него пищей и даже говорится, что для него вспахана земля въ „поляхъ Іалу“ ⁵⁾, въ другихъ мы находимъ представленія о допущеніи его къ столу боговъ. „Вы приняли Унаса къ себѣ“, восклицаетъ одинъ такой текстъ, „туда, гдѣ онъ ѣстъ отъ вашей пищи, пьетъ отъ вашего питья, живетъ вашей жизнью, сидитъ, гдѣ вы сидите, богатъ вашимъ богатствомъ, плаваетъ, гдѣ вы плаваете... Ручьи Унаса въ поляхъ прршествъ, яства его у васъ, боги; проходитъ Унасъ небо,

¹⁾ Интересно, что даже указательное мѣстоименіе, «то» «тѣ», очень часто употребляется просто, какъ синонимъ для слова «яства». ²⁾ Унасъ, 175 сл. (текстъ встрѣчается и при Гатшепу въ Дейръ-эль-Бахри). ³⁾ Ibid., 182. ⁴⁾ Ibid., 179. ⁵⁾ Пепи I, 331—Меренра, 633.

какъ Ра (солнце), обтекаетъ Унасъ небо, какъ Тотъ“ (луна)¹⁾. Такихъ мѣстъ можно бы привести нѣсколько²⁾, и невольно напрашивается предположеніе, не достаивались-ли покойники этой почести въ силу ихъ особенныхъ преимуществъ. Прежде всего, покойникъ не простой смертный, а царь—потомокъ боговъ. Уже въ силу одного этого ему несвойственно самому обрабатывать свой загробный надѣлъ: „вспахапа для него земля, приготовлены для него лства; онъ сілетъ, какъ царь; онъ благороденъ и имѣетъ престолъ“³⁾. Нѣсколько чаще и опредѣленнѣе приводится другая причина преимущественнаго положенія покойника за гробомъ—его заслуги и правдивныя совершенства. Такъ, приказаніе Ра пяти геніямъ относительно продовольствія его мотивируется тѣмъ, что „Унасъ—великій быкъ, поражающій Нубію“⁴⁾; въ одномъ изъ любимыхъ текстовъ⁵⁾ встрѣчаемъ слѣдующее: „Летитъ парящій! онъ улетаетъ отъ васъ, люди; его нѣтъ на землѣ — онъ на небѣ... онъ летитъ къ небу, какъ журавль (?), касается его, какъ кобы, достигаетъ его, какъ кузнечикъ... Онъ не оскорбилъ царя, не прогнѣвалъ (?) Бастъ, не плясалъ въ великомъ святилищѣ“. Или, нѣсколько ниже⁶⁾: „О ты, перевозчикъ оправданныхъ, Харонъ елисейскихъ полей! Онъ (покойный) найденъ праведнымъ у неба и у земли, и у острова (послѣднего) „Плывущій достигаетъ его“ и помѣщающагося между ногами Нутъ“. Но особенно замѣчательнъ слѣдующій текстъ⁷⁾: „Идетъ онъ, чтобы созерцать отца своего Озириса. Открытъ ему путь Херхсбомъ, обмѣнивается онъ привѣтствіями съ обладателями Ка, идетъ онъ къ острову великому полей пиршествъ, по которому проходятъ (?) великіе боги (эти великіе боги—неразрушимыя звѣзды)⁸⁾; предоставляютъ они ему это древо жизни, отъ котораго они существуютъ, отъ котораго и вы существуете также. Ты берешь съ собой его къ твоему полю, подвластному тебѣ... (?)... ѣсть онъ отъ того, что ты ѣшь; возложи на него защиту... дай сидѣть ему ради его праведности, стоять ради его достоинства... Посади его какъ князя среди духовъ—неразрушимыхъ звѣздъ, находящихся на сѣверѣ неба, обладающихъ лствами, охраняющихъ (?) зерно, отправляющихъ лства для превосходнѣйшихъ по Ка, находящихся на небесахъ“. Какъ ни темнъ во многихъ отношеніяхъ этотъ текстъ, но онъ все-таки даетъ намъ цѣнное

¹⁾ Унасъ, 191, сл.—Гатшепу. ²⁾ Напр., Пепи I, 693. Ibid., 81=Меренра, 111. ³⁾ Пепи I, 331=Меренра, 633. ⁴⁾ Унасъ, 178=Гатшепу. ⁵⁾ Пепи I, 163, сл.=Мер., 324=Пепи II, 854, ср. Египт. Аegypt. Zeitschrift, 1893. ⁶⁾ Пепи I, 400=Мер., 572, ср. ibid. ⁷⁾ Пепи I, 430=Меренра, 615. ⁸⁾ Фраза очень похожа на глоссу. О «неразрушимыхъ звѣздахъ», см. Масперо, который считаетъ ихъ обозначеніемъ прославленныхъ покойниковъ. Роль ихъ въ данномъ мѣстѣ не вполне для меня ясна.

указаніе на представленіе египтянъ о существованіи въ ихъ раю древа жизни, которое служить пищей богамъ и праведнымъ покойникамъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ остаткомъ древнѣйшаго представленія, которое въ послѣдующія эпохи было не вполне понятно и, будучи комбинировано съ новыми элементами, не сохранило въ цѣлости первоначальнаго смысла. Начало этого смѣшенія можно прослѣдить уже въ тѣхъ же текстахъ пирамидъ. Упоминанія о мнѣическихъ деревьяхъ въ нихъ не особенно рѣдки. Напр., Пепи, 78 = Меренра, 108: „Ты питаешься отъ пищи боговъ, отъ которой они питаются. Благовоніе Дедуна на тебѣ; юноша южный, выходящій изъ Эіоіопіи, совершаетъ предъ тобой каждепіе, подобающее богамъ. Зоветь тебя Ра... помѣщаетъ тебѣ, какъ утреннюю звѣзду, посреди полей елисейскихъ. Ты сидишь на престолѣ твоёмъ; поднять твой мечъ... ты напѣтанъ съ поля боговъ, отъ котораго они питаются... (слѣдуетъ обычная формула полученія отъ Анубиса разныхъ яствъ—мяса, хлѣба, пива и т. д.), къ тому, что будетъ съѣдено, ты обращаешь свое сердце... служатъ тебѣ деревья „іаму“, преклоняетъ предъ тобой дерево „нѣбесъ“ свою вершину“. И здѣсь деревья еще представляются находящимися въ раю, служащими пищей богамъ и предоставленными въ распоряженіе покойника, но они уже египтизированы и подверглись обычному у этого народа процессу перенесенія на небо египетской географіи и природы. Слѣдующій шагъ въ этомъ направленіи обнаруживаетъ очень любимый и распространенный текстъ, одинъ изъ немногихъ пережившихъ эпоху пирамидъ, представляющій восклицаніе къ обитателямъ блаженныхъ полей ¹⁾: „О ликующіе, съ поднятымъ сердцемъ, очищенные (?) тѣла, вкусившіе око Гора,—оливковое дерево, находящееся въ Иліополѣ!“ Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ эпохой иліопольской богословской школы, перенесшей и на насъ свой религіозный центръ, видимъ здѣсь также впервые появленіе дерева окомъ Гора—обычнаго богословскаго термина для понятія всякаго блага ²⁾. Подобное же представленіе встрѣчается и въ слѣдующемъ текстѣ ³⁾: „Каплетъ (?) око Гора на вѣтви маслины. Является Хентиementіу и приноситъ яства [для (?)] Гора Хентъ-перу, отъ которыхъ онъ питается, отъ которыхъ и Тети питается“ и т. д. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ Унасъ сравнивается съ Горомъ, „вышедшимъ изъ акаціи“ ⁴⁾, а въ другомъ ⁵⁾ призывается богъ, пребывающій въ своемъ растеніи „наутъ“. Это напоминаетъ семитическія представленія о де-

¹⁾ Унасъ, 166 = стела Нехи въ Авидѣ (XIII дин.) = Гатшепу (XVIII дин.). ²⁾ Ср. Тети, 182: «вырвалъ Горъ око свое у Сета и далъ его тебѣ; око его—пальмовое дерево».

³⁾ Тети, 73 = Унасъ, 201 = Гатшепу; ср. Тети, 331. ⁴⁾ Унасъ, 545. ⁵⁾ Тети, 331 = Гатшепу.

ревѣяхъ — носителяхъ божественной силы и мѣстахъ особаго присутствія божества ¹⁾; что это представленіе было дѣйствительно свойственно древнимъ египтянамъ, убѣждаетъ насъ окончательно текстъ, гдѣ, при перечисленіи разныхъ инстанцій, которыя приходится проходить покойному, упоминается „высокая смоковница (сикомора) въ восточной части неба, на которой обитаютъ боги, благопріятствуя ему“ ²⁾ (въ другомъ текстѣ упоминаются даже двѣ смоковницы) ³⁾. Вообще, смоковница упоминается гораздо чаще другихъ деревьевъ и мало-по-малу вытѣснила ихъ. Будучи деревомъ наиболѣе распространеннымъ въ Египтѣ и наиболѣе благотѣльнымъ для жителей, доставляя сладкіе плоды, достаточные въ томъ климатѣ для пропитанія бѣдныхъ людей и негнущее крѣпкое дерево, употреблявшееся охотно для саркофаговъ, она, какъ нельзя болѣе, годилась для роли райскаго древа, тѣмъ болѣе, что ея вѣчно „изумрудный“ радостный видъ и густолиственность въ значительной степени содѣйствовали этому. Въ текстахъ пирамидъ можно найти неоднократныя упоминанія о ней; къ сожалѣнію, мѣста, въ которыхъ они попадаютъ, не на столько ясны, чтобы ихъ можно было переводить и на нихъ можно было ссылаться ⁴⁾; замѣтимъ только, что въ пирамидѣ Унаса ⁵⁾ есть мѣсто, гдѣ смоковница упоминается въ связи съ пропитаніемъ покойнаго и стоитъ въ параллелизмѣ съ словомъ „хетъ“ — дерево, т.-е. какъ бы является деревомъ по преимуществу.

Послѣдующая эпоха египетской религіи, въ отношеніи къ нашему вопросу, можетъ быть названа эпохой смоковницы. Богословскій кодексъ этого періода — „Книга мертвыхъ“ унаслѣдовалъ отъ древняго оба понятія, соединенныя съ древомъ жизни — пропитанія покойниковъ и мѣстопробыванія боговъ. Что касается послѣдняго, то его мы встречаемъ въ главѣ 109 ⁶⁾, озаглавленной: „Глава о знаніи восточныхъ духовъ“. При перечисленіи предметовъ, находящихся на восточной сторонѣ присподней, покойный послѣ упоминанія о „восточной горѣ“, восклицаетъ: „знаю я тѣ двѣ изумрудныя смоковницы, чрезъ которыя выходитъ Ра“ ⁷⁾. Итакъ, и здѣсь смоковницы стоятъ на восточной сторонѣ неба и здѣсь боги не минуютъ ихъ.

Въ позднихъ редакціяхъ говорится объ одной смоковницѣ, на ри-

¹⁾ Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, позволю себѣ указать на общіе труды по семитическимъ религіямъ, напр., Baudissin Studien II, Kuenen I, ср. Pietschmann — Gesch. d. Phöniz. 213. ²⁾ Пери I, 174. ³⁾ Ibid., 646 сл. ⁴⁾ Напр., Тети, 333, гдѣ призывается „отверзающій цвѣты (?) на своей смоковницѣ и блестящій струями (?) на своей пальмѣ“. ⁵⁾ 554. ⁶⁾ Подробности 149, 7 — 8. ⁷⁾ О прохожденіи Ра чрезъ дерево ср. Wilkinson, III, 350 — изображеніе змѣи, съ солнечнымъ дискомъ на головѣ, выползающей изъ-подъ дерева.

супкѣ, однако, удержаны обѣ. Что касается представленія о райскомъ древѣ — источникѣ жизни, то эпоха „Книги мертвыхъ“ подвергла его интересному измѣненію. Рай этого періода сталъ терять свой веселый характеръ; представленія о немъ сдѣлались значительно трезвѣе: покойникъ является земледѣльцемъ-труженикомъ, работа котораго увѣнчивается успѣхомъ и который получаетъ содѣйствіе со стороны данныхъ ему на подмогу статуэтокъ „ушебти“. Что же касается царей, то имъ побѣдоносная религія ихъ отца-солнца готовила другую, еще болѣе завидную участь—вѣчное пребываніе въ кораблѣ бога Ра и возможность постоянно наслаждаться его свѣтомъ. Но древо жизни было, какъ извѣстно, и пищей боговъ: новый Египетъ очень неохотно говоритъ объ этомъ предметѣ; мы напрасно будемъ искать въ египетскихъ текстахъ чего-либо въ родѣ амвросіи и нектара; въ большинствѣ случаевъ они довольствуются общимъ всѣмъ народамъ грубымъ представленіемъ о богахъ, питающихся жертвенными дарами ¹⁾ или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаютъ колоссальный шагъ, увѣряя, что они „живутъ правдой“ ²⁾, что, несомнѣнно, и было вѣрованіемъ образованнаго класса этого періода. Что касается „Книги о преисподней“ — памятника слѣдующаго періода, то въ ней для райскаго древа уже прямо не было мѣста—его замѣняетъ самъ солнечный богъ, распространяющій жизнь и отраду своимъ появленіемъ и составляющій центръ, къ которому обращены всѣ взоры. Между тѣмъ, египтянинъ не любилъ вполне забывать своихъ древнихъ представленій, особенно такихъ, которыя такъ сжились съ его природой и дѣлали для него небо болѣе уютнымъ; и мы, дѣйствительно, въ 59 главѣ „Книги мертвыхъ“ находимъ изображеніе смоковницы, въ вѣтвяхъ которой сидитъ богиня съ сосудомъ воды и подноситъ яствъ въ простертыхъ рукахъ. Вода струится на руки стоящаго впису въ умоляющей позѣ покойника и ее пьетъ душа его, изображенная въ видѣ птицы. Богиней является, большею частью, Нутъ, иногда Гаторъ или Изиды, причемъ нерѣдко вмѣсто птицъ изображены только простертыя изъ-за вѣтвей руки. Часто, особенно въ позднѣйшее время стволъ дерева представляетъ изъ себя тѣло богини, отъ котораго расходятся во всѣ стороны вѣтви. Изображенія эти встрѣчаются во всѣ послѣдующіе періоды исторіи Египта до самаго господства христіанства и, притомъ, не только въ „Книгѣ мертвыхъ“, но и въ другихъ папирусахъ; особенно же любили ихъ помѣщать на надгробныхъ стѣлахъ, причемъ, однако, почти никогда не сопровождали по-

¹⁾ Напр., еще въ извѣстной подписи сатрапа Птолемея упоминается богъ Гегабшетъ, «живущій кровью» (15 ст.). ²⁾ Булакскій (17) гимнъ Амону.

яснительной надписью, ограничиваясь, самое большее, именемъ сидящей богини. Текстъ 59 главы „Книги мертвыхъ“ гласить: „о смоковница богини Нутъ! дай мнѣ воды и дуновенія, которое у тебя“. Одна луврская ваза сообщаетъ отвѣтъ богини на это воззваніе ¹⁾: „Прими возліяніе моихъ обѣихъ рукъ! Я—мать твою; я несу тебѣ вазы съ обиліемъ воды, чтобы освѣжить твое сердце; вдохни дуновеніе, исходящее отъ меня, да живетъ этимъ твоя плоть. Я даю воду всякому покойнику, я даю дыханіе бездыханнымъ. Я съ тобою и соединяю съ тобой твою душу, такъ что она никогда не разлучится съ тобой“.

Подобнымъ же образомъ въ 152 главѣ „Книги мертвыхъ“ призывается смоковница, владычица яствъ Озириса:

„О смоковница Нутъ, освѣжающая вождя западныхъ ²⁾. Возложи руки твои на члены его, защити его отъ зноя, дай прохладу Озирису (имя рекъ) подъ тѣнью, дающей дуновеніе сѣвернаго вѣтра для того, чье сердце не бьется въ его вѣчной обители“.

Итакъ, въ канонической книгѣ дерево названо „смоковницей Нутъ“; очевидно, другія богини замѣшались сюда впоследствии путемъ характеристичнаго для этой эпохи религіознаго синкретизма и сопоставленія ³⁾. Роль богини съ ея деревомъ, какъ видно изъ луврскаго текста—воскрешать покойниковъ, соединяя тѣло съ душой, и подкрѣплять ихъ. Если мы снова обратимся къ древности пирамидъ, то здѣсь мы сразу замѣтимъ, что Нутъ принадлежала большая роль въ загробной Одиссеѣ покойника. Уже въ самой первой стихирѣ ⁴⁾, служащей введеніемъ, мы встрѣчаемся съ нею. Послѣ того, какъ съ покойникомъ соединились всѣ составныя части его организаціи и онъ сдѣлался новымъ Озирисомъ, послѣ того, какъ его признали и ему поклонились его сестры Изида и Нефтида, онъ проходитъ по владѣніямъ бога Сіу ⁵⁾ предъ „своею матерью Нутъ“ ⁶⁾. Далѣе текстъ продолжаетъ: „она беретъ

¹⁾ Считаю долгомъ замѣтить, что переводъ оставляю на отвѣтственности Лепажъ-Репуфа, помѣстившаго его въ „Тгапвастіопъ“, VIII, none сообщавшаго, гдѣ найти текстъ.

²⁾ Хентиementiу—богъ, сопоставленный съ Озирисомъ; „вождь западныхъ“ = начальникъ покойниковъ. ³⁾ Впрочемъ, въ одной главѣ упоминается „смоковница владычицы Гаторъ“. Но этотъ текстъ сохранился, по странной случайности, въ позднѣйшей редакціи, когда культъ этой богини былъ особенно распространенъ и, притомъ, по отношенію къ загробному міру. Этотъ текстъ (гл. 52 по изд. Лепсіуса) интересенъ и потому, что заключаетъ въ себѣ древнѣйшія представленія о позорной пищѣ грѣшниковъ, о которой мы читаемъ еще въ пирамидѣ Унаса 286 сл. Да и смоковница является здѣсь на своемъ настоящемъ мѣстѣ, какъ замѣна этой позорной пищи и завидный удѣлъ праведныхъ. Къ сожалѣнію, текстъ, въ виду его крайней испорченности труденъ для пониманія. Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ частямъ „Книги мертвыхъ“ и представляетъ первую фазу этой интересной комбинаціи; замѣтимъ также, что богиня въ немъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а ея помощь испрашивается покойнымъ у боговъ. ⁴⁾ Пепи I, 1—21=Мерепра, 1—23. ⁵⁾ Впоследствии сопоставленъ съ Тотомъ. ⁶⁾ Ср. луврскій текстъ.

твою руку и даетъ тебѣ путь къ твоему горизонту, къ мѣсту, гдѣ находится Ра; отверсты для тебя враты неба, открыты для тебя двери „Прохлажденія“; ты находишь Ра стоящимъ... Онъ беретъ твою руку, ведетъ тебя въ „двѣ часовни“ и сажитъ тебя на престолѣ Озириса“. Итакъ, уже отсюда видна посредствующая роль Нутъ: какъ мать Озириса, она должна была принять попеченіе о своемъ сынѣ, оставшемся безпомощнымъ. Нѣсколько ниже ¹⁾ приводится цѣлый гимнъ богинѣ, въ которомъ, не смотря на трудную для пониманія игру словъ эпитетамъ ея, можно видѣть молитву о томъ, чтобы Нутъ „великая соединительница“ собрала составныя части новаго Озириса, превратила его въ звѣзду и не допускала удалиться отъ себя. Еще яснѣе видна роль Нутъ изъ другого текста ²⁾, въ которомъ описывается, какъ богиня, послѣ того, какъ для покойнаго открылись врата неба, кормитъ его грудью, поднимаетъ на небо и ставитъ предъ „двумя часовнями“; отсюда онъ спускается на корабль и начинаетъ свою загробную Одиссею къ елисейскимъ полямъ. Въ томъ, что мать Озириса и, къ тому же богиня неба—покровительница невѣдомаго міра, по которому приходится блуждать покойнику до назначенныхъ для него острововъ блаженства, помѣщавшихся на звѣздахъ сѣверной части неба, приняла на себя роль облегчать своему сыну первые шаги въ этомъ мірѣ, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, но не можетъ не броситься въ глаза, что благотѣльная помощь богини всегда проявляется непосредственно, тогда какъ въ „Книгѣ мертвыхъ“ она связана съ смоковницей. Я думаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ примѣромъ попытокъ согласить представленія, унаслѣдованныя отъ глубокой, обще-семитической, азіатской древности съ выработавшимися на египетской почвѣ. Въ раю не оказалось мѣста для древа жизни; его помѣстили у входа въ рай. Покойникъ, попавшій въ новыя условія и видящій предъ собою длинный и трудный путь, встрѣчаетъ на первыхъ своихъ шагахъ благотѣльное древо съ сидищей на немъ своей матерью. Онъ отдыхаетъ подъ ея тѣнью, освѣжается дуновеніемъ и вкушаетъ отъ небесной пищи, которая заставляетъ его разорвать съ земнымъ и превращаетъ въ подданнаго боговъ. По мнѣнію Масперо ³⁾, этому представленію содѣйствовала также природа Египта. Отъ Дашура до Гизе, на границѣ съ пустыней, тянется рядъ смоковницъ, давшихъ этой мѣстности имя „округа сикоморъ“, а богинѣ Гаторъ въ Мемфисѣ — владычицы южной смоковницы. Будучи расположены у самаго входа въ бесплод-

¹⁾ Пепи I, 61—65 = Мер., 82—88. ²⁾ Пепи I, 601 сл. ³⁾ La mythologie égyptienne вѣ „Bibliothèque Egyptologique“, II, p. 224 сл.

ную область, вдали отъ Нила и, тѣмъ не менѣе, отличаясь пышной зеленью, эти смоковницы невольно поражали религіозно-настроеннаго египтянина и заставляли его видѣть въ нихъ особенное присутствіе божественной силы, а то обстоятельство, что онѣ произрастали на границѣ западной пустыни, могло въ значительной степени содѣйствовать соединенію съ ними представленія о Нутъ, облегчающей первые шаги покойнику, отправляющемуся въ западное Аменти. Правдоподобность этого мнѣнія, конечно, трудно оспаривать, тѣмъ болѣе, что Масперо поддѣрживаетъ его ссылками на культъ этихъ смоковницъ со стороны современныхъ египтянъ-мусульманъ и на слѣды подобнаго же культа у ихъ древнихъ предковъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь мы имѣемъ примѣръ примѣненія эсхатологическихъ представлений къ природѣ страны и попытки соглашенія древнѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній съ новѣйшими. Слѣдуетъ замѣтить, что Нутъ съ ея смоковницей принадлежитъ къ предметамъ, наиболѣе популярнымъ въ Египтѣ, и что она даже, кажется, пережила самоѣ себя. По крайней мѣрѣ, въ одномъ заупокойномъ папирусѣ изъ греко-римскаго періода, изданномъ Видеманомъ ¹⁾, изображеніе это является иллюстраціей къ совершенно несоотвѣтствующему тексту, озаглавленному: „Глава о питіи воды въ преисподней“. Покойникъ жалуется на то, что вода въ подземномъ царствѣ—пламя, не утоляющее жажды, и проситъ боговъ обратить на это вниманіе и напоить его, но о богинѣ Нутъ—ни слова. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новыми дальнѣйшими приспособленіями и съ новой фазой въ развитіи представлений о загробной жизни—вспомнимъ только, какую роль играетъ адское пламя въ коптской апокрифической литературѣ—, но вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія.

Остается замѣтить, что, помимо „Книги мертвыхъ“ и загробнаго міра, египтянамъ вообще были не чужды вѣрованія о деревьяхъ, какъ носителяхъ божественной силы. Если они представляли себѣ птицу Фениксъ—душу Озириса, сидящей на тамарискѣ, осѣняющемъ саркофагъ этого бога ²⁾, Гора-кобчикъ—на персеѣ ³⁾ и Тота-ибиса „въ тѣни кустарника“ ⁴⁾, то это еще мало доказываетъ, такъ какъ птицу всего естественнѣе представлять сидящей на деревѣ; важнѣе представленіе о Вепуатѣ, „вышедшемъ изъ дерева Исертъ“ ⁵⁾, о змѣѣ съ (рогами) солнечнымъ дискомъ на головѣ, выползающей изъ-подъ ствола тамариска, осѣняющаго саркофагъ и чествуемаго возліянiami со стороны

¹⁾ Hieratische Texte aus Berlin und Paris, t. II. ²⁾ Wilkinson III, 349. Erman, Aegypten II, 368. Ср., впрочемъ, Plut. de Iside et Osiri de 20. ³⁾ Naville, Mythe d'Horus 20. ⁴⁾ Меренра 783. ⁵⁾ Унасъ 186.

жрецовъ Озириса ¹⁾ (изображеніе, относящееся къ мистеріямъ Озириса въ Филѣ), и мн. др.

Въ заключеніе замѣчу, что выраженіе „древо жизни“ встрѣчается не особенно рѣдко и въ новой египетской литературѣ, по здѣсь настоящее значеніе его, кажется, было совершенно забыто. Если самый предметъ изъ центра рая былъ перенесенъ на начало пути къ нему, то названіе его было сведено съ неба на землю. Въ гимнахъ въ честь солнечныхъ боговъ оно употребляется для обозначенія деревьевъ, служащихъ пищей людямъ на землѣ. Такъ, въ извѣстномъ Булакскомъ гимнѣ Аммону ²⁾ богъ называется „создающимъ траву скотамъ и древо жизни на пищу человѣкамъ“. Берлинскіе гимны временъ Тахелота говорятъ о богѣ Ра, что „изъ его устъ выходятъ рѣки и зелѣетъ древо жизни“ ³⁾ и далѣе, что онъ „зелепитъ древо жизни, производитъ приносимые имъ плоды“ ⁴⁾. Въ другихъ текстахъ Нилъ названъ „простирающимъ поля съ дровомъ жизни“ ⁵⁾, а Озирисъ, производящимъ сѣверный вѣтеръ, наводненіе и деревья жизни. Многія подобныя мѣста были извѣстны уже давно, и переводъ ихъ ставилъ въ нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ буквальный не годился для обозначенія обыкновенныхъ земныхъ деревьевъ. Теперь знакомство съ текстами пирамидъ разрѣшило недоумѣніе, подобно тому, какъ оно объяснило уже не мало другихъ темныхъ вопросовъ въ разныхъ областяхъ египтологіи. Въ грамматикѣ и словарѣ оно доказало большую, чѣмъ думали, связь Египта съ семитической Азіей; въ нашемъ вопросѣ мы могли видѣть, что такая же связь существуетъ и въ религіозномъ отношеніи, и что египтяне и здѣсь пошли затѣмъ своимъ путемъ, который значительно видоизмѣнили, но не изгладилъ первоначальныхъ представленій.

¹⁾ Wilkinson III, 350. ²⁾ Pap. Bu'laq, 17, 6, 3. ³⁾ L. D. VI, 118, 39. ⁴⁾ Ibid., 119, 58, ср. Leemans, Papyri I, 347, 7--9. ⁵⁾ Dümichen, Hist. Inschr. II, 53. Temp. Inschr. 81.

КЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНІЯ ПОСЛѢ-КЛИСѢЕНОВСКИХЪ ФИЛЪ.

С. Жебелева.

Недавнія изслѣдованія Р. Х. Лёпера и Мильхгёфера, посвященныя аттическому димовѣдѣнію, выяснили многіе вопросы касательно территоріальнаго строя древней Атики. Результаты этихъ изслѣдованій имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, устройство клисѣеновскихъ филъ. Миѣ казалось не излишнимъ пересмотрѣть, на основаніи имѣющагося, въ настоящее время, матеріала, вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя, съ теченіемъ времени, испытало клисѣеново устройство. Пересмотръ этого вопроса можетъ быть названъ, своевременнымъ, отчасти, потому, что изслѣдованіе Диттенбергера „*Untersuchungen über die nach Kleisthenes neu errichteten Phylen*“, имѣвшее въ виду составъ филъ Птолеманды, Атталиды и Адрианиды, появилось двадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не было полнаго свода аттическихъ надписей ¹⁾; отчасти, потому, что результаты, добытые Кирхнеромъ въ его недавней статьѣ: „*Die Zusammensetzung der Phylen Antigonis und Demetrias*“ не могутъ считаться безусловно правильными ²⁾.

Извѣстно, что къ десяти клисѣеновскимъ филамъ были прибавлены въ 30⁷/₆ году двѣ новыя, Антигониды и Димитриады. Онѣ заняли два первыхъ мѣста въ официальномъ порядкѣ расположенія аттическихъ филъ и продолжали существовать до конца III вѣка, такъ что, одно время, число филъ, наряду съ вновь образованною Птолемандою, дошло до тринадцати ³⁾. Для македонскихъ филъ не было образовано ни одного новаго дима. Аѳиняне ограничились перенесеніемъ

¹⁾ Hermes IX (1875), p. 385 сл.

²⁾ Rhein. Museum für Philologie XLVII (1892), p. 550 сл. Ср. отзывъ о работѣ Кирхнера Р. Х. Лёпера въ Ath. Mitt. XVII (1892), p. 407³.

³⁾ Подробности у В. А. Шеффера, Аѳинское гражданство и народное собраніе, Москва, 1891, стр. 440 сл.

въ новыя филоны нѣкоторыхъ димовъ, принадлежавшихъ прежде старымъ филамъ.

Сопоставляю тѣ немногочисленные документы, въ которыхъ упоминаются тѣ или другіе димы македонскихъ филъ (цифра въ скобкахъ указываетъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, на число представителей дима).

Ath. Mitt. IV (1879), p. 324, эфивическій списокъ 30⁵/₄ г. (списокъ очень поврежденъ; выписано то, что сохранилось въ столбцахъ, записанныхъ македонскими филами):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητριάδος]
[Παι]ανειῖς (3)	Ευπε(ταιών) (1).
[Γαρ]γήτ[τι]οι (2).	

CIA II 324, эфивическій списокъ года Полиевкта архонта (ок. 277, ср. А. Н. Щукаревъ, Исслѣдованія въ области каталога афинскихъ архонтовъ III в. до Р. Х., Спб., 1889, стр. 155 сл.):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητριάδος]
Γα[ργήττιοι] (2)	Ἐκ Κ[ο]ί[λη]ς (2)
Λ[αμπρεύς] (1)	Κοθ[ωκί]δ(ης) (1)
	Ευπε[α]ίων (1)
	Ἴπποτο[μά]δ(ης) (2).

CIA II 316, эфивическій списокъ года Менекла архонта (современникъ Хремонидовской войны, ср. А. Н. Щукаревъ, ук. соч., стр. 168):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητριάδος]
Αἰθαλίδαι (1) (ср. CIA II 336)	Μελιτεῖς (1)
Εἰτεᾶῖοι (1)	[ἐ]κ Κοίλης (1)
Κυδαθηναεῖς (1).	

CIA II 335, почетное постановление въ честь ситоновъ (по Келеру titulus... ad tempora belli Chremonidei... referendus):

Ἀντιγονίδος	Δημητριάδος
Λαμπρεύς	[Μελιτε]ύς, ср. CIA II 335.

Ἀθήναιον VI, p. 271 сл. = Δελт. ἀρχαιολ. 1892, p. 55, почетное постановление въ честь Тимосеена, года Иліодора архонта (по Лоллингу, Δελт. ἀρχαιοл. 1892, p. 55 — незадолго до 219 г.; но это не вѣрно: документъ несомнѣнно изъ эпохи существованія 12-ти, а не 13-ти филъ, слѣдовательно, до 225 г. о чемъ см. ниже).

Заголовокъ: Ἐπὶ Ἰλιόδωρου ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Πανδιονίδος ὑγδότης προπτανείας, ἥ Χαρίας Καλλίου Ἀθμονεὺς ἐγραμμ[άτε]υεν, δῆμου ψηφίσματα Ἀνθεστηριῶνος ἐ[ν]ει καὶ νέα, ἐνάτει καὶ εἰκοστῇ τῆς προπτανείας ἐκκλησία τῶν

προέδρων ἐπεψήφισεν Ἀγνός[0]εος Φίλογ[έ]νου Ἀγρολῆθεν (I)¹⁾ καὶ [σ]υνπρόεδροι Δαμπ[ρ]ίας [Θ]οραιεύς (II), Ἰέρων Ἀ[ν]αγυ[ρά]σιος (III), Καλλιμήδης Κυδαντίδης (IV), Νικο[χ]λείδης Φρεάρριος (VI), Διοκλῆς Προ[σ]π[ά]λτιος (VII), Ἀπο[λλ]όδοτος Ὀῆθεν (VIII), Καλλίστρατος Συπαλήττιος (IX), Λεω[ν]ίδης Κόπρειος (X), Σωφάνης Τριχορύσιος (XI), Παλληνεύς (XII), etc.

Полученные на основаніи этихъ документовъ димы выписываю въ алфавитномъ порядкѣ:

1) Ἀγρολή, димъ Антигониды. Изъ вышеприведеннаго списка проэдровъ года архонта Иліодора, видно, что димы Ἀγρολή и Θοραί принадлежали македонскимъ филамъ: въ этомъ списокѣ проэдры поименованы въ официальномъ порядкѣ расположенія аттическихъ филѢ. Такъ какъ димъ Θοραί долженъ быть относимъ къ ДимитріадѢ (см. ниже), то, слѣдовательно, Ἀγρολή отнесена была къ АнтигонидѢ. Но АнтигонидѢ принадлежала только одна изъ АгрилѢ, верхняя или нижняя; другая оставалась въ прежней своей филѢ ЭрехоидѢ: ср. CIA II 338, гдѣ въ списокѣ эфивовъ Эрехоиды названъ . . . [Φ]αλά[νθ]ου? Ἀγρολῆθεν.

2) Αἰθαλίδαи, димъ Антигониды. Въ эпоху 10-ти филѢ Эфалиды — димъ Леонтиды²⁾. Послѣ уничтоженія македонскихъ филѢ, Αἰθαλίδαи возвращены въ прежнюю филу: CIA II 446, 46. 470 и пр.

3) Γαργηττός, димъ Антигониды, принадлежавшій прежде ЭгидѢ и послѣ 200 г. отошедшій къ ней же, ср. CIA II 465. 467. 470 и пр.

4) Εἰτεά, димъ Антигониды. Димъ Εἰτεά встрѣчается въ двухъ клисѢеновыхъ филлахъ: АкамантидѢ и АнтиохидѢ. Какая изъ этихъ филѢ отдала Итею въ Антигониду?

Исслѣдователи аттическихъ димовъ обходятъ важный и интересный вопросъ — касательно *истории* возникновенія аттическихъ димовъ. Правда, данныхъ для рѣшенія этого вопроса не много, но и изъ скудныхъ указаній можно было, казалось бы, что-нибудь извлечь. Мы не знаемъ, сколько димовъ было во время КлисѢена³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что „возрастаніе числа димовъ шло постепенно

¹⁾ Римскою цифрою въ скобкахъ, какъ здѣсь, такъ и далѣе, указанъ официальный порядкъ расположенія филѢ, бывшій въ то или другое время.

²⁾ Кирхнеръ, ук. ст., стр. 550 замѣчаетъ относительно дима Αἰθαλίδαи: während derselben Zeit (III v.)—der Leontis angehörig. Это неосновательно. Кирхнеръ указываетъ на надпись CIA II 1291 (года Никія Отринейца), гдѣ сказано: ὁ δῆμος ἐ[χ]ορήγ[ει], Νικίας ἡρχε· ἀγωνοθέ[της] Γλαύκ[ω]ν[υ] Ε[τ]ε[ο]κλέους Αἰθαλίδης Λεωντίς [ἀν]δρῶν ἐνία и т. д. Надпись ни мало не доказываетъ, что агонотея былъ изъ Леонтиды: со времени Димитрія Фалирскаго агонотеи были представителями не отдѣльныхъ филѢ, а цѣлаго народа, ср. П. В. Никитинъ, Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній, Спб., 1882, стр. 76.

³⁾ Ср. Р. Х. Лёперъ, Ж. М. Н. П. 1891, ноябрь, стр. 63 сл., декабрь, стр. 68.

и было результатомъ естественныхъ причинъ“¹⁾. Не время и не мѣсто записывать здѣсь этимъ дѣломъ. Въ частности, относительно интересующаго насъ, въ данномъ случаѣ, дѣла Итеи дѣло обстоитъ такъ: существованіе Итеи въ Антиохидѣ несомнѣнно засвидѣтельствовано надписями IV в.: CIA II 869. 944. Была-ли Итея въ Акамантидѣ уже въ IV в., не извѣстно (до насъ не дошло ни одного списка притаповъ Акамантиды за IV в., ср. Loeper, *Ath. Mitt.* XVII, p. 400; въ списокъ діэтитовъ 32⁵/₄ г., CIA II 943, въ числѣ димовъ Акамантиды Итея не встрѣчается, но въ этомъ списокѣ поименованы далеко не всѣ димы каждой филы). Что Итея Акамантиды существовала во второй половинѣ III вѣка (или вообще въ III в.), это несомнѣнно. Въ списокѣ архонтовъ CIA II 859, къ которому мнѣ часто еще придется обращаться, подъ 6-мъ годомъ (первый архонтъ Антифилъ, котораго я отношу къ 224 г.) поименованы архонты изъ слѣдующихъ димовъ:

Первый архонтъ: Ἀφιδν(αῖος) (VII Птолемаида)

Царь: Ἰπποτομάδης (II)

Полемархъ: Εἰτε(αῖος) (?)

Θεσμοεῖται: Γαργήτι(ος) (I)

Περγασ(ῆθεν) (III)

Ἀθμονε(ύς) (X)

Κήτι(ος) (VI)

Π[αῖα(νεύς)] (V)

.

Мы знаемъ, что въ IV в. каждая фила давала по одному архонту²⁾. Нѣтъ основанія предполагать, что въ послѣдствіи порядокъ этотъ измѣнился, хотя въ очень немногихъ случаяхъ (см. ниже) и есть нарушенія его. Если допустить, что въ нашемъ списокѣ полемархъ Итеецъ принадлежалъ Антигонидѣ, то выходитъ, что эта фила дала два представителя въ коллегію архонтовъ: первый ѳесмоеетъ, Гургитіецъ, несомнѣнно, происходитъ изъ Антигониды. Итакъ проще пред-

¹⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 399. На стр. 396 авторъ замѣчаетъ: «мотивы для такой мѣры (увеличеніе числа димовъ), конечно, могли быть самые разнообразныя, но если мы не ошибемся, главнымъ стимуломъ при этомъ былъ сильно развитой эллинскій партикуляризмъ: самая маленькая община стремилась къ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, въ муниципальной автономіи». Но и помимо «партикуляризма», постепенный приростъ населенія могъ служить главнымъ поводомъ къ образованію новыхъ димовъ.

²⁾ Aristot. *Полит.* Ἀθην. 55 Blass: [νῦν] δὲ κληροῦσιν θεσμοθέτας μὲν ἐξ καὶ γραμματεῖς τοῦτοισι, ἐπὶ δ' ἄρχοντας καὶ βασιλεῖς καὶ πολέμαρχον, κατὰ μέρος ἐξ ἐκάστης <τῆς> φυλῆς. Ср. В. М. А. К. л. а. к. о. в. ѣ, Избраніе жребіемъ въ аѳинскомъ государствѣ («Исслѣдованія по греческой исторіи»), Москва, 1894, стр. 31 сл. и замѣтку Ф. Г. Мищенко въ *Ж. М. Н. П.* 1895, январь, стр. 16 сл., отд. класс. фил.

положить, что въ годъ нашего списка существовали уже двѣ Итея. Спрашивается, которая изъ этихъ двухъ филъ отдала въ 30⁷/₆ г. свой димъ въ Антигониду? Оставаясь на почвѣ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, скорѣе можно считать, что Итея Антигониды взята была изъ Антиохиды; существованіе Итея Акамантиды въ IV в. (или ранѣе) станетъ несомнѣннымъ только тогда, когда этому будетъ найдено документальное подтвержденіе ¹⁾. Но очень можетъ быть, что Итея Акамантиды создается только въ III в., въ связи съ учрежденіемъ новыхъ филъ и съ перетасовкою аттическихъ димовъ ²⁾.

Что касается Итея Антигониды, то, за уничтоженіемъ македонскихъ филъ, мы находимъ ее опять въ Антиохидѣ: CIA II 465. 467. III 1093. 1160.

5) *Θοραί*, димъ Димитріады, какъ показалъ и Кирхнеръ (ук. ст., стр. 552). Въ эпоху 10-ти филъ димъ *Θοραί* принадлежалъ Антиохидѣ, куда отошелъ и послѣ уничтоженія македонскихъ филъ: CIA II 469 470. 481. III 1120. 1163.

6) *Ἰπποτομάδα*, димъ Димитріады, взята изъ Иниды, гдѣ находился и послѣ 200 г.: CIA III 1124, ср. 1042.

7) *Κοῶνιδα*, димъ Димитріады, изъ Иниды, гдѣ мы его видимъ и послѣ 200 г.: CIA II 467. 469. III 1114.

8) *Κολλή*, димъ Димитріады. Какъ въ IV в., такъ и послѣ 200 г. мы встрѣчаемъ его въ Иппоонтидѣ: CIA II 465. 467. 469. 470. III 1092. 1133. 1142. 1160.

9) *Κοδαθήναιον*, димъ Антигониды, взята изъ Пандіониды, въ ней же и послѣ 200 г.: CIA II 465. 469. 470 и пр.

10) *Λαμπτραί*, димъ Антигониды. Въ эпоху 10-ти филъ Ламптры принадлежали Эрехоидѣ и дѣлились на „верхнія“ и „нижнія“. Одинъ изъ нихъ и перешелъ въ Антигониду, другой же оставался въ III в. въ Эрехоидѣ: въ CIA II 324, въ числѣ эфивовъ Эрехоиды значится: *Ἀνδροκλῆς Νεοκλέου Λα[μπτρ]εύς*. По уничтоженіи Антигониды, обѣ *Λαμπτραί* возвращены Эрехоидѣ: CIA II 991, ср. 465. 467 и пр.

¹⁾ Во время составленія списка димовъ CIA II 991 Итея Акамантиды существуетъ несомнѣнно, такъ какъ она названа въ числѣ димовъ этой филы. Для II в. принадлежность Итея Акамантидѣ засвидѣтельствована CIA II 956. 957. 470, для I в. — CIA II 481. Въ надписяхъ императорской эпохи упоминанія объ Итеѣ Акамантиды не встрѣчаются; при образованіи Адрианиды Итея изъ Акамантиды перешла въ новую филу.

²⁾ Ср. Milchhoefer, *Ath. Mitt.* XVIII (1893), p. 232. Замѣчаніе Диттенбергерера, *Hermes* IX, p. 394, что «die Auflösung dieser Phylen (Ант. и Дим.) scheint dann Veranlassung zur Theilung des Demos gewesen zu sein, indem ein Theil derselben seinem alten Stammverbande zurückgegeben, ein anderer, und zwar wie es scheint der zahlreichere, in die Akamantis versetzt würde» теряетъ свое значеніе послѣ того, что сказано объ одноименныхъ димахъ Р. Х. Лёперомъ. *Ath. Mitt.* XVII, 323 сл.

11) Μελίτη, димъ Димитριάды. Взятый въ Димитριάду изъ Кекропиды, димъ этотъ, по уничтоженіи македонскихъ филъ, отошелъ въ прежнюю филу (СІА II 465. 469. 470. 481. 482) и оставался въ ней въ императорскую эпоху, будучи однимъ изъ населеннѣйшихъ димовъ Аттики.

12) Εοπετή, димъ Димитριάды, изъ Кекрониды. Послѣ 200 г. принадлежалъ ей же: СІА II 467. 469. 470; вѣроятно, въ ней оставался и въ вѣкъ имперіи, хотя нѣтъ надписей, доподлинно свидѣтельствующихъ объ этомъ; вообще мало попадаетъ аѳинянь изъ этого малонаселеннаго, очевидно, дима.

13) Παиρία, димъ Антигониды, взятъ изъ Пандіониды. Въ IV в. были двѣ Пеапіи: верхняя и нижняя. Опять-таки, только одна изъ нихъ принадлежала Антигонидѣ, а другая оставалась въ Пандіонидѣ, ср. СІА II 330. 335. 338. Послѣ 200 г. Παиρία упоминается опять въ Пандіонидѣ: СІА 465. 467. 469 и пр.

14) Къ Димитριάдѣ надо отнести димъ Ἀγροῦς, на основаніи свидѣтельства Стефана Византійскаго: Ἀγροῦς· ὁῦμος ἐν τῇ Ἀττικῇ τῆς Δημητριάδος φυλῆς. Τινὲς δὲ τῆς Ἀχαμαντίδος ἤ, ὡς Φρόνυχος, τῆς Ἀτταλίδος ¹⁾). Такъ какъ данныя Стефана Византійскаго касательно аттическихъ димовъ, въ большинствѣ случаевъ, подтверждаются надписями, то можемъ-ли мы отвергать его показаніе касательно принадлежности Агнунта Димитριάдѣ? Такъ поступилъ въ свое время Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 410). Это показаніе Стефана „ganz vereinzelt dasteht und jedenfalls aus einer andern Quelle stammt als die sonstigen“. Диттенбергеръ обошелся такъ круто съ этимъ свидѣтельствомъ Стефана потому, что онъ, когда писалъ свою статью, хотѣлъ доказать, будто ни одинъ изъ димовъ, принадлежавшихъ македонскимъ филамъ, не попалъ ни въ Птолеманду, ни въ Атталиду (ук. ст., стр. 398). Для Птолеманды это правильно, для Атталиды же, какъ увидимъ ниже, нѣтъ. Тѣмъ удивительнѣе, что Мильхгёферъ (Pauly-Wissowa, R. E. I 834) все еще, по видимому, склоненъ заподозривать вѣрность сообщенія Стефана Византійскаго.

Кромѣ перечисленныхъ мною 14 димовъ, Кирхнеръ отнесъ еще три дима къ Антигонидѣ: Ἰκαρία, Δειράδες; и Ἀμφιτροπή, и два къ Димитριάдѣ: Ἀτήνη и Ἀνακλία. Но выводы Кирхнера не могутъ быть приняты въ совокупности. Бѣда вся въ томъ, что Кирхнеръ хочетъ доказать слѣдующаго рода положеніе: при образованіи Антигониды и Димитριάды

¹⁾ О произношеніи Ἀγροῦς, а не Ἀγροῦς, ср. Milchhoefer, Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie I 834.

соблюдена была извѣстная симметрія; она выразилась, якобы, въ томъ, что для македонскихъ филъ взято было по парѣ димовъ изъ первыхъ восьми клисѣеновыхъ филъ и четыре дима, по два для Антигоныды и Димитріады, изъ Антиохида¹⁾.

Погоня за этой симметрией отвлекла, между прочимъ, вниманіе Кирхнера отъ любопытной для насъ надписи CIA II 329, датированной годомъ архонта, слѣдующаго за Еввуломъ²⁾.

Содержаніе документа Кёлеръ, основываясь на толкованіи Бёка, опредѣляетъ такъ: „in parte superiore lapidis perscriptum fuit populiscitum exeunte prytania Aegeidis tribus in honorem prytanum huius tribus factum. Supersunt duo decreta senatus, quorum alterum (vs. 1—9) et ipsum exeunte prytania Aegeidis ex renuntiatione prytanum in honorem magistratum prytanum et senatus factum erat, alterum (vs. 10—18) anno exeunte prytania duodecima in honorem quaestoris senatus, qui fuit tribus Aegeidis... Subscriptus est laterculus prytanum Aegeidis tribus“. Въ этомъ „laterculus“ поименованы пританы слѣдующихъ димовъ Эгиды: Ἀρχὼλη, Θεοράσιοι, Ἐρχία, Ὀτρυνή, Ἀλαί, Κολλυτός, Φηγαία, Φιλαῖδοι, Ἴωνίδαи, Πλώθεια, Κολωνός, Ἐπτιάα, Κουαντίδοι, Ἐρίχεια, Ἀραφή, Μυρρινοῦττα. Недостаетъ притановъ 4-хъ димовъ: Βατή, Γαργηττός, Διόμεια, Ἰκαρία. Кромѣ того, подъ сомнѣніемъ остается, надо-ли понимать подъ Ἀρχω[λ]εῖς (названъ всего одинъ пританъ) весь димъ Ἀρχὼλη, и „верхній“ и „нижній“, или только одинъ изъ нихъ. Отсутствие въ спискѣ дима Γαργηττός понятно: онъ отошелъ, какъ мы видѣли выше, при образованіи македонскихъ филъ, въ Антигоныду. Кирхнеръ отнесъ съ полныи правомъ и димъ Ἰκαρία къ Антигонидѣ (ук. ст., стр. 552 сл.). Если признать вѣрнымъ существованіе Икарии и Гаргитта въ македонскихъ филахъ, то почему не допускать и того, что димы Βατή и Διόμεια, не упомянутые въ CIA II 329, также отошли къ македонскимъ филамъ³⁾? Не кажется-ли страннымъ опущеніе какъ разъ только трехъ димовъ: Ἰκαρία, Βατή и Διόμεια, въ надписи,

¹⁾ Для полной симметрии, Кирхнеру пришлось предположить, что одинъ димъ, названіе котораго ему неизвѣстно, былъ взятъ для Димитріады изъ Акамантиды (ук. ст., стр. 557¹⁾).

²⁾ По А. Н. Щукареву, Исследования и пр., стр. 170 сл., Еввулъ, архонтъ современникъ Хромонидовской войны.

³⁾ Попытка Р. Х. Лёпера, Ж. М. Н. П. 1893, мартъ, стр. 118, замѣнить чтеніе 33 строки надписи Β[α]τεῖς вмѣсто предложеннаго нѣмецкими издателями Φηγαῖεῖς, мнѣ кажется, напрасна: 1) какъ ни плоха пококова копія CIA II 329, все же изъ читаю щагося на ней ΦΛΥΑΤΕΙΣ легче получить ΦΗΓΑΙΕΙΣ, нежели ΒΑΤΕΙΣ; 2) въ спискѣ эфивовъ Эгиды CIA II 338 находимъ вѣкоего: Πολύεχτος Ἀ - - - τος Φηγαῖεύς, который былъ, можетъ быть, сыномъ притана CIA II 329 Ἀντιφών Πολυε[ύ]κτου; 3) измѣненіе чтенія все же не спасаетъ путаницы въ расположеніи димовъ въ этой надписи: путаница и, по словамъ Р. Х. Лёпера, «очевидна».

СВОРНИКЪ.

представляющей почетное постановление въ честь всѣхъ, надо полагать, притановъ Эгиды?

Въ двухъ сохранившихся до насъ спискахъ притановъ Эгиды отъ IV в. (СИА II 864. 872) поименованы пританы всѣхъ димовъ, входившихъ въ составъ Эгиды. Итакъ, мнѣ кажется, единственная возможность объяснить отсутствіе притановъ димовъ Βατή, Διόμεια и Ίχαρία въ СИА II 329 заключается въ томъ, что и эти димы, подобно Гаргитту, отошли къ македонскимъ филамъ. Не смѣю утверждать, что и одна изъ Анкилъ принадлежала македонскимъ филамъ. Но такое предположеніе заманчиво потому, что димы Παiana, Λαμπραί и Ἀγρολή, дѣлившіеся на „верхній“ и „нижній“, были, какъ мы видѣли, подѣлены между старою филою и одною изъ македонскихъ ¹⁾).

Замѣчу, что надписи, относящіяся къ эпохѣ македонскихъ филъ, ничего не говорятъ противъ отнесенія къ македонскимъ филамъ намѣченныхъ мною димовъ. Напротивъ, что Діомія, напримѣръ, принадлежала одной изъ нихъ, это подтверждается спискомъ архонтовъ СИА II 859. Въ первомъ годѣ этого списка 9 архонтовъ названы изъ слѣдующихъ димовъ: 1) [Δ]ιομ(εεύς) (?), 2) Ἀχα(ρνεύς) (VIII), 3) Πρoσ(πάλτιος) (VII), 4) ἐκ Κολω(νοῦ) (IV), 5) Παiana(εύς) (V), 6) Λευκον(σεύς) (VI), 7) Ἀχεῖ-δούσι(ος) (X), Ῥαμν(ούσιος) (XI), Ἀλωπεκ(ῆθεν) (XII). Димъ Διόμεια, въ эпоху 10-ти филъ, принадлежалъ Эгидѣ; если Діомейца и нашего списка считать за представителя Эгиды, то выходитъ, что эта фила дала двухъ представителей въ коллегію архонтовъ: первый ѳесмоѳетъ происходить ἐκ Κολωνοῦ, дима, несомнѣнно, принадлежавшаго Эгидѣ.

Послѣ уничтоженія македонскихъ филъ, димы Βατή и Διόμεια отошли въ свою прежнюю филу Эгиду: СИА II 991. 465. 471. 482. III 1076. 1123. 1138 и пр. О судьбѣ димовъ Ἀγρολή и Ίχαρία рѣчь будетъ ниже.

Для доказательства принадлежности македонскимъ филамъ остальныхъ изъ намѣченныхъ Кирхнеромъ димовъ, онъ воспользовался наблюденіями Белоха надъ спискомъ архонтовъ СИА 859 ²⁾. Белохъ обратилъ вни-

¹⁾ Разбираемая надпись СИА II 329 представляетъ еще одну любопытную загадку: въ ней названо всего 45 притановъ. «Можетъ быть, 11 филъ», замѣтилъ Р. Х. Дёперъ. Но тогда общее число притановъ было бы 495, да и къ тому же, надпись эта, несомнѣнно, изъ эпохи существованія Антигониды и Димитріады. Число 45, вѣроятно, плодъ плохой копіи Покока. Въ этой копіи встрѣчаются странные пропуски въ перечисленіи притановъ: въ 25 стрк. III столбца одно пустое мѣсто, въ 39 и 40 стрк. I и III столбцовъ опять 4 пустыхъ мѣста; можетъ быть, на этихъ 5 пустыхъ мѣстахъ и стояли имена 5 недостающихъ притановъ.

²⁾ Beloch, Die Errichtung der Phyle Ptolemais. N. Jahrb. f. Philol. 129 (1884), p. 481 сл.

маніе на то, что, за исключеніемъ первыхъ трехъ архонтовъ, поставленныхъ во главѣ каждаго года, шесть остальныхъ—ѳесмоѳеты—расположены въ офиціальному порядкѣ своихъ филѢ. Эта система можетъ быть примѣнена къ слѣдующимъ спискамъ: CIA II 859a7. 17. 27. 37. 47, b6. 16. 26 и, сверхъ того, CIA II 983 I 119. CIA II 863. CIA II 985 A II 7, D II 18, E II 34. Нарушается эта система въ трехъ случаяхъ (противъ 13, гдѣ она соблюдается): CIA II 859 a 56, d 8. CIA II 985 D 20, а также въ спискахъ эпохи императорской: CIA III 1005. 1008. 1012.

Наблюденія Белоха, кажется, имѣютъ свой *raison d'être*. Посмотримъ, насколько они примѣнимы по отношенію къ интересующимъ насъ димамъ. Возьмемъ димъ Ἀτίνη, который Кирхнеръ отнесъ къ Димитріадѣ, а Белохъ относилъ къ Антигонидѣ (N. Jahrb. f. Phil. 129, p. 487 сл.). Подъ 12-мъ годомъ списка (первый архонтъ. . . Ἐρχεὺς) названы ѳесмоѳеты изъ слѣдующихъ димовъ: Ἀτίνεος (?) , [Σ]υβρίδης (III), Ἀγγε(λ)ίδης (V), Ἀφιδναῖος (VI), Πιθεὺς (X), Φαλ[η]ρεὺς (XII). Димъ Ἀτίνη въ IV в. принадлежалъ Антиохидѣ; если и въ данномъ спискѣ CIA II 859 относитъ этотъ димъ къ Антиохидѣ, то система въ расположеніи ѳесмоѳетовъ нарушается. Отсюда весьма вѣроятно, что Атина отошла къ одной изъ македонскихъ филѢ (I или II). Что Атина отошла къ Димитріадѣ слѣдуетъ изъ того же списка CIA II 859: подъ 8-мъ годомъ (первый архонтъ Менекрытъ) названы архонты изъ слѣдующихъ димовъ: 1) Ὀῤ(ев) (V), 2) Συπ(αλ)ήττιος (X), 3) Ἀτίνεος (?), 4) Αἰθαλίδης (I), 5) Ἀνακαίεος (XI) 6) Φιλαῖδης (IV), 7) Κήττιος (VI), 8) Αἰγίλειος (VII), 9) Τριχοῦσιος (XII). Въ этомъ спискѣ первый ѳесмоѳетъ Эвалидець является представителемъ Антигониды; естественно думать, что полемархъ Атинеець принадлежалъ другой филѣ, а этою другою филою, какъ мы видѣли выше, могла быть Димитриада. О судьбѣ Атины послѣ уничтоженія македонскихъ филѢ см. ниже.

Перехожу къ диму Δειράδες, который Кирхнеромъ отнесенъ къ Антигонидѣ. Въ CIA II 859 d 19 первымъ ѳесмоѳетомъ названъ - - - [Δειραδ]ιώτης. На камнѣ читается только ΙΩΤΗ; трудно придумать другое возстановленіе, судя по извѣстнымъ намъ δημοτικά. Грѣздо печальнѣе, что имена остальныхъ пяти ѳесмоѳетовъ не сохранились. Димъ Δειράδες въ IV в. принадлежалъ Леонтидѣ; послѣ 200 г. мы его находимъ тамъ же: CIA II 467. 469. 1049, равно какъ и въ императорскую эпоху: CIA III 1091. Въ эпоху 13-ти филѢ, къ которой относится интересующая насъ часть списка CIA II 859, Леонтида занимала VI-ое мѣсто въ офиціальному

представляющей почетное постановленіе въ честь всѣхъ, надо полагать, притановъ Эгіиды?

Въ двухъ сохранившихся до насъ спискахъ притановъ Эгіиды отъ IV в. (СІА II 864. 872) поименованы пританы всѣхъ димовъ, входившихъ въ составъ Эгіиды. Итакъ, мнѣ кажется, единственная возможность объяснять отсутствіе притановъ димовъ Βατή, Διόμεια и Ίκαρία въ СІА II 329 заключается въ томъ, что и эти димы, подобно Гаргитту, отошли къ македонскимъ филамъ. Не смѣю утверждать, что и одна изъ Апкиль принадлежала македонскимъ филамъ. Но такое предположеніе заманчиво потому, что димы Παiana, Λαμπτραί и Ἀγρολή, дѣлившіеся на „верхній“ и „нижній“, были, какъ мы видѣли, подѣлены между старою филою и одною изъ македонскихъ ¹⁾).

Замѣчу, что надписи, относящіяся къ эпохѣ македонскихъ филъ, ничего не говорятъ противъ отнесенія къ македонскимъ филамъ намѣченныхъ мною димовъ. Напротивъ, что Діомія, напримѣръ, принадлежала одной изъ нихъ, это подтверждается спискомъ архонтовъ СІА II 859. Въ первомъ годѣ этого списка 9 архонтовъ названы изъ слѣдующихъ димовъ: 1) [Δ]ιομ(εεύς) (?), 2) Ἀχα(ρνεύς) (VIII), 3) Προσ(πάλτιος) (VII), 4) ἐκ Κολων(οῦ) (IV), 5) Παiana(ιεύς) (V), 6) Λεονον(σεύς) (VI), 7) Ἀχερδούπι(ος) (X), Ῥαμν(ούσιος) (XI), Ἀλωπεκ(ῆ)θεν (XII). Димъ Διόμεια, въ эпоху 10-ти филъ, принадлежалъ Эгіидѣ; если Діомейца и нашего списка считать за представителя Эгіиды, то выходитъ, что эта фила дала двухъ представителей въ коллегію архонтовъ: первый несомнѣнно происходитъ ἐκ Κολωνοῦ, дима, несомнѣнно, принадлежавшаго Эгіидѣ.

Послѣ уничтоженія македонскихъ филъ, димы Βατή и Διόμεια отошли въ свою прежнюю филу Эгіиду: СІА II 991. 465. 471. 482. III 1076. 1123. 1138 и пр. О судьбѣ димовъ Ἀγρολή и Ίκαρία рѣчь будетъ ниже.

Для доказательства принадлежности македонскимъ филамъ остальныхъ изъ намѣченныхъ Кирхнеромъ димовъ, онъ воспользовался наблюденіями Белоха надъ спискомъ архонтовъ СІА 859 ²⁾. Белохъ обратилъ вни-

¹⁾ Разбираемая надпись СІА II 329 представляетъ еще одну любопытную загадку: въ ней названо всего 45 притановъ. «Можетъ быть, 11 филъ», замѣтилъ Р. Х. Лёперъ. Но тогда общее число притановъ было бы 495, да и къ тому же, надпись эта, несомнѣнно, изъ эпохи существованія Антигониды и Димитріады. Число 45, вѣроятно, плодъ плохой копіи Покока. Въ этой копіи встрѣчаются странные пропуски въ перечисленіи притановъ: въ 25 стрк. III столбца одно пустое мѣсто, въ 39 и 40 стрк. I и III столбцовъ опять 4 пустыхъ мѣста; можетъ быть, на этихъ 5 пустыхъ мѣстахъ и стояли имена 5 недостающихъ притановъ.

²⁾ Beloch, Die Errichtung der Phyle Ptolemais. N. Jahrb. f. Philol. 129 (1884), p. 481 сл.

маніе на то, что, за исключеніемъ первыхъ трехъ архонтовъ, поставленныхъ во главѣ каждаго года, шесть остальныхъ—ѳесмоѳеты—расположены въ официальномъ порядкѣ своихъ филъ. Эта система можетъ быть примѣнена къ слѣдующимъ спискамъ: СІА II 859a7. 17. 27. 37. 47. 56. 16. 26 и, сверхъ того, СІА II 983 I 119. СІА II 863. СІА II 985 A II 7, D II 18, E II 34. Нарушается эта система въ трехъ случаяхъ (противъ 13, гдѣ она соблюдается): СІА II 859 a 56, d 8. СІА II 985 D 20, а также въ спискахъ эпохи императорской: СІА III 1005. 1008. 1012.

Наблюденія Белоха, кажется, имѣютъ свой *raison d'être*. Посмотримъ, насколько они примѣнимы по отношенію къ интересующимъ насъ димамъ. Возьмемъ димъ Ἀτίνη, который Кирхнеръ отнесъ къ Димитріадѣ, а Белохъ относилъ къ Антигонидѣ (N. Jahrb. f. Phil. 129, p. 487 сл.). Подъ 12-мъ годомъ списка (первый архонтъ. . . εἰς Ἐρχιεύς) названы ѳесмоѳеты изъ слѣдующихъ димовъ: Ἀττινέυς (?), [Σ]υβρίδης (?), Ἀγγε(λ)θεν (V), Ἀφιδναῖος (VII), Πιθεύς (X), Φαλ[η]ρεύς (XII). Димъ Ἀτίνη въ IV в. принадлежалъ Антиохидѣ; если и въ данномъ спискѣ СІА II 859 относить этотъ димъ къ Антиохидѣ, то система въ расположеніи ѳесмоѳетовъ нарушается. Отсюда весьма вѣроятно, что Атина отошла къ одной изъ македонскихъ филъ (I или II). Что Атина отошла къ Димитріадѣ слѣдуетъ изъ того же списка СІА II 859: подъ 8-мъ годомъ (первый архонтъ Менекрытъ) названы архонты изъ слѣдующихъ димовъ: 1) Ὀῤῥ(εν) (V), 2) Συπ(αλ)τίτιος (X), 3) Ἀττινέυς (?), 4) Αἰθαλίδης (I), 5) Ἀνακαιεύς (XI) 6) Φιλαῖδ(ης) (IV), 7) Κήτιος (VI), 8) Αἰγυλιεύς (VII), 9) Τριχοῦσι(ος) (XII). Въ этомъ спискѣ первый ѳесмоѳетъ Эвалидець является представителемъ Антигониды; естественно думать, что полемархъ Атинеецъ принадлежалъ другой филѣ, а этою другою филою, какъ мы видѣли выше, могла быть Димитриада. О судьбѣ Атины послѣ уничтоженія македонскихъ филъ см. ниже.

Перехожу къ диму Δειράδες, который Кирхнеромъ отнесенъ къ Антигонидѣ. Въ СІА II 859 d 19 первымъ ѳесмоѳетомъ названъ - - - [Δειραδ]ιώτης (?). На камнѣ читается только ΙΩΤΗ; трудно придумать другое возстановленіе, судя по извѣстнымъ намъ δημοτικά. Грѣздо печальнѣе, что имена остальныхъ пяти ѳесмоѳетовъ не сохранились. Димъ Δειράδες въ IV в. принадлежалъ Леонтидѣ; послѣ 200 г. мы его находимъ тамъ же: СІА II 467. 469. 1049, равно какъ и въ императорскую эпоху: СІА III 1091. Въ эпоху 13-ти филъ, къ которой относится интересующая насъ часть списка СІА II 859, Леонтида занимала VI-ое мѣсто въ официальномъ

*

порядкѣ расположенія филъ. Не нарушая вышеуказанной системы въ расположеніи оесмоетовъ, мы можемъ предполагать, что остальные 5 оесмоетовъ принадлежали къ 5 филамъ изъ слѣдующихъ: VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII. Если исключить изъ этого списка филы XIII (откуда взять первый архонтъ) и XII (откуда взять полемархъ) и имѣть въ виду, что всѣ 9 архонтовъ происходятъ изъ различныхъ филъ, то и въ такомъ случаѣ для 5 оесмоетовъ остаются свободными филы VII—XI, и оесмоетъ изъ филы Δειράδες могъ принадлежать VI филѣ, Леонтидѣ. Но Кирхнеръ (ук. ст., стр. 554 сл.) обратилъ вниманіе, что въ извѣстныхъ намъ спискахъ оесмоетовъ „kein einzige (списокъ) mit der VI Phyle beginnt, auch nicht einmal eine mit der V, vielmehr nehmen ihren Anfang mit der I Phyle 6 Listen, mit der II—4, mit der III—3, mit der IV—1¹). Если согласиться съ этимъ наблюденіемъ, то димъ Δειράδες могъ принадлежать одной изъ македонскихъ филъ.

Принадлежность Димитриадѣ дима Ἀνακκία — подѣ большимъ сомнѣніемъ и, мнѣ думается, этотъ димъ приходится вычеркнуть изъ списка Кирхнера. Кирхнеръ (ук. ст., стр. 556) рассуждаетъ такъ: въ списокѣ оесмоетовъ CIA II 859d₉ порядокъ ихъ расположенія слѣдующій (списокъ приведенъ выше на стр. 19): Антигониды (I), Иппоонтиды (XI), Эгинды (IV), Леонтиды (VI), Птолемииды (VII), Эаптиды (XII). „Die Ordnung wird gestört durch den 2. Thesmotheten, der nach der Regel der 2 oder 3. Phyle angehören müsste. Da wir aber die Ἀνακκίης im 3 Ihd. nicht der dritten Phyle, d. h. der Erechteis zutheilen können, so müssen wir dieselben der zweiten d. h. der Demetrias überweisen“. Но тогда получается затрудненіе иного рода: въ списокѣ архонтовъ этого года у насъ уже имѣется представитель Димитриады, полемархъ Κλεομένης Ἀττικεύς. Итакъ, предъ нами дилемма: или въ нашемъ списокѣ нарушена система въ расположеніи оесмоетовъ, или нарушенъ порядокъ избранія архонтовъ по одному изъ каждой филы. Но порядокъ этотъ нарушается, насколько я знаю, только въ подписи CIA II 863 (первой половины I в. до Р. X.), гдѣ царь Οἰνόφιλος Ἀρφίου Ἀφιδναῖος (Птолемиада) и второй оесмоетъ Ἀττικῆς Πρακλ[εῖδ]ος Φλοεύς (Птолемиада). По отношенію къ списку CIA II 859d₉ я предпочитаю изъ двухъ золь меньшее, и склоняюсь скорѣе допустить нарушеніе системы, нежели отступленіе отъ принципа избранія архонтовъ. Но есть еще и другое обстоятельство, которое говоритъ противъ принадлежности Анаккѣ Димитриадѣ. Мы находимъ этотъ димъ, въ эпоху македонскихъ

¹) Правда, въ CIA II 985D1 рядъ оесмоетовъ начинается съ IX-ой филы; но въ этомъ списокѣ расположенъ съ всѣхъ архонтовъ перепутано.

филіѣ, въ своей клисѣевоѣ филіѣ Инпоөөнтидѣ. Доказательства этого: 1) въ фрагментированномъ эфивическомъ декретѣ СІАII371, года Опмохара архонта, среди проэдровъ, нѣкто 'Αναχαίεϋς названъ на 8-мъ мѣстѣ, слѣдовательно, онъ можетъ принадлежать только Инпоөөнтидѣ ¹⁾; 2) въ СІАII859 а 22 пятимъ өесмоөөтомъ названъ [Θ]ρασύμῆδης 'Αναχαίεϋς; онъ стоитъ между өесмоөөтомъ изъ Флін (Кекропида) и өесмоөөтомъ изъ Фалира (Эантида) ²⁾. Итакъ, принадлежность Анакен Инпоөөнтидѣ въ III в. врядъ-ли возбуждаетъ сомнѣіе. Между тѣмъ, обратимъ вниманіе на то, что, при образованіи какъ македонскихъ филіѣ, такъ и послѣдующихъ, аѣиняне прибѣгали къ дѣленію димовъ между двумя филіами только въ томъ случаѣ, когда эти димы были двойные (верхній и нижній).

Вопросъ о принадлежности дима 'Αμφιτροπή одной изъ македонскихъ филіѣ, при имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, лучше оставить нерѣшеннымъ. Относя Амфитропу къ Антигонидѣ, Кирхнеръ оспивался на СІА II 737 add. (= Ath. Mitt. V (1880), p. 268 сл.) или, точнѣе сказать, на словахъ Диттенбергера въ примѣчаніи 2-мъ къ его Syll. inscr. graec. 130. Въ началѣ сохранившейся части документа (стрк. 3—4) названъ эпистатъ притаповъ - - - - -] ἰδοὺ 'Αμφιτρῶπῆδης; по словамъ Диттенбергера, онъ не можетъ принадлежать Антиохидѣ, гдѣ Амфитропа числилась въ эпоху 10-ти филіѣ. Не имѣя ничего возразить противъ соображеній Диттенбергера, я, при теперешнемъ состояніи интересующей насъ надписи, считаю опаснымъ дѣлать какія-либо заключенія относительно того, что могло въ ней содержаться въ не сохранившейся части. Припять Амфитропу въ македонскія филіѣ мѣшаетъ то обстоятельство, что этотъ димъ въ III в., повидимому, продолжалъ принадлежать Антиохидѣ. Это, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ изъ СІАII859 а 33, гдѣ послѣднимъ өесмоөөтомъ названъ [Ἰσ]όφιλος 'Αμφιτροπῆ(θε), а предъ нимъ помѣщенъ [Δ]ημόστρατος Φλοῦ(ς) изъ Кекропида; если система въ расположеніи өесмоөөтовъ этого списка не нарушена, то нашъ Исофилъ долженъ принадлежать Антиохидѣ ³⁾. Дѣлать же небольшой димъ Амфитропу между двумя филіами, какъ то дѣлаетъ Кирхнеръ, нежелательно въ виду отсутствія примѣровъ подобныхъ подраздѣленій.

¹⁾ Годъ архонта Опмохара неизвѣстенъ; по скорѣе онъ относится ко времени до учрежденія Птолеманды, т. е. до 225 г., чѣмъ къ концу III в.

²⁾ Ср. Ath. Mitt. IV, p. 324, если вѣрно возстановленіе Кёлера [Ἀναχαίεϋς] въ спискѣ эфивѣ Инпоөөнтиды.

³⁾ Самое возстановленіе имени [Ἰσ]όφιλος что-то сомнительно: во всемъ СІА другихъ Исофиловъ не встрѣчается.

Итакъ, кромѣ 14-ти вышеприведенныхъ димовъ, существованіе которыхъ въ македонскихъ филахъ врядъ-ли возбуждаетъ сомнѣніе, мы получили еще 6 димовъ; ихъ принадлежность къ македонскимъ филамъ достовѣрна по столько, по скольку согласится съ предыдущими соображеніями Эти 6 димовъ суть: 'Αγκυλή, 'Ατήνη, Βατή, Δειράδες, Διόμεια, 'Ικαρία. Изъ нихъ димъ 'Ατήνη принадлежалъ Димитριάдѣ. Остается попытаться распредѣлить между Антигопидою и Димитριάдою остальные 5 димовъ. Прежде всего естественно предполагать, что полученные нами 20 димовъ были распредѣлены между Антигопидою и Димитριάдою поровну; тогда изъ 5-упомянутыхъ димовъ 3 приходится относить къ Антигонидѣ и 2 къ Димитριάдѣ.

Мы не знаемъ, какимъ принципомъ руководилось аѳинское правительство, переносъ тотъ или другой димъ въ македонскія филы. Очевидно только, что этотъ принципъ заключался не въ томъ, въ чемъ искалъ его Кирхнеръ. По нашему счету выходитъ, что Эрехиода, Пандіонида, Леоптида, Инида, Кекропида дали въ македонскія филы по два дима, Эгида 5 димовъ (это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что эта фила заключала въ себѣ въ IV в. наибольшее количество димовъ—21), Акамантида и Иппоонтида по одному, Антиохида—три дима. Если мы взглянемъ на карту аттическихъ димовъ, хотя бы на ту, которая приложена къ изслѣдованіямъ Р. Х. Лёпера, то мы замѣтимъ, что между нѣкоторыми изъ димовъ, вошедшихъ въ составъ македонскихъ филъ, замѣчается территоріальная связь: нѣкоторые изъ этихъ димовъ расположены одинъ отъ другого въ близкомъ сосѣдствѣ, другіе прямо являются смежными. Съ особою ясностью это можно прослѣдить по отношенію къ Димитριάдѣ: въ ней димы Κορωίδαи и 'Ιπποτομάδαи, принадлежащіе оба къ береговой триттіи Иниды, лежатъ въ близкомъ сосѣдствѣ; то же самое наблюдается въ расположеніи димовъ Κοίλη (VIIIa) и Μελίτη (VIIa)¹⁾. Къ одной триттіи съ Мелитой принадлежитъ и Ερπετή (VIIa). Что касается Агнупта (Vc), то онъ лежитъ изолированно отъ другихъ димовъ Димитριάды. За то Θοράι и 'Ατήνη принадлежатъ опять-таки къ одной триттіи (Xb), хотя лежатъ и не въ смежномъ сосѣдствѣ; впрочемъ, относительно положенія Атипы Р. Х. Лёперъ не увѣрепъ.

Трудище прослѣдить подобную территоріальную связь въ расположеніи димовъ Антигопиды. Однако, если мы отнесемъ къ Антигонидѣ димы Διόμεια и 'Αγκυλή, то получимъ слѣдующую смежную группу

¹⁾ Буквами a, b, c, какъ и у Р. Х. Лёпера, обозначены—городской, береговой и срединный округа; римская цифра обозначаетъ здѣсь порядокъ классическx филъ.

димовъ, хотя и принадлежащихъ различнымъ триптиамъ: Κυθαθήναιον (IIIa), Διόμεια (IIa), Ἀγκύλη ὑπένερθεν (IIa) и Ἀγκυλή ὑπένερθεν (Ia). Димы Γαρρηττός (IIc), Παιανία (IIIc), Αἰθαλίδαи (IVc) и Εἰτέα (Xc) разбросаны. Уединенно стоятъ и димы Λαμπραί (Ib) и Δειράδες (IVb). Последній димъ я склоненъ былъ бы отнести къ Антигонидѣ. Тогда изъ упомянутыхъ 5 димовъ для Димитриады останутся Βατή (IIa) и Ἰκαρία (IIc).

Для ясности позволю еще разъ сопоставить димы Антигониды и Димитриады въ такой, приблизительно, схемѣ:

Антигониды	Димитриада
Ἀγκυλή Ia	Βατή IIa
Ἀγκύλη IIa	Κοίλη VIIa
Διόμεια IIa	Μελίτη VIIa
Κυθαθήναιον IIIa	Ξυπετή VIIa
Λαμπραί Ib	Ἰκαρία IIc
Δειράδες IVb	Ἀγνοῦς Vc
Γαρρηττός IIc	Ατήνη Xb
Παιανία IIIc	Θοραί Xb
Αἰθαλίδαи IVc	Ἰπποτομάδαи VIb
Εἰτέα Xc	Κοθωκίδαи VIb.

Изъ этой таблицы видимъ, что 8 димовъ городского округа подѣлены поровну между Антигонидою и Димитриадою; изъ округовъ берегового и срединнаго взято для македонскихъ филъ по 6 димовъ. Я не хочу скрывать того, что такое распредѣленіе димовъ и самъ считаю *предположительнымъ*; будущія находки, быть можетъ, покажутъ, что изъ этого „предположительнаго“ надо оставить, что отбросить.

Перехожу къ Птолемаидѣ. Считаю излишнимъ разбирать подробно исторію учрежденія этой филы: это сдѣлано В. А. Шефферомъ (ук. соч., стр. 404 сл.). Врядъ-ли возможно отстаивать свидѣтельство Павсанія (I, 5, 5. 8, 6), на основаніи котораго Птолемида была учреждена въ честь Птолемея II Филадельфа (285—247) ¹⁾. Мнѣніе Белоха (N. Jahrb. f. Phil. 129, p. 481 сл.)—Птолемида была учреждена въ честь Птолемея III Еввергета (247—222^{1/2})—нашло себѣ почти всеобщее признаніе ²⁾. Помимо свидѣтельства Стефана Византийскаго (подъ сл. Βαρενικίδαи), въ пользу мнѣнія Белоха говорятъ,

¹⁾ Павсаній, вѣроятно, въ данномъ случаѣ смѣшалъ Птолемеевъ, подобно тому, какъ онъ смѣшалъ Антигона Гонату съ Антигономъ Досономъ (II, 8, 4) или двухъ Акротатовъ, изъ коихъ одинъ былъ сынъ Арея, другой—Клеомена (VIII, 27, 11. 30, 7, ср. III, 6, 4).

²⁾ Только въ последнемъ (6-мъ) изданіи «Древностей» Германна приводится старое мнѣніе, а о существованіи въ Аоніяхъ 13 филъ не упоминается ни словомъ (I, 2, p. 775).

главнымъ образомъ, соображенія политическаго свойства. До 229 года аеипяне находились подъ македонскою зависимостью; учрежденіе Птолеманды до 229 года было бы, со стороны аеипянъ, крайне опасною демонстраціей по адресу македонскихъ царей, бывшихъ въ постоянной враждѣ съ египетскими. Надо принять въ соображеніе и аеипскую политику, лучше сказать, политику аеипскихъ „предстоятелей“ Евриклида и Микіона, въ двадцатыхъ годахъ III в., когда аеипяне, освободившись отъ македонской зависимости, старались искать себѣ покровительства у „сильныхъ міра сего“, но вмѣстѣ съ тѣмъ побоялись раздражать и Македонію. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то, что аеипяне, учредивъ Птолеманду, не рѣшились, до поры до времени, посягнуть на македонскія филы. Мнѣ кажутся вполнѣ справедливыми слова А. Н. Щукарева (Ж. М. Н. П., 1888, іюнь, стр. 82, отд. класс. фил.), что „учрежденіе Птолеманды, очевидно, принадлежитъ къ тѣмъ актамъ политики Евриклида и Микіона, которыми они старались оказать свою преданность Птолемею“, и что „слова Поливія (V, 106): καὶ πᾶν γένος ὑπέμενον ψηφισμάτων καὶ χρηουμάτων, именно намекаютъ на учрежденіе этой филы“.

Присоединяясь къ мнѣнію В. А. Шеффера (ук. соч., стр. 420 сл.), что „учрежденіе Птолеманды должно быть отнесено къ промежутку между архонтствами Антифила и Менекрата“, я не нахожу возможнымъ согласиться съ нимъ касательно датированія годовъ этихъ архонтовъ.

Архонты Антифилъ и Менекратъ занимаютъ 6-ое и 8-ое мѣста въ не разъ упомянутомъ спискѣ архонтовъ CIA II 859. Этотъ списокъ былъ разобранъ подробно А. Н. Щукаревымъ (Ж. М. Н. П. 1888, іюнь, стр. 85 сл. *Bullet. de corr. hell.* XII, p. 69 сл.) и В. А. Шефферомъ (ук. соч., стр. 412 сл.). А. Н. Щукаревъ помѣстилъ Антифила на 221, Менекрата на 219 г., замѣтивъ, что ошибка въ его датированіи можетъ быть не болѣе, какъ на два или на три года, и притомъ скорѣе онъ ставитъ архонтовъ на два или на три года позже, нежели раньше (стр. 81). В. А. Шефферъ не соглашается съ этою датировкою; онъ ставитъ Менекрата на пять лѣтъ раньше, на 226—223 г., Антифила—на 228—225 г. и говоритъ: „слѣдовательно, учрежденіе новой филы Птолеманды должно быть отнесено къ гг. 228—223, скорѣе къ началу этого періода, нежели къ концу, потому что естественно было для аеипянъ тотчасъ же послѣ освобожденія отъ македонянъ искать покровительства египетскаго царя“ (стр. 423). Изъ дальнѣйшаго (стр. 431) видно, что В. А. Шефферъ склоненъ относить время учрежденія Птолеманды къ 226 году.

Мнѣ кажется, что датировка архонтовъ списка СІА II 859 у А. Н. Щукарева правильна, только не въ томъ видѣ, какъ она представлена имъ на стр. 81, а должна быть, какъ онъ и предугадывалъ, передвинута на три года назадъ. Обратимся къ почетному постановленію въ честь Дименета, разбору котораго посвящена указанная статья А. Н. Щукарева. Въ документѣ этомъ (Εφημ. Ἀρχαιολ. 1887, р. 1 сл.) упоминаются три архонта: Херефонтъ, Діоклъ и Эсхронъ, отождествляемые А. Н. Щукаревымъ съ одноименными архонтами списка СІА II 859. Слѣдовать той датировкѣ этихъ архонтовъ, которая дана А. Н. Щукаревымъ, нельзя; на это обратилъ вниманіе и В. А. Шефферъ (стр. 422 сл.); но нельзя принять и датировку, предложенную послѣднимъ. Если, на основаніи ея, относить архонта Менекрата на 226 годъ, то годы архонтовъ въ надписи въ честь Дименета падутъ: на 225 — Херефонтъ, на 221 — Діоклъ, на 217 — Эсхронъ. Но Херефонтъ, кажется мнѣ, пиконимъ образомъ не можетъ быть архонтомъ 225 г. Въ надписи Дименета ясно подчеркивается роль послѣдняго по отношенію къ этолійской симполитіи и царю Филиппу, ср. стрк. 5 сл. надписи: *πρὸς τε τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν πλεονάκις ἐπρέσβευσεν [ὁ]μοίως δὲ καὶ π[ρὸς] τὸν βασιλέα Φίλιππον, ὅπως ἀν' παρ' ἐκατέρων τῶι [δ]ήμῳ ἢ τε φιλ[ί]α καὶ εἰρήνῃ διατηρῆται καὶ μὴδ' ὀφ' ἐνὸς περισ[π]ωμένῃ ἢ πόλιν [ἀ]ποκατασταθεῖ εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς εὐδαιμονίαν, οὔτε κακοπα[θ]ίαν οὐδεμίαν, οὔτε κ[αὶ]ν[ο]ν ὑποστελλόμενος* и пр. А. Н. Щукаревъ справедливо приурочилъ событія, о которыхъ говорится въ надписи Дименета, къ эпохѣ союзнической войны (стр. 68). Въ надписи говорится, что Дименетъ былъ стратигомъ Элевсинскаго округа въ первый разъ при Херефонтѣ архонтѣ, что онъ тогда прекрасно и достойно себя исполнилъ обязанности стратига сообразно съ законами и постановленіями, прилагая всѣ возможные мѣры и заботы, чтобы *не было причинено никакого насилія ни странѣ, ни крѣпостямъ* (стр. 12 сл.). Спрашивается, какія „насилія“ могли быть причинены странѣ и крѣпостямъ при Херефонтѣ, если онъ былъ архонтомъ въ 225 году? Въ 225 году былъ еще живъ Антигонъ Досонъ. Союзническая война началась въ 221 г. и, мнѣ думается, какъ разъ въ этомъ 221 г. была первая стратигія Дименета. Тогда вторая стратигія Дименета, бывшая въ годъ Діокла архонта, приходится на 217 годъ, годъ окончанія союзнической войны. Между двумя этими стратигіями и происходили, быть можетъ, тѣ многократныя посольства Дименета къ этолійскому союзу и царю Филиппу, о которыхъ говорится въ надписи ¹⁾. Будучи во второй разъ стратигомъ, Дименетъ „пребылъ,

¹⁾ Ср. А. Н. Щукаревъ, ук. ст., стр. 60: «многократныя посольства приходились, вѣроятно, и между архонствами Херефонта, Діокла и Эсхрона, а не непременно всѣ предъ

превосходя самого себя въ заботахъ объ охранѣ (страны) и въ щедрости къ своимъ подчиненнымъ“ (стрк. 18 сл.). Очевидно, война еще продолжалась и афинской территоріи могла грозить опасность. Любопытно, что о дѣятельности Дименета въ его первую стратегию говорится въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, нежели о дѣятельности его во вторую стратегию, когда война уже близилась къ концу, да и главные мѣры предосторожности были уже приняты. О стратегіи Дименета въ годъ архонта Эсхрона, по моему расчету—213 г., говорится уже совершенно казенною фразою: τῆς τε [φυ]λακῆς ἐφρό[ν]τισεν τῆς χώρ[α]ς καὶ τῶν φρουρ[ω]ν, καὶ ἄτερ [καὶ ἐ]ν τοῖς ἐνπρ[οσ]θε χ[ρ]όνοις (стрк. 23 сл.). Въ 213 г. войны не было и никакихъ экстраординарныхъ мѣръ не приходилось принимать. Итакъ, по моему расчету годы архонтовъ Херефонта, Дюкла и Эсхрона—221, 217, 213. Если я датую этихъ архонтовъ правильно, тогда Антифилъ, Калл... и Менекратъ были архонтами въ 224, 223 и 222 годахъ. Слѣдовательно, и учрежденіе Птолеманды должно было произойти въ это время. Но справедливо замѣчено, что учрежденіе Птолеманды неудобно относить къ самому концу царствованія Птолемея III, такъ какъ онъ „въ послѣдніе годы своей жизни старался держаться вдали отъ греческихъ междоусобицъ“ (Шефферъ, ук. соч., стр. 423). Поэтому, врядъ-ли Птолемаида была учреждена послѣ 224 года. В. А. Шефферъ обратилъ вниманіе, что архонтъ Антифилъ, по моему расчету 224 года, происходилъ родомъ изъ Афиднъ, изъ дима, причисленнаго къ Птолемандѣ, и замѣтилъ, что „было весьма прилично въ первый годъ ея существованія именно ей предоставить честь дать государству перваго сановника“ (ук. сл., стр. 421)¹⁾. Но если въ 224 году первый архонтъ былъ уже изъ Птолеманды, то, слѣдовательно, учрежденіе филы должно было состояться раньше, можетъ быть, въ концѣ 225 года. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, Птолемаида не могла быть учреждена *раньше 225 года*.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по афинской исторіи за 229—221 годы. Можно, однако, поручиться, что афиняне, въ силу своей нейтральной политики, не принимали ни малѣйшаго участія въ Клеоменовой войнѣ. Правда, во время ея Аратъ, еще до призванія Антигона, обращался

ними, какъ можно было бы заключить изъ внѣшняго порядка, въ какомъ запясы собитія на камнѣ. Въ своей французской статьѣ А. Н. Щукревъ (стр. 71) почему-то отступилъ отъ такого вполне правильнаго толкованія, что и вызвало нареканія противъ него В. А. Шеффера, ук. соч., стр. 422.

¹⁾ Отъ такого «экстраординарнаго» назначенія перваго архонта изъ Птолеманды, быть можетъ, произошла и путаница въ расположеніи архонтовъ въ спискѣ года архонта Антифила.

въ Аѳины за союзомъ противъ Клеомена, но аѳиняне, руководимые Еврик-лидомъ и Микіопомъ, отказали (Plutarch. Arat. 41). Но за ходомъ событій они, конечно, зорко слѣдили. Хронологія Клеоменовой войны представляетъ массу затрудненій. Во всякомъ случаѣ конецъ ея, битва при Селласіи произошла по разсчету Θ. Θ. Соколова (Третье столѣтіе до Р. Х., стр. 13, отд. отт.) въ 222, а не 221 году. Антигонъ Досонъ прибылъ съ войскомъ въ Грецію въ августъ 224 года послѣ того, какъ на собраніи въ Эгіи, въ маѣ 224 года, рѣшено было окончательно призвать его. Но переговоры между Аратомъ и Антигономъ начались еще въ 225 году, вѣроятно, до осени этого года, когда происходило собраніе въ Сикіонѣ, на которомъ Аратъ былъ избранъ полномочнымъ стратигомъ. Переговоры Арата съ Антигономъ начались послѣ того, какъ между Аратомъ и Клеоменемъ произошелъ окончательный разрывъ, и Клеоменъ объявилъ войну ахейцамъ, послѣ того, какъ отъ симполитіи еще раньше стали отпадать многіе города. Съ той поры положеніе дѣлъ обострилось и въ воздухѣ пахло грозой. Аѳиняне держались въ сторонѣ отъ всего этого, но на всякій случай, вѣроятно, были не прочь войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ сильнымъ египетскимъ царемъ. Быть можетъ, чтобы еще болѣе расположить его къ себѣ, они какъ разъ въ это время и сочли не лишнимъ оказать ему великую честь, учредивъ новую филу, названную по его имени.

Вновь образованная фила занимала VII-ое мѣсто въ оффиціальномъ ряду аттическихъ филъ до отмѣны Антигоныды и Димитріады; съ отмѣною ихъ она передвинулась на V-ое мѣсто (В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 418 сл.).

При распредѣленіи димовъ, вошедшихъ въ Птолемаиду, мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ, нежели то было при разборѣ димовъ македонскихъ филъ. Птолемиада существовала не столь короткое время, какъ Антигоныда и Димитріада, и память о ней сохранилась въ большемъ количествѣ документовъ. Документы эти, въ громадномъ большинствѣ, представляютъ собою эфивическіе списки. Вотъ ихъ сопоставленіе:

CIA II 471 (12⁴/₃, ср. Homolle, Bull. de corr. hell. XVII (1893), p. 165): 'Αφιδναῖοι (2), Βερενικίδης (1), Κολωνήθεν (1), Φλυεύς (1), Θημαχεύς (1).

CIA II 469 (12²/₁, ibid.): Θη[μαχεύς] (1), Βερενικίδης (3) ¹⁾, Φλυεύς (4) ²⁾, 'Ε[καλήθεν] (1), 'Αφιδναῖος (1), Προσπάλτιος (1), Αἰγυλιεύς (2), Οἰναῖος (1).

¹⁾ CIA II 469₁₂₃: ---ος Λουσιάδου Βε(ρ)ενικίδης, быть можетъ, слѣдуетъ дополнить [Καλήθεν]ος. Л. В. по срвн. съ CIA II 952₁₆. 1047₂₀.

²⁾ CIA II 469₁₂₆: ---ας 'Ηρακλείδου Φλυ[εύς], быть можетъ, слѣдуетъ дополнить [Ἀττιν]ας. Н. Ф. по срвн. съ CIA II 863.

Разберемъ эти возстановленія. *Θοργωνίδα* встрѣчаются, въ качествѣ дима Птолемаиды, единственный разъ въ этой надписи. Въ эпоху 10 филъ димъ *Θοργωνίδα* принадлежалъ, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, Эантидѣ, но въ надписяхъ димъ этотъ, и въ качествѣ дима Эантиды, не попадаетъ ни разу. Возстановленіе *Θοργωνίδα* въ CIA II 991, если на камнѣ, дѣйствительно, сохранились начертанія *ΟΥ*, единственно возможное. Былъ, правда, еще одинъ димъ, названіе котораго начиналось съ *Θο*, *Θοματάδα*, принадлежавшій Иппоонтидѣ, но онъ, и послѣ образованія Птолемаиды, остался въ прежней филѣ, хотя въ надписяхъ этотъ димъ упоминается очень рѣдко, ср. CIA II 467¹¹⁰ эфивомъ Иппоонтиды названъ *Ποσειδίππος Ποσειδίππου Θο[μα]τι- [τάδης]* ¹⁾. Принадлежность *Θοργωνидовъ* Птолемаидѣ засвидѣтельствована у Арпократіона, п. сл. *Θοργωνίδα* 'Ισαῖος ἐν τῷ πρὸς Νικοχλέα. Νίκανδρος ὁ Θυατειρηνὸς ἐν τῷ περὶ τῶν δῆμων, Μετετέθησαν, φησὶν, ἐξ Αἰαντίδος 'Αφιδναῖοι, Περίδα (чит. *Περρίδα*), Τίτακίδα, Θοργωνίδα. φησὶ δὲ καὶ Δημήτριος ὁ Σκήψιος ἐν δευτέρᾳ Διακόσμῳ τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς τὸν δῆμον εἶναι.

Слѣдующій за *Θοργонидами* димъ является въ возстановленіи [']Ε]δω—. Возстановленіе это прямо-таки невозможно; это предвидѣлъ и Келеръ, который въ примѣчаніи къ данному мѣсту говоритъ: vs. 5 huius (III) columnae restituendum esse videtur [Κλ]ω[πί]δα. Палеографически такое возстановленіе допустимо: остатки первой буквы такъ стерлись, что трудно поручиться, какая именно буква стояла здѣсь; вторая буква читается Δ, но, можетъ быть, нижняя черточка тутъ лишняя; третья буква, безъ сомнѣнія, Ω. Въ томъ же примѣчаніи Келеръ указываетъ на CIA II 788A₁₃ и замѣчаетъ: ubi quae adnotavi, ea vereor ne praerprope dicta sint. CIA II 788—обломки одной изъ надписей, содержащихъ „rationes centesimarum“, вѣроятно, конца IV в. ²⁾. Въ стрк. 13 читается *Κλωπι[δών]*, къ чему Келеръ замѣчаетъ: vs. 13 *Κλωπι[δών]* forma vulgaris esse videtur nominis demotici *Κρωπίδα*. Eadem forma ludendi causa usus est Aristophanes. Eq. vs. 79. Въ официальномъ документѣ едва ли могла стоять „forma vulgaris“ наименованія дима ³⁾.

¹⁾ Въ CIA III 1124 упоминается агонистъ Φοῦρις 'Ακύλος Θομα(τι)δης, по названіи филлы при немъ пѣлъ.

²⁾ Во всякомъ случаѣ, надпись CIA II 788 по времени раньше надписи CIA II 991. Въ CIA II 788 строго выдержано письмо *στοιχηδόν* (pars adversa вся написана *στοιχηδόν*, въ pars aversa *στοιχηδόν* иногда сбивается); въ CIA II 991 *στοιχηδόν* выдержано вѣстро; дажѣ различна форма буквы Π въ обѣихъ надписяхъ.

³⁾ И у Аристофана въ ук. м., мнѣ думается, *Κλωπίδα* слѣдуетъ понимать какъ *Κλωπίδα*, а не какъ *Κρωπίδα*, не смотря на толкованіе схолиаста (ср. также глоссу Свиды, п. сл. *κλωπεύω*), дошедшее до насъ въ крайне испорченномъ видѣ. См. чтеніе равеннской рип. въ *Scholia graeca in Aristophanem*, ed. Dübner, Parisiis, 1855, p. 390.

Можно принять, что и въ нашей надписи слѣдуетъ читать [Κλ]ω- [πίδα]. Въ СІА III 1121 этотъ димъ, въ сокращеніи κλω, названъ принадлежащимъ Птолемаидѣ¹⁾.

Отъ стрк. 6-ой III столбца СІА II 991 хорошо сохранилась только вторая буква, которую Кёлеръ считаетъ за Λ (первая буква была какъ будто бы σ, но Кёлеръ въ этомъ не увѣренъ). Можетъ быть, въ 6-ой строкѣ стояло [Φ]λ[οεῖς], если принять, что вторая буква была Λ (она не можетъ быть ни Α, ни Δ, потому что обѣ эти буквы не встрѣчаются въ извѣстныхъ намъ димахъ Птолемаиды на второмъ мѣстѣ).

Стрк. 7-ую Кёлеръ возстановляетъ Πε[ρρίδα]. Димъ этотъ въ надписяхъ не попадаетъ вовсе. Наши свѣдѣнія о немъ заключаются единственно въ вышеприведенной цитатѣ Арпократіона. Другія данныя Арпократіона въ этой цитатѣ, напримѣръ, о принадлежности Птолемаидѣ Афиднѣ, Титакидовѣ, подтверждаются надписями; нѣтъ нужды сомнѣваться и въ принадлежности дима Перрідαι Птолемаидѣ²⁾.

За пропавшею строкою слѣдуетъ ясно сохранившееся названіе дима: Ὑπόρει[α]. Этотъ димъ для Птолемаиды былъ образованъ заново: по крайпей мѣрѣ, въ разбираемой надписи мы находимъ первое о немъ упоминаніе. Кромѣ СІА II 991 димъ Ὑπόρεια упоминается только въ СІА III 1122, гдѣ въ числѣ π.ωτένγραφοι названы: [Ἐλπί]νικος) Ὑπό(ρειάθεν) и [. . .] Ἐλπίνικ(ου) Ὑπό(ρειάθεν). Самое названіе указываетъ, что это былъ „подгорный“ димъ (можетъ быть, онъ лежалъ въ одной группѣ съ Перрідαι, Титаκίδαι, Ἀφιδνα, Θουρώνιδαι, см. карту Р. Х. Лёпера).

Слѣдующій за Ипоріей димъ Εὑμοστίδα былъ образованъ для Птолемаиды заново. Надписи, сохранившія о немъ упоминанія, приведены выше.

Наконецъ, остатки послѣдняго изъ сохранившихся димовъ Птолемаиды въ СІА II 991 возстановляются [Μελαί]ν[εῖς]. Возстановленіе это вполнѣ удачно. Чте димъ Μελαίναί принадлежалъ Птолемаидѣ, доказательства этого мы видѣли въ соотвѣствующихъ надписяхъ, приведенныхъ выше. Вопросъ: былъ-ли этотъ димъ образованъ для Птолемаиды заново или взятъ у одной изъ клисѣеновыхъ филъ? Стефанъ Византійскій называетъ Μελαίναί димомъ Антиохиды. Р. Х. Лёперъ (Ath.

¹⁾ Кромѣ того, упоминается нѣкій Δημήτριος Μαζί(μου) Κλω —, какъ эфивъ, неизвѣстно какой филы (но, вѣроятно, Птолемаиды) въ СІА III 1111 (129—138): эфива СІА III 1121 зовутъ Μαζίμος Προσδοχίμου. Предположеніе Диттенбергера, что «das abgekürzte Demoticon ΚΛΩ... statt Κ[ο]λω(νήθεν) verschrieben est», ни на чемъ не основано.

²⁾ Впрочемъ, чтеніе Πε[ρρίδα] въ СІА II 991 не есть единственно возможное; могло стоять Πε[ταλίδας], Πε[ντελείς]: эти димы также принадлежали Птолемаидѣ.

Mitt. XVII, p. 426¹⁾) сомнѣвается въ этомъ: „*Μελαιναί* kommt in den Inschriften nur als ein Demos der Ptolemais vor, lässt zu keiner Trittys der Antiochis und man kann deshalb annehmen, dass Steph. Byz. sich geirrt hat, wenn er ihn *δῆμος τῆς Ἀντιοχίδος φυλῆς* nennt“. Вѣроятно, то обстоятельство, что *Μελαιναί* не подходятъ ни къ одной триттіи Антиохиды, и побудило Р. Х. Лёпера усомниться въ данномъ случаѣ въ истинности показанія Стефана Византійскаго, которому въ другихъ случаяхъ онъ довѣряетъ. Что димъ *Μελαιναί* существовалъ до образованія Птолемаиды, видно изъ CIA II 788A₉, гдѣ упоминается: *Μελαινέ[ων]*, а надпись эта составлена до образованія Птолемаиды¹⁾).

Сопоставляю теперь димы Птолемаиды въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ на филы и триттіи, къ которымъ они принадлежали:

1) *Αἰγίλια* Xb. Этотъ димъ, очевидно, постепенно вымиралъ: въ императорскую эпоху мы встрѣчаемъ упоминаніе только объ одномъ эгилейцѣ въ надгробной надписи CIA III 1520.

2) *Ἀχραιεῖς* (можетъ быть, имя дима было *Ἀχραιαί*, по образцу *Μελαινεῖς* — *Μελαιναί*), вновь образованный димъ, упоминается только въ надписяхъ императорской эпохи.

3) *Ἀφιδνα* IX (ср. *Naurostat. s. v. Θοργωνίδαί*).

4) *Βερενκίδαί*, вновь образованный димъ.

5) *Βουτάδαι* VIa

6) *Ἐκάλη* IVc

7) *Εὐνοστίδαι*, вновь образованный димъ.

8) *Θημαχός* Ia (ср. Steph. Byz. s. v.)

9) *Θοργωνίδαί* IXc

10) *Ἰκαρία*. Выше мы видѣли, что димъ *Ἰκαρία* принадлежалъ Антигонидѣ. Это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться, принадлежалъ-ли этотъ димъ Птолемаидѣ: у насъ нѣтъ другого примѣра, чтобы димъ, принадлежавшій одной изъ македонскихъ филъ, отошелъ потомъ въ Птолемаиду. По надписямъ до императорской эпохи II—I в. до Р. Х. нельзя прослѣдить, къ какой филѣ принадлежала Икарія. Въ CIA II 95327, въ спискѣ іеропіевъ года Лисіада архонта (14^{5/4}, *Homolle, Bull. de corr. hell. XVII, p. 165*) упоминается нѣкій [Θ]ράσιππος *Ἰκαριεύς*. Можетъ быть, тотъ же *Θράσιππο[ς]* *Καλλίου* упоминается въ CIA II 44670 въ спискѣ побѣдителей на Оисіяхъ, въ годъ архонта Федрія (15^{6/5}, *Homolle, ibid. p. 164*); у этого *Θрасиппа* приписано, что онъ былъ побѣдителемъ *Αἰγεῖδος φυλῆς*.

¹⁾ Ср. *Milchhoefer, Ath. Mitt. XVIII, p. 303* сл.

Въ CIA II 1041, въ обломкѣ какого-то списка (Бѣкъ видѣлъ въ немъ перечисленіе филоетовъ) читаемъ слѣдующее:

[Διο]νυσόδωρος Μητροδώρου - - -
 - - σίθεος [Ε]ὐ[β]ούλο[υ] Στ[ε]ριε[ύς]
 [Τ]ιμόθεος Ἡρακλείδου Εὐπυρ[ί]δης
 Πολέμων Πολέμωνος [Ἰ]αρχ[ι]εύς
 [Θε]αίνετος Θεαίνετου Σφήττιος[ς].

Весьма вѣроятно, что упоминаемый въ 5-ой строкѣ Полемонъ, сынъ Полемона, принадлежалъ Птолемаидѣ, судя по тому, что предъ нимъ названы: Стиріецъ — изъ Пандіониды, Евпиридецъ — изъ Леонтиды, а за нимъ Сфиттіецъ изъ Акамантиды. Но самое чтеніе [Ἰ]αρχ[ι]εύς возбуждаетъ сомнѣніе. Надпись CIA II 1041 извѣстна только по копіи Фурмона; въ пятой строкѣ ея читается ΤΑΡΣΕΥΣ; это непонятное Ταρσεύς Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 400) исправилъ въ Ἰχαριεύς. Я сомнѣваюсь въ вѣрности этой поправки, хотя отъ себя ничего убѣдительнаго предложить не могу ¹⁾. Въ надписяхъ императорской эпохи икарійцы упоминаются нѣсколько разъ, но къ какой филѣ они принадлежали, Эгидѣ или Птолемаидѣ, рѣшить нельзя. Одна лишь надпись CIA III 1142 называетъ въ качествѣ эфива Птолемаиды: [Ἀφρ]οδείσιος Ἀθηνοδώρου ΙΚΑ—, что Диттенбергеръ и дополняетъ въ Ἰχα(ριεύς). Я предпочитаю подождать дальнѣйшихъ эпиграфическихъ находокъ: быть можетъ, благодаря имъ, можно будетъ рѣшить несомнѣнно, къ какой филѣ слѣдуетъ относить димъ Ἰχαρία, въ Эгидѣ или Птолемаидѣ.

11) Κλωπίδαι. Къ какой елисѢеновой филѣ принадлежалъ димъ Κλωπίδαι, мы не знаемъ. Судя по тому, что первые 8 филѣ, какъ будетъ видно ниже, дали въ Птолемаиду по одному диму, изъ послѣднихъ же двухъ было взято по 4 дима, быть можетъ, и димъ Κλωπίδαι придется отнести или къ Эантидѣ, или къ Антиохидѣ.

12) Κολωνός Хс. Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 404 сл.) показалъ, что димъ Κολωνός перешелъ въ Птолемаиду изъ Антиохиды.

13) Κοινόλη Шс, ср. Schol. Aristoph. Vesp. 233: Κοινόλη δῆμος τῆς Ἀττικῆς τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς ἢ Πανδιονίδος.

14) Κουδαντίδαι II (b?). Принадлежность этого дима Птолемаидѣ засвидѣтельствована только показаніями Стефана Византійскаго (Ку-

¹⁾ Можетъ быть, ΤΑΡΣΕΥΣ надо исправить въ ΑΚΥΑΙΕΥΣ. Хотя и этотъ димъ попадаетъ, какъ мы видѣли, въ надписяхъ очень рѣдко, но все-же снѣ, несомнѣнно, принадлежалъ Птолемаидѣ.

Mitt. XVII, p. 426¹⁾) сомнѣвается въ этомъ: „*Μελαιναί* kommt in den Inschriften nur als ein Demos der Ptolemais vor, lässt zu keiner Trittys der Antiochis und man kann deshalb annehmen, dass Steph. Byz. sich geirrt hat, wenn er ihn *δῆμος τῆς Ἀντιοχίδος φυλῆς* nennt“. Вѣроятно, то обстоятельство, что *Μελαιναί* не подходятъ ни къ одной триттіи Антиохиды, и побудило Р. Х. Лёпера усомниться въ данномъ случаѣ въ истинности показанія Стефана Византійскаго, которому въ другихъ случаяхъ онъ довѣряетъ. Что димъ *Μελαιναί* существовалъ до образованія Птолемаиды, видно изъ CIA II 788A₉, гдѣ упоминается: *Μελαινέ[ων]*, а надпись эта составлена до образованія Птолемаиды¹⁾).

Сопоставляю теперь димы Птолемаиды въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ на филы и триттіи, къ которымъ они принадлежали:

1) *Αἰγυλία* Xb. Этотъ димъ, очевидно, постепенно вымиралъ: въ императорскую эпоху мы встрѣчаемъ упоминаніе только объ одномъ эгилейцѣ въ надгробной надписи CIA III 1520.

2) *Ἀκραιεῖς* (можетъ быть, имя дима было *Ἀκραιαί*, по образцу *Μελαινεῖς*—*Μελαιναί*), вновь образованный димъ, упоминается только въ надписяхъ императорской эпохи.

3) *Ἀφιδνα* IX (ср. *Ναγροσγῆτ. s. v. Θουρῶνιδαι*).

4) *Βερενκίδαι*, вновь образованный димъ.

5) *Βουτάδαι* VIa

6) *Ἐκάλη* IVc

7) *Εὐνοστίδαι*, вновь образованный димъ.

8) *Θημακός* Ia (ср. *Steph. Byz. s. v.*)

9) *Θουρῶνιδαι* IXc

10) *Ἰκαρία*. Выше мы видѣли, что димъ *Ἰκαρία* принадлежалъ Антигонидѣ. Это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться, принадлежалъ-ли этотъ димъ Птолемаидѣ: у насъ нѣтъ другого примѣра, чтобы димъ, принадлежавшій одной изъ македонскихъ филъ, отошелъ потомъ въ Птолемаиду. По надписямъ до императорской эпохи II—I в. до Р. Х. нельзя прослѣдить, къ какой филѣ принадлежала Икарія. Въ CIA II 95327, въ спискѣ іеропіевъ года Лисіада архонта (14^{5/4}, Nomolle, *Bull. de corr. hell.* XVII, p. 165) упоминается нѣкій [Θ]ράσιππος *Ἰκαριεύς*. Можетъ быть, тотъ же *Θράσιππος[ς]* *Καλλίου* упоминается въ CIA II 44670 въ спискѣ побѣдителей на Оисіяхъ, въ годъ архонта Федрія (15^{6/5}, Nomolle, *ibid.* p. 164); у этого *Θрасиппа* приписано, что онъ былъ побѣдителемъ *Αἰγεῖδος φυλῆς*.

¹⁾ Ср. *Milchhoefer, Ath. Mitt.* XVIII, p. 303 сл.

Въ CIA II 1041, въ обломкѣ какого-то списка (Бѣкъ видѣлъ въ немъ перечисленіе филетовъ) читаемъ слѣдующее:

 [Διο]νυσόδωρος Μητροδώρα - - -
 - - σίθεος [Ε]ὐ[β]ούλο[υ] Στ[ε]ριε[ύς]
 [Τ]ιμόθεος Ἡρακλείδου Εὐπυρ[ί]δης
 Πολέμων Πολέμωνος [Ἰκ]αρ[ι]εύς
 [Θε]αίνετος Θεαινέτου Σφήττιος[ς].

Весьма вѣроятно, что упоминаемый въ 5-ой строкѣ Полемонъ, сынъ Полемона, принадлежалъ Птолемаидѣ, судя по тому, что предъ нимъ названы: Стиріецъ — изъ Пандіониды, Евпиридецъ — изъ Леонтиды, а за нимъ Сфиттіецъ изъ Акамантиды. Но самое чтеніе [Ἰκ]αρ[ι]εύς возбуждаетъ сомнѣніе. Надпись CIA II 1041 извѣстна только по копіи Фурмона; въ пятой строкѣ ея читается ΤΑΡΣΕΥΣ; это непонятное Ταρσεύς Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 400) исправилъ въ Ἰκαριεύς. Я сомнѣваюсь въ вѣрности этой поправки, хотя отъ себя ничего убѣдительнаго предложить не могу ¹⁾. Въ надписяхъ императорской эпохи икарійцы упоминаются нѣсколько разъ, но къ какой филѣ они принадлежали, Эгидѣ или Птолемаидѣ, рѣшить нельзя. Одна лишь надпись CIA III 1142 называетъ въ качествѣ эфива Птолемаиды: [Ἀφρ]οδείσιος Ἀθηνοδώρα ΙΚΑ—, что Диттенбергеръ и дополняетъ въ Ἰκα(ριεύς). Я предпочитаю подождать дальнѣйшихъ эпиграфическихъ находокъ: быть можетъ, благодаря имъ, можно будетъ рѣшить несомнѣнно, къ какой филѣ слѣдуетъ относить димъ Ἰκαρία, въ Эгидѣ или Птолемаидѣ.

11) Κλωπίδαι. Къ какой елисѢеновой филѣ принадлежалъ димъ Κλωπίδαι, мы не знаемъ. Судя по тому, что первые 8 филѣ, какъ будетъ видно ниже, дали въ Птолемаиду по одному диму, изъ послѣднихъ же двухъ было взято по 4 дима, быть можетъ, и димъ Κλωπίδαι придется отнести или къ Эантидѣ, или къ Антиохидѣ.

12) Κολωνός Хс. Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 404 сл.) показывалъ, что димъ Κολωνός перешелъ въ Птолемаиду изъ Антиохиды.

13) Κονθόλη IIIc, ср. Schol. Aristoph. Vesp. 233: Κονθόλη δῆμος τῆς Ἀττικῆς τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς ἢ Πανδιονίδος.

14) Κουδαντίδαι II (b?). Принадлежность этого дима Птолемаидѣ засвидѣтельствована только показаніями Стефана Византійскаго (Κο-

¹⁾ Можетъ быть, ΤΑΡΣΕΥΣ надо исправить въ ΑΚΥΑΙΕΥΣ. Хотя и этотъ димъ попадаетъ, какъ мы видѣли, въ надписяхъ очень рѣдко, но все-же снѣ, несомнѣнно, принадлежалъ Птолемаидѣ.

δαυτίδαι: δῆμος τῆς Αἰγίδος φυλῆς, ὡς δὲ Φρόνιχος Πτολεμαῖδος) и Исихія (Κοδαυτίδαι: δῆμος τῆς Πτολεμαῖδος φυλῆς). Отвергать эти показанія, по примѣру Диттенбергера (Hermes IX, p. 401), только потому, что существованіе дима Κοδαυτίδαι въ Птолемандѣ не засвидѣтельствовано надписями, врядъ-ли основательно: 1) почему въ данномъ случаѣ заподозривать свидѣтельство Фриниха, приводимое Стефаномъ Византійскимъ? въ другихъ случаяхъ показанія Фриниха подтверждаются и надписями ¹⁾; 2) отсутствіе упоминаній дима Κοδαυτίδαι въ надписяхъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что димъ этотъ вымеръ съ теченіемъ времени: по крайней мѣрѣ, въ надписяхъ императорской эпохи, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается *ни одного* кидантидца ²⁾.

15) Μελαίναι X (с?), ср. Milchhoefer, Ath. Mitt. XVIII, p. 303 сл.

16) Οἰνόη VIII b. Въ IV в. димъ съ именемъ Οἰνόη встрѣчается въ двухъ филахъ: Иппоонтидѣ и Эантидѣ. Въ Птолемаиду Οἰνόη взята была изъ Иппоонтиды, а не изъ Эантиды: въ спискѣ еесмоетовъ CIA II 859 d еесмоеты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Ἀλαίε(ύς)—Эгида, Πτελεά(σιος)—Инида, Ἀμαξαντεύ(ς)—Иппоонтида, Οἰναῖος—, очевидно, изъ Эантиды, такъ какъ Иппоонтида дала уже одного еесмоета. Списокъ же CIA II 859 d, относящійся къ году архонта Καλλ. . . . , по моему расчету, принадлежитъ 223 г., когда Птолемаида уже существовала. Въ надписяхъ императорской эпохи Οἰνόη Птолемаиды не встрѣчается.

17) Πεντελή Xc.

18) Περρίδαι IXc, ср. Hagnocrat. s. v. Θυργωνίδαι.

19) Πεταλία—вновь образованный димъ.

20) Πρόσπαλτα Vc.

21) Σημα —. Это сокращеніе названія дима Диттенбергеръ, правда, вездѣ съ вопросительнымъ знакомъ, дополняетъ Σημα(χίδης). Въ Атикѣ былъ димъ Σημαχίδαί, принадлежавшій Антиохидѣ (ср. Loeper, Ath. Mitt. XVII, p. 427). Въ надписяхъ II в. до Р. X. мы находимъ димъ Σημαχίδαί также принадлежащимъ Антиохидѣ: въ CIA II 471 упоминается эфивъ - - - - ρίωνος Σημαχιδ[ης], принадлежащій, несомнѣнно, Антиохидѣ, такъ какъ онъ стоитъ между эфивами изъ Анафлиста и Паллины; въ CIA II 470, въ числѣ эфивовъ Антиохиды, упомянуты: Ἀθηνό[δορ?]ος Λυσίδος Σημαχίδης и (Ε)ὐβουλίδης Ἀνδρονίκου Σημαχίδης; въ CIA II 465—

¹⁾ Кто былъ этотъ Фринихъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, здѣсь надо разумѣть аттикиска Фриниха, по сообщенію Свиды, родомъ Винонца, которому усвоится ἐκλογὴ ῥημάτων καὶ ὀνομάτων Ἀττικῶν.

²⁾ Къ какой филѣ принадлежалъ упоминаемый въ CIA II 469 секретарь эфивовъ Μενεκλῆς Ἀπ[ολλωνίου] Κοδαυτίδης, мы не можемъ рѣшить.

въ числѣ эфивовъ Антиохиды, упомянуты: Ἡρόδορος Μενάνδρου [Ση]μαχίδης; въ CIA II 467 — - - - - Δεπτίου Σημαχίδης; въ CIA 481 — - - - - Ἀρχελάου Σημα[χ]ίδης. Надписи императорской эпохи: въ спискѣ притановъ Антиохиды, Δετ. ἀρχαιολ. 1892, р. 37 сл. (13⁹/₁₀), названы 5 симмахидцевъ; въ почетномъ постановленіи Антиохиды въ честь ея притановъ и анситовъ (по Диттенбергеру нач. III в.), въ числѣ притановъ, названы Σημαχίδαи; наконецъ, симмахидцы Антиохиды упоминаются въ трехъ эфивическихъ спискахъ CIA III 1138. 1163. 1171. Обращаю вниманіе на то, что въ эфивическихъ спискахъ δημοτικόν Σημαχίδης является постоянно въ сокращеніи: ΣΗΜΑΧΙ.

И имѣлъ случай указывать, что димы, вошедшіе въ составъ послѣ-клизеенскихъ филъ, вошли въ эти филы цѣликомъ, а не дѣлились между старою филою и вновь образованною. Мнѣ кажется, это заставляетъ насъ отказаться отъ мысли, будто бы димъ Σημαχίδαи былъ подѣленъ между Антиохидою и Птолемандою. Скорѣе для Птолеманды былъ созданъ новый димъ. Этимъ объясняется отчасти и то, что сокращеніе Σημαχίδης для Антиохиды является въ видѣ ΣΗΜΑΧΙ, для Птолеманды же мы находимъ сокращеніе ΣΗΜΑ¹⁾. Очевидно, это были два различныхъ дима.

Какое было полное имя дима Птолеманды, мы не знаемъ. Можетъ быть, однако, и онъ назывался Σημαχίδαи. Позволю себѣ обратить вниманіе на надпись CIA III 911: ἡ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πά[ρου καὶ ὁ] δῆμος Νειχοστράτην Μενέου Βερνεικίδου θυγατέρα, μυθηῖσάν ἀφ' ἐστίας, Δήμητρι καὶ Κόρη ἀνέθηκε, ἐπιμεληθέντος τῆς ἀναθέσεως τοῦ ἐπιτρόπου αὐτῆς Γαῖου Κατίου Σημαχίδου. Если допустить, что опекунъ Никостраты, дочери Меннея Вереникидца (изъ Птолеманды), происходилъ изъ той же филы, какъ и она, то полное имя интересующаго насъ дима было бы Σημαχίδαи²⁾.

22) Τιτακίδαи IXc, ср. Harpocrat. п. сл. Θυργωνίδαи.

23) Ὑπόρεια — вновь образованный димъ.

24) Φλόα VIIc, ср. Hesych.: Φλωεῖς δῆμος τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς. Schol. Aristoph. Vesp. 234: τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς δῆμος ἡ Φλόη.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытна надпись CIA III 1171, гдѣ эфивъ Антиохиды, [Α]ἰλῖος Ἀρτέμων Σημαχίδης, эфивъ Птолеманды, Θεόφιλος Θηραμένους Σημα—

²⁾ Предположеніе Диттенбергера, Hermes IX, р. 402 сл., что въ императорскую эпоху произносили и писали Σημα(χεύς) вмѣсто Θημα(χεύς), не говоря о томъ, что и обосновано было плохо, рухнуло съ изданиемъ III т. CIA, гдѣ, въ числѣ δημοτικῶν, Θημαχεύς встрѣчается нѣсколько разъ. Неправильно и толкованіе С. Рейнака, Traité d'épigraphie grecque, Paris, 1895, р. 229. 235, будто сокращеніе ΣΗΜΑΧΙ употреблялось въ до-императорскую эпоху, а сокращеніе ΣΗΜΑ въ императорскую.

Итакъ, для образованія Птолемаиды каждая изъ первыхъ 8 клисеновыхъ филъ дала по одному диму, послѣднія двѣ — Эантида и Антиохиды — по четыре (+, можетъ быть, Κλωπίδαι).

Срединная полоса Аттики удѣлила 11 димовъ (если къ ней относить и Μελαίναί); городской округъ далъ въ Птолемаиду два дима; береговой — три (если относить къ нему Κουαντίδαι).

Изъ димовъ Птолемаиды только Ἀφιδνα, Θυρῶνιδαι, Περρίδαι и Τίτακιδαι, принадлежавшіе къ срединной триттіи Эантиды, находились въ территоріальной связи между собою. Такимъ образомъ, съ образованіемъ Птолемаиды, эта триттія Эантиды совершенно уничтожилась. Остальные димы Птолемаиды оказываются разбѣянными по аттической территоріи.

Наиболѣе населенными димами Птолемаиды были: Φλόα, Βερενικίδαι, Ἀφιδνα и Κολωνός; мало населенными являются вновь образованные: Εὐνοστίδαι, Πεταλία и Ὑπόρεα, изъ старыхъ: Κλωπίδαι, Μελαίναί и Περρίδαι.

Въ 200 г. до Р. Х. произошла важная перемѣна въ исторіи аттическихъ филъ: были уничтожены Антигониды и Димитріады и образована Атталида.

Вопросъ о времени отміны Антигониды и Димитріады и введенія Атталиды долженъ быть рассматриваемъ въ связи съ общимъ ходомъ событій аѳинской исторіи 200 года. Хронологическую послѣдовательность событій этого года я пытался разобрать въ своей статьѣ „Первый годъ второй македонской войны“ (Ж. М. Н. П. 1894, ноябрь и декабрь, стр. 103 сл., отд. класс. фил.). Въ самомъ началѣ 200 года Аттика подвергается набѣгу со стороны Никанора, полководца Филиппа (стр. 108 сл.). Набѣгъ этотъ былъ непродолжителенъ и окончился для аѳинянъ, сравнительно, благополучно, благодаря вмѣшательству римскихъ пословъ, находившихся въ то время въ Аѳинахъ. Во время пребыванія въ Аѳинахъ римскихъ пословъ Атталъ пергамскій стоялъ съ флотомъ у Эгинны. Аѳиняне отправляютъ къ Атталу пословъ съ приглашеніемъ пожаловать въ Аѳины, посовѣтоваться „о настоящемъ положеніи дѣлъ“ (стр. 111 сл.) и устраиваютъ ему торжественную встрѣчу (Polyb. XVI, 25, 3 — 9. Liv. XXXI, 14. 15). Въ ряду оказанныхъ Атталу почестей было и учрежденіе Атталиды, на что прямо указываетъ Поливій (XVI, 25, 9): πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ φιλῆν ἐπώνυμον ἐποίησαν Ἀτάλλω, καὶ κατένεμαν αὐτὸν εἰς τοὺς ἐπώνυμους τῶν ἀρχηγέτων. У Ливія, въ рассказѣ объ учрежденіи Атталиды, несомнѣнная ошибка: tum primum mentio inlata de tribu, quam Attalida appellarent, ad decem

veteres tribus addenda (XXXI, 15, 6) ¹⁾. Ливія, конечно, нельзя считать хорошимъ знаткомъ аѳинскаго государственнаго устройства; что онъ могъ позабыть объ одновременномъ нѣкогда существованіи македонскихъ филь и Птолемаиды, въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго. В. А. Шефферъ (ук. соч., стр. 425) строго говоритъ, по поводу этой ошибки, что весь рассказъ Ливія вызываетъ „сильное недовѣріе къ точности автора“. Поливій, источникъ Ливія въ данномъ случаѣ, не дѣластъ подобной ошибки: онъ говоритъ только „πρὸς τὰρ τοῖς ἄλλοις“ и т. д. Итакъ, мнѣ представляется вѣроятнымъ, что постановленіе аѳинянъ объ учрежденіи Атталиды могло состояться въ началѣ 200 года (положимъ, въ январѣ). Я говорю нарочно *постановленіе* объ учрежденіи, а не самое учрежденіе Атталиды. Между этими двумя фактами, естественно, должно было пройти нѣкоторое время: вѣдь не всякій указъ вводится въ дѣйствіе тотчасъ же послѣ его изданія; къ тому же, организовать новую филу—дѣло не одного дня, не одной недѣли. Очень можетъ быть, что аѳиняне въ принципѣ рѣшили уже тогда отмѣнить македонскія филь ²⁾; но опять-таки оффиціальной отмѣны ихъ не произошло, и аѳиняне не порвали окончательно съ Македоніей. Я считаю излишнимъ задаваться вопросомъ, сколько въ первую половину 200 года было въ Аѳинахъ филь: 11 или 14 ³⁾: Аѳинянамъ въ ту пору врядъ-ли было время, да и интересъ, заниматься числомъ существующихъ у нихъ филь. Вскорѣ послѣ набѣга Никанора въ Аттику вторгается (въ мартѣ — апрѣлѣ?) опять соединенное акарнано-македонское войско и опустошаетъ ее огнемъ и мечомъ ⁴⁾. Аѳины въ критическомъ положеніи: они обращаются за помощью въ Римъ, въ Египетъ, къ Атталу, критянамъ ⁵⁾. Только послѣ того, какъ въ Аѳины былъ посланъ Г. Клавдій Центонъ съ 20 военными кораблями и 1.000 солдатъ, опустошеніе Аттики, надо полагать, прекратилось ⁶⁾. Мы знаемъ, что, кромѣ набѣговъ македонянъ, аттическая территорія, въ то же время, была тревожима нападеніями со стороны Коринѣскаго перешейка чрезъ Мегариду; не давали покоя

¹⁾ Pausan. I, 5, 5: οἷδε μὲν εἰσιν Ἀθηναίους ἐπώνυμοι τῶν ἀρχαίων. ὕστερον δὲ καὶ ἀπὸ τῶνδε φυλᾶς ἔχουσιν, Ἀττάλου τοῦ Μωσοῦ καὶ Πτολεμαίου τοῦ Αἰγυπτίου καὶ κατ'ἐμὲ ἥδη βασιλέως Ἀδριανοῦ. Ср. I, 8, 1.

²⁾ Ср. Первый годъ второй македонской войны, стр. 113.

³⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 427, думаетъ, что «между отмѣною Антигониды и Димитриады и учрежденіемъ Атталиды протекло нѣкоторое, вѣроятно, непродолжительное время, когда въ Аѳинахъ было всего одиннадцать филь». Но онъ рѣшаетъ вопросъ, не справляясь съ общимъ ходомъ аѳинскихъ событій 200 г.

⁴⁾ См. Первый годъ и т. д., стр. 114 сл.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 119. 121. 123 сл.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 126.

приморской области Аттики и каперскія суда ¹⁾. Гдѣ тутъ было думать аѳинянамъ объ организаціи Атталиды?

Наступаетъ лѣто 200 года. Въ началѣ его (можетъ быть, въ іюнѣ) происходитъ первое нападеніе Филиппа на Аѳины и послѣдовавшее за нимъ опустошеніе Киносарга, Ликея, внѣшняго Керамика; „ничто, ни божеское, ни человѣческое, не спаслось предъ необузданнымъ гнѣвомъ Филиппа“. Филиппъ пытается неожиданнымъ нападеніемъ захватить храмъ и крѣпость элевсинскую, но онъ вынужденъ отказаться отъ этого намѣренія, узнавъ, что Элевсинъ хорошо защищенъ и что туда направляется флотъ изъ Пирея. Филиппъ уходитъ сначала въ Мегару, потомъ въ Коринѣ, наконецъ, на ахейское собраніе въ Аргосъ ²⁾.

За этимъ первымъ нападеніемъ Филиппа быстро слѣдуетъ второе, еще болѣе ужасное. По словамъ Ливія, погромъ Аттики прекратился не потому, что у царя стихъ гнѣвъ, а потому, что уже громить было нечего. Послѣ того Филиппъ удалился въ Віотію и „не совершилъ въ Греціи чего-либо другого, достойнаго упоминанія“ ³⁾.

Двоекратное нападеніе Филиппа на Аѳины всѣми учеными, насколько я знаю, относится къ 200 году ⁴⁾. Разъ всѣ согласны въ томъ, что оно случилось дѣйствительно въ 200 году, необходимо, кажется мнѣ, признать, что оно могло имѣть мѣсто только *лѣтомъ* 200 года. Иначе трудно согласовать съ нимъ то, что Ливій рассказываетъ о враждебной демонстраціи аѳинянъ противъ Филиппа и Македоніи (XXXI, 44). Ливій говоритъ: „флотъ изъ Керкиры, *въ началѣ того же лѣта* (ejusdem principio aestatis), отправившійся подъ командою легата Л. Апустія . . . соединился съ царемъ Атталомъ. *Тогда-то* аѳинское государство, ненависть котораго противъ Филиппа сдерживалась въ теченіе долгаго времени только страха ради, излило ее всю на него въ надеждѣ на прибывшую помощь... Немедленно было внесено предложеніе, принятое народомъ, чтобы всѣ статуи и изображенія Филиппа, надписи на нихъ, а также изображенія его предковъ, въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи, были уничтожены и разрушены; чтобы празднества, жертвоприношенія, жрецы, въ честь его и его предковъ установленныя, были упразднены; чтобы тѣ мѣста, гдѣ что-либо было поставлено или написано въ ихъ честь, были преданы проклятію; чтобы

¹⁾ Первый годъ и т. д., стр. 129.

²⁾ Тамъ же, стр. 130 сл.

³⁾ Тамъ же, стр. 133 сл.

⁴⁾ Ср. Моммзенъ, Римская исторія I, стр. 700, русск. пер. Hertzberg, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer I, p. 62. Ihne, Römische Geschichte III, p. 21 сл. Holm, Griechische Geschichte IV, p. 439.

на нихъ никогда впослѣдствіи нельзя было воздвигать и посвящать ничего, что требуетъ чистаго мѣста; чтобы государственные жрецы, всякій разъ, когда они будутъ возносить молитвы за аѳинскій народъ, его союзниковъ и ихъ войска и флоты, всякій же разъ проклинали бы и заклинали Филиппа, его дѣтей, его царство, македонскія сухопутныя и морскія силы, все племя и имя македонянъ. Прибавлено было къ декрету: если кто-либо впослѣдствіи предложить что-либо, относящееся къ безчестию и стыду Филиппа, народъ аѳинскій долженъ все это утвердить. А если кто скажетъ или сдѣлаетъ что-либо въ его честь, справедливо поступить тотъ, кто его убьетъ. Наконецъ, включено было въ декретъ, чтобы всѣ тѣ постановленія, которыя нѣкогда были изданы противъ Писистратидовъ, имѣли бы силу и по отношенію къ Филиппу“ (Liv. XXXI, 44, 4—8). В. А. Шефферъ (ук. соч., стр. 424) совершенно справедливо указываетъ, что „противъ этого взрыва ненависти не могли устоять и обѣ македонскія филы“. Уничтоженіе Антигоны и Димитріады, думается мнѣ, и случилось въ срединѣ лѣта 200 года ¹⁾.

Теперь, когда съ Македоніей произошелъ окончательный разрывъ и Филиппъ „не совершилъ въ Греціи чего-либо другого, достойнаго упоминанія“, а слѣдовательно и прекратилъ свои набѣги на Аѳины, послѣднія вздохнули свободнѣе. Теперь аѳиняне могли обратиться къ организаціи Атталиды, проектъ учрежденія которой былъ составленъ, какъ мы видѣли выше, полгода тому назадъ; повторяю опять, что проектъ этотъ могъ „пролежать подъ сукномъ“ такъ долго потому, что аѳинянамъ некогда было думать о приведеніи его въ исполненіе. Ливій, рассказавъ о враждебной демонстраціи аѳинянъ противъ Филиппа, продолжаетъ: „Attalus Romanique cum Piræum primo ab Hermione petissent, paucos ibi morati dies oneratique aequè immodicis ad honores sociorum, atque in iram adversus hostem fuerant, Atheniensium decretis navigant a Piræo Andrum“ (XXXI, 45, 1—2). Быть можетъ, въ числѣ этихъ „immodica ad honores sociorum decreta“ былъ и декретъ о

¹⁾ Относна Антигоны и Димитріады и учрежденіе Атталиды всѣми исследователями относится къ 200 году: ср. Gilbert, Handbuch der griechischen Staatserthümer I², p. 222 сл. Busolt, Die griechischen Staats- und Rechtserthümer², p. 192. Toepffer, Pauly-Wissowa RE. I 2405. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten I², p. 775 (относительно Атталиды). Разъ всѣ согласны въ томъ, что эти факты имѣли мѣсто въ 200 году, необходимо, исходя изъ Ливія, относить ихъ, какъ я указываю, къ лѣту этого года. Если факты 200 года мною распределены неправильно, то, въ такомъ случаѣ, придется перемѣщать всѣ событія съ лѣта 200 года на лѣто 199 года, что ведетъ къ страшной путаницѣ (ср. Первый годъ и т. д., стр. 143).

приведеніи въ исполненіе прежняго проэкта касательно учрежденія Атталиды.

Въ связи съ отмѣною македонскихъ филъ и учрежденіемъ Атталиды стоитъ изданіе аѳинскимъ правительствомъ любопытной надписи, СІА II 991, представляющей собою остатокъ списка димовъ по филамъ. Надпись эта (я имѣлъ уже случай касаться ея выше) дошла до насъ въ самомъ печальномъ состояніи. Кёлеръ, издавая ее въ СІА, замѣчаетъ: *superficies lapidis nunc ita comparata est, ut in dies magis evanescant, quae in ea quondam scripta fuerunt*. Новѣйшій изслѣдователь надписи, Р. Х. Лёперъ, говоритъ о ней: „надпись эта, къ сожалѣнію, плохо сохранившаяся, и не цѣлая, заключала въ себѣ единственный въ своемъ родѣ и неизвѣстно, для какой цѣли составленный, списокъ по филамъ димовъ, вѣроятно, одиннадцати филъ. Вошли въ списокъ почему-то не всѣ димы каждой филы“ ¹⁾. Р. Х. Лёперъ сообщилъ мнѣ, и это особенно для насъ важно, что съ лѣвой стороны камень цѣлъ, такъ что надпись, дѣйствительно, начиналась съ перечисленія димовъ Эрехоиды. Верхняя, нижняя и правая части камня обломаны. Надпись составлена, несомнѣнно, послѣ отмѣны македонскихъ филъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ надписи димы, принадлежавшіе македонскимъ филамъ, являются теперь приписанными къ ихъ прежнимъ филамъ ²⁾. Съ другой стороны выходитъ, что надпись СІА II 991 составлена въ то время, когда еще не произошло окончательной организаціи Атталиды. Въ списокѣ димовъ Эрехоиды мы находимъ, какъ выше упомянуто, обѣ Агрилы, между тѣмъ одна изъ нихъ отошла въ Атталиду; въ списокѣ димовъ Эгиды стоятъ обѣ Анкилы, а одна изъ нихъ позже является димомъ Атталиды; въ списокѣ димовъ Пандіониды названъ [Προβ]άλ[ινθος] (на камнѣ сохранилось) ΚΑΛ.), отошедшій въ Атталиду. Итакъ, выходитъ, что въ надписи СІА II 991 названы были димы только 11 филъ ³⁾.

Назначеніе надписи предугадано отчасти В. А. Шефферомъ. Это

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1891, дек., стр. 92. Ath. Mitt. XVII, p. 339.

²⁾ Такъ, въ списокѣ димовъ Эрехоиды и Эгиды стоятъ, вѣроятно, обѣ Агрилы и обѣ Анкилы, а въ эпоху существованія македонскихъ филъ, одна изъ Агрилъ и одна изъ Анкилъ принадлежали Антигонидѣ; точно также въ списокѣ димовъ Эрехоиды находимъ оба дима Αγρίπραι, а одинъ изъ нихъ до того принадлежалъ Антигонидѣ; въ Эгиду попала уже Αἰόμ[εια], димъ, принадлежавшій Антигонидѣ. То же самое надо сказать и относительно димовъ Βατῆ и Γαργητῆος.

³⁾ Быть можетъ, скажетъ кто-нибудь, что въ надписи могли быть названы и димы Атталиды, ибо кто поручится, что димы Ἀγρολῆ, Ἀγρολῆ и Προβάλινθος вошли въ составъ Атталиды тотчасъ же послѣ ея образованія, а не спустя нѣкоторое время? Мнѣ эта возможность кажется, однако, очень мало вѣроятной.

былъ, говоритъ онъ (ук. соч., стр. 427), „официальный документъ, выставленный для пользованія публики немедленно по отмѣнѣ Антигониды и Димитриады: прошло болѣе столѣтія со времени ихъ учрежденія, и только путемъ тщательнаго изученія актовъ можно было узнать, къ какой филѣ прежде принадлежали ихъ димы и въ ту пору должны были быть возвращены“. Пожалуй, такого рода документъ былъ необходимъ не только для аѳинской публики, но и для самого аѳинскаго правительства: и для него, при происходившей въ ту пору перемѣнѣ въ устройствѣ филъ—отмѣна двухъ филъ и учрежденіе вмѣсто нихъ одной новой — было далеко не лишнимъ имѣть подъ руками статистическій списокъ димовъ, составлявшихъ аѳинскую территорію. Въ Аѳинахъ были въ обычаѣ подобныя „каталоги“; вспомнимъ, хотя бы, списки архонтовъ и т. п.

Любопытно было бы опредѣлить, дѣйствительно-ли въ списокѣ СІА II 991 поименованы были всѣ димы. При печальномъ состояніи надписи, опредѣленно рѣшить этотъ вопросъ въ ту или иную сторону, конечно, будетъ дѣломъ рискованнымъ. Но все-таки нѣкоторые соображенія, кажется мнѣ, скорѣе говорятъ въ пользу того, что въ списокѣ СІА II 991 названы были всѣ димы.

Возьмемъ списокъ димовъ Эрехоиды, который можетъ быть составленъ почти цѣликомъ. Изъ ся димовъ не названы: 'Αναγυροῦς, Θηριαχός и Κηφισία. Θηριαχός, какъ димъ Птолемаиды, исключается. Остается помѣстить димы 'Αναγυροῦς и Κηφισία. Р. Х. Лёперъ (Ath. Mitt. XVII, р. 348) помѣщаетъ 'Αναγυροῦς между нижней Агрилой и верхними Ламптрами: „die Spuren des Oberteiles eines ρ an der Stelle des sechsten Buchstabens glaubte ich noch am Steine erkennen zu können“ (ср. Ж. М. Н. П. 1893, февр., стр. 94 сл.). Хотя въ копіи СІА вовсе нѣтъ упоминанія объ этой строкѣ съ остатками ρ, но я охотно вѣрю Р. Х. Лёперу, имѣвшему возможность изучать надпись въ оригиналѣ. Но куда помѣщать Кифисію? Мнѣ кажется, только наверхъ, въ 4-ую строку, такъ какъ за послѣднимъ димомъ Эрехоиды, Φηγεῖς; слѣдуетъ ясно перечисленіе димовъ Эгіиды ¹⁾. Тогда въ 3-ей

¹⁾ Правда, если помѣщать Кифисію въ 4-ю строку, тогда нарушается система расположения димовъ по третіямъ въ СІА II 991, которую желаетъ установить Р. Х. Лёперъ. Но, быть можетъ, Р. Х. Лёперъ увлекается въ общей оцѣнкѣ этого списка. Ср. замѣчанія Милъхёфера, Ath. Mitt. XVIII, р. 290 сл.: hier sei nur bemerkt, dass die Auswahl von Demeen, welche wir darin für die ersten fünf Phylen ganz oder bruchstückweise besitzen, zwar regelmässig mit städtischen anhebt, in Bezug auf die Paralia und Mesogaia aber entweder keine konstante Reihenfolge wahrt oder bisweilen eine dieser Landschaften überhaupt vernachlässigt.

строкъ стояло обозначеніе филы, а въ 2-хъ первыхъ прескрипты. Итакъ, въ Эрехоидѣ были названы всѣ димы. По моему расчету вышло, что и димы филъ Эгиды, Пандіониды, Леонгиды и Птолемаиды были названы всѣ. Расчетъ этотъ я произвелъ слѣдующимъ образомъ: я представилъ себѣ надпись всю, цѣликомъ сохранившуюся (тогда выходитъ, что въ каждомъ столбцѣ было 42 строки) и въ свободныя мѣста сталъ вписывать неназванные димы. Если, такимъ образомъ, вписать всѣ димы Эгиды, Пандіониды ¹⁾, Леонгиды и Птолемаиды, то получится, что перечисленіе димовъ одной филы непосредственно примыкаетъ къ перечисленію димовъ слѣдующей за ней филы. Выписывать весь этотъ расчетъ здѣсь заняло бы слишкомъ много мѣста. Къ тому же, признавая вполне искусственность подобнаго расчета, я не могу претендовать на его непреложную истину.

Послѣ этого длиннаго отступленія я возвращаюсь къ Атталидѣ. Она заняла послѣднее т. е. XII-ое мѣсто въ ряду аттическихъ филъ. Вотъ сопоставленіе документовъ, въ которыхъ упоминаются димы Атталиды:

CIA II 444 (16⁴/₃, Homolle, Bull. de corr. hell. XVII, p. 164), почетное постановленіе въ честь побѣдителей на Оисіяхъ: . . . τῶν ἐπι-
[λέχ]των εὐανδρία. φολὴ ἐνί[χα] 'Ατ[τ]αλῆς [τα]ξιαρχοῦντος 'Αργείου [τοῦ]
'Ασκλά[π]ωνος 'Ατηνέως.

CIA II 446 (15⁶/₅), почетное постановленіе въ честь побѣдителей на Оисіяхъ: . . . τῶν ἐπιλέκτων εὐανδρία. φολὴ ἐνίχα 'Ατταλῆς
ταξιαρχοῦντος [Τι]μοκλέους τοῦ Τιμοκλέους 'Α[γν]ουσίου.

Далѣе слѣдуютъ афивическіе документы:

CIA II 469 (12²/₁): 'Αθμονεύς (2), Προβαλίσιος (3), 'Απολλων[ιεύς] (1),
'Αγκυλῆθεν (1), Σουινεύς (1).

CIA II 470 (10⁷/₆): Σουινεύς (2), 'Αθμονεύς (1), 'Ατηνεύς (2), 'Αγρυ-
λῆθεν (1), Προβαλίσιος (1).

CIA II 465 (10³/₂): Προβαλίσιος (2), 'Απολλωνιεύς (1), 'Ατηνεύς (1),
'Αθμονεύς (1).

CIA II 467 (10¹/₀): Σουινεύς (1), Турμείδης (2), 'Αθμονεύς (1), Κο-
ρυδαλ(ιεύς) (1), Τριμεμε(εύς) (1).

CIA II 481 (втор. полов. I в. до Р. X.): Σουινεύς (2).

CIA II 483: Προβαλίσι[ος] (1), 'Ατηνεύς (2).

Ср. CIA II 426 (II в. до Р. X.), обломокъ почетнаго постановленія въ честь притановъ Атталиды; ихъ секретарь: Εὐ[βου]λος Προ[β]α-
[λ]ίσιος.

¹⁾ Списокъ Пандіониды могъ начинаться еще въ I столбцѣ, ср. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 373.

Надписи императорской эпохи:

CIA III 1276 (время Августа), *resensus Amynandridarum*: Ἀτταλίδος: Ἀθμονεύς (3), Σουινεύς (3), Ἀπολλωνεύς (1).

Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1890, p. 113 сл., обломокъ списка притановъ Атталиды (перв. полов. II в. по Р. X.): Ἀθμ(ονεύς) (1), Σουινεύς (1).

CIA III 1040, почетное постановленіе въ честь притановъ Атталиды (ок. 180): Σουινεῖς (16), Ἀ[γν]ούσιοι (3), Турμειδαί (2), Ἀθμονεῖς (18), Κο[ρ]υδα[λ]λ[εῖς] (1), Π[ρ]ο[β]αλί[σιοι] (1).

CIA III 1055, обломокъ документа, подобнаго предыдущему (нач. III в. по Р. X.): Ἀθμον[εῖς].

CIA III 1058, обломокъ такого же содержанія и того же времени: Ἀθμονεύς (1), Προβαλίσιος (2).

Эфивическіе документы:

CIA III 1091 (83—96): Σουιν(εύς) (2).

CIA III 1092 (ок. 100): Ἀγνούσιος (1), Ἀθμον(εύς) (2).

CIA III 1113 (140—150): Ἀγν(ούσιος) (1), Σουινε(ύς) (1).

CIA III 1120 (150¹/₁): Ἀ[θ]μο(νεύς) (1), Σουινεύς (1), Ἀγνούσιος (1), Ἀπολλ(ωνιεύς) (1).

CIA III 1121 (156): Σου(ινεύς) (2), Κορυδαλλεύς (1), Ἀθμ(ονεύς) (2), Турμ(ειδης) (1).

CIA III 1128 (165): Οἰόθεν (1), Σου(ινεύς) (2), Ἀγνούσιος (1), Турμ(ειδης) (1).

Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1893, p. 71 (ок. 160⁶/₇): Ἀθμονεύς (2), Σουινεύς (2), Κορυδαλλεύς (1).

CIA III 1133 (171): Ἀγνούσιος (3), Ἀθμονεύς (1).

CIA III 1138 (174¹/₅—177¹/₈): Ἀθμ(ονεύς) (1), Σου(ινεύς) (1), Κορυδαλλεύς (1), Ἀγν(ούσιος) (3), Турμ(ειδης) (1), Οἰόθεν (2).

CIA III 1147 (180—192): Ἀγνούσιος (4), Σουин(εύς) (1).

CIA III 1160 (192¹/₃): Σου(ινεύς) (1), Ἀγн(ούσιος) (1), Ἀπολλ(ωνиεύς) (1).

CIA III 1163 (190—200): Ἀθμ(ονεύς) (2), Ἀγνούσιος (1).

CIA III 1171 (197¹/₈—207¹/₈): Ἀγνούσιος (2), Ἀθμονεύς (1).

CIA III 1177 (212¹/₃—221¹/₂): Οἰ[ό]θεν (1), Χολар(γевс) (1).

CIA III 1179 (послѣ 213): Σουин(εύς) (1).

Ср. Ἀθήναιον VII (1878), p. 390, обломокъ эфивическаго списка (нач. III в.): Ἀθμονεύς (1).

Сопоставляю полученные димы Атталиды въ алфавитномъ порядкѣ:

1) Ἀρχύλη Πα (ср. выше). Со времени образованія Атталиды одна

изъ Анкиль находилась въ этой филѣ, другая оставалась въ Эгидѣ: CIA II 471. 470. 465. III 1091. 1092. Анкила Атталиды въ надписяхъ императорской эпохи не упоминается.

2) Ἀγκυῶς Vc, ср. Steph. Byz. и Hesych. п. сл. Ἀγκυῶς.

3) Ἀγρολή Ia, ср. Hesych. п. сл. Ἀγρολή. Одна изъ Агриль (по Мильхгёферу, Pauly-Wissowa, R. E., I 908 ὑπένερθεν) принадлежала Атталидѣ, другая оставалась въ прежней филѣ Эрехоидѣ: CIA II 469. III 1076. 1113. 1113a. Въ надписяхъ императорской эпохи Агрила Атталиды не встрѣчается ¹⁾.

4) Ἀθμονον VIIc, ср. Hesych. п. сл. Ἀθμονεύς· φυλὴ τῆς Ἀθιδος· Ἀθηῶας. Быть можетъ, вмѣсто этого слѣдуетъ читать: φυλῆς τῆς Ἀτταλίδος (какъ и Фиксъ) δῆμος (вм. δημότης, ср. у Исихія же п. сл. Σουινεύς· Σουινῆς, δῆμος; Χολαργῆς· δῆμος φυλῆς Ἀχαμαντίδος) ²⁾.

5) Ἀπολλωνιεῖς, единственный димъ, вновь образованный для Атталиды, названъ по имени жены Аттала, Аполлоніи (или Аполлоніады), ср. Polyb. XXI, 20. Suidas п. сл. Ἀπολλωνιάς. Steph. Byz. п. сл. Ἀπολλωνιεῖς. Hesych. п. сл. Ἀπολλωνιεῖς (δῆμος τῆς Ἀττικῆς φυλῆς. . . . Legendum igitur δῆμος τῆς Ἀττικῆς Ἀτταλίδος φυλῆς, pro δ. φ. τ. Ἀττικῆς M. Шмидтъ, Hesych. Lexic. I, p. 250).

6) Ἀτήνη X b, ср. Steph. Byz. п. сл. Ἀτήνη· δῆμος τῆς Ἀντιохίδος φυλῆς. Φρόνιχος δὲ τῆς Ἀτταλίδος (рекп. Αἰολίδος) φησιν.

7) Κορυδαλλός VIIa.

8) Οἶον VIIa. Въ IV в. было два дима съ такимъ именемъ: димъ Леонтиды—Οἶον Δεκαλειχόν и димъ Иппооонтиды—Οἶον Κεραμειχόν (Loeper, Ath. Mitt. XVII, p. 379 сл., ср., впрочемъ, замѣчанія Мильхгёфера, Ath. Mitt. XVIII, p. 301). Οἶον Атталиды взять былъ изъ Иппооонтиды, такъ какъ Οἶον Леонтиды встрѣчается въ этой филѣ и послѣ образованія пергамской филы: CIA II 1049. III 1231. 1076. 1092. 1093. 1113. 1114. 1120. 1121. 1124. 1132. 1133. 1138. 1142. 1145. 1160. 1176. 1177.

9) Προβάλινθος III (b или c, ср. Milchhoefer, Ath. Mitt. XVIII, p. 280).

10) Σούκιον IVb, ср. Schol. Aristoph. Nub. 401.

11) Τρινεμεῖα. Въ IV в. этотъ димъ принадлежалъ Кекропидѣ. О принадлежности Тринеміи Атталидѣ упоминается только въ CIA II 467,

¹⁾ Въ CIA II 467 . . . εἰδης Βαχίου Ἀγρολῆθεν названъ эфивомъ Эгиды; здѣсь Ἀγρολῆθεν написано, вѣроятно по опискѣ, вмѣсто Ἀγκολῆθεν. Никакихъ другихъ данныхъ относительно существованія Агрилы въ Эгидѣ не имѣется.

²⁾ Поправка М. Шмидта (Hesychii Lexicon I, p. 64): δῆμος τῆς Ἀττικῆς Κεκροπίδος φυλῆς далека отъ рукописнаго преданія.

гдѣ послѣднимъ эфивомъ Атталиды названъ: Δημοφῶν Δημητρίου ΤΡΙ-
NEME. Есть основаніе сомнѣваться въ правильности этого чтенія.
Дѣло въ томъ, что, и послѣ образованія Атталиды, димъ Τρινεμεῖα
встрѣчается въ Кекропидѣ: CIA II 465. III 1037. 1100. Быть можетъ,
вмѣсто ΤΡΙNEME слѣдуетъ читать ΤΥΡΜΕΙ ¹⁾).

12) Τυρμεῖδαι VIa.

13) Χολαργός. Въ эпоху 10-ти филъ Χολαργός принадлежалъ Акамантидѣ. И послѣ образованія Атталиды димъ этотъ упоминается во мно-
гихъ надписяхъ также въ качествѣ дима Акамантиды: CIA II 465. 956.
III 1030. 1031. 1113 a. 1114. 1121. 1124. 1153. 1177. 1186. 1193.
1229. Въ виду этого, единственное упоминаніе о принадлежности Хо-
ларга Атталидѣ въ поздней надписи CIA III 1177 (нач. III в. по
Р. X.), гдѣ эфивомъ названъ нѣкій Αὐ(ρήλιος) Σόφος Πειρέως Χολαρ-
(γούς), приходится считать, вѣроятно, недоразумѣніемъ; тѣмъ болѣе, что
и на камнѣ этотъ δημοτικόν въ CIA III 1177 имѣетъ странную форму
ΧΟΛΛΑΡΕ.

14) Οἰνὼν IXb, ср. Hesyeh. п. сл. Οἶναι· οἱ μὲν τῆς Ἀτταλίδος (по-
правка Скалигера, реч. Ἰτταλίας), οἱ δὲ τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς εἶναι.
Что Иноя перешла изъ Иппоонтиды въ Птолемаиду, объ этомъ мы го-
ворили выше. Относительно принадлежности Οἰνὼν Атталидѣ подтвер-
жденія въ эпиграфическихъ памятникахъ пока нѣтъ; но и Οἰνὼν Эантиды
въ надписяхъ послѣ 200 г. не встрѣчается. Диттенбергеръ (Hermes IX,
p. 395), по моему, былъ правъ, предположивъ, что изъ Эантиды димъ
Οἰνὼν былъ перенесенъ въ Атталиду. Ниже мы увидимъ, что, при об-
разованіи Адрианиды, въ эту филу взято было по одному диму изъ каж-
дой изъ 12-ти филъ; если отрицать принадлежность Инои Атталидѣ, то
выходить, что Атталида была единственною филою, не удѣлившею сво-
его дима для Адрианиды.

Для образованія Атталиды взято было по одному диму изъ каж-
дой клисѣеновой филы, за исключеніемъ Иппоонтиды, которая дала

¹⁾ Диттенбергеръ, Hermes IX, p. 411 не соглашался на такое исправленіе.
По поводу Тринемии онъ говоритъ: bei dieser Sachlage ist nicht zu entscheiden, ob der
Demos etwa getheilt wurde, so dass der Haupttheil immer in der Kekropis blieb, oder ob der
ganze Demos in die Attalis versetzt, aber zeitig der Kekropis zurückgegeben wurde, so dass
es in der Kaiserzeit überhaupt nur in der Kekropis Trinemeer gab. Къ сожалѣнію, другихъ при-
мѣровъ подобнаго дѣленія и странствованія димовъ изъ одной филы въ другую не
имѣется. Eine dritte Möglichkeit, dass das einzige für Trinemea in der Attalis vorkom-
mende Zeugnis auf einer Verwechslung zwischen einem Τρινεμεῖος und einem Τυρμεῖδης be-
ruhe, hat geringere Wahrscheinlichkeit, denn diese Demotiken sind sich doch bei weitem nicht
so ähnlich, wie Φηγαῖος und Φηγοῖσιος, Ἀγρολῆθεν und Ἀγρολῆθεν, deren Verwechslung
oben nachgewiesen ist.

въ Атталиду два дима—Κορυθαλλός и Οἶον, оба принадлежавшіе городскому округу ¹⁾). Городской округ далъ для Атталиды 5 димовъ, береговой 4 (3), срединный 2 (3) (ср. выше о димѣ Προβάλινθος). Надо замѣтить также, что въ число 11-ти димовъ Атталиды вошло 4 дима (Ἀγρολή, Ἀγροῦς, Ἀγκύλη, Ἀτήνη), принадлежавшихъ въ свое время македонскимъ филамъ.

Самыми населенными димами Атталиды оказываются: Σούμιον, Ἀδριον и Ἀγροῦς, менѣе всего населенными—Ἀγκύλη и Ἀγρολή.

Время образованія Адрианиды, филы, учрежденной въ честь императора Адриана, приурочивается обыкновенно къ одному изъ пребываній Адриана въ Аѳинахъ, скорѣе ко второму, чѣмъ къ первому ²⁾).

Исслѣдовать подробно не разъ разбиравшуюся хронологію путешествій Адриана по Греціи и время пребыванія его въ Аѳинахъ, потребовало бы много времени, еще больше мѣста. Но кстати, быть можетъ, будетъ указать на то, что для рѣшенія этого вопроса далеко не послѣднее значеніе имѣютъ теперь двѣ эпидаврійскія надписи, изданныя Каввадією въ его „Fouilles d'Epidaure“ (Athènes, 1893), №№ 226 и 35, и разобранныя имъ въ указанной въ примѣчаніи статьѣ. На основаніи первой изъ этихъ надписей (ср. Gardthausen, Rhein. Mus. 1890, p. 658) оказывается, что первое пребываніе Адриана въ Греціи имѣло мѣсто не въ 12⁵/₆ г., какъ вывелъ Дюрръ (Die Reisen des Kaisers Hadrian, Wien, 1881), а въ 124 г., какъ предполагалъ Диттенбергеръ (СІА III 735). Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что посвященіе храма Зевса Олимпійскаго и учрежденіе Панеллинія неудобно приурочивать ко времени второго путешествія Адриана по Греціи, т.-е. къ 129 году (по Дюрру). На основаніи второй изъ указанныхъ надписей, поставленной въ связь съ первою, выходитъ, что эти событія произошли въ 131 году. Предположеніе Каввадіи (Δελт. Ἀρχαιολ. 1892, p. 117), что посвященіе храма Зевса Олимпійскаго и учрежденіе Панеллинія случилось въ присутствіи въ Аѳинахъ самого Адриана, вполне правдоподобно. А это ведетъ къ тому, что Адрианъ былъ въ Аѳинахъ и въ третій разъ въ 131 году, какъ предполагали въ свое время Гаакъ и Флеммеръ (Pauly, R. E. III 1033). Принимая во вниманіе все это, равно какъ и соображенія В. А. Шеффера (ук. соч., стр. 428 сл.), учрежденіе Адрианиды, думается мнѣ, могло произойти между 129—131 годами.

¹⁾ Быть можетъ, Иппооэвтида дала два дима въ пергамскую филу взамиѣнъ Птолемеиды, которую, какъ недавно образованнію, не хотѣли трогать.

²⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 427 сл. Ср. Καβαδάς, Περί τῆς ἐπιδημίας τοῦ Ἀδριανοῦ εἰς τὴν Ἑλλάδα καὶ τῆς καθιερώσεως τοῦ Ὀλυμπίου. Δελт. ἀρχαιολ. 1892, p. 113 сл.

Адріанида заняла седьмое, среднее, мѣсто въ ряду аттическихъ филъ.

Сопоставляю надписи, гдѣ упоминаются димы, вошедшіе въ составъ Адріаниды:

CIA III 1041 (ок. 160), списокъ притановъ Адріаниды: Ἐλεούσιοι, Ὕαθεν.

CIA III 1113 (14³/₄): Βησαι(εύς) (3).

CIA III 1113 a (14⁴/₅): Ἰταῖος (2), Βησαιεύς (2), Ἀφιδ(ναῖος) (1), Ἀντινο(εύς) (1), Οἰναῖος (1).

CIA III 1114 (147): Πα(μβωτάδης) (1), Τριχο(ρύσιος) (1), Ὕα(θεν) (1), Ἀν(τινοεύς) (1), Φηγού(σιος) (1), Βησ(αιεύς) (1), Φη(γαιεύς) (1).

CIA III 1120 (15¹/₂): Ἐ[λαιούσιος] (1), Οἰ[ναῖος] (1).

CIA III 1121 (156): Τριχο(ρύσιος) (3), Βησαι(εύς) (3), Παμ(βωτάδης) (1), Δαιδ(αλίδης) (1), Ἀντι(νοεύς) (2).

CIA III 1124 (150—160): Βη(σαιεύς) (2).

CIA III 1128 (165): Δαιδα(λίδης) (1), Ἰταῖος (1), Σχαμβ(ωνίδης) (1), Βησαι(εύς) (2), Θριά(σιος) (1), Ὕαθεν (1).

CIA III 1133 (171): Ἐλε(ούσιος) (1), Δαιδαλίδης (2).

CIA III 1137 (172—7): Πανβω(τάδης) (1), Φηγ(αιεύς) (1).

CIA III 1142 (ок. 188): Φη(γαιεύς) (1), Τ(ριχορύσιος) (1).

CIA III 1153 (ок. 190): Βησαι(εύς) (2), Οἰν(αῖος) (4), Φηγ(αιεύς) (1), Ὕαθ(εν) (1).

CIA III 1160 (19²/₃): Βησ(αιεύς) (3), Φηγαι(εύς) (2), Ὕαθ(εν) (1), Ἀφιδ(ναῖος) (1).

CIA III 1163 (190—200): Ἰταῖ(ος) (2), Δαιδα(λίδης) (1), Παμ(βωτάδης) (2), Σχαμβ(ωνίδης) (1), Φη[γ]αι(εύς) (1), Οἰναῖ(ος) (1).

CIA III 1171 (19⁷/₈—20⁷/₈): Ἀντι(νοεύς) (2).

CIA III 1172 (19⁷/₈—20⁷/₈): Ἀν(τινοεύς) (2), Ἐλε(ούσιος) (1).

CIA III 1177 (21²/₃—22¹/₂): Βη(σαιεύς) (1).

CIA III 1180 (послѣ 21²/₃): Βησ(αιεύς) (3), Ἀντι(νοεύς) (1), [Ἰ]ταῖ(ος) (1).

CIG 2309, дилосская надпись, обломокъ эфивического списка: Ἐ[λαιούσιος] (1), Ὕα[θεν] (1), Φη[γ]αιεύς (1).

Полученные димы располагаю въ алфавитномъ порядкѣ (римская цифра означаетъ порядокъ филъ, бывшій до Адріана, съ Птолемапдою на V-мъ, Атталидою на XII-мъ мѣстѣ):

1) Ἀντινοεῖς, вновь образованный димъ, названный по имени Адріанова любимца Антиноя.

2) Ἀφιδνα Vc.

- 3) Βῆσα XI b.
- 4) Δαιδαλίδαі VIII (с?).
- 5) Εἰτέα VI a.
- 6) Ἐλαιοῦς IX (b?).
- 7) Θρῖα VII b.
- 8) Ὑοα III c.
- 9) Οἰνόη XII b.
- 10) Παμβωτάδαі I b.
- 11) Σκαμβωνίδαі IV a.
- 12) Φηγαία II b ¹⁾.

Итакъ, для образованія Адрианиды каждая изъ 12-ти существовавшихъ въ то время филъ дала по одному диму. По населенію, всѣ димы Адрианиды оказываются болѣе или менѣе равными; только димъ Βῆσα является болѣе населеннымъ въ сравненіи съ остальными.

¹⁾ Былъ еще димъ Φηγαία въ Пандіонидѣ, но въ надписяхъ императорской эпохи онъ не встрѣчается. Ср. Dittenberger, *Hermes* IX, p. 397. Φηγαία Эгіиды упоминается въ CIA III 1076, эфв. спис. 7 г. до Р. X. (*Bull. de corr. hell.* XVII, p. 179).

Клисеены фиды (число указывает на количество известных намъ димовъ, входившихъ въ составъ каждой фиды, см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 431—433).	Α ν τ ι
I. Эрехеида (14)	Ἀγρολή, Λ.
II. Эгияда (21)	Ἀγκύλη, Γ. имп. эпохи не упоминается димъ Κολωνός. О димѣ μετ (3) 1202 ср. Р. X. Лёперъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек.
III. Пандионида (12)	Κοδαῖνη имп. эпохи не упоминается димъ Φηγαια. О димѣ 10 ср. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 371 сл.
IV. Леонтида (20)	Αἰθαλίδα, Δ
V. Акамантида (14)	В эфивъ Акамантиды Να[υσσιμ]ίδων Πολυάρχου Ποτ[άμ]ιστο Πόρ[ιος]. О CIA III 1114, гдѣ, вмѣсто Κυθ[ήρ]οι, вѣроятно, читать Κορ(τείδης), см. Р. X. Лёперъ, Ж. М. Н. II. 1891, стр. 954.
VI. Инида (13)	
VII. Кекропида (11)	
VIII. Иппоэонтида (19)	имп. эпохи не упоминается димъ Ἐροῖδα. Въ CIA не вѣроятно въ списокъ эфивовъ Иппоэонтиды: Κόιντος Ζήθου вновь образованный димъ, 2) или ошибка, можетъ I (выше названо 5 эфивовъ Пирейцевъ).
IX. Эантида (11)	28, эфивъ Эантиды Νικήφορος Χρυσάνθου ΕΥΩΝ, вѣроятно, быть, вмѣсто ΦΑΛΗ, ср. CIA III 1093 Φαλγ(ρεύς).
X. Антиохида (19)	Εἰτέα (1) В эфивъ Антиохида Σωτήριος ΔΕ... вѣроятно, ошибъ перъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек. стр. 109 ¹ . Объ немъ 1031. 1147 Λευ(κονοεύς) въ Λευ(κοπορεύς), см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 426 ¹ .
Итого: 154	

- 3) Βῆσα XI b.
- 4) Δαιδαλίδαі VIII (с?).
- 5) Εἰτέα VI a.
- 6) Ἐλαιοῦς IX (b?).
- 7) Θρῖα VII b.
- 8) Ὑοα III c.
- 9) Οἰνόη XII b.
- 10) Παμβωτάδαі I b.
- 11) Σκαμβωνίδαі IV a.
- 12) Φηγαία II b ¹⁾.

Итакъ, для образованія Адріаниды каждая изъ 12-ти существовавшихъ въ то время филъ дала по одному диму. По населенію, всѣ димы Адріаниды оказываются болѣе или менѣе равными; только димъ Βῆσα является болѣе населеннымъ въ сравненіи съ остальными.

¹⁾ Былъ еще димъ Φηγαία въ Пандіонидѣ, но въ надписяхъ императорской эпохи онъ не встрѣчается. Ср. Dittenberger, *Hermes* IX, p. 397. Φηγαία Эгінды упоминается въ CIA III 1076, эфив. спис. 7 г. до Р. X. (*Bull. de corr. hell.* XVII, p. 179).

Клисееновы филы (число указывает на количество известных намъ димовъ, входившихъ въ составъ каждой филы, см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 431—433).	Α ν τ ι
I. Эрехеида (14)	Ἀγρολή, Λι
II. Эгеида (21)	Ἀγρόλη, Γη имп. эпохи не упоминается димъ Κολωνός. О димѣ мейз (3) 1202 ср. Р. Х. Лёперъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек.
III. Пандіонида (12)	Κοδρῆνιον имп. эпохи не упоминается димъ Φηγαία. О димѣ 10 ср. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 371 сл.
IV. Леонтида (20)	Αἰθαλίδα, 4
V. Акамантида (14)	В эфивѣ Акамантиды Να[υσικ]ίδων Πολυάρχου Ποτ[ά]μ[ισ]το Πόρ[ισ]. О CIA III 1114, гдѣ, вмѣсто Κοδ[ή]ρ-вроятно, читать Κορ(τείδης), см. Р. Х. Лёперъ, Ж. М. Н. II. 1891, стр. 954.
VI. Инида (13)	
VII. Кекропида (11)	
VIII. Иппоэонтида (19)	имп. эпохи не упоминается димъ Ἐρεάδα. Въ CIA III 1114, гдѣ, вмѣсто Κοδ[ή]ρ-вновь образованный димъ, 2) или ошибка, можетъ I (выше названо 5 эфивовъ Пирейцевъ).
IX. Эантида (11)	28, эфивъ Эантиды Νικήφορος Χρυσάνθου ΕΥΩΝ, вѣ-можетъ быть, вмѣсто ΦΑΛΗ, ср. CIA III 1093 Φαλγ(ρεύς).
X. Антиохида (19)	Εἰτέα (1) В эфивѣ Антиохиды Σωτήριος ΔΕ... вѣроятно, ошиб-перъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек. стр. 109. Объ нзмѣ-1031. 1147 Λευ(χονοεύς) въ Λευ(χοπερεύς), см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 426.
Итого: 154	

ΚΥΛΩΝΕΙΟΝ ΑΓΟΣ и ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ.

А. Щукарева.

Первыя главы знаменитаго трактата 'Αθηναίων πολιτεία, приписываемаго Аристотелю, уже давно служат предметомъ различныхъ споровъ и сомнѣній. Въ особенности много поводовъ къ послѣднимъ даетъ *четвертая* глава, излагающая государственную реформу, произведенную Дракономъ, и являющаяся не только совершенною новостью, но и находящаяся въ прямомъ противорѣчii со взглядомъ на Драконта самого же Аристотеля, высказываемымъ въ „*Политикъ*“¹⁾. Ученые до сихъ поръ не пришли къ соглашенію относительно того, принимать или не принимать извѣстія о государственномъ устройствѣ, приписываемомъ этою главою Драконту; считать-ли эту главу интегральною частью трактата, входившею въ первоначальный планъ автора, или внесенною имъ самимъ, но позже, въ свой авторскій экземпляръ, или, наконецъ, интерполяціей болѣе поздняго происхожденія. Въ виду превосходныхъ литературныхъ обзоровъ всего вопроса, принадлежащихъ русскимъ ученымъ, В. П. Бузескулу и В. А. Шефферу²⁾, мы

¹⁾ Pol. II, 9(12), 9, p. 1274a. Весь конецъ второй книги, трактующей о значимыхъ законодателяхъ древности, среди котораго находится противорѣчащій 'Αθ. πολ. пассажъ о Драконтѣ: Δρίκοντος δὲ νόμοι μὲν εἰσι, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν и т. д., заподозрѣвъ въ своей подлинности уже давно большинствомъ специалистовъ по Аристотелю. Θ. Θ. Соколовъ въ своемъ курсѣ, однако, цитируетъ обыкновенно извѣстія этой главы о Харондѣ и Залевкѣ, какъ аристотелевскія (напр., въ изданіи 1890—81 г., стр. 207).

²⁾ В. П. Бузескулъ, Вопросъ о новооткрытой 'Αθηναίων πολιτεία. Ж. М. Н. П., 1892—93 (и отдѣльно, С.-Петербургъ, 1893). В. А. Шефферъ, Bericht über die im Jahre 1891 und der ersten Hälfte des Jahres 1892 erschienene Litteratur zu Aristoteles 'Αθηναίων πολιτεία. Bursian-Müller's Jahresbericht, 1893, 1. 2. Продолженіемъ этого отчета могутъ считаться рецензіи на различные, позже вышедшія, сочиненія, печатаемыя В. А. Шефферомъ, какъ матеріалъ для будущаго отчета въ Berl. Philolog. Wochenschrift 1893—94 гг.; ср. его же Афоризмы и замѣтки къ Афинской политіи Аристотеля (по поводу соч. фонъ-Вилламовица-Мёллендорфа, Aristoteles und Athen, Berlin.

считаемъ себя освобожденными отъ обязанности перечислить имена русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, высказывавшихся публично по этому вопросу ¹⁾, тѣмъ болѣе, что вопросъ о Драконтѣ и его законодательствѣ интересуется насъ въ настоящемъ случаѣ лишь какъ побочный, связанный съ болѣе общимъ вопросомъ о расположеніи матеріала въ первыхъ главахъ трактата вообще, и въ частности вопросомъ о томъ, что излагалось въ первой главѣ (по условному дѣленію Кеніона), отъ которой до насъ дошелъ только конецъ, начинающійся съ середины фразы: — — Μύρωνος καὶ ἱερῶν ὁμόσαντες ἀριστίῳδῳ. Καταρχωσθέντος δὲ τοῦ ἄρχους [αὐτοῖ 2) μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν, τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἔφυγεν ἀειφυγίαν. Ἐπιμενίδης δ' ὁ Κρής ἐπὶ τοῦτοις ἐκάθηρε τὴν πόλιν.

Одного взгляда на эти слова достаточно для того, чтобы понять, что здѣсь рѣчь идетъ о судѣ надъ алкмеонидами, виновными въ противозаконномъ и нечестивомъ избіеніи у алтарей приверженцевъ Килона, послѣ неудачной попытки этого послѣдняго завладѣть акрополемъ афинскимъ. Судъ этотъ, какъ явствуетъ изъ обстоятельнаго изложениіа Плутарха (Solon. XII), происходилъ спустя много времени послѣ самаго аттентата Килона. Такъ какъ это послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно, то мы позволимъ себѣ прослѣдить подробно контекстъ Плутарха. Въ предшествующихъ главахъ порядокомъ рассказа таковъ. Въ одиннадцатой упоминается о священной войнѣ, относимой обыкновенно къ 590 году. Глава XII-ая начинается такъ: „килоновское печестіе уже издавна (ἐκ πολλοῦ) производило смуты въ городѣ, съ тѣхъ поръ какъ Мегаклъ архонтъ убѣдилъ сойти умоляющихъ богиню на условіи суда...“ Но Мегаклъ съ товарищами перебили ихъ и, въ томъ числѣ, нѣкоторыхъ у алтарей. „Съ этихъ-то поръ они названы „оскверненными“ (ἐναγεῖς) и стали ненавидимы. Оставшіеся же въ живыхъ килоновцы снова пріобрѣли силу и постоянно враждовали съ потомками Мегакла (στασιάζοντες

1893), Филол. Обзор. VII, I, стр. 47 сл. Вообще съ удовольствіемъ можемъ сказать, что Ἀθηναίων πολιτεία заинтересовала русскихъ филологовъ и историковъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ ученыхъ любой другой страны, не исключая многотишущихъ нѣмцевъ. Уже появившіеся до сихъ поръ русскіе труды, вызванные находкой трактата, или касающіеся вопросовъ, находящихся съ нимъ въ связи, не менѣе важны, чѣмъ работы на другихъ языкахъ.

¹⁾ Мы прибавимъ ядѣсь только, что О. О. Соколовъ, какъ въ своихъ курсахъ, такъ и въ рефератѣ, читанномъ въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ въ 1893 году, присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ описываемое въ 4-й главѣ устройство дѣйствительно драконтовскимъ.

²⁾ Поправка Кирхгофа вмѣсто прежняго чтенія [νεκρ]οί необходима потому, что иначе слѣдовало бы сказать οἱ μὲν νεκροί.

ἀεὶ διετέλουν πρὸς τοὺς ἀπὸ τοῦ Μεγακλέους). Тогда же (ἐν δὲ τῷ τότε χρόνῳ, т.-е. въ эпоху, непосредственно предшествующую законодательной дѣятельности Солона), когда распри партій достигли своего апогея и народъ раздѣлился на нѣсколько враждебныхъ лагерей, Солонъ, уже составившій себѣ имя..., убѣдилъ такъ называемыхъ „оскверненныхъ“ подвергнуться суду и судиться передъ трибуналомъ трехсотъ гражданъ, избранныхъ по знатности рода (ἀριστίνδην). Обвинителемъ явился Миронъ изъ Флии. Они были обвинены и живые изгнаны, а трупы умершихъ были вырыты и выброшены за предѣлы Аттики ¹⁾. Последняя тирада до такой степени близка къ фрагментированному началу нашего трактата, что можно, думается намъ, съ достаточной дозой вѣроятія даже нѣсколько реставрировать пропавшее начало его въ такомъ, приблизительно, видѣ: [— — ἐδίκασον δὲ αὐτοὺς τριακῶσι, κατηγοροῦντος] Μύρωνος, καθ' ἑρῶν ὁμόσαντες ἀριστίνδην... и т. д. Мы не можемъ похвастаться, конечно, что мы первые обратили вниманіе на такое совпаденіе оборваннаго начала нашего трактата съ XII главою плутарховской біографіи Солона. Последняя цитировалась въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Кеніона къ началу трактата, кажется, уже въ первомъ изданіи. Правда, въ первое время послѣ находки трактата обыкновенно говорили, что онъ начинается разсказомъ о килоновскомъ покушеніи и что это событіе разсказано въ немъ раньше, чѣмъ законодательство Драконта, такъ что трактатъ блестяще подтверждаетъ гипотезу Бузольта ²⁾, доказывавшаго такую именно послѣдовательность этихъ событій. Но Дильсъ уже въ 1891 году довольно энергично указалъ на то, что здѣсь говорится не о самомъ аттентатѣ Килона, а лишь о его довольно далекихъ послѣдствіяхъ ³⁾. Совершенно вѣрно говоритъ онъ, что между аттентатомъ и излагавшимся здѣсь судомъ должно полагать минимумъ одно поколѣніе, т.-е. лѣтъ 35—40, въ теченіе которыхъ успѣли сойти въ могилу сами виновники и современники „печестія“. Все дальнѣйшее изложеніе статьи Дильса, посвященной Эпимениду Критскому, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказы-

¹⁾ Sol. XII.... ἐν δὲ τῷ τότε χρόνῳ τῆς στάσεως ἀκμὴν λαβούσης μάλιστα καὶ τοῦ δήμου διαστάντος, ἥδη δόξαν ἔχων ὁ Σόλων παρήλθεν εἰς μέσον ἅμα τοῖς ἀρίστοις τῶν Ἀθηναίων, καὶ δεόμενος καὶ διδάσκων ἔπεισε τοὺς ἐναγεῖς λεγόμενους δίκην ὑποσχεῖν καὶ κριθῆναι τριακῶσι ἀριστίνδην δικάζοντων. Μύρωνος δὲ τοῦ Φλυέως κατηγοροῦντος ἐάλωσαν οἱ ἄνδρες, καὶ μετέστησαν οἱ ζῶντες· τῶν δ' ἀποθανόντων τοὺς νεκροὺς ἀνορύξαντες ἐξέριψαν ὑπὲρ τοὺς ἑρούς.

²⁾ Busolt, Griech. Gesch. I, p. 498² и p. 504 сл.

³⁾ Diels, Ueber Epimenides von Kreta. Sitzungsber. Berl. Akad. 1891, I p. 387 сл.

васть, что этого жреца-очистителя надо относить къ началу VI-го в. и считать современникомъ Солона. Главнымъ доводомъ Дильсу служить то, что теперь можно въ пользу такой датировки и противъ Платона, относящаго время жизни Эпименида къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей греко-персидскимъ войнамъ, привести авторитетъ Аристотеля. Но безусловное преклоненіе Дильса передъ Ἀθηναίων πολιτεία, какъ передъ образцомъ стиля, изложенія и т. д., какъ передъ произведеніемъ глубоко стройнымъ и продуманнымъ въ цѣломъ и частяхъ, вредитъ ему и не позволяетъ сдѣлать необходимаго логическаго вывода изъ вѣрной посылки. Законодательство Драконта изложено въ трактатѣ послѣ суда надъ Алкмеонидами, и рассказъ о немъ вводится выраженіемъ: μετὰ δὲ ταῦτα (Ат. пол. IV), относимымъ Дильсомъ не къ изложенной въ III-й главѣ πρώτῃ πολιτεία, а къ дѣлу Килона, изложенному со всѣми его послѣдствіями, — слѣдовательно, Драконтъ почти современникъ Солона и Эпименида и его надо относить не къ 620-мъ годамъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно всѣ, слѣдуя Евсевію-Иерониму, а къ самому концу вѣка, „отчего“, прибавляетъ Дильсъ, „станетъ понятнѣе близость Эпименида къ Солону и все развитіе драконто-солоновскаго законодательства“ ¹⁾. Рюль ²⁾, П. Г. Виноградовъ ³⁾, В. А. Шефферъ ⁴⁾ и др. также указывали на то, что въ первой главѣ, начало которой утеряно, излагалось не только самое дѣло Килона, но и судъ надъ Алкмеонидами, имѣвшій мѣсто позже, и все-таки упомянутые ученые не дѣлали вслѣдъ за этимъ, кажется, столь простаго и необходимаго дальнѣйшаго шага, не приходили къ выводу, долженствующему служить, по крайней мѣрѣ, лишнимъ доводомъ въ пользу взгляда большинства изъ нихъ.

Но прежде, чѣмъ указать на этотъ выводъ, кажущійся намъ столь естественнымъ — еще одно маленькое отступленіе. Не смотря на упомянутыя указанія, общій голосъ до сихъ поръ признаетъ, что гипотеза Бузольта блестяще подтверждается нашимъ трактатомъ, всѣ увѣровали въ то, что аттептать Килона предшествовалъ законодательной дѣятельности Драконта, и, сообразно съ этимъ, передѣланы соотвѣтствующіе

¹⁾ Diels, ук. ст., p. 388!... Da nun Drakon bei Aristoteles μετὰ ταῦτα gesetzt wird (wenn nicht über Myron und Epimenides vorgreifend berichtet war), kann man schwerlich diesen... Ol. 40. 1 = 620 ansetzen, sondern wird bis ans Ende des Jahrhunderts hinabgehen, wodurch des Epimenides Verbindung mit Solon und die ganze Entwicklung der Drakon-tisch-Solonischen Verfassung verständlicher wird.

²⁾ Rhein. Mus. 1891, p. 423.

³⁾ Филос. Обзор. III, 2, стр. 99 сл.

⁴⁾ Ibid., VII, 1, стр. 90 и сл.

отдѣлы всѣхъ извѣстныхъ намъ руководствъ и общихъ сочиненій по исторіи и древностямъ греческимъ¹⁾. Припомнимъ прежде доводы Бузольта, приведенные имъ въ первомъ изданіи его исторіи, до находки трактата. Во-1-хъ, олимпійская побѣда Килона, гордость которою играла столь рѣшительную роль въ выборѣ Килономъ Олимпій, какъ „величайшаго праздника Зевса“, для приведенія въ исполненіе своего плана, приходится по каталогу олимпіониковъ у Евсевія (ed. Schöne I, p. 198) на 640 годъ = Ol. XXXV, 1. Во-2-хъ, все предпріятіе Килона является въ разсказѣ Геродота „дѣломъ юношескаго увлеченія — eine That jugendlichen Ueber- und Hochmutes, — что въ особенности замѣтно въ выраженіи его (V, 71): οὗτος ἐπὶ τυραννίδι ἐχόρησε, προσποιούμενος δὲ ἐταίρηι τῶν ἡλικιωτέων и т. д. Изъ этихъ двухъ положеній естественный выводъ, что заговоръ приходится на одинъ изъ ближайшихъ олимпійскихъ годовъ, т. е. 636, 632 и т. д. Что попытка Килона не опиралась на глухое недовольство народа пресловутой строгостью законовъ Драконта (какъ думали, напр., Дункеръ и Германъ) и, слѣдовательно, можетъ относиться къ болѣе ранней эпохѣ, Бузольтъ доказывалъ косвенно тѣмъ, что народъ, по разсказу Фукидида (I, 126), при первомъ извѣстіи о захватѣ акрополя, тотчасъ же поспѣшилъ изъ всей Атики въ городъ и сталъ осаждать занятый заговорщиками акрополь. Этого единодушія не было бы, если бы народъ тяготился тогда подъ бременемъ „кровавыхъ законовъ“. Онъ тотчасъ сталъ бы за тиранна, какъ это было въ ту самую эпоху во многихъ пелопоннесскихъ городахъ.

Таковы убѣдительные доводы Бузольта, и мы вполне признаемъ ихъ силу. Но, спрашивается, нашли-ли они себѣ подтвержденіе въ Ἀθηναίων πολιτεία? По нашему убѣжденію, этого нискоимъ образомъ нельзя утверждать. Нашъ источникъ не говоритъ ни за ни противъ доводовъ Бузольта. Это-то мы и желали поставить на видъ въ настоящей статьѣ.

¹⁾ Busolt, Griech. Altertümer² (= J. w. Müller's Handbuch IV, 1²), p. 135 и прим. 5-е, гдѣ Бузольтъ, ссылаясь на первое изданіе своей Griech. Gesch. I, p. 506, замѣчаетъ: «diese der gewöhnlichen Annahme widersprechende Datierung ist durch Aristot. Ἀθην. πολ. I bestätigt worden. Hermann, Staatsaltertümer⁶, p. 344. E. Meyer, Gesch. des Altertums II (1893), § 399, прим. (p. 639). Beloch, Griech. Gesch. I (1893), p. 322. Въ редактированномъ мною 6-мъ изданіи учебника Исторіи Греціи и Рима, Я. Г. Гуревича, я также помѣстилъ Килона до Драконта, повторивъ вкратцѣ доводы Бузольта, но сдѣлалъ это не потому, что ихъ подтверждаетъ Ἀθηναίων πολιτεία, а именно вслѣдствіе вѣрности ихъ самимъ. Специальное изслѣдованіе Wright, The date of Cylon, Boston, 1892, приходящее тоже къ тому, что трактатъ подтверждаетъ Бузольта, я знаю только по рецензіямъ.

Мы уже видѣли, что отрывокъ, составляющій первую главу по общепринятому дѣленію, трактуетъ не о заговорѣ Килона, а о судѣ надъ Алкмеонидами, приходящемся на эпоху дѣятельности Солона и бывшемъ лишь однимъ изъ позднихъ послѣдствій заговора. Судъ этотъ былъ, очевидно, рассказанъ съ тою же подробностью, какъ мы видимъ это у Плутарха, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній утверждать, что о немъ было упомянуто лишь въ добавочныхъ фразахъ къ подробному изложенію килоновскаго дѣла. Скорѣе, подобно тому, какъ и у Плутарха, это мѣсто служило началомъ изложенія дѣятельности Солона, который, въ качествѣ протата народа, уже упоминается въ слѣдующей второй главѣ, непосредственно примыкающей по содержанію къ первой и излагающей гражданскія смуты, предшествовавшія собственно законодательной дѣятельности Солона. Она начинается словами: Μετὰ δὲ ταῦτα συνέβη στασιάζειν τοὺς τε γυναικίους καὶ τὸ πλῆθος πούν χρόνον... Это, конечно, та самая στάσις, которая упоминается въ гл. XII, какъ предшествовавшая законодательству Солона. Расположеніе матеріала, слѣдовательно, здѣсь то же самое, что и у Плутарха, у котораго въ XII-й главѣ, послѣ суда надъ Алкмеонидами (и эпизодическаго упоминанія о потерѣ Саламина), рассказывается объ Эпименидѣ, а въ XIII-й—о στάσις, съ нѣкоторыми отсутствующими въ 'Αθ. πολ. подробностями, но въ общемъ съ несомнѣнными совпаденіями, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Изъ этого, по нашему мнѣнію, несомнѣнно слѣдуетъ, что III и IV главы трактата, повѣствующія о древнемъ государственномъ устройствѣ (τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας τῆς πρὸ Δράκοντος) и о реформѣ Драконта, раздѣляютъ не рассказъ о Килонѣ отъ рассказа о Солонѣ, продолжающагося съ V-й главы, а вторгаются въ самый рассказъ о дѣятельности этого послѣдняго, расположенный въ томъ же порядкѣ, какъ и у Плутарха, отрѣзывая его начало отъ остальной, главной части. Оставляя совершенно въ сторонѣ цѣнность и происхожденіе свѣдѣній, заключающихся въ этихъ главахъ, нельзя не признать, что они находятся не на своемъ мѣстѣ и разрываютъ правильно текущій историческій рассказъ. Что это такъ, думается намъ, лучше всего доказывается той спайкой, представляющей реминисценцію изъ второй главы, и совершенно не связанною ни грамматически, ни логически съ непосредственно ей предшествующей фразой, которая заключаетъ четвертую главу. Чтобы избавить читателя отъ необходимости раскрывать на этомъ мѣстѣ 'Αθηναίων πολιτεία, я приведу ее вмѣстѣ съ послѣднимъ отдѣломъ

IV-й главы, упоминающимъ объ Ареопагѣ при Дракоптѣ: ἡ δὲ βουλὴ ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου φύλαξ ἦν τῶν νόμων καὶ διετήρει τὰς ἀρχὰς ὥπως κατὰ τοὺς νόμους ἀρχοῦσιν. ἐξῆν δὲ τῷ ἀδικουμένῳ πρὸς τὴν τῶν] Ἀρεοπαγιτῶν] βουλὴν εἰσαγγέλλειν ἀποφαίνοντι παρ' ὃν ἀδικεῖται νόμον. ἐπὶ δὲ τοῖς σώ- [μα]σιν ἦσαν (кто!?) δεδεμένοι, καθάπερ εἴρηται (во II главѣ), καὶ ἡ χώρα δὲ ὀλίγων ἦν¹⁾. Эта фраза, выглядящая совершенной заплатой на предшествовавшемъ изложеніи, представляетъ столь же неожиданный, сколько и неумѣлый переходъ къ изложенію дѣятельности Солона въ V-й и слѣдующихъ главахъ, начинающемуся словами: τοιαύτης δὲ τῆς τάξεως οὔσης, καὶ τῶν [π]ολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις, ἀντέστη τοῖς γνωρίμοις ὁ δῆμος... и т. д. Слова эти, а съ ними и вся глава примыкали непосредственно ко второй главѣ. И въ этомъ утверженіи мы не претендуемъ на оригинальность. Намъ предупредили другіе и въ томъ числѣ В. А. Шефферъ, пытающійся даже выяснитъ себѣ, въ какомъ порядкѣ нарастала въ нашемъ мѣстѣ интерполяція²⁾. Мы не рѣшались высказываться по этому послѣднему вопросу сколько-нибудь опредѣленно и довольствуемся указаніемъ, что III-я и IV-я главы разрѣзываютъ цѣльный рассказъ о Солонѣ, насколько намъ извѣстно, никакъ еще опредѣленно не сдѣланнымъ. Это указаніе и должно прибавить одинъ лишній камушекъ въ пользу если не поздняго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, поздней вставки III-й и IV-й главъ на то мѣсто, на которомъ мы ихъ нынѣ видимъ.

Если же сохранившееся начало трактата говорить уже о дѣятельности Солона, то, спрашивается, можно-ли утверждать, что въ трактатѣ говорилось о Килонѣ раньше Драконта и что онъ, такимъ образомъ, подтверждаетъ самое по себѣ прекрасную гипотезу Бузольта?—Разумѣется, нѣтъ. ХLI глава, перечисляющая всѣ существовавшіе въ Аѣнахъ государственныя устройства, также не даетъ на этотъ конецъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вотъ тотъ выводъ, который, по нашему мнѣнію, является совершенно необходимымъ, разъ мы признали, вмѣстѣ съ Дильсомъ и другими, что начало трактата излагаетъ событія, происходившія уже въ эпоху дѣятельности Солона.

¹⁾ 'Aθ. пол. всюду цитируется по третьему изданію Ксѣнона, 1892 г.

²⁾ Филол. Обзор. VII, 1, стр. 93.

Мы уже видѣли, что отрывокъ, составляющій первую главу по общепринятому дѣленію, трактуетъ не о заговорѣ Килона, а о судѣ надъ Алкмеонидами, приходящемся на эпоху дѣятельности Солона и бывшемъ лишь однимъ изъ позднихъ послѣдствій заговора. Судъ этотъ былъ, очевидно, рассказанъ съ тою же подробностью, какъ мы видимъ это у Плутарха, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній утверждать, что о немъ было упомянуто лишь въ добавочныхъ фразахъ къ подробному изложенію килоновскаго дѣла. Скорѣе, подобно тому, какъ и у Плутарха, это мѣсто служило началомъ изложенія дѣятельности Солона, который, въ качествѣ простата народа, уже упоминается въ слѣдующей второй главѣ, непосредственно примыкающей по содержанію къ первой и излагающей гражданскія смуты, предшествовавшія собственно законодательной дѣятельности Солона. Она начинается словами: Μετὰ δὲ ταῦτα συνέβη στασιάζειν τοὺς τε γυῖμους καὶ τὸ πλῆθος πᾶσι χρόνῳ... Это, конечно, та самая στάσις, которая упоминается въ гл. XII, какъ предшествовавшая законодательству Солона. Расположеніе матеріала, слѣдовательно, здѣсь то же самое, что и у Плутарха, у котораго въ XII-й главѣ, послѣ суда надъ Алкмеонидами (и эпизодическаго упоминанія о потерѣ Саламина), рассказывается объ Эпименидѣ, а въ XIII-й—о στάσις, съ нѣкоторыми отсутствующими въ 'Αθ. πολ. подробностями, но въ общемъ съ несомнѣнными совпаденіями, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Изъ этого, по нашему мнѣнію, несомнѣнно слѣдуетъ, что III и IV главы трактата, повѣствующія о древнемъ государственномъ устройствѣ (τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας τῆς πρὸ Δράκοντος) и о реформѣ Драконта, раздѣляютъ не рассказъ о Килонѣ отъ рассказа о Солонѣ, продолжающагося съ V-й главы, а вторгаются въ самый рассказъ о дѣятельности этого послѣдняго, расположенный въ томъ же порядкѣ, какъ и у Плутарха, отрѣзывая его начало отъ остальной, главной части. Оставляя совершенно въ сторонѣ цѣнность и происхожденіе свѣдѣній, заключающихся въ этихъ главахъ, нельзя не признать, что они находятся не на своемъ мѣстѣ и разрываютъ правильно текущій историческій рассказъ. Что это такъ, думается намъ, лучше всего доказывается той спайкой, представляющей реминисценцію изъ второй главы, и совершенно не связанною ни грамматически, ни логически съ непосредственно ей предшествующей фразой, которая заключаетъ четвертую главу. Чтобы избавить читателя отъ необходимости раскрывать на этомъ мѣстѣ 'Αθηναίων πολιτεία, я приведу ее вмѣстѣ съ послѣднимъ отдѣломъ

IV-й главы, упоминающимъ объ Ареопагѣ при Дракоптѣ: ἡ δὲ βουλὴ ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου φύλαξ ἦν τῶν νόμων καὶ διετήρει τὰς ἀρχὰς ὕπως κατὰ τοὺς νόμους ἄρχουσιν. ἐξῆν δὲ τῷ ἀδικουμένῳ πρὸς τὴν τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴν εἰσαγγέλλειν ἀποφαίνοντι παρ' ὃν ἀδικεῖται νόμον. ἐπὶ δὲ τοῖς σώ- [μα]σιν ἦσαν (кто!?) δεδεμένοι, καθάπερ εἴρηται (во II главѣ), καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν¹⁾. Эта фраза, выглядящая совершенной заплатой на предшествовавшемъ изложеніи, представляетъ столь же неожиданный, сколько и неумѣльный переходъ къ изложенію дѣятельности Солона въ V-й и слѣдующихъ главахъ, начинающемуся словами: τοιαύτης δὲ τῆς τάξεως οὔσης, καὶ τῶν [π]ολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις, ἀντέστη τοῖς γνωρίμοις ὁ δῆμος... и т. д. Слова эти, а съ ними и вся глава при- мыкали непосредственно ко второй главѣ. И въ этомъ утверженіи мы не претендуемъ на оригинальность. Намъ предупредили другіе и въ томъ числѣ В. А. Шефферъ, пытающійся даже выяснитъ себѣ, въ какомъ порядкѣ нарастала въ нашемъ мѣстѣ интерполяція²⁾. Мы не рѣшася высказываться по этому послѣднему вопросу сколько-нибудь опредѣленно и довольствуемся указаніемъ, что III-я и IV-я главы раз- рѣзываютъ цѣльный рассказъ о Солонѣ, насколько намъ извѣстно, ни- кѣмъ еще опредѣленно не сдѣланнымъ. Это указаніе и должно при- бавить одинъ лишній камушекъ въ пользу если не поздняго проис- хожденія, то, по крайней мѣрѣ, поздней вставки III-й и IV-й главъ на то мѣсто, на которомъ мы ихъ нынѣ видимъ.

Если же сохранившееся начало трактата говорить уже о дѣятель- пости Солона, то, спрашивается, можно-ли утверждать, что въ трак- татѣ говорилось о Килонѣ раньше Драконта и что онъ, такимъ обра- зомъ, подтверждаетъ самое по себѣ прекрасную гипотезу Бузольта?— Разумѣется, нѣтъ. ХLI глава, перечисляющая всѣ существовавшія въ Аѣнахъ государственныя устройства, также не даетъ на этотъ ко- нецъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вотъ тотъ выводъ, который, по нашему мнѣнію, является совершенно необходимымъ, разъ мы при- знали, вмѣстѣ съ Дильсомъ и другими, что начало трактата излагаетъ событія, происходившія уже въ эпоху дѣятельности Солона.

¹⁾ 'A9. пол. всюду цитируется по третьему изданію Kenіона, 1892 г.

²⁾ Филол. Обзор. VII, 1, стр. 93.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

И. Холодняка.

I. Къ Петронію.

Въ числѣ намѣренныхъ рустидизмовъ, влагаемыхъ поэтомъ въ уста своимъ героямъ, мы замѣтили двѣ небольшихъ детали, остающіяся доселѣ, сколько намъ извѣстно, не отмѣченными какъ таковыя. Въ гл. 44-й поэтъ влагаетъ въ уста Ганимеду ярую филиппику противъ „мошенниковъ эдиловъ“, стакнувшихся съ хлѣботорговцами (*qui cum pistoribus colludunt*) и допускающихъ въ своей погонѣ за наживой простой народъ чуть не умирать съ голоду. Ганимедъ припоминаетъ доброе старое время, когда не переводились такіе честные магистраты, какъ Сафиній, которые съ плутами торговцами расправлялись въ рукопашную (*larvas sic istos percolorabant, ut illis Iuppiter iratus esset*), а потому и хлѣбъ былъ дешевъ до-нельзя: *itaque illo tempore annona pro luto erat: asse panem quem emissas, non potuisses cum altero devorare; nunc oculum bublum vidi maiorem. heu, heu! quotidie peius! haec colonia retro-versus crescit, tanquam coda vituli!* Причину всѣхъ этихъ бѣдствій Ганимедъ сейчасъ же и формулируетъ слѣдующей фразой: *sed quare nos habemus aedilem trium cauniarum, qui sibi mavolt assem, quam vitam nostram.* И въ послѣднемъ, 3-мъ изданіи лучшій издатель текста поэта, Фр. Бюхелеръ, продолжаетъ придавать этой фразѣ характеръ вопроса и ставить послѣ *vitam nostram* соотвѣтственный знакъ; Фридендеръ (*Cena Trimalchionis*, p. 111) переводитъ: *aber warum haben wir einen Aedilen, der keinen Pfifferling werth ist! Der es lieber hat, wenn er einen Denar einstecken kann, als wenn wir das liebe Leben behalten!* Два восклицательныхъ знака не уничтожаютъ оттѣнка вопроса въ переводѣ, а въ текстѣ *en regard*—стоитъ тоже знакъ вопроса послѣ *vitam nostram*. Но уже категоричный тонъ всей выходки Ганимеда, который, какъ и всѣ

„дѣти народа“, рѣшаетъ вопросъ вполне безапелляціонно,—долженъ былъ бы навести комментаторовъ на неумѣстность вопросительнаго отъѣнка въ этой заключительной фразѣ; несравненно умѣстнѣе именно заключеніе: „а все потому, что нашему эдилу—грошъ цѣна“. Подтвержденіемъ нашей догадки служитъ надпись С. IX 3473 (Peltuinum)¹⁾, которую мы въ виду ея color rusticus приведемъ цѣликомъ: d m s | Maximus et Lascius (=Lascivus), duo fratres, convenientes in uno (sic) hunc titulum nobis posuimus vivis, ut possemus ad superos securius vitam bonam gerre (sic), qua fini fata volebant. Qui qua vita viximus una, numquam inter nos fecimus verbum amarum; voluptates secuti simus (sic) omnes; vitæ nostre (sic) a nobis numquam quitquam negatum est. Ita tu, qui legis, bona(m) vita(m) vive, sodalis, quare post obitum nec risus, nec lusus, nec ulla voluptas erit. „Have, Maximaе!“ (слова путника)—Menten habae (= mentem habe=in mente habe) quod legeris, quare vita morti propior fit cottidiæ! (слова покойнаго). Vale.—Такія сентенціи на надписяхъ вводятся обыкновенно повѣствовательно, а не вопросительно, ср. С. II 391: vivite victuri, moneo: mors omnibus instat; X 2503: qui legitis, moneo, vivite, mors properat²⁾. И наше простонародье, особенно, какъ и Ганимедъ, потершееся немало въ городѣ, выражается иногда почему что, вм. потому что. А Ганимеду, говорящему percolorabant, schemas loquebatur, directum (=directum), bublus, coda, diibus (=dis)—такое quare вполне простительно. Соответственное употребленіе quare въ средне-вѣковой латини и отношеніе къ нему франц. car—извѣстны.

Въ гл. 69-й послѣ множества сюрпризовъ подають за пиромъ довольно диковинное блюдо (fericulum longe monstrosius), которое Енколпію показалось „anser altilis circaque pisces et omnia genera avium“. Его удивленіе еще возрасло послѣ словъ хозяина, заявившаго: quidquid videtis hic positum, de uno corpore est factum. Чтобы оцѣнить по достоинству слѣдующія слова Энколпія, нужно припомнить, что ему и вообще такіе пиры, какъ эта „сена“, въ диковинку; въ началѣ онъ пробуетъ спрашивать у своихъ сосѣдей разъясненія вещей, имъ непонятыхъ, но одинъ изъ его вопросовъ (гл. 41) былъ такъ наивенъ, что сосѣдь отвѣтилъ ему: plane etiam hoc servus tuus indicare potest: non enim ænigma est, sed res aperta; Энколпій жестоко переконфузился: damnavi ego stuporem meum, говоритъ онъ, et nihil amplius interrogavi, ne viderer numquam inter honestos cenasse. Нѣчто за трапезой кажется ему, кромѣ того, пе-

¹⁾ Уже Бюхелеръ отмѣтилъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перифразой Федра (III Epil. 9 sq.): exhibe vocis fidem: nam vita morti propior est cotidie.

²⁾ Скрѣпа: descripsi ego, recognovit et emendavit Dressel.

симпатичнымъ, и онъ неоднократно высказываетъ свое неудовольствіе: гл. 31, 35, 49, 53 и др. И вотъ онъ, съ одной стороны, желая, наконецъ, выставить себя не вовсе невѣждой (*ego—statim intellexi quid esset*), съ другой—подтрунить надъ несимпатичнымъ амфитріономъ, тихонько говорить своему знакомцу Агамемнону (именно знакомцу, гл. 3 сл., потому что такія вещи незнакомымъ сообщаются очень осторожно): *mirabor, nisi omnia ista de facta sunt, aut certe de luto. De facta*, чтеніе единственной рукописи этого эпизода (*cod. Traguriensis*), несомнѣнно испорчено. Ограниченіе *aut certe* (=или по меньшей мѣрѣ) указываетъ въ предыдущемъ на довольно сильную терминологію, какая иногда, дѣйствительно, влагается въ уста Энколпію (гл. 9); Бюхслеръ вставляетъ *fimo*: *nisi omnia ista de fimo facta sunt*, но *fimum* здѣсь не достаточно сильно. Энколпій употребилъ терминъ „непечатный“, въ литературѣ рѣдкій (*fimum*—слово не особенно рѣдкое), а потому писцомъ и не понятый (на полѣ: *al. defuncta*). Если Петроній знаетъ *facere* въ спеціальномъ значеніи, гл. 62: *ad stelas facere* (ср. гл. 71: *ne in monumentum meum populus casatum currat*), то ему было извѣстно и *factum*, употребленное Энколпіемъ въ значеніи „матеріала“ въ разбираемомъ мѣстѣ; тотъ же терминъ мы встрѣчаемъ въ надписи С. IX 2689 (*Aesernia*), содержащей единственный въ своемъ родѣ образецъ „счета“ въ гостинницѣ невысокаго ранга; по этому счету, путешественнику его собственная трапеза обходится всего въ три асса, а за сѣно для мула съ него требуютъ цѣлыхъ два асса; раздосадованный такимъ расходомъ, онъ вымещаетъ свою досаду на мулѣ словами: *iste mulus me ad factum dabit*, гдѣ Froehner предлагалъ *adfectum*, а Моммзенъ толковалъ все выраженіе = *feret me ad opus rusticum* (?!). Что здѣсь кроется то же самое *factum*—ясно какъ день; Зола могъ бы перевести: *se mulet-là me fera с—ег*, и былъ бы правъ. Только при выходкѣ Энколпія: *omnia ista de facto sunt*, получаетъ всю свою силу эпическое ограниченіе *aut certe*, и является *sui generis* каламбуръ въ словамъ хозяина: *de uno corpore est factum*.

Гл. 30. Въ описаніи триkliniя дома Трималхіона Энколпій упоминаетъ о характерномъ украшеніи на косякахъ дверей: *in postibus triclinii fascēs erant cum securibus fixi, quorum una pars quasi embolum navis aeneum finiebat, in quo erat scriptum* (слѣдуетъ дедикативъ Киннама). Комментаторовъ очень затрудняетъ это *una pars*, дающее дѣйствительно довольно странный смыслъ. Отсылая за попытками объясненія къ Фридендеру (*Cena*, p. 206 *Anmerk.*), мы отмѣтимъ только, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ несомнѣнной порчей оригинальнаго чте-

ніа іта m, происшедшей еще въ архетипѣ обѣихъ рукописей Пира: Leidensis Скалигера и Parisinus. Порча эта могла явиться между IX и XII вѣками уже въ минускульный періодъ, до появленія діакритики надъ і [Wattenbach, Anleit., p. 52 (4-te Aufl.)].

Что іта m даетъ необходимый смыслъ, видно изъ упоминанія такихъ же „fascies infra acuminati“, С. V 5035, на надписи тоже севира въ Тридентѣ: v. f. | L. Octavius L. l. | Trophimus VI vir |.

II. Къ надписямъ.

Въ числѣ метрическихъ надгробій Корпуса есть нѣсколько до такой степени фрагментированныхъ, что издатели оставляютъ ихъ, даже при содѣйствіи Бюхелера, недополненными. Въ виду общепризнаннаго факта, что въ такихъ надгробіяхъ взаимная аналогія есть довольно вѣроятный способъ хотя приблизительнаго возстановленія текста (ср. Cagnat, Sur les manuels professionnels des graveurs d'inscriptions romaines. Revue de philologie, 1889, p. 51 sqq.; Cours d'epigraphie latine², Paris, 1890, p. 250), и на основаніи имѣющагося у насъ подъ руками полнаго собранія названныхъ метрическихъ надписей, помѣщенныхъ въ Корпусѣ, мы предлагаемъ читателямъ рядъ собственныхъ реставрацій; аналогій къ отдѣльнымъ стихамъ не приводимъ: для опытнаго читателя Корпуса онѣ излишни.

VIII 434 (11518) Ammaedara.

hic situs est Varius cognomine Frontonianus,
quem coniunx lepida posuit Cornelia Galla,
dulcia restituens veteris solacia vitæ.
marmoreos voltus statuit, oculos animumque

5. longius ut kara posset saturare figura;
hoc solamen erit visus: nam pignus amoris
pectore contegitur memor(i) dulcedine mentis,
nec poterit facili labium oblivione perire;
set dum v[i]ta manet, toto est in corde maritus.

10. nec mir(um), quoniam tales quæ femina mores
vel [iactare potest animumque fidemque marito?]
ille piu[s] vixit semper sine crimine vitæ,
indulg[ens comisque suis et karus amicis;]
et quo[n]iam amborum iunxit concordia mentes,]

15. felix i[am] poterat voti composque videri.]
set fo[rs], quæ humanis reb[us] inludere gaudet,]
eripuit [Varium prima florente iuventa:]
nam bi[s] undenos nondum compleverat annos]

nec li[cuit misero, morbo properante maligno,]
anno[rum numerum sex condere mensibus illum].

2. вър. *lepidē*; 9. VSTA камень; см. нашу замѣтку въ Ж. М. Н. II. 1891, май, отд. кл. фил., стр. 70; ср. Verg. Aen. VI 608; Corp. VIII 16463; фразеологически ср. II 1399; III 3241. 6475; V 6693; VIII 2803. 4524; IX 4796; XII 712. 973 и др.

VIII 2035 *vicinia Thevestae*.

inter odoratos nemorum ubi laeta recessus
mater pingit humus et lectis dedala tellus
floribus exultat gratisque et frondibus alnum
vix patitur cum sole diem,—hic, provide Felix

5. Florentine, decus cum coniuge, sancta, pudica
Hostiliana, tua et Splendonillae, natoque
cons[picitur remanetque aevo sub marmore tecta.]
hic pulcr[am in speciem confectas arte fabrili]
aedes Pen[telicus lapis in sublimia ducit,]

10. incertu[m ut reddant oculum lumenque tuentis.]
constru[cta mole hac, optamus, provide Felix,]
felices ut[i dehinc possis durare per annos!]

2. вър. *humumque*; ср. *Lucret. r. n. I, 7; 4—7* конструкцію установилъ Иштуде-мундъ: hic, provide Felix Florentine, decus sancta pudica Hostiliana, tua et Splendonillae (filia), cum coniuge natoque consp[icitur].

X 5631 *Fabrateria Nova*.

quem cernis, titulo ho[ic] de[corat maestus monimentum]
heu! natae mise]rae g[enitor, pro tempore raptae.]
concessa est non l]onga s[atis mihi vita puellae,]
cuius vix aet]as ter den[os contigit annos,]

5. nec merita]e invitae d[ata sors lacrimanda per ævum;]
votaque vix fuerant] kari complet[a mariti,]
cum me Par]ca potens mise[ram demisit ad Orcum.]
finis done]c adest rebus lu[xque alma recedit,]
conlacrimabitur usq]ue meis miserab[ile fatum!]

10. nunc genitor]que mater <que> miseri [luctuque soluti]
maestus avusque] bonus flent pign[us morte peremptum,]
inrigant fletuqu]e genas sine fine [madentes.]
a, male! amant]i fata obstant, n[e kara revivat:]
num pietate move]bis Tartara nigr[a querendo —]
15. sit licet hoc lacrimis] dign(um) — de coniuge a [missa?]
exornet funct]am cum gloria, qua[e mihi parta est,]
kare, dolor]em mulcendo rogi[tare remitte,]
post fatum deus ut me aliqui]s reducat ad aur[as].

12. madentes, 14. nigr[a], 18. aur[as] дополнилъ Nohl.

VIII 676 (11828) Mactaris.

quae rés mort[a]lis úr[guent perpetuáliter]
 miserósque reddu[nt hómines impetú suo]
 animósque torq[uent cúris permanéntibus,]
 [relíqui cunctas: hóc tamen so]lácium

5. [vitaé dimissae nóbis inge]ns pérmanet,
 [quod ágminibus pepérci nullis hó]stium.
 [obitús peregre, sepúlt]us in patrió solo,
 [vitaéque miserae iám sol]utus taédio,
 [in Elysiis vitá]m dego et timeó nihil;

10. [ideóqu]e dignis úto[r] n[un]c [ego praémiis]
 [opés] despiciens ét fortunas ál[terius].

5. фрагментовъ: (I) стихи 1—3, (II) 4—6, (III. IV) 7—9, (V) 10. 11; 1. ur[guent],
 2. reddu[ut], 3. torq[uent] дополнилъ Штудемундъ; 4. so]lácium, 6. ho]stium, 8. absol]utus,
 9. vita]m дополнилъ Шмидтъ.

Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ.

В. Меліоранскаго.

Изъ житія преп. Θεодосія тръновскаго извѣстно, что въ движеніяхъ, волновавшихъ болгарскую церковь въ серединѣ XIV в., современники различали три ереси: оживившееся богомилство, варлаамизмъ и жидовскую ересь, которыя всѣ трудами преп. Θεодосія и были осуждены на тръновскомъ соборѣ 1355 г. Первые двѣ изъ этихъ ересей, кажется, могутъ считаться въ достаточной мѣрѣ выясненными наукой. Въ прекрасномъ трудѣ проф. Успенскаго „Очерки византійской образованности“ выяснена сущность спора варлаамитовъ съ паламитами, указана связь паламитства съ богомилствомъ и близкая аналогія между паламитствующимъ, такъ сказать, богомилствомъ и русскимъ стригильничествомъ. Только „жидовская“ ересь остается пока въ тѣни; проф. Успенскій ограничился относительно ея подстрочнымъ примѣчаніемъ: „позволимъ себѣ сдѣлать догадку, что и такъ называемая жидовская ересь, о которой говоритъ житіе (стр. 7—8), не представляетъ никакихъ чертъ, по которымъ бы можно было видѣть въ ней отличное отъ богомилства ученіе“ (стр. 374, прим. 2-е).

Дѣло въ томъ, что, кромѣ житія преп. Θεодосія, до сихъ поръ въ научномъ обращеніи не было матеріаловъ для ея изученія. Всѣ наши свѣдѣнія о ней ограничивались тѣмъ, что въ серединѣ XIV в. три болгарскихъ еврея „дерзнуша хулити на иконы Господа нашего Іисуса Христа и на Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу. И не точію честныя иконы хуляще, но и божественныя храмы и приносимыя въ нихъ жертвы безстыдно хуляще и уничижающе, и ина многая блядословяще, яже нелѣтъ есть писанію предати; еще же священники безчестити, инокомъ ругатися и иная безмѣстная дѣяти. Вина же симъ дѣющимся отъ іудеевъ... о еже надѣятися на царицу, яко отъ рода тѣхъ сущу.“ Надежда ихъ оказа-

лась тщетною: „ереси жидовскія“ были осуждены соборомъ, и сами евреи приговорены къ смерти, (согласно 25 гл. 9 титула Фотіева помоканона — см. *Ράλλη καὶ Ποτλῆ, Σουλ. хав., I, p. 197*), но помилованы и присуждены „казнѣю казненнымъ быти“. Одинъ изъ нихъ обратился тогда въ христіанство, другой еще до совершенія казни былъ убитъ разъяренной толпой, третьему отрѣзали языкъ, губы и уши. Таковы данныя житія. Безспорно, въ нихъ нѣтъ ничего, что давало бы возможность отдѣлять жидовскую ересь не только отъ богомилской, но почти отъ какой угодно. Почти всѣ еретики, считая церковное ученіе неправильнымъ, отвергали православные храмы и таинства и старались всячески очернить православныхъ духовныхъ лицъ, — носителей церковной догмы, своихъ прямыхъ противниковъ; очень многіе уничижали Пресвятую Богородицу и отвергали иконопочитаіе. Чему же такому еще учили евреи, „яже нелѣтъ есть писанію предати“? что за „иная безмѣстная“ дѣлали они? Были-ли у нихъ послѣдователи изъ числа христіанъ, или все еретическое общество состояло изъ этихъ трехъ евреевъ и, можетъ быть, еще нѣсколькихъ, кощунствовавшихъ па свой страхъ, въ расчетъ на защиту царицы? На все это въ житіи, да и нигдѣ нѣтъ отвѣта ¹⁾).

По словамъ іеросхимонаха Спиридонія, переведшаго „житіе“ на церковно-славянскій языкъ (оно было первоначально написано по-гречески константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ), еврейское движеніе было, будто бы, опаснѣйшимъ и виднѣйшимъ изъ всѣхъ: „яко въ то время“ (т. е. при преп. Θεодосіи), говоритъ онъ, „умножилися бяху ереси въ Българіи и наипаче іудейскій народъ съ превеликимъ дерзновеніемъ хулилъ христіанскую вѣру, Христа и Пречистую его Матерь“.

¹⁾ Г-нъ Иречекъ (*Gesch. der Bulgaren*, гл. XXI, p. 313) возлагалъ въ этомъ отношеніи надежду на рукопись Имп. Публ. Библ. изъ собранія гр. Ф. А. Толстого, № 204, по описанію Калайдовича и Строева, именно на статью (листы 414—421): „Обѣщаніе (ошибка, слѣдуетъ отвѣщаніе) божественнаго священнаго сбора и оучительство о святѣмъ крещеніи иже вѣсте трънова обрѣтающимся, честнѣйшему-же въ священноиноцехъ куръ Θεодосію и честнѣйшему въ иноцѣхъ куръ Роману и къ прочимъ священникомъ“. (Г-нъ Иречекъ даетъ совершенно невѣрное заглавіе: „отвѣщаніе събора тръновскаго къ Θεодосію и киръ Роману“). Разсмотрѣвъ эту рукопись, я нашелъ, что она содержитъ переводъ посланія патріарха Каллиста къ болгарскому духовенству, черновикъ котораго напечатанъ у Миклошича въ *Acta Patr. Cpl.*, т. I, подъ № CLXXXVI; тутъ рѣчь идетъ о титулярномъ характерѣ тръновскаго и о каноническомъ преимуществѣ константинопольскаго патріархата и о допущенныхъ болгарскимъ духовенствомъ обрядовыхъ уклоненій въ совершеніи таинства крещенія. Статья интересна только тѣмъ, что болгарскіе монахи, донесшіе Каллисту о сепаратистическихъ стремленіяхъ болгарской церкви, названы въ русскомъ текстѣ Θεодосіемъ и Романомъ (въ текстѣ Миклошича вѣсто именъ пробѣлы). Такимъ образомъ, преп. Θεодосій является борцомъ не только противъ догматическихъ ересей въ болгарской церкви, но и противъ канонической, такъ сказать, ереси ея самой—ея стремленія къ самостоятельности отъ Византіи.

Но Спиридоній писалъ, повидимому, уже въ позднее время: онъ самъ говоритъ, что найденное имъ житіе Θεοδόσια (неясно, греческій подлинникъ, или неизвѣстный теперь болгарскій переводъ) находилось въ сборникѣ житій „отъ древняго извода“,—и не видно, чтобы онъ предполагалъ какими-либо особыми свѣдѣніями о жидовской ереси.

Мнѣ кажется, нѣкоторый свѣтъ на затронутый мною вопросъ проливаетъ грамота, давно ужъ напечатанная, но до сихъ поръ не обращавшая на себя вниманія изслѣдователей (Mikl. Acta Patr. Cpl., т. I, № LVII). Это — черновой протоколъ засѣданія синода патріарха Іоанна XIV Калеки, безъ конца и безъ даты, но съ указаніемъ (какимъ — увидимъ ниже) на конецъ 1336 года, какъ на время его составленія.

Я приведу, для ясности, всѣ важныя для насъ мѣста этого документа въ греческомъ текстѣ и русскомъ переводѣ, а остальные — въ пересказѣ. Скобками [] я обозначаю слова, которыя при переводѣ для ясности можно пропустить; скобками () — слова, прибавленныя въ переводѣ для ясности; съ разрядкой напечатаны мѣста, которыя для насъ особенно важны, и ниже будутъ разобраны подробнѣе.

Ἐλαλήθησαν τινα πρό τινος ἡδὴ
 χαιροῦ, ὅσα δῆτα καὶ ἐλαλήθησαν παρὰ
 τοῦ Χιονίου κατὰ τοῦ τιμιωτάτου δι-
 καιοφύλακος καὶ οἰκονόμου τῆς ἀγιο-
 τάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης, δια-
 κόνου τοῦ Καβάσιλα, ἔτι δὲ καὶ τῶν
 ἐντιμοτάτων, τοῦ τε χαρτοφύλακος δια-
 κόνου τοῦ Στρυμβάκονος καὶ τοῦ σα-
 κελλίου, διακόνου τοῦ Βρυεννίου, τὸ
 δ' αἶτιον, ὅτι προσαγγειλάντων τινῶν
 ἱερωμένων καὶ μοναχῶν αὐτὸν δὴ τὸν
 Χιονίον, ὡς εἶη μετὰ τῶν αὐτοῦ ἀδελ-
 φῶν τὰ τῆς εὐσεβείας ἐξομοσάμενος
 καὶ τὰ Ἰουδαίων φρονῶν, δια-
 τεθέντες οὗτοι δὴ οἱ τῆς ἐκκλησίας, ὡς
 εἶκος ἦν καὶ δίκαιον, εἰς τοῦτο δια-
 τεθῆναι, ἐξετάσει τὰ κατ' αὐτὸν δεδω-
 κασι ἀκριβεῖ ἐπ' ἐκκλησίας, καὶ ἰου-
 δαΐζειν ἀπελεχθέντα, συνελά-
 βοντο τοῦτον καὶ κατέσχον καὶ πα-
 ραδεδώκασι τὸν τοιοῦτον τῷ ἐκ Θεοῦ

Уже за нѣкоторое время пе-
 редъ симъ были говорены Хіоніемъ
 нѣкія рѣчи, [каковыя были гово-
 репы,] противъ честнѣйшаго дикео-
 филакса и иконома святѣйшей ми-
 трополи Солунской, діакона Ка-
 василы и почтеннѣйшихъ: харто-
 филакса діакона Стримвакона и
 сакелларія діакона Вріеннія; при-
 чиной же (тому было то), что когда
 нѣкоторые лица священнаго сана
 и монахи донесли па Хіонія, что
 онъ со своими братьями (*можетъ
 быть*, со своею братіей?) отрекся
 отъ благочестія и придержи-
 вается іудейскаго образа
 мыслей, эти (служители) церкви
 отнесли къ этому дѣлу какъ слѣ-
 довало и какъ справедливость тре-
 бовала отнести — подвергли (взве-
 денныя) на него (обвиненія) тща-

κρατίστῳ καὶ ἀγίῳ μου αὐτοκράτο-
ρι, ὡς καὶ κατειργῆναι ἐντεῦθεν,
διὸ δὴ καὶ ἔχθραν οὗτος δὴ ὁ Χιό-
νιος καὶ κακίαν εἰς αὐτοὺς ἔχων, ἐξε-
ταζόμενος προστάξει βασιλικῇ παρὰ
τῶν συγχλητικῶν ἀρχόντων περὶ τῶν
αὐτοῦ διδασκάλων καὶ μαθη-
τῶν καὶ τινὰς εἰπὼν καὶ κατα-
μηνύσας, τραπεῖς καὶ κατὰ
τῶν τοιούτων ἐκκλησιαστι-
κῶν, ἐλάλησέ τινὰς καὶ κατ'
αὐτῶν ἀκοάς. τὰ δὲ ἦν, κατὰ μὲν
τοῦ οἰκονόμου, ὡς ἤκουσε περὶ αὐτοῦ
ὁ τοιοῦτος Χιόνιος παρὰ τοῦ Σταχυτζη,
ὡς ἔτι πᾶς ὧν ὁ οἰκονόμος εἰργάσατό
τι ἔργον κοιρανικὸν καὶ δαιμονιώδες,
κατὰ δὲ τοῦ хартоφύλακος, ὅτι ἀναδεξά-
μενος ὁ αὐτὸς Χιόνιος τὴν κρίσιν τῶν
ἐκεῖσε Ἰουδαίων καὶ τὰς παρεμπιπτού-
σας αὐτοῖς ὑποθέσεις διευλυτῶν, ἐπειδὴ
συνέβαιεν ἐπιέναι τινὰς τῶν ἐποίκων
τῆς πόλεως τοῦτοις δὴ τοῖς Ἰουδαίοις
καὶ κακοῦν αὐτούς, ἐξυβρίζειν τε καὶ
τὸ σέβας καὶ τὸν νόμον αὐτῶν δεινο-
παθήσας αὐτὸς ἐπὶ τοῖς τοιούτοις, καὶ
μάλιστα ὅτι τὸν τοῦ Μωϋσέως ὑβρί-
ζουσι νόμον, δι' αὐτοῦ δοθέντα παρὰ
θεοῦ, ἀπῆλθε διεγκαλῶν πρὸς τὸν хар-
тоφύλακα κατὰ τῶν τοιούτων ἐποίκων
τῆς πόλεως, ὅτε καὶ εἰπόντι, ὅτι οὐδὲ
τοῦτο καλῶς ποιοῦσι οὗτοι δὴ οἱ τῆς
πόλεως ἔποικοι, ὅτι τὸν δοῦλον πλέον
τοῦ δεσπότης τιμῶσι, καὶ συναθροί-
ζονται μὲν παμπληθεῖ εἰς τὸν ναὸν
τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος καὶ μуро-
βλύτου Δημητρίου, τὸν δὲ ναὸν τοῦ
δεσπότης σωτῆρος Χριστοῦ παρατρέ-
χουσι, εἶπεν αὐτῷ ὁ ἦεν ὁ хартоφύ-
λαξ, ὅτι πλέον τιμῶσι οἱ Θεσσαλονι-

СВОРНІКЪ.

тельному разслѣдованію въ церкви
и уличивъ его въ іудей-
ствованіи, взяли его и заклю-
чили (подъ стражу) и передали
его Божіей милостью могуще-
ственнѣйшему и святому моему са-
модержцу, такъ что съ тѣхъ поръ
онъ находился въ заключеніи; по-
этому-то этотъ Хіоній, держа на
нихъ вражду и злобу, будучи
допрашиваемъ, по приказу
императора, начальствующими ли-
цами изъ синелита относитель-
но своихъ учителей и уче-
никовъ, назвавъ и ука-
завъ нѣкоторыхъ, обратил-
ся также и на этихъ служи-
телей церкви, и произнесъ нѣ-
что слышанное и на нихъ, а имен-
но: на иконома, будто онъ, Хіоній,
слышалъ про него отъ Стахица, что
икономъ, еще будучи ребенкомъ,
содѣлалъ нѣкое чародѣйственное
и бѣсовское дѣло; на хартофилак-
са, что-де онъ, Хіоній, принявъ ученіе
тамошнихъ іудеевъ и исповѣдуя
мнѣнія, обращающіяся среди нихъ,
когда случилось сойтись съ этими
евреями нѣсколькимъ изъ город-
скихъ жителей и (они стали) бра-
нить ихъ и издѣваться надъ ихъ
святyněй и закономъ, онъ, задѣтый
этимъ за живое, особенно тѣмъ,
что они ругались надъ закономъ
Моисея, чрезъ него даннымъ Бо-
гомъ, отошелъ съ жалобой на этихъ
городскихъ жителей къ хартофи-
лаксу; тутъ-то, когда онъ сказалъ,
что-де и то не хорошо дѣлають

καὶς τὸν μάρτυρα τοῦ Χριστοῦ. Κατὰ δὲ τοῦ σακελλίου εἶπε μὲν μὴ γινώσκειν τι κατ' αὐτοῦ, ἀκοῦσαι δὲ παρὰ τοῦ οἰκείου τῷ κρατίστῳ καὶ ἁγίῳ μου αὐτοκράτορι, κύρ Γεωργίου τοῦ Ἀγγέλου, ὅτι οὐ δοξάζει νεκρῶν ἀνάστασιν.

городскіе жители, что раба чтутъ больше господина, и собираются во множествѣ въ храмъ св. великомученика и мироточца Димитрія, а мимо храма Господа Спасителя Христа проходятъ (безъ вниманія), сказали ему на это хартофилаксъ, что (да,) солуняне чтутъ мученика больше, чѣмъ Христа. О сакелларіи же онъ сказалъ, что самъ ничего противъ него не знаетъ, но слышалъ о немъ отъ близкаго къ могущественнѣйшему и святому моему самодержцу кырѣ Георгіа Ангела, что онъ не вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ.

Дѣло по этимъ обвиненіямъ было, говорится далѣе въ актѣ, отложено за вдовствомъ солунской каведры¹⁾; затѣмъ, когда дѣло Хіонія разбиралось въ патріаршемъ синодѣ, въ присутствіи императора, Хіоній повторилъ свои обвиненія и оговоренныхъ рѣшено было пригласить въ судъ. Икономъ и хартофилаксъ за старостью и болѣзнью не явились, а прислали письменныя оправданія. Явился сакелларій Вріенній и отъ лица хартофилакса его зять, Памфилъ. По особому указу императора состоялось засѣданіе патріаршаго синода, въ присутствіи двоюроднаго брата императора, Авдроника Палеолога, συμπέθεροςъ императора ἐπὶ τῆς τραπέζης, Георгіа Хумна, великаго друнгарія и протоалагатора (вмѣсто именъ двухъ послѣднихъ въ грамотѣ оставлены пробѣлы); кромѣ того, въ засѣданіе были приглашены архимандриты и игумены константинопольскихъ (τῶν ἐνταῦθα) монастырей и не мало мірянъ изъ наиболѣе уважаемыхъ.

... καὶ τῶν ἀπολογητικῶν γραμμάτων ἀναγνωσθέντων ἐν ἐπὶ τῆς τραπέζης καὶ διεξιόντων πρὸς τοῖς ἄλλοις τοῦ μὲν οἰκονόμου, ὡς οὐδεμίαν εἶχε μετ' αὐτοῦ οὐδε πώποτε κοι-

...И когда оправдательныя грамоты были прочтены вслухъ, гдѣ ко всему прочему разъяснялось: (въ грамотѣ) иконома, что ни въ какомъ общеніи или ка-

¹⁾ Въ Acta Patr. Ср—tani солунскій митрополитъ упоминается нѣсколько разъ въ 1315—1324 годахъ. Отодвигать начало дѣла Хіонія далѣе къ первымъ годамъ XIV вѣка не позволяетъ выраженіе въ началѣ нашего акта: πρὸ τινος ἔδῃ χαροῦ (ожидалось бы πρὸ πολλῶν ἔδῃ χρόνωνъ); поэтому 1324 годъ можно принять за terminus post quem этого дѣла.

ωνίαν ἢ τινα ὁμιλίαν ὁ Χιόνιος, ἀλλ' αἰεὶ καὶ δι' ἔχθρας ἦν πρὸς αὐτόν, τοῦ χαρτοφύλακος δὲ, ὡς δι' οὐδὲν ἄλλο, ἀλλ' ἢ διὰ τὴν εἰρημένην ἀντιφάσει αἰτίαν τῆς εἰς αὐτοὺς ἔχθρας τὰ τοιαῦτα κατ' αὐτῶν ἐλάλησε ὁ Χιόνιος.

Тогда самъ Хіоній, выслушавъ эти грамоты, призналъ ихъ правдивость, и не смотря на многократныя увѣщанія собора, не скрывать, если онъ знаетъ, что оговоренныя лица что-нибудь сдѣлали или думали неподобающее (εἴ τι σύνοιδεν αὐτοὺς τῶν μὴ καθήκόντων εἰργασμένους ἢ καὶ φρονήσαντας), отрекся отъ своихъ словъ, а относительно сакелларія засвидѣтельствовалъ нѣчто достойное похвалы и свидѣтельствующее о его боголюбивомъ настроеніи (τινὰ τρόπου θεοφιλοῦς καὶ ἐπαίνου ἄξια). Наконецъ, приступлено было къ дѣлу сакелларія. Сначала онъ самъ публично засвидѣтельствовалъ, что вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ, а затѣмъ прочитанъ былъ слѣдующій письменный отзывъ Георгія Ангела, на котораго ссылался Хіоній, обвиняя сакелларія.

Ὁ δοῦλος τοῦ κρατ. καὶ ἀγ. ἡμῶν αὐθ. καὶ βασ. Γεώργιος ὁ Ἀγγελος τὸ παρὸν γράμμα ποιῶ, κάτωθεν μέλλων ὑπογράψειν αὐτὸ, διὸ δὴ καὶ λέγω καὶ ἐξασφαλίζομαι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ καὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἀληθεύσειν· ἐπεὶ γὰρ πρὸ καιροῦ οὐκ ὀλίγου ὁ Χιόνιος ἐλεγχθεὶς εἰς οἷαν ἐνέπεσεν ἀσέβειαν κατήγορος γέγονε προσώπων τινῶν καὶ δὴ μετὰ τῶν ἄλλων τοῦ σακελλίου τοῦ Βριεννίου, ἣ δὲ κατ' αὐτοῦ κατηγορία ἦν τοιαύτη λαληθεῖσα ἐνώπιον τῆς συγκλήτου, ὅτι ἔχουσε παρ' ἐμοῦ εἰπόντος, ὡς οὐ δοξάζει ἀνάστασιν ὁ τοιοῦτος σακελλίου· καντεῦθεν ἡρωτήθη μὲν καὶ τότε ὑπὸ τῆς συγκλήτου καὶ εἶπον καὶ τότε ἃ μέλλω καὶ νῦν ἐρεῖν, ἡρωτήθη δὲ καὶ νῦν ὑπὸ τοῦ ἀγιωτάτου μου δεσ-

комъ-либо знакомствѣ Хіоніи съ нимъ никогда не былъ, но даже всегда былъ противъ него враждебно настроенъ, (а въ грамотѣ) хартофилакса, что ни по какой другой причинѣ, кромѣ вышесказанной, именно по своей враждѣ къ нимъ, Хіоній наговорилъ на нихъ эти обвиненія.

Я, рабъ могущественнѣйшаго и святого нашего государя и императора, Георгій Ангелъ, составляю настоящую грамоту, имѣя намѣреніе ниже подписать ее; посему общаю и утверждаю предъ лицомъ Бога и святыхъ ангеловъ, что буду говорить правду. [Такъ какъ] довольно задолго до сего Хіоній, уличенный въ нечестіи, въ которое онъ впалъ, возсталъ обвинителемъ нѣкоторыхъ лицъ, между прочими сакелларія Вриеннія; обвиненіе противъ него, высказанное предъ лицомъ синклита (состояло въ томъ), что онъ слышалъ отъ меня [слова], что не вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ этотъ сакелларій. По этому случаю былъ я

πότου τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Θεσσαλονίκης ὑπερτίμου καὶ ἐξάρχου πάσης Θετταλίας μετ' ἐπιτιμίου ἀφορισμοῦ ἐνώπιον τοῦ περιποθήτου γαμβροῦ τοῦ χρ. κ. ἀγ. ἡμ. αὐθ. κ. β., τοῦ πιγκέρνη, τῶν οἰκείων τῷ χρ. κ. ἀγ. ἡμ. αὐθ. κ. β., πανσεβαστοῦ ἐπαρχοῦ τῶν μεγάλων ἀδνουμιαστῶν τοῦ τε Ὑαλέα κῦρ Ἀλεξίου καὶ τοῦ Κωκαλᾶ κῦρ Γεωργίου τοῦ χριτοῦ τοῦ θεοφρουρήτου φωσάτου τοῦ Σεναχηρείμ, τοῦ ἐταιριάρχου τοῦ Γλαβᾶ, παρόντος δὲ καὶ τοῦ καθολικοῦ χριτοῦ τῶν Ῥωμαίων μεγάλου διοικητοῦ τοῦ Γλαβᾶ, ἥδη ὅσον γινώσκω, ὅτι εἶπον βεβαίως καὶ ὁμολογουμένως, λέγω τοῦτο μετὰ πάσης ἀληθείας μεμνημένος μὲν καὶ τῆς φοβεράς κρίσεως, βλέπων δὲ καὶ πρὸς τὸν ἐπιτεθέντα μοι μετ' ἐπιτιμίου ἀφορισμόν· ἐπεὶ γὰρ ἐδέησε γενέσθαι διαζύγιον παρὰ τῆς ἐκκλησίας ἐμοῦ τε καὶ τῆς γυναικὸς μου, ἧς εἶχον, ἐδέησε δὲ γενέσθαι ὑπηρέτην τοῦ τοιοῦτου γράμματος τὸν δηλωθέντα σακελλίου, εἶχε δὲ ὕβρεις κατ' ἐμοῦ τὸ τοιοῦτον διαζύγιον, λυπηθεὶς ἐγὼ ἅμα μὲν καὶ διὰ κεφάλαιά τινα τῆς κρίσεως ἐμπεριελημμένα τῷ τοιοῦτῳ διαζυγίῳ, ἐφ' οἷς ἐλογιζόμην ὅτι ἡδικούμην, ἅμα δὲ καὶ διὰ τὸ πολὺ καὶ σκληρὸν καὶ ἀφόρητον τῶν κατ' ἐμοῦ ὕβρεων ἐξηνέχθην, ὁμολογῶ, καὶ εἶπον κυριε ἐλέησον, καὶ πιστεύει ὁ γράψας ταῦτα ἀνάστασιν ἢ κρίσιν, καὶ γράφει τοιαῦτα κατ' ἐμοῦ; ὡς φαίνεται, ἀσεβής ἐστι, καὶ διαβάλλει με οὕτως, ὅτι περιπατῶ ἐγὼ εἰς καπηλεῖα καὶ ἀδιαφορίας καὶ ἀσωτείας· ταῦτα καὶ μετὰ τοιοῦτου σκοποῦ καὶ κατὰ τὸν τοιοῦτον νόον εἶπον καὶ

и тогда опрошенъ синклитомъ, и тогда сказалъ тоже, что намѣренъ свазать и теперь; спрошенъ же былъ я теперь святѣйшимъ моимъ господиномъ, преосвященнѣйшимъ митрополитомъ солунскимъ и всея Θεσσαλιν ἐκзархомъ, подъ страхомъ отлученія, предъ лицомъ любезнѣйшаго зятя мог. и св. нашего гос. и имп., пинкерна, приближенныхъ мог. и св. м. г. и имп. всепочтеннаго епарха великихъ адноміастовъ, киръ Алексія Ιαλει и Κωκαλy, киръ Γεοργία, судиѣ богохранимаго фосата Сенахиримова, етеріарха Главѣ, въ присутствіи также и вселенскаго судиѣ ромеевъ, великаго дѣикита, Главѣ; вотъ, все, что знаю, что я дѣйствительно и несомнѣнно сказалъ, то говорю со всякою правдивостію, и памятуя о страшномъ судѣ, и взирая на угрожающее мнѣ наказаніе отлученія. Когда долженъ былъ состояться чрезъ церков(ную власть) разводъ меня и жены моей, которую я имѣлъ, то изготovitъ эту грамоту долженъ былъ означенный сакелларій; а въ разводномъ актѣ этомъ находились оскорбительныя для меня вещи. И, огорченный какъ нѣкоторыми статьями приговора, заключавшимися въ этомъ разводномъ актѣ, въ которыхъ видѣлъ несправедливость противъ себя, такъ и большимъ числомъ жестокихъ и невыносимыхъ нареканій на меня, вышелъ изъ себя,

ἐλάλησα πρὸς τὸν Χιονίον, ὅσον εἶπον, ἐνώπιον δὲ τοῦ Θεοῦ οὔτε παρ' αὐτοῦ τοῦ σακελλίου δι' ἐμαυτοῦ ἢ δι' ἐτέρου τινὸς ἢ ἵκουςα ἢ κατέλαβον τρέφοντα δόγμα ἐτερόδοξον τῆς καθολικοῦ ἐκκλησίας, ἀλλὰ μᾶλλον γινώσκω καὶ τοῦτον εὐσεβεῖν καὶ ὁμόδοξον μετὰ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας καὶ ἱερωμένον. καὶ εἰς δόξα τούτου τὸ παρὸν ἐξεθέμην γράμμα μηνὶ ὁκτωβρίῳ εἰκοστῇ τετάρτῃ ἰνδ. πέμπτῃς. (Это хронологическое указание я разумѣю выше).

сознаюсь въ этомъ, и сказалъ: Господи помилуй, вѣрить же писавшій это въ воскресеніе и судъ, и пишетъ на меня такія вещи; то-есть, онъ неблагочестивъ, и клеветать на меня, что я таскаюсь по харчевнямъ и (творю) безчинія и распутствую. Это, съ такою цѣлью и въ такомъ смыслѣ, я сказалъ и говорилъ (потомъ) Хіонію то, что сказалъ; но, предъ лицомъ Бога, ни самъ, отъ самого сакелларія, ни отъ кого-либо другого я не слыхалъ и не получалъ извѣстій, чтобы онъ питалъ въ сердцѣ догматъ иномысленный католической церкви; напротивъ, я знаю его за благочестиваго и единомысленнаго католической церкви (человѣка) и посягаго священныи санъ; и въ удостовѣреніе сего я выдалъ настоящую грамоту мѣсяца октябрия 24-го (числа), индикта 5-го“ (1336 г.).

Послѣ этихъ показаній синодъ объявилъ, что всѣ обвиненія составлены *σοφιστικῶς*, несостоятельны и невѣроятны, и постановилъ считать всѣхъ 3-хъ оговоренныхъ безусловно оправданными. Основанія для приговора указаны были слѣдующія: 1) Хіоній, какъ еретикъ, вообще говоря, „непріятель“ не только какъ обвинитель, но и какъ свидѣтель ¹⁾, особенно въ дѣлахъ, касающихся правовѣрія и противъ лицъ, имѣющихъ духовный санъ; 2) Стахицъ также личность слишкомъ подозрительная: онъ тоже былъ уличенъ въ ономомъ въ неблагочестіи и бѣжалъ отъ суда; 3) обвиненіе противъ хартофилакса признано было само по себѣ несостоятельнымъ: „что же сказано противъ хартофилакса, въ томъ нѣтъ ничего такого, что бы давало подозрѣніе относительно здраваго и православнаго образа мыслей его“.

¹⁾ Последнее отпосидось, вѣроятно, къ дѣлу Вріеннія, гдѣ, собственно говоря, обвинителемъ являлся не Хіоній, а православный Георгій Ангелъ, а Хіоній лишь свидѣтелемъ.

Таково содержаніе акта. Для ближайшей цѣли моей замѣтки мнѣ нѣтъ надобности входить въ его подробный анализъ, съ цѣлью рѣшить вопросъ—виновны или нѣтъ были обвиненныя Хіоніемъ лица. Съ насъ довольно пока и того, что уже въ промежутокъ времени отъ 1324—1336 года въ Солуни существовало въ средѣ греческаго населенія еретическое іудействовавшее общество, одинъ изъ членовъ котораго, Хіоній, опрошен- ный относительно своихъ единомышленниковъ, дважды—на епархіаль- номъ и потомъ на патріаршемъ судѣ—указалъ, между прочимъ, на трехъ важнѣйшихъ церковныхъ чиновниковъ солунской митрополіи. Что онъ указалъ на нихъ именно какъ на единомышленниковъ, это не под- лежитъ сомнѣнію. Таковъ, во-первыхъ, постоянный юридическій смыслъ самой формулы: ἐξετάζομενος περὶ τῶν αὐτοῦ διδασκάλων etc... τινὰς εἰπὼν καὶ καταμηνύσας... τραπεῖς καὶ κατὰ... ἐλάλησε. Затѣмъ, это совершенно согласно съ обычнымъ порядкомъ судопроизводства. Даже болѣе того: самое вчиненіе дѣла, съ которымъ мы познакомились, только въ этомъ случаѣ могло состояться. Если даже Хіоній и клеветалъ, желая ото- мстить людямъ, обличившимъ и посадившимъ его въ тѣрѣмъ, то, въ силу каноновъ, онъ не могъ иначе заставить себя слушать, какъ за- путавъ ихъ въ свое дѣло, объявивъ ихъ своими соучастниками. Въ нашемъ актѣ есть указаніе на то, что церковная власть съ самаго на- чала старалась замѣть поднятое Хіоніемъ дѣло; именно, тамъ сказано, что оно было отложено за вдовствомъ митрополичьей каеэдры; но изъ письменнаго отзыва Георгія Ангела видно, что онъ уже давалъ, по вызову синклита, свое показаніе, слѣдовательно, разбирательство было начато и потомъ положено подъ сукно. И вотъ теперь обвиненія Хіонія разбираетъ, по особому императорскому указу, синодъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи, въ присутствіи представителя императора, государственныхъ чиновниковъ, выборныхъ архимандритовъ и даже мірянъ. Къ чему бы все это, если бы можно было, оставаясь на строго законной почвѣ, заявить Хіонію, что не ему, обличенному (и нераскаянному) еретику, судить о православіи другихъ (какъ это сдѣлано въ концѣ нашей гра- моты заднимъ числомъ, уже послѣ состоявшагося разбирательства, съ легкой передержкой)?

Въ частности, икономъ Кавасила несомнѣнно такъ и понималъ обвиненіе Хіонія. Онъ завѣряетъ въ своей оправдательной запискѣ, что не имѣлъ съ Хіоніемъ *κοινωνία* и *ὁμιλία*. Если бы онъ хотѣлъ только сказать, что Хіоній не имѣлъ съ нимъ вообще личныхъ сношеній и, слѣдовательно, не можетъ знать и его занятій и убѣжденій, то такое оправданіе не имѣло бы смысла, такъ какъ и Хіоній не утверждалъ

ничего подобнаго, а обвиняя иконома, ссылаясь на какого-то Стахиды. Ясно поэтому, что слова *κοινωνία* и *ὁμιλία* употреблены икономомъ какъ каноническіе термины; онъ завѣряетъ (вѣроятно, клятвенно), что не былъ съ Хіоніемъ въ церковномъ общеніи, не имѣлъ сношеній съ обществомъ, къ которому тотъ принадлежалъ. Что касается хартофилакса, то изъ текста акта непосредственно ясна попытка Хіонія представить его въ единомысліи съ собою.

Итакъ, мнѣнія, которыя Хіоній приписывалъ обвиняемымъ имъ лицамъ, мы имѣемъ право считать за отрывки ученія его еретическаго общества, то-есть: мы знаемъ о солунскихъ жидовствующихъ, что они 1) занимались чародѣйствомъ и обвинялись въ сношеніяхъ съ нечистой силой; 2) хвалили законъ Моисеевъ и падали на чрезмѣрное почитаніе святыхъ и мощей, въ ущербъ почитанію Бога; 3) не вѣрили въ воскресеніе тѣлъ ¹⁾. Роль чародѣевъ, знающихъся съ дьяволомъ, византийцы приписывали евреямъ постоянно; припомнимъ хотя бы Льва Исавра, или суетвѣрныхъ враговъ патріарха Фотія. Иконоборцы (а съ иконоборствомъ тѣсно связано отрицаніе мощей) у православныхъ носили постоянную кличку *ἰουδαϊστροφες* (наравнѣ съ *σαραηνότροφες*). Отрицаніе воскресенія тѣлъ также слыло у православныхъ за іудейство, въ частности—за саддукейство. Свое особое уваженіе къ Моисееву закону и своимъ тѣснымъ сношеніямъ съ евреями Хіоній, какъ мы видѣли, засвидѣтельствовалъ самъ. Всего этого было, безъ сомнѣнія, вполне достаточно, чтобы ересь его обозначить именемъ жидовства—*τὸ ἰουδαϊζειν* ²⁾.

Замѣчательно, что эти самыя обвиненія ввозились на русскихъ жидовствующихъ и обозначались тѣмъ же самымъ терминомъ: *ἰουδαϊχὰ φροῶν*—жидовская мудрствуя, *ἰουδαϊζειν*—жидовствовать.

Я считаю совершенно ненаучнымъ отъ подобныхъ и даже гораздо болѣе близкихъ аналогій заключать къ генетической связи историческихъ явленій, пока нѣтъ фактовъ, прямо свидѣтельствующихъ о та-

¹⁾ Это не значить, что они не вѣрили въ безсмертіе души и воздаяніе за гробомъ. *Νεκρῶν ἀνάστασις* есть обозначеніе для специфически христіанскаго догмата воскресенія и преобразованія тѣла и тѣлесной будущей жизни. Отмѣчаемъ это потому, что нѣкоторые наши ученые, незнакомые спеціально съ богословіемъ, склонны иногда смѣшивать эти ученія, или ставить ихъ въ неразрывную связь (напр., и проф. Успенскій).

²⁾ Авторитетнѣйшій капопистъ Византии, Вальсамонъ, такъ опредѣляетъ терминъ *τὸ ἰουδαϊζειν* (См. *Ῥάλλη καὶ Πότλῃ, Σύσταγμα Κανόνων*, т. 4, р. 242, толкованіе на 89 правилъ Василия Великаго) *...τὰ τοῦ παλαιῦ νόμου, ἀνεὺ ὧν ῥητῶς ἐδέξατο ἡ ἐκκλησία, ἐσχόλασεν, καὶ ὁ χρώμενος τοῦτοισι ἰουδαϊζει*. Онъ же принужденъ былъ протестовать противъ обвиненія въ жидовствѣ постыжущихся въ субботу и употребляющихъ въ пищу опрѣсноки (см. тамъ же, т. 2, стр. 329 и 90/91). Совершеніе литургій на опрѣснокѣхъ византийскіе и русскіе полемисты постоянно ссылаются на жидовство.

кой связи; особенно через большія разстоянія — географическія и временныя. Умъ человѣческій вездѣ равенъ себѣ; среди людей, воспитанныхъ въ одинаковыхъ понятіяхъ византійскаго христіанства, пережившихъ сходныя церковныя пестроенія и попавшихъ подъ тѣ же вліянія, легко могла возникнуть и совершенно независимо — у однихъ одинаковая ересь, у другихъ одинаковый взглядъ на нее. Но, я думаю, меня не упрекнутъ въ неосторожности, если я поставлю солунскихъ жидовствующихъ начала 2-й четверти XIV вѣка съ болгарскими сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ того же вѣка.

Къ сожалѣнію, разобранное нами извѣстіе совершенно одиночно. Въ нашемъ актѣ нѣтъ указаній, кто такой былъ Хіоній, хотя личность его предполагается, кажется, хорошо извѣстною (ὁ Χιόνιος); ни въ другихъ документальныхъ источникахъ, ни у историка эпохи, Никифора Григорія, нѣтъ упоминаній ни о немъ, ни объ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ.

Самый актъ дошелъ до насъ недописаннымъ (вѣроятно, онъ долженъ былъ оканчиваться приговоромъ соборнаго суда самому Хіонію); вмѣсто именъ великаго друнгарія и протоаллагатора въ немъ оставлены пробѣлы. Повидимому, и теперь сочли за лучшее положить дѣло подъ сукно. Не потому-ли и Никифоръ Григора ничего о немъ не знаетъ?

КЪ ВОПРОСУ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ ТЕРЕНЦІЯ.

М. Крашенинникова.

Post editas <sex> comoedias nondum quintum atque tricesimum egressus annum, -- egressus <urbe> est neque amplius rediit, говоритъ Светоній о Теренціѣ ¹⁾. Извѣстно, что послѣдній изъ римскихъ спектаклей, на которыхъ шли произведенія Теренція въ то время, когда онъ находился еще въ столицѣ, состоялся въ сентябрѣ 160 года до Р. Х. *Сразу ли* послѣ того нашъ поэтъ покинулъ Италію, какъ это обыкновенно думаютъ ²⁾, или еще пробылъ въ Римѣ до слѣдующаго 159 года, мы не знаемъ, но, на нашъ взглядъ, нѣтъ серьезныхъ основаній отрицать возможность и послѣдняго предположенія ³⁾. Во всякомъ случаѣ однако, онъ выѣхалъ за границу никакъ не позже весны 159 года, такъ какъ заграицей ему пришлось пробыть, вѣроятно, не меньше полугода, а въ томъ же году онъ и скончался ⁴⁾.

Итакъ, въ концѣ 160 или началѣ 159 года Теренцію шелъ тридцать пятый годъ отъ роду. Остановиваясь на первой датѣ, узнаемъ, что поэтъ родился въ 194 или 195 году ⁵⁾, а принимая вторую, получаемъ 193-й или 194-й, т. е., иными словами, дату рожденія Теренція слѣдуетъ искать между 195 и 193 годами до Р. Х.

Приблизительно такъ же разсуждали и наши предшественники ⁶⁾

¹⁾ Vita Terent. p. 5, 1 Dziatzko = p. 211, 1 Ritschl (въ opusc. III).

²⁾ Шиндлеръ (Obs. crit. et hist. in Ter., Hal. 1881, p. 51 sq.) заставляетъ Теренція уѣхать изъ Рима даже въ началѣ 160 г., но его опровергаетъ Фабіа (Les prologues de Térence, Par. et Avign. 1888, p. 12 sq.).

³⁾ Фабіа, p. 12, отрицаетъ, ссылаясь на вышеприведенное мѣсто біографіи, но эта ссылка есть плодъ недоразумѣнія.

⁴⁾ Vita p. 5, 13 Dz. Ошибается бл. Иеронимъ, относя смерть Теренція къ 158 г., ср. Ritschl, Opusc. 3, 204.

⁵⁾ Эта неспредѣленность обусловливается неизвѣстностью числа и мѣсяца рожденія поэта.

⁶⁾ Разница лишь въ томъ, что изъ нихъ одни стоятъ за 559/194 или 553/195 (ср., напр., Ladewig въ Pauly R. E. 6, 1696), другіе за 559/194 или 560/193 (цитаты у Bähr'a, Gesch. d. röm. Lit., I⁴, 291, 6), третьи за 560 (Tanaq. Fabri Epist. II² p. 23: оригинальное вычисленіе!), четвертые даже за 561/192 (Fuhrmann, Harles и др.).

до Ричля. А этотъ ученый, положивъ въ основу своего изданія теренціевой біографіи древнѣйшую рукопись *A* (cod. Paris. 7920, XI вѣка) и положившись на сличенія Гунцикера, Шопена и Газе, сталъ читать въ вышеприведенномъ мѣстѣ, вслѣдъ за Ротомъ (Rhein. Mus. 1857, p. 182), *vicesimum* вмѣсто *tricesimum*, находя опору и въ дрезденской рукописи (*D*), гдѣ Фаленъ прочелъ *vigessimum*.

Припимая это новоявленное *vicesimum*, Ротъ не входилъ въ разборъ дѣла по существу (ср. I. с., p. 184), ограничиваясь восстановленіемъ „руки автора“ (p. 182). Ричль пошелъ далѣе: онъ рѣшительно сталъ на сторону *AD* и, по существу дѣла, объявилъ Теренція именно однолѣткомъ Сципіона Младшаго (род. въ 185 г.) и обозвалъ интерполированными рукописи, дающія чтеніе *tricesimum*¹⁾. Историки римской литературы не замедлили преклониться предъ авторитетомъ Ричля и древнѣйшей рукописи²⁾.

Въ новую фазу развитія вступилъ данный вопросъ, когда имъ заинтересовался Зауппе³⁾, который, съ одной стороны, отнесся съ полнымъ недоумѣніемъ къ чтенію „интерполированныхъ“ рукописей, съ другой—попытался дискредитировать авторитетъ и другаго чтенія, какъ историко-литературнаго свидѣтельства. Онъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго мѣста біографіи, p. 3, 9 Dz.: Hic (Теренцій) cum multis nobilibus familiariter vixit, sed maxime cum Scipione Africano et C. Laelio, quibus etiam corporis gratia conciliatus existimatur: quod et ipsum Fenestella arguit contendens utroque maiorem natu fuisse, quamvis et Nepos aequales omnes fuisse tradat et Porcius suspicionem de consuetudine per haec faciat, и проч. Фенестелла, разсуждаетъ Зауппе p. 115, былъ „ученымъ и проницательнымъ человѣкомъ, и, естественно, у него были сочиненія Варрона и другихъ о Теренціѣ такъ же, какъ и у Светонія. Если въ этихъ сочиненіяхъ имѣлось положительное извѣстіе о возрастѣ поэта, то онъ не могъ утверждать, что Теренцій былъ старше Лэлія и Сципіона. Утверждать это онъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если объ этомъ возрастѣ сообщались и другія свѣдѣнія, или если не было никакихъ опредѣленныхъ извѣстій, но имѣлись факты, позволявшіе и оправдывавшіе выставленіе одной догадки противъ другой“. Отмѣчая затѣмъ, что утвержденію Фенестеллы Светоній не противопоставляетъ опредѣленной ссылки на годъ рожденія Теренція, Зауппе и приходитъ къ заключенію, что и древніе не знали этой даты въ точности, и что, зна-

¹⁾ Opusc. 3, 252 sq.

²⁾ Ср. Bernhardy⁵, p. 470, 347. Bähr, I⁴, 289.

³⁾ Götting. Nachr., 1870, p. 111 sqq.

читъ, и извѣстіе о 25-лѣтнемъ возрастѣ поэта въ годъ его поѣздки за-
границу является просто результатомъ чьей-то догадки, основанной на
фактѣ ровесничества Теренція со Сципіономъ.

Этихъ соображеній, къ которымъ примкнули и новѣйшіе историки
римской литературы ¹⁾, нельзя не признать очень остроумными, но бѣда
въ томъ, что заложены то они на слишкомъ непрочномъ фундаментѣ;
этого впрочемъ нельзя ставить въ вину Зауппе, такъ какъ фунда-
ментъ осѣлъ и далъ трещины лишь впоследствии.

Прежде всего надо замѣтить, что ни въ *A*, ни въ *D* не читается
vicesimum: въ *A*, по проверкѣ Г. Мейнке, оказалось *incesimum*,
а въ *D* Юнгманъ и Ель нашли *trigessimum* вмѣсто фаленовскаго
vigessimum ²⁾. Палеографически *incesimum* столь же близко къ *vicesi-*
num, сколько и къ *trigesimum*, но если бы даже и было несомнѣнно,
что *incesimum* въ *A* произошло именно изъ *vicesimum*, то и тогда не
слѣдовало бы слѣпо довѣряться этому чтенію. Дѣло въ томъ, что Ричль
ужь слишкомъ умалилъ значеніе семи позднѣйшихъ рукописей: путемъ
тщательнаго изученія вариантовъ мы пришли къ убѣжденію, что для
критики текста біографіи Теренція ватиканская рукопись *F* (cod. Reg. 1492, XV вѣка) ничуть не менѣе важна, чѣмъ *A* ³⁾, хотя послѣдняя
гораздо древнѣе. Еп résumé, чтеніе *vicesimum*, изъ-за котораго и
сыръ-боръ то загорѣлся, оказывается просто висящимъ въ
воздухѣ.

Что же касается „contendens“ Фенестеллы, то оно допускаетъ и
совсѣмъ иное объясненіе, устраняющее выводъ, сдѣланный Зауппе. Дѣло
въ томъ, что неизвѣстенъ былъ годъ рожденія Лэлія; знали только, что
онъ былъ старше Сципіона, а былъ ли и онъ младше Теренція на-
счетъ этого мнѣнія въ древности расходились. Фенестелла и могъ „con-
tendere“, что Теренцій былъ старше обоихъ, т. е. и Лэлія.

¹⁾ Teuffel-Schwabe ⁵, p. 178, 7. Schanz, p. 62, 41. Ribbeck, Gesch. d. röm. Dicht., I², p. 131.

²⁾ Ср. Ritschl, Opusc. 3, 211. 216.

³⁾ Объ этомъ подробнѣе поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

ГДѢ ПИСАНО ПОРФИРЬЕВСКОЕ ЧЕТВЕРОВЕАНГЕЛІЕ 835 ГОДА?

Г. Церетели.

Гардтгаузенъ въ своей Griechische Palaeographie (стр. 184), вполне справедливо отождествляя Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. ¹⁾, въ виду одинаковости приписи, съ тѣмъ Евангеліемъ, которое видѣлъ Шольцъ ²⁾ въ лаврѣ Саввы Освященнаго, высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе, что монахъ Николай, писецъ Евангелія, жилъ въ лаврѣ и тамъ окончилъ свой трудъ. Основаніемъ же для этого предположенія служить у Гардтгаузена та мысль, что, при стѣсненномъ положеніи христіанъ на Востокѣ въ первой половинѣ IX в., столь отдаленный монастырь, какъ лавра св. Саввы, едва-ли могъ дѣлать какихъ-либо приобрѣтенія.

Отсюда Гардтгаузенъ дѣлаетъ затѣмъ слѣдующій выводъ: „Итакъ, древнѣйшіе достовѣрные слѣды вполне сформировавшагося минускульнаго письма ведутъ насъ не къ Византійской имперіи, а къ Мертвому морю“ ³⁾.

Но этотъ выводъ разрушается небольшою замѣткой, которая находится на л. 344 упоминаемаго Евангелія и принадлежитъ рукѣ того же монаха Николая.

Въ замѣткѣ этой, посвященной памяти трехъ святыхъ: Платона, Θεοδώρα и Ιωσιφά, мы читаемъ слѣдующее:

ἐτελειώθη ἐν κ(υρ!)ω ὁ βασις (καὶ) θεοφóρος
π(ατ)ήρ ἡμῶν πλάτων ὁ τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογῇ
[τ]ῆς ὁ μέγας τῆς οἰκουμένης φωστῆρ

¹⁾ Оно хранится теперь въ С.-Петербургской Императорской Публичной библіотекѣ за № 219.

²⁾ Scholz, Biblisch-kritische Reise, 1823. Перечисляя на стр. 145 рукописи, видѣныя имъ въ лаврѣ св. Саввы, Шольцъ упоминаетъ объ Евангеліи IX в., которое писано монахомъ Николаемъ въ 835 г. и приписъ котораго, приведенная Шольцомъ, вполне тождественна приписи Порфирьевскаго Четвероевангелія.

³⁾ Griechische Palaeographie, p. 184: Die frühesten sicheren Spuren einer durchgebildeten Minuskel führen also nicht ins Byzantinische Reich, sondern ans Todte Meer.

μην(ι) ἀπριλλίω δ̄ ἰνδ(ικτιῶνος) ζ̄ ἡμέ(ρα) δ̄
 ἐτελειώθη ὁ ἐν ἁγίοις θεόδωρος ὁ κοινὸς π(ατ)ήρ ἡμῶν
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογ(η)τής
 πολλοὺς δρόμους (καὶ) ἀγῶνας διανοίσας
 ἐν τῇ ἀμωμήτῳ (καὶ) ἀληθινῇ τῶν χριστι
 ανῶν πίστει πολλοὺς τε φωτίσας (καὶ)
 ὁδηγήσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας
 (καὶ) σ(ωτη)ρίας μην(ι) νοεμβρίῳ ιᾱ ἰνδ(ι)κ(τιῶνος) ε̄
 ἡμέ(ρα) ᾱ
 ἔτους δὲ ἀπὸ κτίσεως κόσμου Στλε̄
 ἐτελειώθη(η) ὁ ἐν ἁγίοις π(ατ)ήρ ἡμῶν ἰωσήφ ὁ ἅγι
 ὡτατος ἀρχ(ι)επίσκ(οπος) θεσσαλονίκης
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογητής ἐν καλῇ ὁ
 μολογίᾳ (καὶ) μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ
 τῆς ἀληθείας μην(ι) ἰ(ο)υλίῳ ιε̄ ἰνδ(ι)κ(τιῶνος) ῑ
 ἔτους δὲ κόσμου Στμ̄ + .

Какъ видно изъ контекста, года смерти Платона въ рукописи нѣтъ, но такъ какъ умершіе святые расположены въ хронологическомъ порядкѣ и смерть Θεодора падаетъ на 826 г. (6335 — 5509 = 826), которому соотвѣтствуетъ 5-й индиктъ, мы можемъ считать вполне досто-
 вѣрнымъ, что въ первомъ случаѣ нужно поставить годъ 813-й, т.-е. ἀπὸ κτίσεως κόσμου Στκᾱ, которому дѣйствительно, соотвѣтствуетъ 6-й индиктъ. Итакъ, Платонъ умеръ 4 апрѣля 813 г.

Теперь нужно точнѣе опредѣлить личности святыхъ: св. Платонъ ¹⁾, скончавшійся въ 813 г., былъ игуменомъ Саккудіона и приходился дядей по матери знаменитому возстановителю Студійскаго монастыря Θεодору, воспитаніемъ и развитіемъ котораго онъ занимался съ особымъ усердіемъ.

Θεодоръ же Студитъ умеръ въ 826 г. и память его празднуется 11 ноября ²⁾, а слѣдовательно Θεодоръ, упомянутый въ разбираемой нами замѣткѣ, и есть тотъ святой, который такъ энергично отстаивалъ почитаніе иконъ и ввелъ знаменитый монашескій уставъ, послужившій основаніемъ для устава Кіево-Печерской лавры. Что же касается св. Іосифа, архіепископа Θεσσαλονикскаго, то онъ, какъ извѣстно, былъ братомъ Θεодора Студита и, отстаивая почитаніе иконъ, умеръ муче-

¹⁾ См. Четьи-Минеи, апрѣль, день 5, а также Thomas, Theodor von Studion und sein Zeitalter, 1892 г.

²⁾ См. Четьи-Минеи, ноябрь.

нической смертью въ 832 г., на что, повидимому, и указываютъ слова: ἐν μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ τῆς ἀληθείας. Такимъ образомъ, въ приведенной нами замѣткѣ упомянуты три главныхъ представителя Студійскаго монастыря, связанные между собой не только родственными отношеніями, но и общностью взглядовъ. А именно: Платонъ былъ не только дядей Θεодора Студита, но и воспитателемъ его, вполне раздѣлявшимъ всѣ мысли своего племянника; Θεодоръ—энергичный дѣятель, отстаивавшій истины Христовой церкви и ея интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обязанъ Платону своимъ духовнымъ развитіемъ, а Іосифъ, братъ Θεодора, былъ его горячимъ послѣдователемъ, и вплоть до своей смерти боролся, подобно брату, противъ преслѣдователей св. иконъ.

Но такъ какъ въ каждомъ монастырѣ преимущественно уважаются свои собственные святые, какъ люди главнымъ образомъ способствующіе славы монастыря, то и въ данномъ случаѣ происхожденіе замѣтки о трехъ вышеупомянутыхъ святыхъ трудно объяснять простымъ желаніемъ писца сказать нѣсколько словъ о выдающихся представителяхъ церкви того времени. Скорѣе причину этой замѣтки нужно видѣть въ томъ, что самъ Николай принадлежалъ къ Студійской обители, на что и указываютъ слова, относящіяся къ Θεодору и какъ бы выдѣляющія его изъ числа двухъ другихъ святыхъ, а именно: ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν—общій отецъ нашъ, т.-е. настоятель монастыря, игумень, πολλοὺς φωτίσας καὶ ὁδηγήσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας.

Студійскій же монастырь находился въ Константинополѣ, и, слѣдовательно, древнѣйшій памятникъ вполне образованнаго строчнаго письма, Четвероевангеліе 835 г., ведетъ насъ не „къ Мертвому морю“, къ центру Византійской имперіи. Здѣсь, гдѣ было главное средоточіе научно-литературной дѣятельности всего государства, естественно должна была получить свое начало и мысль о необходимости преобразовать господствовавшее до того времени курсивное письмо. Въ силу своего главнаго принципа, какъ можно болѣе соединять одну букву съ другою, курсивъ мало-по-малу сдѣлался до такой степени неразборчивымъ, что невольно приходилось замѣнить его новымъ родомъ письма, болѣе удобнымъ какъ для написанія, такъ и для переписыванія всякаго рода литературныхъ произведеній. Поэтому, когда курсивъ, получивъ свою окончательную переработку, преобразовался въ строго-стилизованное строчное письмо, послѣднее въ скоромъ времени приобрѣло самое широкое распространеніе и стало употребляться не только для книгъ свѣтскаго, но и духовнаго содержанія, замѣнивъ, въ послѣднемъ случаѣ, существовавшій исключительно для этой цѣли

уставъ, доказательствомъ чего и служить, прежде всего, Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. Но для того, чтобы новый родъ письма могъ приобрѣсти полныя права гражданства, нуженъ былъ, конечно, продолжительный періодъ времени, такъ что мы съ полной достовѣрностью можемъ относить начало вполнѣ образованнаго строчнаго письма къ концу VIII вѣка.

Переходимъ теперь къ палеографическому разбору замѣтки (см. снимокъ):

Изъ буквъ, въ сравненіи съ буквами Евангельскаго текста, главнымъ образомъ, со стороны формы выдѣляются слѣдующія: *ε*, *η*, *κ*, *ι*, *θ* и *ο*.

Буква *ε* въ замѣткѣ по большей части имѣетъ форму строчную, но два раза въ лигатурахъ *ευ* и *ερ* она принимаетъ форму чисто-курсивную, которую мы находимъ уже въ папирусахъ VI в.

Эта форма представляетъ изъ себя ноликъ, отъ котораго идетъ сверху вправо прямая линія, соединяющаяся затѣмъ посредствомъ вспомогательнаго штриха съ послѣдующей гласной или согласной. Такая же форма встрѣчается очень часто и въ текстѣ Евангелія въ лигатурахъ *εζ* и *εξ*.

Буквы *η* и *κ*, въ свою очередь, интересны тѣмъ, что ихъ лѣвая сторона начинается небольшимъ тонкимъ штрихомъ, который имѣетъ наверху закругленіе и затѣмъ переходитъ въ прямую перпендикулярную линію, причемъ присутствіе этого штриха не всегда обуславливается желаніемъ соединить букву *η* или *κ* съ предыдущей. То же самое можно сказать и о буквѣ *ι*, которая встрѣчается здѣсь въ такой формѣ гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенной, но исключительно въ серединѣ слова.

Что же касается до буквы *θ*, то на ряду съ формою строчной мы находимъ четыре раза форму курсивную въ словахъ: *θεόδωρος*, *ἀληθινῇ*, *θανών* и *ἀληθείας* (строки 5, 8, 16, 17). Особенно интересна лигатура *θι* (*ἀληθινῇ*). Здѣсь мы видимъ курсивное *θ*, соединенное своей правой стороною съ буквою *ι*, которая почти вся спускается подъ строку, причемъ обѣ буквы такъ тѣсно связаны одна съ другою, что на первый взглядъ кажутся однимъ цѣлымъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о буквѣ *ο*. Эта буква одинъ разъ попадаетъ здѣсь въ замѣткѣ въ формѣ, нѣсколько отличающейся отъ нормальной строчной, а именно въ словѣ *ὕπερ* (строка 16) лѣвая сторона буквы нѣсколько выше правой и начинается къ тому же

кой связи; особенно черезъ большія разстоянія—географическія и временныя. Умъ человѣческій вездѣ равенъ себѣ; среди людей, воспитанныхъ въ одинаковыхъ попятіяхъ византійскаго христіанства, пережившихъ сходныя церковныя нестроенія и попавшихъ подъ тѣ же вліянія, легко могла возникнуть и совершенно независимо—у однихъ одинаковая ересь, у другихъ одинаковый взглядъ на все. Но, я думаю, меня не упрекнуть въ неосторожности, если я поставлю солунскихъ жидовствующихъ начала 2-й четверти XIV вѣка съ болгарскими сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ того же вѣка.

Къ сожалѣнію, разобранное нами извѣстіе совершенно одиночно. Въ нашемъ актѣ нѣтъ указаній, кто такой былъ Хіоній, хотя личность его предполагается, кажется, хорошо извѣстною (*ὁ Χιόνιος*); ни въ другихъ документальныхъ источникахъ, ни у историка эпохи, Никифора Григорія, нѣтъ упоминаній ни о немъ, ни объ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ.

Самый актъ дошелъ до насъ недописаннымъ (вѣроятно, онъ долженъ былъ оканчиваться приговоромъ соборнаго суда самому Хіонію); вмѣсто именъ великаго друнгарія и протоаллагатора въ немъ оставлены пробѣлы. Повидимому, и теперь сочли за лучшее положить дѣло подъ сукно. Не потому-ли и Никифоръ Григора ничего о немъ не знаетъ?

КЪ ВОПРОСУ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ ТЕРЕНЦІЯ.

М. Крашенинникова.

Post editas <sex> comoedias nondum quintum atque tricesimum egressus annum, -- egressus <urbe> est neque amplius rediit, говоритъ Светоній о Теренціѣ ¹⁾. Извѣстно, что послѣдній изъ римскихъ спектаклей, на которыхъ шли произведенія Теренція въ то время, когда онъ находился еще въ столицѣ, состоялся въ сентябрѣ 160 года до Р. Х. *Сразу ли* послѣ того нашъ поэтъ покинулъ Италію, какъ это обыкновенно думаютъ ²⁾, или еще пробылъ въ Римѣ до слѣдующаго 159 года, мы не знаемъ, но, на нашъ взглядъ, нѣтъ серьезныхъ основаній отрицать возможность и послѣдняго предположенія ³⁾. Во всякомъ случаѣ однако, онъ выѣхалъ за границу никакъ не позже весны 159 года, такъ какъ за границей ему пришлось пробыть, вѣроятно, не меньше полугода, а въ томъ же году онъ и скончался ⁴⁾.

Итакъ, въ концѣ 160 или началѣ 159 года Теренцію шелъ тридцать пятый годъ отъ роду. Останавливаясь на первой датѣ, узнаемъ, что поэтъ родился въ 194 или 195 году ⁵⁾, а принимая вторую, получаемъ 193-й или 194-й, т. е., иными словами, дату рожденія Теренція слѣдуетъ искать между 195 и 193 годами до Р. Х.

Приблизительно такъ же разсуждали и наши предшественники ⁶⁾

¹⁾ Vita Terent. p. 5, l. Dziatzko = p. 211, l. Ritschl (въ opusc. III).

²⁾ Шиндлеръ (Obs. crit. et hist. in Ter., Hal. 1881, p. 51 sq.) заставляетъ Теренція уѣхать изъ Рима даже въ началѣ 160 г., но его опровергаетъ Фабіа (Les prologues de Térence, Par. et Avign. 1888, p. 12 sq.).

³⁾ Фабіа, p. 12, отрицаетъ, ссылаясь на вышеприведенное мѣсто біографіи, но эта ссылка есть плодъ недоразумѣнія.

⁴⁾ Vita p. 5, l. 13 Dz. Ошибается бл. Иеронимъ, относя смерть Теренція къ 158 г., ср. Ritschl, Opusc. 3, 204.

⁵⁾ Эта неспредѣленность обуславливается неизвѣстностью числа и мѣсяца рожденія поэта.

⁶⁾ Разница лишь въ томъ, что изъ нихъ одни стоятъ за 559/194 или 558/195 (ср., напр., Ladewig въ Pauly R. E. 6, 1696), другіе за 559/194 или 560/193 (цитаты у Bähg'a, Gesch. d. röm. Lit., I⁴, 291, 6), третьи за 560 (Tanaq. Fabri Epist. II² p. 23: оригинальное вычисленіе!), четвертые даже за 561/192 (Fuhrmann, Harles и др.).

до Ричля. А этотъ ученый, положивъ въ основу своего изданія теренціевой біографіи древнѣйшую рукопись *A* (cod. Paris. 7920, XI вѣка) и положившись на сличенія Гунцикера, Шопена и Газе, сталъ читать въ вышеприведенномъ мѣстѣ, вслѣдъ за Ротомъ (Rhein. Mus. 1857, p. 182), *vicesimum* вмѣсто *tricesimum*, находя опору и въ дрезденской рукописи (*D*), гдѣ Фаленъ прочелъ *vigessimum*.

Принимая это новоявленное *vicesimum*, Ротъ не входилъ въ разборъ дѣла по существу (ср. 1. с., p. 184), ограничиваясь возстановленіемъ „руки автора“ (p. 182). Ричль пошелъ далѣе: онъ рѣшительно сталъ на сторону *AD* и, по существу дѣла, объявилъ Теренція именно однолѣткомъ Сципіона Младшаго (род. въ 185 г.) и обозвалъ интерполированными рукописи, дающія чтеніе *tricesimum*¹⁾. Историки римской литературы не замедлили преклониться предъ авторитетомъ Ричля и древнѣйшей рукописи²⁾.

Въ новую фазу развитія вступилъ данный вопросъ, когда имъ заинтересовался Зауппе³⁾, который, съ одной стороны, отнесся съ полнымъ недоумѣніемъ къ чтенію „интерполированныхъ“ рукописей, съ другой — попытался дискредитировать авторитетъ и другаго чтенія, какъ историко-литературнаго свидѣтельства. Онъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго мѣста біографіи, p. 3, 9 Dz.: Hic (Теренцій) cum multis nobilibus familiariter vixit, sed maxime cum Scipione Africano et C. Laelio, quibus etiam corporis gratia conciliatus existimatur: quod et ipsum Fenestella arguit contendens utroque maiorem natu fuisse, quamvis et Nepos aequales omnes fuisse tradat et Porcius suspicionem de consuetudine per haec faciat, и проч. Фенестелла, разсуждаетъ Зауппе p. 115, былъ „ученымъ и проницательнымъ человекомъ, и, естественно, у него были сочиненія Варрона и другихъ о Теренціѣ такъ же, какъ и у Светонія. Если въ этихъ сочиненіяхъ имѣлось положительное извѣстіе о возрастѣ поэта, то онъ не могъ утверждать, что Теренцій былъ старше Лелія и Сципіона. Утверждать это онъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если объ этомъ возрастѣ сообщались, и другія свѣдѣнія, или если не было никакихъ опредѣленныхъ извѣстій, но имѣлись факты, позволявшіе и оправдывавшіе выставленіе одной догадки противъ другой“. Отмѣчая затѣмъ, что утвержденію Фенестеллы Светоній не противопоставляетъ опредѣленной ссылки на годъ рожденія Теренція, Зауппе и приходитъ къ заключенію, что и древніе не знали этой даты въ точности, и что, зна-

¹⁾ Опис. 3, 252 sq.

²⁾ Ср. Bernhardt⁵, p. 470, 347. Bähr, I⁴, 289.

³⁾ Götting. Nachr., 1870, p. 111 sqq.

читъ, и извѣстіе о 25-лѣтнемъ возрастѣ поэта въ годъ его поѣздки за-
границу является просто результатомъ чьей-то догадки, основанной на
фактѣ ровесничества Теренція со Сципіономъ.

Этихъ соображеній, къ которымъ примкнули и новѣйшіе историки
римской литературы ¹⁾, нельзя не признать очень остроумными, но бѣда
въ томъ, что заложены то они на слишкомъ непрочномъ фундаментѣ;
этого впрочемъ нельзя ставить въ вину Зауппе, такъ какъ фунда-
ментъ осѣлъ и далъ трещины лишь впоследствии.

Прежде всего надо замѣтить, что ни въ *A*, ни въ *D* не читается
vicesimum: въ *A*, по провѣркѣ Г. Мейнке, оказалось *incesimum*,
а въ *D* Юнгманъ и Ель нашли *trigessimum* вмѣсто фаленовскаго
vigessimum ²⁾. Палеографически *incesimum* столь же близко къ *vicesi-*
num, сколько и къ *tricesimum*, но если бы даже и было несомнѣнно,
что *incesimum* въ *A* произошло именно изъ *vicesimum*, то и тогда не
слѣдовало бы слѣпо довѣряться этому чтенію. Дѣло въ томъ, что Ричль
ужь слишкомъ умалилъ значеніе семи позднѣйшихъ рукописей: путемъ
тщательнаго изученія вариантовъ мы пришли къ убѣжденію, что для
критики текста біографіи Теренція ватиканская рукопись *F* (cod. Reg. in.
1492, XV вѣка) ничуть не менѣе важна, чѣмъ *A* ³⁾, хотя послѣдняя
гораздо древнѣе. En résumé, чтеніе *vicesimum*, изъ-за котораго и
сыръ-боръ то загорѣлся, оказывается просто висющимъ въ
воздухѣ.

Что же касается „contendens“ Фенестеллы, то оно допускаетъ и
совсѣмъ иное объясненіе, устраняющее выводъ, сдѣланный Зауппе. Дѣло
въ томъ, что неизвѣстенъ былъ годъ рожденія Лалія; знали только, что
онъ былъ старше Сципіона, а были ли и онъ младше Теренція на-
счетъ этого мнѣнія въ древности расходились. Фенестелла и могъ „con-
tendere“, что Теренцій былъ старше обоихъ, т. е. и Лалія.

¹⁾ Teuffel-Schwabe ⁵, p. 178, 7. Schanz, p. 62, 41. Ribbeck, Gesch. d.
röm. Dicht., I², p. 131.

²⁾ Ср. Ritschl, Opusc. 3, 211. 216.

³⁾ Объ этомъ подробнѣе поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

ГДѢ ПИСАНО ПОРФИРЬЕВСКОЕ ЧЕТВЕРОВЕАНГЕЛІЕ 835 ГОДА?

Г. Церетели.

Гардтгаузенъ въ своей Griechische Palaeographie (стр. 184), вполне справедливо отождествляя Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. ¹⁾, въ виду одинаковости приписи, съ тѣмъ Евангеліемъ, которое видѣлъ Шольцъ ²⁾ въ лаврѣ Саввы Освященнаго, высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе, что монахъ Николай, писецъ Евангелія, жилъ въ лаврѣ и тамъ окончилъ свой трудъ. Основаніемъ же для этого предположенія служить у Гардтгаузена та мысль, что, при стѣсненномъ положеніи христіанъ на Востокѣ въ первой половинѣ IX в., столь отдаленный монастырь, какъ лавра св. Саввы, едва ли могъ дѣлать какихъ-либо приобрѣтеній.

Отсюда Гардтгаузенъ дѣлаетъ затѣмъ слѣдующій выводъ: „Итакъ, древнѣйшіе достовѣрные слѣды вполне сформировавшагося минускулянаго письма ведутъ насъ не къ Византійской имперіи, а къ Мертвому морю“ ³⁾.

Но этотъ выводъ разрушается небольшою замѣткой, которая находится на л. 344 упоминаемаго Евангелія и принадлежитъ рукѣ того же монаха Николая.

Въ замѣткѣ этой, посвященной памяти трехъ святыхъ: Платона, Θεοδωρα и Ιωσιφά, мы читаемъ слѣдующее:

ἐτελειώθη ἐν κ(υρί)ῳ ὁ ὁσιος (καὶ) θεοφόρος
π(α)τήρ ἡμῶν πλάτων ὁ τοῦ χ(ριστοῦ) ὁμολογῆ
[τ]ῆς ὁ μέγας τῆς οἰκουμένης φωστῆρ

¹⁾ Оно хранится теперь въ С.-Петербургской Императорской Публичной библиотекѣ за № 219.

²⁾ Scholz, Biblisch-kritische Reise, 1823. Перечисляя на стр. 145 рукописи, видѣныя имъ въ лаврѣ св. Саввы, Шольцъ упоминаетъ объ Евангеліи IX в., которое писано монахомъ Николаемъ въ 835 г. и приписъ котораго, приведенная Шольцомъ, вполне тождественна приписи Порфирьевскаго Четвероевангелія.

³⁾ Griechische Palaeographie, p. 184: Die frühesten sicheren Spuren einer durchgebildeten Minuskel führen also nicht ins Byzantinische Reich, sondern ans Tote Meer.

μην(ι) ἀπειλλίω δ̄ ἰνδ(ικτιῶνος) ζ̄ ἡμέ(ρα) δ̄
 ἐτελειώθη ὁ ἐν ἁγίοις θεόδωρος ὁ κοινὸς π(ατ)ήρ ἡμῶν
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογ(ητῆς)
 πολλοὺς δρόμους (καὶ) ἀγῶνας διανοίσας
 ἐν τῇ ἀμωμήτῳ (καὶ) ἀληθινῇ τῶν χριστι
 ανῶν πίστει πολλοὺς τε φωτίσας (καὶ)
 ὁδηγήσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας
 (καὶ) σ(ωτη)ρίας μην(ι) νοεμβρίῳ ιᾱ ἰνδ(ι)κ(τιῶνος) ε̄
 ἡμέ(ρα) ᾱ
 ἔτους δὲ ἀπὸ κτίσεως κόσμου Στλε
 ἐτελειώθη(η) ὁ ἐν ἁγίοις π(ατ)ήρ ἡμῶν ἰωσήφ ὁ ἅγι
 ὡτατος ἀρχ(ι)επίσκ(οπος) θεσσαλονίκης
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογητῆς ἐν καλῇ ὁ
 μολογίᾳ (καὶ) μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ
 τῆς ἀληθείας μην(ι) ἰ(ο)υλίῳ ιε̄ ἰνδ(ι)κ(τιῶνος) ῑ
 ἔτους δὲ κόσμου Στμ + .

Какъ видно изъ контекста, года смерти Платона въ рукописи нѣтъ, но такъ какъ умершіе святые расположены въ хронологическомъ порядкѣ и смерть Θεοдора падаетъ на 826 г. (6335 — 5509 = 826), которому соотвѣтствуетъ 5-й индиктъ, мы можемъ считать вполне досто-
 вѣрнымъ, что въ первомъ случаѣ нужно поставить годъ 813-й, т.-е. ἀπὸ κτίσεως κόσμου Στκα, которому дѣйствительно, соотвѣтствуетъ 6-й индиктъ. Итакъ, Платонъ умеръ 4 апрѣля 813 г.

Теперь нужно точнѣе опредѣлить личности святыхъ: св. Платонъ ¹⁾, скончавшійся въ 813 г., былъ игуменомъ Саккудіона и приходился дя-
 деѣ по матери знаменитому возстановителю Студійскаго монастыря
 Θεодору, воспитаніемъ и развитіемъ котораго онъ занимался съ осо-
 бымъ усердіемъ.

Θεοдоръ же Студитъ умеръ въ 826 г. и память его празднуется
 11 ноябрю ²⁾, а слѣдовательно Θεοдоръ, упомянутый въ разбираемой
 нами замѣткѣ, и есть тотъ святой, который такъ энергично отстаивалъ
 почитаніе иконъ и ввелъ знаменитый монашескій уставъ, послужившій
 основаніемъ для устава Кіево-Печерской лавры. Что же касается св.
 Ιοσιφα, архіепископа Θεσσαλονικскаго, то онъ, какъ извѣстно, былъ
 братомъ Θεοдора Студита и, отстаивая почитаніе иконъ, умеръ муче-

¹⁾ См. Четьи-Минеи, апрѣль, день 5, а также Thomas, Theodor von Studion und sein Zeitalter, 1892 г.

²⁾ См. Четьи-Минеи, ноябрь.

нической смертью въ 832 г., на что, повидимому, и указываютъ слова: ἐν μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ τῆς ἀληθείας. Такимъ образомъ, въ приведенной нами замѣткѣ упомянуты три главныхъ представителя Студійскаго монастыря, связанные между собой не только родственными отношеніями, но и общностью взглядовъ. А именно: Платонъ былъ не только дядей Θεодора Студита, но и воспитателемъ его, вполне раздѣлявшимъ всѣ мысли своего племянника; Θεодоръ—энергичный дѣятель, отстаивавшій истины Христовой церкви и ея интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обязанъ Платону своимъ духовнымъ развитіемъ, а Іосифъ, братъ Θεодора, былъ его горячимъ послѣдователемъ, и вплоть до своей смерти боролся, подобно брату, противъ преслѣдователей св. иконъ.

Но такъ какъ въ каждомъ монастырѣ преимущественно уважаются свои собственные святые, какъ люди главнымъ образомъ способствующіе славы монастыря, то и въ данномъ случаѣ происхожденіе замѣтки о трехъ вышеупомянутыхъ святыхъ трудно объяснять простымъ желаніемъ писца сказать нѣсколько словъ о выдающихся представителяхъ церкви того времени. Скорѣе причину этой замѣтки нужно видѣть въ томъ, что самъ Николай принадлежалъ въ Студійской обители, на что и указываютъ слова, относящіеся къ Θεодору и какъ бы выдѣляющія его изъ числа двухъ другихъ святыхъ, а именно: ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν—общій отецъ нашъ, т.-е. настоятель монастыря, игумень, πολλοὺς φωτίσας καὶ ὁδηγήσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας.

Студійскій же монастырь находился въ Константинополѣ, и, слѣдовательно, древнѣйшій памятникъ вполне образованнаго строчнаго письма, Четвероевангеліе 835 г., ведетъ насъ не „къ Мертвому морю“, къ центру Византійской имперіи. Здѣсь, гдѣ было главное средоточіе научно-литературной дѣятельности всего государства, естественно должна была получить свое начало и мысль о необходимости преобразовать господствовавшее до того времени курсивное письмо. Въ силу своего главнаго принципа, какъ можно болѣе соединять одну букву съ другою, курсивъ мало-по-малу сдѣлался до такой степени неразборчивымъ, что невольно приходилось замѣнить его новымъ родомъ письма, болѣе удобнымъ какъ для написанія, такъ и для переписыванія всякаго рода литературныхъ произведеній. Поэтому, когда курсивъ, получивъ свою окончательную переработку, преобразовался въ строго-стилизованное строчное письмо, послѣднее въ скоромъ времени пріобрѣло самое широкое распространеніе и стало употребляться не только для книгъ свѣтскаго, но и духовнаго содержанія, замѣнивъ, въ послѣднемъ случаѣ, существовавшій исключительно для этой цѣли

установъ, доказательствомъ чего и служить, прежде всего, Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. Но для того, чтобы новый родъ письма могъ приобрести полныя права гражданства, нуженъ былъ, конечно, продолжительный періодъ времени, такъ что мы съ полной достовѣрностью можемъ относить начало вполне образованнаго строчного письма къ концу VIII вѣка.

Переходимъ теперь къ палеографическому разбору замѣтки (см. снимокъ):

Изъ буквъ, въ сравненіи съ буквами Евангельскаго текста, главнымъ образомъ, со стороны формы выдѣляются слѣдующія: ε, η, κ, ι, θ и ο.

Буква ε въ замѣткѣ по большей части имѣетъ форму строчную, но два раза въ лигатурахъ εν и еρ она принимаетъ форму чистокурсивную, которую мы находимъ уже въ папирусахъ VI в.

Эта форма представляетъ изъ себя ноликъ, отъ котораго идетъ вверхъ вправо прямая линія, соединяющаяся затѣмъ посредствомъ вспомогательнаго штриха съ слѣдующей гласной или согласной. Такая же форма встрѣчается очень часто и въ текстѣ Евангелія въ лигатурахъ еζ и еξ.

Буквы η и κ, въ свою очередь, интересны тѣмъ, что ихъ лѣвая сторона начинается небольшимъ тонкимъ штрихомъ, который имѣетъ наверху закругленіе и затѣмъ переходитъ въ прямую перпендикулярную линію, причемъ присутствіе этого штриха не всегда обуславливается желаніемъ соединить букву η или κ съ предыдущей. То же самое можно сказать и о буквѣ ι, которая встрѣчается здѣсь въ такой формѣ гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенной, но исключительно въ серединѣ слова.

Что же касается до буквы θ, то на ряду съ формою строчной мы находимъ четыре раза форму курсивную въ словахъ: θεόδωρος, ἀληθινῇ, θανών и ἀληθείας (строки 5, 8, 16, 17). Особенно интересна лигатура θι (ἀληθινῇ). Здѣсь мы видимъ курсивное θ, соединенное своей правой стороной съ буквою ι, которая почти вся спускается подъ строку, причемъ обѣ буквы такъ тѣсно связаны одна съ другою, что на первый взглядъ кажутся однимъ цѣлымъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о буквѣ ο. Эта буква одинъ разъ попадаетъ здѣсь въ замѣткѣ въ формѣ, нѣсколько отличающейся отъ нормальной строчной, а именно въ словѣ ὁπέρ (строка 16) лѣвая сторона буквы нѣсколько выше правой и начинается къ тому же

небольшимъ загибомъ. Такую же форму, и притомъ въ томъ же слогѣ, отъ мы находимъ нѣсколько разъ въ Евангеліи на лл. 340 и 341.

Сверхъ всего этого относительно письма замѣтки можно сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія:

1) Удареній и придыханій въ замѣткѣ почти нѣтъ; исключеніе представляютъ слова: καί (строка 6), διανοίσας (строка 7), καί (строка 9), ὁ ἀγώγος (строка 13), ὁμολογία (строка 15) и μαρτυρία (строка 16).

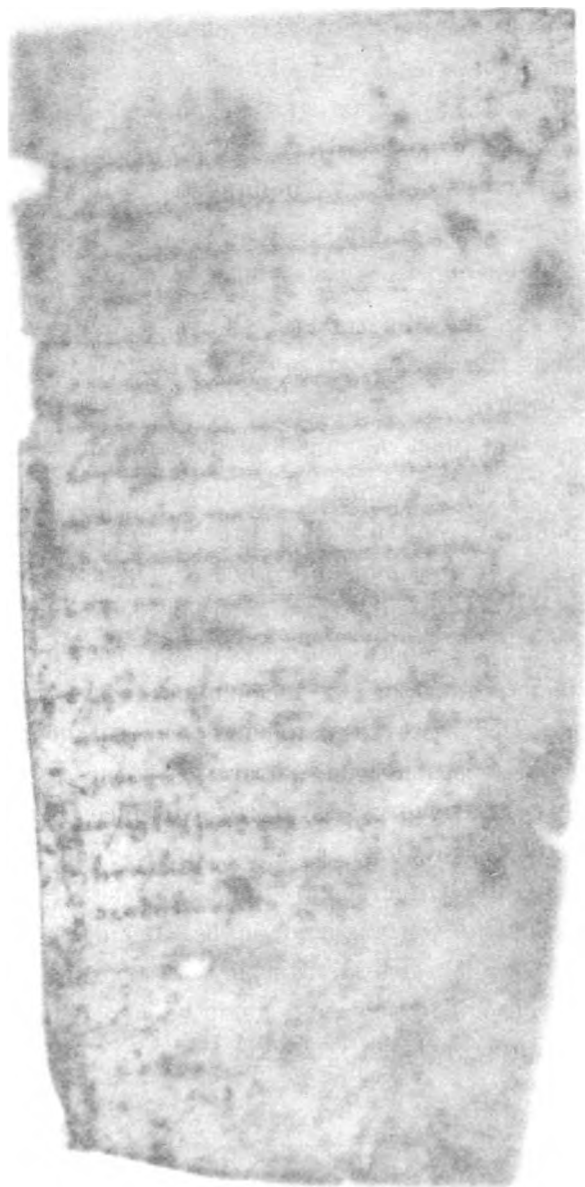
2) Двѣ точки надъ ι и ο ставятся, какъ и въ самомъ Евангеліи, лишь въ томъ случаѣ, если эти буквы начинаютъ собой новое слово. Ср. ἰωανν (строка 13), ἰδιωτικός (строка 11), ἰουλιω (строка 17), ἰδιωτικός ib., ὕπερ (строка 16).

3) Изъ лигатуръ, кромѣ упомянутыхъ выше, мы находимъ еще слѣдующія: αη, αν, ατ, ετ, ευ, ет, еу, есс.

4) Изъ сокращеній встрѣчаются, во-первыхъ, сакральныя: πηρ, хω, ху, во-вторыхъ, курсивныя: ημ, и, въ-третьихъ, тахиграфическія, а именно значки для союза καί и слоговъ ην и ας.

5) Какъ итализмъ, можно отмѣтить διανοίσας вм. διανύσας, и, наконецъ, необходимо указать на то, что въ строкѣ 4-ой изъ словъ μνη ἀπρίλλω δ ινδ. ζ ημε. δ слова ζ ἡμέ(ρα) δ, вписаны хотя и той же рукой, но чернилами, болѣе блѣдными. Причина, повидимому, заключается въ томъ, что онѣ внесены писцомъ нѣсколько позже.

Вообще, при сравненіи письма замѣтки съ письмомъ Евангельскаго текста въ глаза бросается нѣкоторая разница какъ въ общемъ характерѣ письма, такъ и въ особенностяхъ отдѣльных элементовъ. А именно, вся замѣтка написана гораздо небрежнѣе, съ допущеніемъ кое-какихъ вольностей, которыхъ мы не замѣчаемъ въ самомъ текстѣ. Причина заключается въ томъ, что писецъ, который смотрѣлъ на переписываніе Евангелія, какъ на трудъ, требующій особой тщательности и старанія, естественно, прилагалъ всѣ свои силы къ тому, чтобы сдѣлать письмо какъ можно болѣе изящнымъ и красивымъ; составленіе же простой замѣтки давало ему больше простора и слѣдствіемъ этого могло явиться допущеніе новыхъ лигатуръ и небрежность въ начертаніи отдѣльных буквъ.

Въ томъ же слогѣ,
 въ слогѣ 340 и 341.
 Въ слогѣ 342 можно сдѣлать

Въ сѣмъ мѣстѣхъ и буквъ исключеніе
слова «иже» въ строка 7д, xxi (строка 9),
въ строка 17б и рхрѡриа (строка 16).
Слово «иже» вѣдь не въ самомъ Евангеліи,
но эти буквы означаютъ собой новое слово.
«Иже» въ строка 11), ρωλω (строка 17).

В заключение выше, мы находим еще

1. α и β — основные, сакральныя: $\pi\gamma\delta$,
 $\eta\theta$ и $\iota\kappa$ — второстепенныя, тахиграфическія,
 λ и μ — сродныя $\eta\theta$ и $\alpha\beta$.

Возможно, что в *δελουβας* вм. *δελυβας*, и, на-
ходясь в 4-й строке, указать на то, что в строке 4-ой из словъ *μυρ*
δελουβας и *δελυβας* 2-й изд. *δ* слова *δελυβας* вписаны хотя и той же
рукою, но чернилами, болѣе свѣтлыми. Причина, повидному, заклю-
чается въ томъ, что онѣ изъ сены писцомъ нѣсколько позже.

Вообще, при сравнении письма жидьки съ письмомъ Евангельскаго текста въ русскомъ переводѣ замѣчается некоторая разниа какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ особенностяхъ отдѣльныхъ элементовъ. А именно: въ первомъ писемѣ замѣтна тенденція къ небрежности, съ допу-

[illegible]

[illegible]

О ФРИГІЙСКОМЪ БОГѢ МѢСЯЦѢ.

Я. Смирнова.

Желая принять посильное участіе въ издаваемомъ сборникѣ, дабы выразить глубокое уваженіе къ виновнику его изданія, авторъ настоящей статьи предполагалъ издать два рельефа Лоинскаго Центрального Музея, но работа разрослась въ собраніе матеріаловъ о культѣ изображеннаго на этихъ рельефахъ бога.

Исслѣдованія о культѣ фригійскаго бога Мѣсяца начались, какъ то бываетъ нерѣдко, съ толкованія извѣстія, относящагося не къ нему, а къ сирійскому богу луны, чтившемуся въ Каррахъ. Этотъ богъ извѣстенъ изъ разсказа Спартіана объ убіеніи Каракаллы и называется имъ „Lunus deus“¹⁾; ниже тотъ же Спартіанъ прямо указываетъ на то, что божество луны представляли въ Каррахъ въ мужскомъ видѣ²⁾.

Ученые, толкуя этотъ разсказъ Спартіана, привлекли сюда извѣстія о лунномъ богѢ МѣсяцѢ, чтившемся въ М. Азіи. Отождествивъ этихъ двухъ боговъ, они занялись преимущественно вопросомъ о значеніи „Luni dei“ Спартіана: чтился ли въ образѣ его Мѣсяцъ, какъ свѣтило, или же Мѣсяцъ, какъ время, опредѣляемое движеніемъ свѣтила³⁾.

Когда къ литературнымъ свидѣтельствамъ были присоединены нумизматическія данныя, то явилась возможность болѣе правильнаго сужденія о МѣсяцѢ, причемъ выдвинулся на первый планъ фригійскій богъ⁴⁾. Аббатъ Le Blond, въ текстѣ къ изданію рѣзныхъ камней гер-

¹⁾ Spartian. Carac. VI, 6 (Script. hist. Aug. I, p. 186 Peter).

²⁾ ibid. VII, 3—5. Прочіе историки, упоминая о храмѣ въ Каррахъ, называютъ почитаемое тамъ божество просто Луною, не отмѣчая представленія ея въ образѣ мужского божества, ср. Herodian. IV, 13, 3. Ammian. Marcell. XXIII, 3, 2.

³⁾ Какъ обонъ стоятъ за первое толкованіе, Сальмазий—за второе. Также расходились въ мнѣніяхъ и иные ученые. Ср. Guigniaut, Religions de l'antiquité, II, 3, p. 962.

⁴⁾ Полное собраніе указаній изъ старыхъ нумизматическихъ изданій о МѣсяцѢ, именовавшемся и до сихъ поръ именуемомъ нумизматами Lunus, см. у Rasche, Lexicon universale rei numariae vet. et praes. Graecorum ac Romanorum, Leipzig, 1785—1805, II, 2, p. 1883—1886.

пога Орлеанскаго, объясняя одну голову юноши въ фригійскомъ колпакѣ со звѣздами, какъ изображеніе Мѣсяца, говоритъ вкратцѣ объ этомъ богѣ и приводитъ нумизматическія указанія; тутъ же возстаетъ онъ противъ имени *Lunus*, употребляемаго антикварами, какъ слова, встрѣчающагося лишь однажды, и то у поздняго писателя. Le Blond считаетъ Мѣсяцъ богомъ не луны, а мѣсяца (*mensis*); въ текстѣ Стравона (см. ниже I, 6) Le Blond предлагаетъ читать вмѣсто *Ἀρχαῖος* и *Ἀσχαῖος* — *Ἀσκηνός*, основываясь на одной сардской монетѣ, а въ изображеніи страннаго божества на монетахъ Фарнака I видитъ Мѣсяцъ „Фарнаку“ ¹⁾. На заключительной виньеткѣ у Le Blond'a издана монета съ погруднымъ изображеніемъ Мѣсяца и надписью *Κοινὸν Γαλατίας* ²⁾.

Тотъ же Le Blond вернулся къ той же темѣ въ читанныхъ имъ въ „Académie des Inscriptions“ „Observations sur le prétendu dieu Lunus“ ³⁾. Здѣсь онъ доказываетъ то же, что и при описаніи упомянутого выше камня, но его доказательства, приводимыя въ пользу главнаго положенія, не убѣдительны. Слово *μήνη* Le Blond считаетъ происшедшимъ отъ *μήν* на основаніи свидѣтельства Исидора Пелусійскаго (s. v. *Μήνη*); прямое указаніе Стравона (см. ниже) о святилищѣ Мѣсяца считаетъ указаніемъ лишь на то, что въ этомъ святилищѣ чтилась и Селина и т. д. Указанія о культѣ Мѣсяца изъ нумизматики собраны Le Blond'омъ весьма тщательно, приведены и важнѣйшія свидѣтельства писателей, причемъ у Лукіана (I, 1) вмѣсто *Μήνη* онъ предлагаетъ читать, согласно съ оксфордской рукописью, *Μηνί*. Основываясь на одѣяніи бога Мѣсяца, онъ считаетъ его фригійскимъ.

Яблонскій, въ статьѣ своей: *Remphah, Aegyptiorum deus* ⁴⁾, при-
мыкаетъ къ тѣмъ, которые считали Мѣсяцъ богомъ времени, и для доказательства этого указываетъ, въ особенности, на свидѣтельство Прокла (I, 12); съ стравоновымъ эпитетомъ Мѣсяца *Ἀσχαῖος* или *Ἀρχαῖος* Яблонскій сопоставляетъ упоминаніе Плутарха ⁵⁾ о Зевсѣ Аскреѣ, чтив-

¹⁾ Le Blond, Description des principales pierres gravées du Cabinet de S. A. S. M. le Duc d'Orléans, Paris, 1780, I, p. 81 сл.

²⁾ Монета съ изображеніемъ Мѣсяца, относимая Le Blond'омъ къ Тиверіадѣ, принадлежитъ Паппѣ Писидійской (ср. Saulcy, Numismatique de la Terre Sainte, Paris, 1874, p. 338, № 10), а монета съ изображеніемъ бюста Мѣсяца на одной сторонѣ и горбатого быка на другой, съ надписью *ANTIOX ΔΙΟΝΥΣΟΥ*, принадлежитъ не Антиоху VI Дioniсу (о монетахъ его см. Catalogue of the Coins Seleucid Kings of Syria, p. 63 сл.), а, вѣроятно, одной изъ мало-азійскихъ Антиохій.

³⁾ Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, XLII, p. 381—391.

⁴⁾ Jablonskii Opera, ed. Water, 1806, II, p. 64—72.

⁵⁾ Plutarch. Animine an corporis affectiones sint peiores, 4 (Moralia III, p. 301 Bernardakis).

ишемся въ Лидіи, съ которымъ, конечно, эпитетъ Мѣсяца не имѣетъ ничего общаго, кромѣ нѣкотораго созвучія.

Крейцеръ въ своей „Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen“ ¹⁾ посвятилъ Мѣсяцу особый параграфъ, гдѣ собралъ свѣдѣнія о его культѣ, останавливаясь преимущественно на представленіяхъ луны въ мужскомъ образѣ и сближая поэтому Мѣсяцъ съ кипрскимъ „Афродитомъ“.

Гораздо полнѣе трактуетъ о Мѣсяцѣ Гиньо въ его распространенномъ переводѣ Крейцера ²⁾. Въ обширномъ примѣчаніи „sur le dieu Men, Lunus et Mensis“ Гиньо занимается, главнымъ образомъ, вопросами о значеніи имени бога (Lunus или Mensis) и о происхожденіи его культа. По мнѣнію Гиньо (р. 966), Мѣсяцъ одновременно является и божествомъ самого свѣтила, и божествомъ опредѣляемаго его движеніемъ времени. Заслугу Гиньо, на нашъ взглядъ, составляетъ то, что онъ привлекъ для доказательства „индо-персидскаго“ (арійскаго) происхожденія культа Мѣсяца изображенія на индо-бактрійскихъ монетахъ бога Мао (р. 968—971); но напрасно, повидимому, считаетъ Гиньо нужнымъ, для выясненія „истинныхъ началъ“ этого культа, обращаться къ семитическому Востоку. Это привело Гиньо къ невѣрному наименованію Зевса Уранія на монетахъ Антіоха VIII Гrippa ³⁾ Зевсомъ Мѣсяцемъ и „Мѣсяцемъ Діемъ“ македонскаго календаря.

Альфредъ Морі представилъ обстоятельное изслѣдованіе о Мѣсяцѣ, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ ⁴⁾. Сравнивая изображенія бога Мѣсяца съ изображеніями бога „Мао“ на индо-скинскихъ монетахъ, а эпитетъ „Φαρνάχου“ объясняя изъ персидскаго языка, Морі считаетъ Мѣсяцъ божествомъ арійскимъ; но онъ не отдѣляетъ его отъ бога, чтившагося въ Каррахъ, и даже предполагаетъ, на основаніи каррскихъ монетъ, что древнѣйшими изображеніями м. азійскаго бога были овалыныя камни, украшенные полумѣсяцемъ. Съ Мѣсяцемъ „Φαρνάχου“ Морі сближаетъ какаго-то мисійскаго бога Фанау, упоминаемаго Авзоніемъ ⁵⁾, а также бога, чтившагося въ Закавказьѣ у Албанцевъ (Армянъ?) ⁶⁾.

¹⁾ 3 изд. 1841, II, p. 359 сл.

²⁾ Guigniaut, Religions de l'antiquité, Paris, 1829, II, 1, p. 83—85 и примѣчаніе II, 3, p. 962—978.

³⁾ Guigniaut, p. 973, pl. LXXII, 331. Cp. Babelon, Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagene, Paris, 1890, p. 179 и CLIX, pl. XXIV, 12.

⁴⁾ Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, Paris, 1859, III, p. 123—130.

⁵⁾ Auson. Epistol. XLVIII, XLIX, p. 330—331 Peiper.

⁶⁾ О разрушеніи храма этого бога христианами см. Wolff, De novissima oraculorum aetate, p. 27.

Ваддингтонъ первый положилъ въ основаніе разсужденія о богѣ Мѣсяцѣ наиболѣе прочный матеріалъ—надписи. Онъ представилъ списокъ извѣстныхъ изъ надписей и упоминаній писателей эпитетовъ Мѣсяцевъ, чтившихся въ М. Азіи ¹⁾.

Неоднократно касался культа Мѣсяца Дрекслеръ. Такъ въ *Zeitschrift für Numismatik* XIV (1887), p. 115 сл., онъ собралъ нумизматическія и эпиграфическія данныя о сопоставленіи Мѣсяца съ Артемидою; въ томъ же томѣ, p. 375 сл., по поводу статьи Schlumberger'a о статуэткѣ изъ Кулы, собраны имъ примѣры сопоставленія Мѣсяца съ пѣтухомъ. Въ *Zeitschrift für Numismatik* XV, p. 76 сл., Дрекслеръ говоритъ о нѣкоторыхъ изображеніяхъ Мѣсяца на монетахъ, а также о сближеніи Мѣсяца съ Асклипіемъ и Савазіемъ ²⁾.

Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе о Мѣсяцѣ принадлежитъ Рошеру ³⁾. Особенно важно это изслѣдованіе, помимо того, что въ немъ представленъ сводъ разнаго рода свѣдѣній о культѣ Мѣсяца, двумя таблицами (Ia и Ib) съ изображеніями Мѣсяца на монетахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ большая часть этихъ монетъ была извѣстна лишь по описаніямъ, а рисунки нѣкоторыхъ изъ нихъ не были достаточно точными ⁴⁾. Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о распространеніи культа Мѣсяца (p. 119—131) на основаніи данныхъ литературныхъ, эпиграфическихъ и нумизматическихъ, а также вопросъ о „смѣшеніи малоазійскаго Мѣсяца съ Миѳрою, Аттисомъ, Савазіемъ, Асклипіемъ и Ека-

¹⁾ Le Bas et Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Inscriptions III, 2. Explications des inscriptions grecques et latines, V partie, №№ 667. 668. Въ своихъ статьяхъ о путешествіи по М. Азіи, напечатанныхъ въ *Revue Numismatique* 1851—1853, Ваддингтонъ касается культа Мѣсяца лишь мимоходомъ, по поводу нѣкоторыхъ изображеній его на монетахъ. Ср. также краткія замѣчанія о культѣ Мѣсяца Гѣзѣ (Henze), при изданіи имъ рисунка (довольно неяснаго) съ рельефа въ Bayeux въ Нормандіи, *Rev. Archéol.* XIX (1869), p. 1—6, pl. I. Schlumberger, *Gaz. archéol.* 1880, p. 191—195, pl. 32, издавая глиняную статуетку Мѣсяца изъ Меоніи при объясненіи ея, говоритъ преимущественно о пѣтухѣ, якобы неизвѣстномъ до тѣхъ поръ атрибути Мѣсяца, и приводитъ по этому поводу интересныя указанія о принесеніи въ жертву пѣтуха луннымъ божествамъ у Семитовъ.

²⁾ Ср. также замѣтки о Мѣсяцѣ того же Дрекслера въ *N. Jahrb. f. Philol.* 1894, p. 322, 326—327.

³⁾ W. H. Roscher, Ueber die Reiterstatue Jul. Caesars auf dem Forum Julium und den «ἵππος πρότοπος» einer Münze des Gordianus Pius von Nikaia (Bithynien). *Berichte über die Verhandlungen der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Phil. hist. Classe* XLIII (1891), p. 96—154, особенно p. 119 сл.: Einiges über Kult, Wesen und bildliche Darstellung des kleinasiatischen Mondgottes. Указаніемъ на эту статью я обязанъ любезности П. Вольтерса.

⁴⁾ Хотя въ этой части своего труда Рошеръ во многомъ обязанъ содѣйствію извѣстнаго нумизмата Imhoof-Blumer'a, но ему не удалось далеко исчерпать всѣхъ изображеній Мѣсяца на монетахъ.

тою“ (р. 131—137), что требовалось главнымъ предметомъ всей статьи, никейскою статуею Цезаря. Въ ней авторъ видитъ изображеніе Цезаря въ образѣ бога Мѣсяца-Мперы (р. 138 сл.), хотя, на нашъ взглядъ, несомнѣнныхъ примѣровъ именно такого отождествленія божествъ автору пайти и не удалось.

Наконецъ, въ послѣднемъ изданіи „Греческой мѣологии“ Преллера культу Мѣсяца посвящены слѣдующія строки: „daneben (на ряду съ Селиною) wurde später auch ein männlicher Mondgott, der Μῆν τὸ-ρανος, dessen Cult aus Kleinasien zu stammen scheint, namentlich in Attika vielfach verehrt“ ¹⁾.

Указанными статьями исчерпывается наиболѣе важная литература о культѣ фригійскаго Мѣсяца.

I.

Литературныя свидѣтельства о культѣ фригійскаго бога Мѣсяца немногочисленны и, по содержанію своему, очень скудны. Предлагая ихъ сопоставленіе, мы предпошлемъ тѣ изъ нихъ, которыя не сообщаютъ о богѣ Мѣсяцѣ ничего иного, кромѣ того, что онъ почитался во Фригійи.

1. Лукіанъ (Juppiter tragoedus, 42), очевидно, играя словами, сопоставляетъ почитаніе фригійцами Мѣсяца съ почитаніемъ эѳіопами Дня: Φρύγες δὲ Μῆνῃ (лучше Μηνί по поправкѣ Диндорфа) ²⁾ καὶ Αἰθίοπες Ἡμέρᾳ (θύοντες) ³⁾.

2. Очевидно, Мѣсяцъ же должно понимать въ словахъ Климента Александрійскаго о язычникахъ (Cohortatio ad gentes = Patrol. gr. VIII, р. 96 Migne): καὶ προσεχόμεσαν ἥλιον ὡς Ἰνδοὶ καὶ σελήνην ὡς Φρύγες ⁴⁾.

Въ числѣ правилъ, приписываемыхъ Пифагору, находится одно, воспреещающее убивать бѣлаго пѣтуха, какъ посвященнаго Мѣсяцу. Объ этомъ правилѣ упоминаютъ:

3. Диогенъ Лаэртскій (Vit. philos. VIII, 34).

4. Ямвлихъ (Vita Pythag. XVIII (84), ср. XXVIII (147)).

5. Ямвлихъ (Protrept. XXI, 18, р. 107 Pistelli) приводитъ 16-ое правило Пифагора въ такой формѣ: ἀλεκτρούνα τρέφε μὲν μὴ θῆε δέ. Μῆνῃ (Μηνί?) γὰρ καὶ ἡλίῳ καθιέρωται ⁵⁾.

¹⁾ Preller-Robert, Griechische Mythologie I⁴, p. 446.

²⁾ Ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes (= Studien zur griechischen Mythologie und Kulturgeschichte vom vergleichenden Standpunkte, 4-es Heft), Leipzig, 1890, p. 13³⁸.

³⁾ Ср. Schol. ad Lucian. IV, p. 173 Jacobitz.

⁴⁾ Страбонъ (см. ниже, 6), перечисляя святилища Мѣсяца, называетъ ихъ σελήνης ἱερά.

⁵⁾ Свѣда, п. сл. Πυθαγόρας, говорить о посвященіи пѣтуха только солнцу.

Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что объясненія Діогена Лаэртскаго и Ямвлиха (первое), будто бы пѣтухъ былъ посвященъ Мѣсяцу потому, что онъ крикомъ своимъ указываетъ время, основаны на ошибочномъ или умышленномъ пониманіи слова Μῆν, какъ „мѣсяць“ (σπesis). Изъ второго свидѣтельства Ямвлиха слѣдуетъ, что бѣлый пѣтухъ былъ посвященъ не отвлеченному понятію времени, а свѣтилу или богу этого свѣтила ¹⁾.

Наиболѣе точныя свѣдѣнія о культѣ Мѣсяца въ М. Азіи даетъ Стравонъ.

6. Говоря о понтійскомъ городѣ Кавирахъ (τὰ Κάβειρα, Διόσπολις, Σεβαστή) Стравонъ (XII, р. 557) упоминаетъ о близъ лежащемъ святилищѣ Мѣсяца: ἔχει δὲ καὶ τὸ ἱερὸν Μηνὸς Φαρνάκου καλούμενον, τὴν Ἀμερίαν κομόπολιν πολλοὺς ἱεροδοῦλους ἔχουσαν καὶ χώραν ἱερὰν, ἣν ὁ ἱερωμένος ἀεὶ καρποῦται. ἐτίμησαν δ' οἱ βασιλεῖς τὸ ἱερὸν τοῦτο οὕτως εἰς ὑπερβολὴν ὥστε τὸν βασιλικὸν καλούμενον ὄρκον τοῦτον ἀπέφηναν „τύχην βασιλέως“ καὶ „Μῆνα Φαρνάκου“. ἔστι δὲ καὶ τοῦτο τῆς Σελήνης τὸ ἱερὸν, καθάπερ τὸ ἐν Ἀλβανοῖς καὶ τὰ ἐν Φρυγίᾳ, τό τε τοῦ Μηνὸς ἐν τῷ ὁμωνύμῳ τόπῳ καὶ τὸ τοῦ Ἀσκαίου τὸ πρὸς Ἀντιοχείᾳ τῇ πρὸς Πισιδίᾳ καὶ τὸ ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Ἀντιοχέων.

7. Въ разсказѣ объ Антиохіи Писидійской Стравонъ (XII, р. 577) сообщаетъ: ἦν δὲ ἐνταῦθα καὶ ἱερωσύνη τις Μηνὸς Ἀρχαίου, πλήθος ἔχουσα ἱεροδούλων καὶ χωρίων ἱερῶν κατελύθη δὲ μετὰ τὴν Ἀμόντου τελευταίην ὑπὸ τῶν πεμφθέντων ἐπὶ τὴν ἐκείνου κληρονομίαν ²⁾.

8. Наконецъ, говоря о границахъ между Фригіей и Каріей, Стравонъ (XII, р. 580) упоминаетъ еще объ одномъ святилищѣ Мѣсяца: μεταξύ δὲ τῆς Λαοδικείας καὶ τῶν Καρούρων ἱερὸν ἔστι Μηνὸς Κάρου καλούμενον τιμώμενον ἀξιολόγως.

Можно думать, что эта сватыня Μηνὸς Κάρου соотвѣтствуетъ выше упомянутой сватынѣ Мѣсяца ἐν τῷ ὁμωνύμῳ τόπῳ: „соименное мѣсто“ могло быть соименно или имени бога или его прозвищу.

9. Въ первомъ случаѣ сюда надо отнести упоминаемую Аѳинеемъ (II, р. 43 а), при перечисленіи свойствъ источниковъ м. азійскихъ, Μηνὸς κόμη во Фригίи, замѣчательную своими минеральными водами. Во второмъ случаѣ имя деревни должно было быть „Κάρου“. У Стефана

¹⁾ Насколько древне это указаніе и откуда оно ведетъ свое начало, мы этого рѣшить не можемъ. Замѣтимъ лишь, что В. Розе внесъ свидѣтельство Діогена Лаэртскаго въ число отрывковъ сочиненія Аристотеля περὶ τῶν Πυθαγορείων. V. Rose, Aristoteles Pseudepigraphus, р. 200.

²⁾ Т.-е., послѣ 25 г. по Р. Х. Ср. Mommsen, Röm. Geschichte V², р. 308 сл. Ducloux, Rev. numism. 1845, р. 253 сл.

Византійскаго упоминается *Καρόπολις πόλις Καρίας Ἀλέξανδρος Καρικῶν πρώτῳ* (= FHG III, p. 234, fr. 54 Müller). Если считать это имя образованнымъ по аналогіи съ именами другихъ городовъ по имени чтившихся въ нихъ боговъ (Діосполь, Созополь), то и *Καρόπολις* объясняется какъ *πόλις Κάρου*; въ такомъ случаѣ онъ будетъ, быть можетъ, тождествененъ съ святилищемъ *Μηνὸς Κάρου* на границахъ Каріи. Но при такомъ толкованіи можно предполагать, что это поселеніе при святинѣ *Μηνὸς Κάρου* пришло въ упадокъ, такъ какъ „городъ“ Александра Полистора (I пол. I в. до Р. X.), во время Стравона, не былъ уже городомъ: иначе едва-ли онъ называлъ бы его просто *τόπος*. Далѣе, если Карополь тождествененъ съ *Μηνὸς χώμη*, упоминаемой Аѳинеемъ, то надо допустить, что онъ позже обратился въ деревню. Когда это случилось, намъ неизвѣстно, такъ какъ мы не знаемъ источника Аѳиней въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, едва-ли слѣдуетъ придавать особенное значеніе разницѣ въ обозначеніи этого селенія: Стравонъ называетъ Америю, селеніе при другой святинѣ Мѣсяца, довольно неопредѣленно *χωμόπολις*.

10. Упомянутое Лукіана (*Juppiter tragoedus*, 8) о золотыхъ статуяхъ Мѣсяца далеко не имѣетъ того общаго значенія, какое придалъ ему Мори, утверждая, что статуи мѣсяца были обыкновенно золоченыя ¹⁾.

Layard ²⁾ полагалъ, что изображенія лунныхъ боговъ бывали, большею частью, серебряныя. Онъ указывалъ на то, что одинъ пальмирецъ посвятилъ своему лунному богу „*σίγνον ἀργυρεῶν*“ ³⁾ и понималъ это *σίγνον* въ смыслѣ статуи. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ понимать это *σίγνον* (лат. *signum*) какъ военный терминъ = знамя, значекъ, *signum militare* ⁴⁾.

11. Эліанъ въ утраченномъ сочиненіи своемъ „*περὶ Προνοίας*“ упоминалъ о томъ, что „*ἐν Γαδεύροις βωμὸς Ἐκαστῷ Ἰδρύται καὶ Μηνὶ ἄλλος ἐς τιμὴν Χρόνου βραχυτέρου τε καὶ μακροτέρου*“ (fragm. 19, II, p. 195 Her-

¹⁾ Maury, Hist. des religions de la Grèce antique III, p. 123.

²⁾ Recherches sur le culte du cyprés pyramidal, p. 48.

³⁾ Kaibel, IGS I 971 (235 г. по Р. X.).

⁴⁾ Примеры постановки такихъ значковъ, иногда съ изображеніемъ полумѣсяца, въ сирійскихъ храмахъ мы находимъ на монетахъ съ изображеніемъ іерусалимскаго храма (Six, Numism. Chron. 1878, p. 120 сл.) и каррекаго храма (ср. Annapoli XIX (1847). tav. d'agg. P. V), а также на одномъ рельефѣ изъ Трахонитиды (изданъ въ собраніи фотографій Православнаго Палестинскаго Общества), гдѣ значекъ въ видѣ полумѣсяца стоитъ сбоку аркады съ алтарями семи планетъ. О «*luna argentea*», пожертвованной Аттису, упоминаетъ надпись изд. Orelli 1903.

cher=Eustath. in Dionys. 453). Отдаленность этого алтаря отъ центра культа фригійскаго Мѣсяца не можетъ быть приводима какъ доказательство противъ принадлежности алтаря этому богу, такъ какъ одно изображеніе его найдено въ Бретоніи (см. ниже). Съ другой стороны, изъ словъ Эліана нельзя, конечно, заключать, что въ Гадирахъ чтился именно фригійскій Мѣсяцъ.

12. Философъ Проклъ (in Timæum IV, p. 251, стр. 607, по изд. Шнейдера) упоминаетъ, что различныя подраздѣленія времени почтѣлись какъ боги: οὐ τὸν χρόνον μόνον ὡς θεὸν ὑμνήσασιν (θεοῦργοι), ἀλλὰ καὶ ἡμέραν αὐτῇ, καὶ νόκτα, καὶ μῆνα θεόν, καὶ ἐνιαυτόν. Слѣдующія ниже слова указываютъ, что подъ „Мѣсяцемъ“ здѣсь надо разумѣть фригійскаго Мѣсяца: ἐπεὶ καὶ παρ' Ἑλλήσι Μηνὸς ἱερὰ παρειλήφαμεν καὶ παρὰ Φρυγῶν Μῆνα Σαβαζίων ὑμνοῦμενον καὶ ἐν μέσαις Σαβαζίου τελεταῖς ¹⁾).

13. Въ орфическихъ гимнахъ фригійскія божества упоминаются очень часто; но Мѣсяцъ упоминается лишь однажды (ad Musæum 40).

14. Нѣкоторыя весьма краткія упоминанія о фригійскомъ Мѣсяцѣ находятся у христіанскихъ апологетовъ (ср. выше 2). Тертуліанъ (Apologet. XIV), осмѣивая языческихъ боговъ, говоритъ: cetera lasciviae ingenia etiam voluptatibus vestris per deorum dedecus operantur: despiciite Leatulorum et Hostiliorum venustates, utrum mimos an deos vestros in jocis et strophis vestris rideatis, mœchum Anubin, masculam lunam et Dianam flagellatam et Jovis mortui testamentum recitatum et tres Hercules famelicos irrisos. Sed et histrionum literae omnem fœditatem eorum designant. Едва-ли можно сомнѣваться, что подъ masculam lunam слѣдуетъ разумѣть мужского луннаго бога, бога не греческаго и не римскаго, и, въ силу уже одного этого, смѣшного въ глазахъ апологетовъ.

15. Ипполитъ, римскій епископъ начала III в., (Perat. p. 186, 39 Gotting), отмѣчаетъ фригійское, очевидно, представленіе о Мѣсяцѣ, какъ подателѣ плодовъ: δύναντες δεξιὰ ἐξουσιάζει καρπῶν τοῦτον ἢ ἀγκωσία ἐχάλεος Μῆνα.

16. Большой интересъ для знакомства съ фригійскими вѣрованіями представляетъ гимнъ Аттису, сохранный въ Филозоφούμενα Ипполита ²⁾).

¹⁾ Страннымъ образомъ всѣ ученые, кромѣ Яблонскаго, приводившіе этотъ текстъ, пропускали почему-то первую фразу о заимствованіи культа (ἱερὰ ?) Мѣсяца отъ Эллиновъ. Дѣйствительно, это, повидимому, противорѣчитъ всѣмъ прочимъ извѣстіямъ о фригійскомъ происхожденіи культа Мѣсяца. Но у Прокла подъ Эллинами, вѣроятно, разумѣются м. азійскіе греки въ отличіе отъ иныхъ варварскихъ народностей.

²⁾ Bergk, Poet. lyr. gr. III⁴, p. 685 сл., гдѣ указана предшествующая литература. Ср. Froehner, Mélanges d'épigraphie et d'archéologie XV (1875), p. 49 сл.

Въ этомъ гимнѣ нѣкоторыя выраженія болѣе подходятъ къ Мѣсяцу, чѣмъ къ Аттису, напр., (σὲ χαλοῦσιν) ἐπουράνιον μηνὸς χέρας Ἕλληνες ¹⁾). Конецъ гимна также скорѣе долженъ относиться къ Мѣсяцу, а не къ Аттису: Εὐάν, ὡς Πάν, ὡς Βαχχεύς,
ὡς ποιμὴν λευκῶν ἄστρον.

Въ этомъ гимнѣ Аттису, быть можетъ, должно видѣть такое поэтическое произведение, въ которомъ, какъ и въ орфическихъ гимнахъ, авторъ старался возвеличить воспѣваемое божество путемъ отождествленій его съ другими божествами ²⁾).

17. Въ виду засвидѣтельствованнаго надписями (II, 1. 2) существованія въ Атикѣ въ III в. до Р. X. культа Мѣсяца, мы считаемъ возможнымъ объяснять этимъ именно культомъ сохраненное Макробіемъ (Saturn. III, 8. 3) свидѣтельство афинскаго историка Филохора о существованіи двоякихъ представленій о лунѣ, какъ божествѣ женскомъ и мужскомъ: Philochorus quoque in Atthide eandem (двуполая) adfirmat esse lunam et ei sacrificium facere viros cum veste muliebri, mulieres cum virili, quod eadem et mas aestimatur et femina (= Müller, FHG I, p. 385, fr. 15). Издаваемый ниже аттический рельефъ (III, 28) рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ странному свидѣтельству Филохора о переодѣваніяхъ. Это свидѣтельство, быть можетъ, основано на неточныхъ и отчасти ироническихъ разсказахъ о м. азійскомъ культѣ Мѣсяца, который Греки привыкли почитать какъ луну ³⁾). Подобныя разсужденія философовъ и мифологовъ о двоякой природѣ луны могутъ быть объясняемы тѣмъ, что имъ были извѣстны представленія о богинѣ Луны у Грековъ и существованіе луннаго бога у восточныхъ варва-

¹⁾ Ранѣе авторъ привелъ это выраженіе, снабдивъ его своими искусственными и насильственными толкованіями: οὗτος ἐστίν (богъ), φησὶν, ὁ ἐν πάσι ἀρσενόθης ἀνδρικός, οἱ ἀγνοοῦντες Γηρύονην χαλοῦσιν τριώματον, ὡς ἐκ γῆς ῥέοντα Γηρύονην, κοινὴ δὲ Ἕλληνες «ἐπουράνιον Μηνὸς χέρας», ἔτι καταμέμνηται καὶ κηχερίᾳ πάντα πάσι. На основаніи неожиданнаго упоминанія о Гиріонѣ Фрэнеръ вводитъ упоминаніе его и въ текстъ гимна; это, кажется намъ, правильно: во Фригій почему-то въ число мнѣческихъ обитателей ея включали и Гиріона, какъ видно изъ разсказа Павсанія (I, 35, 7. 8) о костяхъ, найденныхъ близъ Теменоэры.

²⁾ Вѣроятно, цѣнныя указанія о культѣ Мѣсяца содержатся въ житіяхъ м. азійскихъ святыхъ, но они намъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, недоступны. Ленорманъ, Rev. Arch. XXVIII (1874), p. 303³ указываетъ на обильныя свѣдѣнія о фригійскихъ вѣрованіяхъ въ житіи Θεοδωρα Анкирского.

³⁾ О двуполости представленія Луны упоминается также въ орфическихъ гимнахъ IX, 4. Макробій, Saturn. III, 8, 3, приводитъ свидѣтельство какого-то писателя Левина (Laevinus) о двойственности Noctiluae (т.-е., вѣроятно, Lunae Noctiluae), храмъ которой находился на Палатинѣ, ср. Varr. de l. l. IV, 10. Подобныя представленія приписывали также и Египтянамъ: Plutarch. de Iside et Osiride 43 (Moralia II, p. 516 Bernardakis).

ровъ, изъ которыхъ наиболѣе близкими и извѣстными были, конечно, фригійцы. Поэтому-то въ этихъ философствованіяхъ и можно, кажется, видѣть косвенное свидѣтельство о фригійскомъ Мѣсяцѣ. Что такія двоякія представленія о природѣ Луны ограничивались лишь философскими разсужденіями, а не выражались опредѣленно въ практикѣ культа, объ этомъ свидѣлствуетъ то обстоятельство, что у насъ нѣтъ прямыхъ указаній о сопоставленіи гдѣ-либо мужского и женскаго божествъ Луны: ни *Mḗν καὶ Mḗνη*, ни *Lunus et Luna*, нигдѣ не называются рядомъ ¹⁾).

II.

Надписи, относящіяся къ культу Мѣсяца, въ громадномъ большинствѣ, м. азійскаго происхожденія. Въ М. Азіи такихъ надписей найдено весьма немного, а имена посвятившихъ ихъ лицъ исключительно варварскія; это доказываетъ, что культъ Мѣсяца въ европейскихъ странахъ не нашелъ себѣ столь многочисленныхъ послѣдователей, какъ нѣкоторые другіе азіатскіе культы.

Аттическія надписи свидѣлствуютъ, что культъ Мѣсяца существовалъ въ Атикѣ въ III в. до Р. Х. и что этотъ богъ чтился тамъ азіатскими выходцами.

1. Пирейская надпись CIA II 1587: *Διονύσιος καὶ Βαβυλία τῷ Μηνί τὸ ἱερὸν ἀνέθεσαν*, по характеру начертанія, не старше III в. до Р. Х. Отсутствіе *patronymica* указываетъ на то, что лица, поставившія надпись, были метиками или рабами, имя же *Βαβυλία* явно свидѣлствуетъ объ ихъ м. азійскомъ происхожденіи ²⁾).

2. Надпись того же времени, CIA II 1593, на посвяtitельномъ рельефѣ, найденномъ въ *Θορική* и хранящемся въ Аѳинскомъ Цен-

¹⁾ Косвенное свидѣтельство о ниже описываемыхъ изображеніяхъ Мѣсяца съ луннымъ серпомъ за плечами можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ математика первыхъ вѣковъ по Р. Х., Клеомеда (*Κουκλική θεωρία περὶ μετεώρων*, 13. 112, ed. Vake, p. 135): *Μῆν δὲ καλεῖται κατὰ τὴν ἀρὰν σημαίνοντα καὶ γὰρ (1) ἡ Σελήνη (al. θεός) ὅταν ᾖ σιγμοειδὴς τῷ σχήματι Μῆν καλεῖται...* (слѣдуетъ 2-ое) *Δύο μὲν οὖν τὰ πρῶτα σώματα ἔστιν, ἥτε μηνοειδὴς θεός (al. Σελήνη) καὶ τὸ τοῦ ἀέρος κατὰστημα, τὰ δὲ εἴη: δύο σώματα* и т. д. Конечно, это можно было бы понимать просто какъ указаніе на то, что серпъ мѣсяца назывался *μῆν*, что подтверждается такими словами, какъ *μηνίσκος*, *μηνοφόρος*, *μηνοειδής*, но упоминаніе о богѣ (вѣрнѣе, богинѣ) указываетъ, повидимому, на знакомство автора съ изображеніями Селены и Мѣсяца съ серпомъ Луны за плечами.

²⁾ Плита, на которой вырѣзана надпись, служила, судя по углубленію на верхней ея плоскости, подставкою для статуи. Въ музеѣ, гдѣ находится эта надпись, поверхность ея прирѣзана другой каменъ, скрывающій эту вырѣзку; повидимому, однако, правая нога стоявшей на подставкѣ фигуры была выставлена впередъ.

тральному Музеѣ (№ 1406), сохранилась не вполне: послѣ словъ *Μιτραδάτης καὶ ἡ γυνὴ Μηνί* видна наклонная черта, вѣроятно, начало возстановляемаго Кёлеромъ *ἀνέθηκαν* (ср. ниже).

3. На Дилосѣ, въ храмѣ восточныхъ божествъ, найдена надпись, *Bull. de corr. hell. VI (1882), p. 345: Τάσσα Μηνί*. Имя *Τάσσα*, по мнѣнію Дрекслера (*N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 327*),—м. азіійское.

4. Въ Македоніи, въ скалѣ близъ Филиппъ, высѣченъ рельефъ, изображающій Мѣсяцъ; при немъ надпись рядомъ съ обычнымъ символомъ бога—серпомъ мѣсяца и звѣздой надъ нимъ *Galgest|ia. Pri-mil|a. pro|filia..ne| v. s. l. m.* (*Heuzey et Daumet, Mission archéologique de Macédoine, pl. IV, 1*). Глаза, изображенные надъ надписью, объясняютъ причину моленія Галгестіи.

Близъ Диррахіа Гёзэ нашелъ надпись: *IOR· MENI· AVG | SITA· ARETE | V. S. L. M.* (*CIL III 603*—*Heuzey et Daumet, o. c., p. 390, № 175*). Гёзэ толкуетъ эту надпись, какъ посвященіе *Iovi Optimo R... Meni Augusto*; Моммзенъ въ первомъ словѣ предполагаетъ *For-(tunæ)...* *Augustæ*, слову же *Meni* объясненія не даетъ. Въ виду отсутствія другихъ латинскихъ надписей, называющихъ Мѣсяцъ, толкованіе Гёзэ мы принять не рѣшаемся.

М. азіійскихъ надписей, называющихъ Мѣсяцъ безъ всякаго эпитета, немного.

5. Близъ Смирны, на вост. склонѣ горы Пага, найдена интересная надпись, съ упоминаніемъ о храмѣ *Ἡλίου Ἀπόλλωνος Κισαυλοδδηνού*, построенномъ какимъ-то Аполлоніемъ, сыномъ Митродора, Спаромъ. Въ храмѣ, кромѣ статуи главнаго бога, стояла статуя Артемиды *καὶ Μηνὸς ἄγαλμα ἐπὶ βάσει μαρμαρίνῃ καὶ τράπεζα ποικίλῃ τετράγωνος καὶ βωμὸς μαρμαρίνους ἔχων ἀετὸν ἐν ἑαυτῷ Διός.* (*Μουσ. καὶ βιβλ. т. ἐν Σμύρνῃ εὑαγγ. σχολῆς 1876—78, p. 47 сл.*). Этотъ жертвенный столъ и алтарь назначены были, вѣроятно, для жертвоприношеній Мѣсяцу (м. б. вмѣстѣ съ Артемидою).

6. Мѣсяцъ имѣлъ особое святилище въ Сардахъ, на монетахъ которыхъ является онъ съ эпитетомъ *Ἀσκηνός* (ниже 16—19). Упомянутое объ этомъ святилищѣ мы находимъ въ надписи, перевезенной изъ Сардъ въ Смирну (*Μουσ. καὶ βιβλ. 1876—78, p. 23*). Въ надписи этой перечисляются различные источники и въ числѣ ихъ (*κρήνη*) *περὶ τὸ Μηνὸς (ἱερὸν)...* (l. 17); такъ какъ послѣ слова *Μηνός* надпись испорчена, то нельзя рѣшить, имѣется-ли здѣсь въ виду *ἱερὸν Μηνός Ἀσκηνοῦ*, или какого-нибудь иного Мѣсяца, или же эпитетъ Мѣсяца не былъ названъ вовсе.

7. Недавно найдена, неизданная пока, надпись въ честь Мѣсяца въ Магнисіи на Меандрѣ (Arch. Anzeiger 1894, p. 124).

8. Въ южн. Писидіи, въ Булдуръ, на озерѣ того же имени, найдена посвятельная надпись Мѣсяцу подѣ рельефнымъ его изображеніемъ (Bull. de corr. hell. III (1879), p. 334, ср. ниже).

9. Въ Антиохіи Писидійской найдена надпись, къ сожалѣнію, очень поврежденная, съ упоминаніемъ θεοῦ Μηρός (Pap. of the Amer. School at Athens II, p. 151, № 135). Объ играхъ въ честь Мѣсяца, чтившагося въ Антиохіи, упоминаетъ надпись изъ Афродисіады Карійской (CIG 2811 b). Къ сожалѣнію, именно тамъ, гдѣ упоминаются состязанія въ честь Мѣсяца, надпись попорчена; но имя Μηρός вмѣсто EN|OΣ, даваемого эстампажемъ Fellows'a, восстановлено, повидимому, правильно.

10. Надгробная надпись изъ Листра въ Ликаоніи упоминаетъ о Мѣсяцѣ (Pap. of the Amer. School at Athens III, p. 146, № 251): ...ίσιος (ζω)ν φρονῶν ἐπόησεν ἐατῶ | (κα)ὶ τῇ ἰ(δ)ία γυναικὶ μνήμης ἐνεκεν. | (ὅς δὲ ἄν ἀδ)ικήσῃ τὸ μνῆμα Μῆνα ἄνωθεν καὶ κάτω |(θεν)... По сравненію съ подобными же надписями иконійскими (см. ниже), можно дополнить такъ: κεχολωμένον ἔχοιτο.

Въ вышеприведенныхъ надписяхъ имя Мѣсяца не имѣетъ эпитета; но поврежденность двухъ изъ нихъ (№№ 6. 9) не исключаетъ возможности, что имя Мѣсяца въ этихъ надписяхъ сопровождалось какимъ-нибудь эпитетомъ. Въ большинствѣ же надписей къ имени Мѣсяца прибавляются прозвища. Къ перечню этихъ надписей мы и приступаемъ, расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ прозвищъ.

Μῆνι Ἀζιοττηνῶς, судя по мѣсту нахожденія надписей, читался въ сѣв. вост. Лидіи (Меоніи) и прилежащей части Фригійи ¹⁾.

11. Кула (Меонія), CIG 3442.

12. Гёрдисъ (др. Gordus Julia), CIG 3448 = Waddington, Asie Mineure, № 680.

13. Γκιολ-ντε (близъ Кулы), Μουσ. καὶ βιβλ. τ. ἐν Σμύρνῃ εὐαγγ. σχολῆς, 1878—80, p. 167, (ἐπὶ πλακὸς φερούσης ἐγγεγραμμένον κνήμην): Μῆνι Ἀζιοττηνῶ ἐξ Ἐπι|κράτου Ἑρμογένης ἐπὶ χά|ριτος εὐχῆν.

14: Тамъ же, Μουσ. καὶ βιβλ. 1878—80, p. 167, (ἐπὶ πλακὸς φερούσης ἐγγεγραμμένους ὀφθαλμούς): Μῆνι Οὐρανίῳ | Μῆνι Ἀζιοττηνῶ | ...λῖα Ποπλίου.

¹⁾ Для всѣхъ упоминаемыхъ ниже географическихъ именъ, см. карту Рамзея, Journ. of hell. stud. VIII (1887), ad p. 461—The histor. Geogr. of Asia Minor, London, 1890, ad p. 104.

15. Ἀγιάζ-βυρέν, Μουσ. καὶ βιβλ. 1885 — 86, p. 84, Μηνὶ Ἀζιοττηνῷ Ἀθηναίων ὑπὲρ Ὀνησίμης τῆς θεοῦ ἀγαμένης | εὐχὴν ¹⁾.

Имя AZIOTTINOΣ читается на монетахъ съ изображеніемъ головы Мѣсяца города Saittai въ Меоніи ²⁾. Весьма вѣроятно, что тотъ же богъ изображенъ на другихъ монетахъ этого города: онъ представленъ стоящимъ между лежащими олицетвореніями двухъ рѣкъ, опираясь одною рукою на скипетръ или копье, въ другой держа сферу ³⁾.

Прозвище Ἀζιοττηνός Ваддингтонъ (ad № 668) считалъ равнозначащимъ греческому Ἀρτεμίδωρος (ср. 12). Рошеръ (p. 129 сл.) думаетъ, что прозвище Ἀζιοττηνός стоитъ въ связи съ Ἀσιος λαίων (у Каистра, Πισδ. II, 461 и схоласт.), съ мифическимъ лидійскимъ царемъ Ἀσίας (Herod. IV, 45) и сардской филой Ἀσιάς, эпонимомъ которой долженъ былъ быть Ἀσίας. Поэтому Ἀζιοττηνός означаетъ Мѣсяцъ, какъ національное лидійское божество. Еще ближе къ имени этому: Ἀσία, πόλις Λυδίας παρὰ τῷ Τρώϊ (у Стеф. Виз.). Не смотря на указываемую Рошеромъ возможность замѣны σ черезъ ζ, намъ кажется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ прозвище было бы не Ἀζιοττηνός, а Ἀσιανός; имя же того мѣста, отъ котораго происходитъ прозвище Мѣсяца Азіоттина, было бы, вѣроятно, Ἀζιόττη. Название это пока неизвѣстно ни изъ писателей, ни изъ надписей, но одна надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1880—83, p. 54) изъ окрестностей Кулы свидѣтельствуетъ о почитаніи тамъ же Великой Матери боговъ: Ἐτοῦς σιδ (130 г. по Р. X.) ⁴⁾ μ(ηνός) Δίῳ Μελετώνη Σεκούνδου θυγάτηρ εὐχὴν Μητρὶ | Ἀζιοττηνῇ.

Μηνὶ Ἀσκηνός (Ἀσκατηνός):

Сарды: на сардскихъ монетахъ изображается бюстъ Мѣсяца съ надписью Μηνὶ Ἀσκηνός (Рошеръ, Ia 3).

16. Alia (Фригія), Journ. of hell. stud. IV (1883), p. 417.

17. Eumenia (Фригія), CIG 3886 add. = Bull. de corr. hell. VIII (1884), p. 237.

18. Аполлонія Писидійская (Uluburlu), Journ. of hell. stud. IV, p. 417: Ὅρος ἱερός καὶ ἀνέλος θεοῦ ἐπιφανοῦ | Μηνός Ἀσκατηνῷ.

Антиохія Писидійская. Эпитеты чтившагося тамъ Мѣсяца Ἀρχαῖος

¹⁾ Ramsay, The histor. Geogr. of Asia Minor, p. 131, упоминаетъ о посвященныхъ надписяхъ Μηνὶ Ἀζιοττηνῷ изъ древней Satala (Satala близъ Кулы) и Bagis (н. Sirge), но гдѣ эти надписи изданы, намъ неизвѣстно.

²⁾ См. рис. у Рошера, Ia 5.

³⁾ Mionnet, Descr. IV, p. 113, № 622. Head, Hist. numm. p. 552. Waddington, Rev. Numism. 1852, p. 31.

⁴⁾ Объ ерѣ, употребительной въ этихъ областяхъ, см. Arch. Epigr. Mitt. aus Oesterr. 1890, p. 89 сл.

или 'Ασχαῖος, упоминаемые Стравономъ (I, 6. 7) уже давно предлагаютъ исправить въ 'Ασκηῖος.

19. Афродисиада (Карія), SIG 2796=Waddington, Asie Mineure 1601 В.

Итакъ, область распространения культа Μηνός 'Ασκηῖος лежитъ южнѣе области почитанія Μηνός 'Αζιότης, тамъ, гдѣ находилось озеро Аскапійское¹⁾. Рошеръ (ук. ст., р. 118.122 сл.) думаетъ, что 'Ασκηῖος было туземнымъ обозначеніемъ „фригійскаго“ и что Μην 'Ασκηῖος означаетъ національнаго луннаго бога Фригійцевъ²⁾. Но еѣдь Мѣсяць вообще былъ по преимуществу фригійскимъ божествомъ и окончаніе прозвища ηῖος уподобляетъ послѣднее множеству другихъ прозвищъ, происходящихъ отъ собственныхъ именъ мѣстъ и городовъ.

Μην Καμαρείτης.

Слово Καμαρείτης читается на монетахъ города Нисы, въ южн. Лидіи, при изображеніи Мѣсяца: Mionnet Descr. III, р. 365, № 362. Suppl. VII, р. 530 сл., № 411. 414. 415. Head, Н. N. р. 552. Мюнне описываетъ изображеніе его на монетахъ временъ Адріана, Антонина Кроткаго и М. Аврелія такъ: Νύσαων Καμαρείτης, le dieu Lunus debout, avec ses attributs, tenant une patère dans la main droite et la haste dans la gauche; Head говоритъ лишь слѣдующее: Καμαρείτης an epithet of the god Μην, early connected with the Phoenician Qumar..., the Moon, who is represented either standing holding patera and sceptre, or seated sidenays on a harse. Въ этихъ описаніяхъ не говорится о томъ, что за плечами фигуры съ именемъ Камарита находится полумѣсяць, тогда какъ у нѣкоторыхъ изображеній Мѣсяца на монетахъ Нисы эта подробность всегда указывается (Mionnet, Descr. III, № 368. 377. 384. 399. 402. Suppl. VII, № 407). Тѣ фигуры, которыя не имѣютъ этого характернаго признака, легко могутъ быть изображеніями не Мѣсяца, а Аттиса (ср. Mionnet, Descr. III, № 400. Drexler, N. Jahrb. f. Philol. 1894, р. 321 сл.). Если у фигуры съ именемъ Καμαρείτης на плечахъ нѣтъ роговъ мѣсяца, то, хотя поза и прочіе атрибуты ея и схожи съ изображеніями Мѣсяца на монетахъ Нисы, все же мы не имѣемъ права считать Камарита—Мѣсяцемъ. Если же полумѣсяць украшаетъ его плечи, то, по аналогіи съ надписью 'Αζιότης при фигурѣ Мѣсяца, и слово Καμαρείτης надо считать прозвищемъ мѣстно-чтимаго Мѣсяца. Нѣкоторые ищутъ объясненіе этого слова въ семитическомъ камаръ,

¹⁾ Guigniaut, р. 967 говоритъ, что это прозвище 'Ασκηῖος напоминаетъ Аскеназа 10-й гл. книги Бытія.

²⁾ Ср. Ed. Meyer, Gesch. des Alterthums I, § 251.

обозначающимъ луну, и отсюда указываютъ на семитическое вліяніе въ Лидіи ¹⁾; но скорѣе въ *Καμαρέιτης* слѣдуетъ видѣть прозвище, происходящее отъ имени мѣста культа. Имя *Κάμαρα* упоминается Стефаномъ Византійскимъ: *Κάμαρα, πόλις Κρήτης, καὶ ὁ πόλιτις (Καμαρέιτης), ὡς Ἐνίων ἐν Κρητικοῖς φησιν* (= Müller, FHG IV, p. 528, № 7).

Μῆν Κάρου упоминается Страбономъ (I, 8). Главное мѣсто культа его между Карурами и Лаодикией точно не указано ²⁾. На монетахъ близъ лежавшаго города Аттуды изображается бюстъ Мѣсяца съ надписью *Μῆν Κάρου* ³⁾; эта надпись доказываетъ, что прозвище этого Мѣсяца, какъ и нѣкоторыхъ другихъ (*Τιάρου, Φαρνάχου, Ἀζήρου*?) и въ именительномъ падежѣ кончалось на *ου*; слѣдовательно, слово это не греческое. Поэтому всякія гаданія о значеніи его кажутся намъ праздными ⁴⁾.

Μῆν Καταχθόνιος упоминается исключительно въ надгробныхъ надписяхъ Ликаоніи и Исавріи (ср. II, 10).

20. Иконій, Bull. de corr. hell. X (1886), p. 503 сл.

21. Тамъ же, Par. of the Amer. School at Athens II, p. 200, № 211.

22. Дерекей (близъ Сандшехра). Par. of Amer. School at Athen III, p. 174, № 284.

Трейберъ ⁵⁾ показалъ, что въ заклинательныхъ надписяхъ чаще всего призывались подземные боги или демоны, безъ поименованія ихъ (исключеніе составляютъ лишь двѣ аттическія надписи, CIA III 1423. 1424), иногда боги „небесные и подземные“, или же въ нихъ называются мѣстно-читимые боги: въ Ликии—Латона, въ Писидіи—*θεοὶ πσιδοῖχοι* (CIG 4380=Par. of the Amer. School at Athens II, p. 29 сл. ⁶⁾). Над-

¹⁾ Guignaut, II, p. 965¹. Maury, Hist. des relig. III, p. 125¹. Head, H. N. p. 552. Roscher, p. 129. Radet, La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades (Bibl. de l'école franç. d'Ath. et de Rome, fasc. 63), Paris, 1893, p. 55.

²⁾ Ср. Ramsay, Amer. Journ. of Archaeol. III (1887), p. 352. Онъ производить отъ *Κάρου* и имя *Κάρουρα* (ibid. 354).

³⁾ Sestini, Museo Hedervariano, XXVI, 2. Layard, Introduction à l'étude du culte public et des mystères de Mithra en Orient et en Occident, Paris, 1847, pl. LXVII, 4. Roscher, Ia 4.

⁴⁾ Ваддингтонъ думалъ, что прозвище это, «несомнѣнно, происходитъ отъ положенія святыни этого Мѣсяца и означаетъ Карійскій или почитаемый въ Каріи». Съ нимъ согласенъ Head, H. N., p. 559.

⁵⁾ Treubner, Beiträge zur Geschichte der Lykier. II Theil (1888), p. 1—45.

⁶⁾ Рошерь, p. 147, думаетъ, что въ Писидіи читались Солнце и Луна и въ «Селинѣ» видятъ «Мѣсяцъ». Но это врядъ-ли такъ: если бы тутъ разумѣлся мужской богъ Мѣсяцъ, то тогда, вѣроятно, прямо и было бы обозначено его имя *Μῆν*. Въ Исавріи встрѣчается также формула: *ὀρχίζω τὴν Σελήνην*. Headlam, Ecclesiastical sites in Isauria, p. 28 сл., № 2133.

писи, призывающія Мѣсяцъ Подземный, какъ бы соединяють оба рода воззваній въ одинъ, прилагая эпитетъ „подземнаго“ къ мѣстно-чтимому Мѣсяцу, къ имени котораго какъ-то нейдетъ эпитетъ „подземный“. Мѣсяцъ представлялся Малоазійцамъ и въ подземномъ мірѣ (ср. II, 15). Въ позднихъ религіозно-философскихъ гимнахъ нерѣдко встрѣчаются названія одного и того же божества и небеснымъ, и подземнымъ; изъ нихъ ближе всего къ такому же представленію о Мѣсяцѣ стоятъ божества Ночи и ночныхъ свѣтилъ ¹⁾).

Μην Καυαληνός.

23. Cecil Smith, Journ. of brit. arch. association XL (1884), p. 114, ср. Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 326: надъ рельефомъ неизвѣстнаго происхожденія представляющимъ Мѣсяцъ, стоящій въ храмѣ о двухъ колоннахъ, надпись: Ἀγαθόπορος Καυαληνῶ εὐχὴν Μηνί. Smith сопоставляетъ прозвище Καυαληνός съ областью Каваліей (Кавалидой); Дрекслеръ указалъ на селеніе Καύαλα во Фригіи, близъ Траянополя (ср. Waddington ad 1676); въ сосѣднихъ городахъ Теменоѳирахъ и Алиі культъ Мѣсяца засвидѣтельствованъ монетами. Слѣдовательно, культъ Μηνός Καυαληνῶ распространенъ былъ въ той же области, что и культъ Μηνός Ἀσκηνοῦ.

Μην Λαβάνης.

24. Μουσ. καὶ βιβλ. 1878 -- 80, p. 158 = Ath. Mitt. 1881, p. 273 сл. Надпись найдена въ 2-хъ часахъ разстоянія отъ Кулы и хранится теперь въ Смирновскомъ Музеѣ: „Ετους ΣϞΕ (211 по Р. X.), μηνός) Πατρεϊίου η. | Μηνί Πατρεϊίτη καὶ Μηνί Λαβάνη и т. д. Прозвище Мѣсяца опять, вѣроятно, происходитъ отъ какого-то мѣста, изъ другихъ надписей, пока, кажется, неизвѣстнаго.

Μην Μεσανβρίο(ς) упоминается въ одной надписи, вѣка III по Р. X., на креслѣ въ театрѣ Ормеліи.

25. Bull. de corr. hell. II (1878), p. 171 = Pap. of Amer. School at Athen II, p. 93 сл., № 61 В: Ἀπολλώνιος Μηνός Μεσανβρίο(υ) ἱερατέων | Μηνί Τολησεῶν εὐχὴν. Англійскій издатель надписи (Sterret) совершенно правильно видитъ здѣсь упоминаніе о двухъ Мѣсяцахъ, чтившихся въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ; одна изъ нихъ называлась, быть можетъ, Μεσαμβρία, другая—Τολήσεα или Τολήσια.

Μην Οὐράνιος.

Посвятительную надпись этому Мѣсяцу изъ Меоніи см. выше 14.

26. Атика. Стила съ изображеніемъ вверху серпа мѣсяца со звѣз-

¹⁾ Нумн. orph. III, 8 (ночь); VII, 9 (звѣзда); Еката (Рост. Iyr. III², p. 1318 Bergk).

доку надъ надписью: CIA III 140 ¹⁾). Эпитетъ „небесный“, конечно, вполне приложимъ къ богу Мѣсяцу; но что здѣсь имѣется въ виду не простой эпитетъ бога, а особый богъ „Мѣсяцъ Небесный“, отличный отъ другихъ Мѣсяцевъ, это видно изъ сопоставленія его въ надписи изъ Колои съ Мѣсяцемъ Азіоттиномъ ²⁾).

Μην Πτραεΐτης.

Надпись изъ окрестностей Кулы см. выше 24.

27. Гёрдисъ (Gordus Julia), Waddington, Asie Mineure 678: (ἔτους σμη' (164 по Р. X.) ἀνέθηκαν ΟΥΔΨΑΔΙ ΙΣΗΚΟΙΜ | καὶ Μηνὸς Τιάρου καὶ Μηνὸς Πτραεΐτου (τὸ ἀγαλ)μα τοῦ Διονύσου ³⁾). Рошеръ (р. 134) говоритъ, что прозвище Мѣсяца Πτραεΐτης напоминаетъ „пещеру“ (πέτρα, σπήλαιον), въ которой совершаются мистеріи въ честь Миеры; но мы не можемъ указать примѣровъ употребленія формы πετραΐτης въ значеніи πετραῖος, слова обозначающаго „живущій въ пещерѣ“ (ср. Odys. XII, 231—Скилла; Eurip. Hel. 805—Нимфы). Слово Πτραεΐτης встрѣчается какъ имя одного гладиатора (Benndorf-Niemann, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, p. 41) и, вѣроятно, происходитъ отъ какой-нибудь мѣстности Πτραία (?).

Μην Τιάρου упоминается въ цѣломъ рядѣ надписей изъ Кулы, Гёрдиса и окрестностей ихъ.

Гёрдисъ, Waddington, Asie Mineure 678 (см. выше 27).

28. Кула, CIG 343S = Waddington, Asie Mineure 667.

29. CIG 3439 = Waddington 668.

30. Подъ рельефомъ, изображающимъ женщину съ поднятой рукой, надпись (The Classical Review, 1889, p. 69): Θεᾶ Ἀνάετι καὶ Μηνὶ Τιάρου | Μελτίνῃ καὶ Γλόκων ἀπέδω|χαν τὸ ἱεροποίημα εὐχαρισ|τοῦντες. ἔτους Τ (216 по Р. X.) μ(ηνὸς) Ξανδικοῦ.

31. Подъ рельефомъ, изображающимъ двѣ ноги, надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1878—80, p. 127 = Bull. de corr. hell. 1880, p. 128): Ἀρτέμιδι Ἀνάετι καὶ | (Μ)ηνὶ Τιάρου Μελτίνῃ | (ὅπ)ερ τῆς ὁλοκληρίας | (τῶν) ποδῶν εὐχῆν | (ἀνέσ)τησεν.

32. Γυόλντε (близъ Кулы), Μουσ. καὶ βιβλ. 1885—86, p. 84—85:

¹⁾ Königl. Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Sculpturen, № 706.

²⁾ Быть можетъ, въ соединеніи «Мѣсяца Небеснаго и Мѣсяца Азіоттина» имѣлось въ виду соединить Мѣсяцъ «ἀνωθεν» и «κάτωθεν» (10), ибо Мѣсяцъ Азіоттинъ, судя по вышеприведенной надписи (15), властвовалъ надъ умершими. Но еще вѣроятнѣе, что здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ соединеніяхъ различныхъ Мѣсяцевъ, призываются боги, чтимые въ разныхъ мѣстахъ, но въ своей сущности вполне тождественные.

³⁾ Въ непонятныхъ словахъ должно заключаться въ концѣ, по крайней мѣрѣ, имя бога въ дат. пад.

..... ν καὶ ἡδὺ | (Ἀπ)ολλώνιος | Ἀπόλλωνι |
 ου * μ(ύ)ρια εἴτα ἀπα(ι)τοῦντος τοῦ Ἀπολλωνίου τὸν χαλ|κὸν παρὰ τοῦ
 Σκόλλου ὥμοσε τοὺς | προγεγραμμένους θεοὺς (т. е. Μητέρα Ἀτίμιτιν καὶ
 Μῆνα Τιάμου, а можетъ быть, и еще какими-либо) ἰς προ|θεσμίαν ἀπο-
 δοῦναι τὸ συνα|χθὲν κεφάλαιον μὴ τηρήσαντος | αὐτοῦ τὴν πίστιν παρεχώρη-
 сен | τῇ θεῷ ὁ Ἀπολλώνιος· κολ(α)σθέν'τος οὖν τοῦ Σκόλλου ὑπὸ τῶν θε|ῶν
 ἰς θανάτου λόγον, μετὰ τὴν (τε)|λευτὴν αὐτοῦ ἐπεζητήθη ὑπὸ τ(ῶν) | θεῶν·
 Τατιάς οὖν ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ | ἔλοισε τοὺς ὄρχους καὶ νῦν εἰλα|σαμένη εὐλο-
 γεῖ Μητρί Ἀτίμιτι | καὶ Μηνί Τιάμου ἔτους σγ' (119 по Р. X.)· μ(η)νός |
 Ξανδοικοῦ ιε'.

33. Ἀἰβασλάρ (ὀλὶзь Γρίолντε), на камнѣ съ изображеніемъ гру-
 дей, голени и глазъ надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1880—85, р. 54): Θεᾷ
 Ἀνάειτι καὶ Μηνί Τιάμου и т. д.

34. Ἀγιάζ—βурѣν, Μουσ. καὶ βιβλ. 1885—86, р. 82: Μητρί Ἀτί-
 μιτι καὶ | Μηνί Τιάμ|ου и т. д.

Прозвище „Τιάμου“, очевидно, туземное. Рошеръ (р. 125) ду-
 маетъ, что оно происходитъ отъ имени виоинскаго города Τίον (Τίος) и
 что αμου есть суффиксъ; онъ указываетъ также нѣсколько мало-азійскихъ
 именъ, кончающихся на άμος. Но, помимо отдаленности Τία отъ Μео-
 нии и отсутствія какихъ-либо указаній на существованіе въ немъ культа
 Мѣсяца, толкованіе Рошера мало вѣроятно потому, что, какъ видно
 изъ приводимаго списка эпитетовъ Мѣсяца, всѣ они, будучи произве-
 дены отъ именъ мѣсть, образуются и склоняются по-гречески. Нескло-
 няемая же прозвища, очевидно, станутъ понятными лишь по мѣрѣ из-
 слѣдованія лидійскаго и фригійскаго нарѣчій.

Μ ἢ ν Τύραννος.

Ср. надпись изъ Кулы 29.

35. Gordus Julia, Waddington, Asie Mineure 685.

36. Μουσ. καὶ βιβλ. 1878—80, р. 162=Journ. of hell. stud.
 1889, р. 227..... Μηνί Τυράνω καὶ Διὶ Ὀγμηνῶ καὶ τοῖς σὺν αὐτῷ θεοῖς.

37. Θεасογ, Journ. of hell. stud. VIII (1886), р. 412: Μηνί Τυ-
 ράνω Διονυσίω.

38. Въ Атикѣ, на берегу между Суніемъ и Лавріемъ, какой-то
 рабъ, ликіецъ Ксанѣ, посвятилъ святилище Мѣсяцу Тиранну и поста-
 вилъ надпись, устанавливающую правила жертвеннаго ритуала, въ двухъ
 экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ, написанный весьма небрежно, съ боль-
 шими ошибками, исполненъ, по предположенію Фукара ¹⁾, самимъ Ксан-

¹⁾ Foucart, Les associations religieuses chez les Grecs, Paris, 1873, р. 218, № 38.

оомъ (CIA III 73), а другой, повторяющій почти то же самое, вырѣзанъ и составленъ гораздо лучше (CIA III 74=Dittenberger, SJG 379). Относительно значенія эпитета *Tópaυος* еще Бёкъ (CIG 3439, p. 808) указалъ, что слово это мало-азійскаго происхожденія и значить тоже, что *χρίος*. Такимъ образомъ Мѣсяцъ Тираннъ=Мѣсяцъ Господинъ=Мѣсяцъ Царь ¹⁾.

Μήν Φαρνάχου въ надписяхъ не упоминается и извѣстенъ лишь изъ Стравона (I, 6), какъ лунный богъ, чтившійся понтійскими царями. Совершенно невѣроятно объясненіе эпитета *Φαρνάχου*, предлагаемое Корсини (Fasti Attici II, p. 571), производившимъ его отъ города Фарнакіи, потому что, съ одной стороны, оно было бы тогда *Φαρναχεός* (Steph. Byz.), а съ другой потому, что главнымъ мѣстомъ культа Μηνός *Φαρνάχου* была Амерія. Болѣе вѣроятными кажутся объясненія, производящія прозвище это отъ имени одного изъ понтійскихъ царей ²⁾. Гутшмидъ ³⁾ и Т. Рейнакъ ⁴⁾ ставятъ это прозвище въ связь съ мненческимъ родоначальникомъ династіи понтійскихъ царей, упоминаемымъ Діодоромъ (XXXI, 19d). Но Ваддингтонъ обратилъ вниманіе на аналогію въ окончаніи этого прозвища съ *Τιάμου* и *Κάροο* и предположилъ, что оно было несклоняемо; объясненіе прозвища приходится поэтому искать въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ ⁵⁾. Если понимать эпитетъ *Φαρνάχου* въ смыслѣ „дарующій счастье“, то это объясненіе будетъ согласно съ вышеуказаннымъ (I, 15) представленіемъ о Мѣсяцѣ, какъ подателѣ урожая, а также съ тѣмъ рогомъ изобилія и вѣткою, которую держитъ на моне-

¹⁾ Въ латинскихъ надписяхъ конца IV в. (CIL VI 499—501. 508. 519) встрѣчается эпитетъ *Menotyagnus*, прилагаемый къ Аттису. Въ этихъ надписяхъ рѣчь идетъ о культѣ Идеѣйкой Великой Матери боговъ и Аттиса съ тавроволиями и кривоволиями; на изображеніяхъ Аттисъ является въ обычномъ своемъ видѣ и, слѣдовательно, эпитетъ его *Menotyagnus* свидѣтельствуетъ лишь объ отождествленіи или смѣшеніи божествъ, столь обычномъ въ позднее время. Объясненіе Визелера (Der Hildesheimer Silberfund, Göttingen, 1869, p. 17), принимаемое Рошеровъ (p. 124), что *Menotyagnus*=Господинъ Мѣсяцъ, врядъ-ли правильно. Латинское *Menotyagnus* просто транскрипція Μην Τόραυος (ср. Roscher, p. 135).

²⁾ Ср. Chandler, Voyage dans l'Asie Mineure II, p. 264, n. 85.

³⁾ Kleine Schriften, Leipzig, 1892, III, p. 496 сл.

⁴⁾ Mithridate Eupator, Paris, 1890, p. 240 сл.

⁵⁾ Уже Морй III, p. 126, указывалъ на слово *Farna*, что значить по вендски „блестящій“ или „древній“. Примѣры другихъ толкованій см. у Kühnle, Description du Musée Cotschoubey, Pétersbourg, 1857, II, p. 90 и новѣйшее объясненіе Darmsteter'a у Рейнака, l. l. p. 241: *Φαρνάχου* serait en perse *farnahvaut* (de *farna*=τόχη), epithète qui sous la forme zende *hvarmanhraut* se trouve précisément appliquée à la lune dans un texte religieux (Yasht VII 5). О древне-иранскомъ словѣ *farna* (миръ, счастье, благо, довольство) ср. замѣчанія В. Θ. Миллера (О сарматскомъ богѣ Іатафариѣ), Труды Восточн. Комиссіи Моск. Арх. Общ. I, 2, стр. 132 сл.

тахъ Фарнака фигура, принимаемая еще старинными нумизматами за Мѣсяцъ *Φαρνάχου* ¹⁾).

На монетѣ представленъ юноша, медленно идущій влѣво и повернувшій голову слегка вправо; въ правой опущенной рукѣ онъ держитъ виноградную лозу, которую щиплетъ стоящій слѣва олень или лань; лѣвой рукой поддерживаетъ онъ лежащій на плечѣ рогъ изобилія и кадудей ²⁾. Сбоку, слѣва, полумѣсяцъ со звѣздой ³⁾. Присутствію полумѣсяца со звѣздой нельзя придавать особаго значенія при опредѣленіи фигуры, такъ какъ его же мы видимъ на монетѣ того же Фарнака (*Wroth* VIII, 2) при изображеніи Зевса. Но, если принять во вниманіе существованіе изображенія Мѣсяца безъ роговъ мѣсяца за плечами (ср. ниже), а также сходство атрибутовъ этой фигуры съ новымъ объясненіемъ эпитета *Φαρνάχου*, то намъ кажется вполне допустимымъ старинное объясненіе фигуры, изображенной на монетѣ ⁴⁾. Рѣзкое отличіе этого изображенія на монетѣ Фарнака отъ другихъ изображеній Мѣсяца не можетъ служить тому препятствіемъ: въ виду отдаленности мѣста культа этого Мѣсяца отъ прочихъ, возможно, что въ понтійскомъ царствѣ чтился не фригійскій богъ Мѣсяцъ, а какой-либо иной мѣстный лунный богъ, подобно тому албанскому лунному богу, о которомъ упоминаетъ Стравонъ (I, 6), а потому и изображенія его могли отличаться отъ изображеній Мѣсяцевъ фригійскихъ. Сходная эмблема фригійскаго Мѣсяца и *Μην Φαρνάχου*—полумѣсяцъ со звѣздой надъ нимъ, особенно часто встрѣчается на монетахъ понтійскихъ царей и на иныхъ зависимыхъ отъ нихъ монетныхъ типахъ (напр., *Воспора Киммерійскаго* и т. д.) ⁵⁾.

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства изд. гр. И. Толстымъ и П. Кондаковымъ I, стр. 5, рис. 5. Ср. *Wroth*, Catalogue of greek coins of the Brit. Mus. Pontus etc. London, 1889, p. 43, pl. VIII, 3. Head, H. N. fig. 264.

²⁾ На ногахъ юноши котурны; на головѣ какой-то странный головной уборъ, спадающій на лѣвую сторону и напоминающій высокія мягкія греческія фески, спадающія назадъ или на сторону. Одежда юноши, принимаемая *Wroth*омъ за хитонъ и хламиду, очень оригинальна: лѣвая рука покрыта плащомъ, застегнутымъ не на плечѣ, а на среднѣ груди; отъ застѣжки спадаютъ внизъ два края плаща, оставляя открытою часть праваго бедра; при такомъ положеніи плаща должно было бы быть прикрытымъ плащомъ и правое плечо, но на изображеніи этого не видно и горизонтальная полоса на верхней части руки позволяетъ предполагать короткій рукавъ надѣтой внизу туники.

³⁾ Перуновъ, находящихся надъ головой, на другихъ экземплярахъ нѣтъ, а потому они, очевидно, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ фигурѣ.

⁴⁾ Можетъ быть, Моріи былъ правъ, отождествляя съ *Μην Φαρνάχου* неизвѣстное намъ ближайшимъ образомъ мисійское божество, называемое Фанакой и изображавшееся съ такимъ же смѣшеніемъ атрибутовъ различныхъ божествъ, какъ и богъ на монетахъ Фарнака.

⁵⁾ На монетахъ Понтійскихъ царей и царицъ (напр., Динаміи, Русск. древности I, стр. 6, рис. 7, ср. *Longpreier*, *Oeuvres complètes* II, p. 30) изображается также про-

Μην Φωσφόρος упоминается въ надписяхъ, содержащихъ оракулы, по числу выпавшихъ очковъ на костяхъ. Къ приводимому Рошеромъ (р. 127) оракулу изъ Атталіи Памфилійскій (Kaibel, *Epi-grammata graeca* 1038) присоединяется теперь другой экземпляръ того же оракула изъ Анабуры (Ördekly): *Par. of the Amer. School at Athens* III, р. 206. Третій экземпляръ, найденный въ Tefenu (др. Ормелія), *Bull. de corr. hell.* VIII (1884), р. 496—508 = *Par. of the Amer. School at Athens* II, р. 79—90, оракула „Свѣтоноснаго Мѣсяца“ не сохранился. Очень можетъ быть, что Φωσφόρος служить лишь поэтическимъ эпитетомъ Мѣсяца, какими являются и другіе эпитеты въ этихъ оракулахъ, прилагаемые къ другимъ божествамъ; заключать, что Μην Φωσφόρος является особымъ Мѣсяцемъ, отличнымъ отъ иныхъ, здѣсь исчисляемыхъ, преждевременно ¹⁾).

Изъ перечисленныхъ эпитетовъ Мѣсяца видно, что большая часть ихъ обозначаетъ лишь мѣсто, прославленное культомъ этого бога. Слава такихъ мѣстно-чтимыхъ Мѣсяцевъ была не очень велика. Это слѣдуетъ изъ того, что называющіе одинъ и тотъ же эпитетъ надписи находятся, по большей части, въ одной области; не велики и не важны были мѣста, гдѣ чтились эти Мѣсяцы: почти всѣ названія ихъ въ другихъ источникахъ не упоминаются, а если и упоминаются, то оказываются деревнями; только Карополь носилъ имя города, да и то сталъ онъ потомъ деревнею.

Предполагать различіе въ представленіяхъ объ этихъ чтимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Мѣсяцахъ нѣтъ никакихъ основаній: если въ качествѣ властителя подземнаго міра призывается Мѣсяць Азіоттинъ или Мѣсяць Подземный, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Мѣсяцу Азіоттину и Подземному и былъ подвластенъ адъ; возможно, что власть всякаго Мѣсяца простиралась и на небеса, и на землю, и на подземный міръ.

сто полумѣсяцъ подъ звѣздою; можетъ быть, и въ этомъ символѣ луннаго бога должно видѣть указаніе на почитаніе понтійскими царями амерійскаго Мѣсяца Φαρνίχοу.

¹⁾ Каролидисъ (Τὰ Κοίματα καὶ τὰ ἐρείπια αὐτῶν, ἐν Ἀθήναις, 1882, р. 73) надалъ надпись, найденную имъ въ развалинахъ храма въ Σάρτερα въ Каппадокіи:

..... ΜΗΝΙΑΖΗΜΟ
ΑΓΗΣΝΙΚΗΦΟΡΟΥΘΕ
ΣΤΡΑΤΗΓΟΝΚΑΤΑΟΝΙΑΣ
ΤΗΣΑΜΕΝΩΝΑΥΤΩΝ

ΕΠΙΕΙΚΩΣΚΑΙΕΥΡΓΙΚΟΣ. Опасно слѣдовать предложенному Фонтриеромъ восстановленію (Ἀναίται; | (καὶ) Μηνὶ Ἀζήμο(ν) | и т. д.; еще опаснѣе слѣдовать Каролидису въ его объясненіи этой надписи: ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης . . . ἐξάγεται ὅτι ὁ θεὸς Μηνὶ παρὰ Καππαδοκίαν ἐκαλεῖτο Ἀζήμος, ὅπερ πιθανῶς ἐρμηνεύτεον ἐκ τοῦ Βακτρικοῦ ασμαν—ούρανός (πρὸς τὸ Ζεὺς Ἀσβαμίος).

III.

Представляя списокъ такъ или иначе извѣстныхъ намъ изображеній Мѣсяца, мы не претендуемъ на полноту его ¹⁾. Дабы не увеличивать понапрасну нашего списка, мы оставляемъ безъ упоминанія тѣ изображенія, которыя были когда-либо сочтены за изображенія Мѣсяца, но нами за таковыя считаемы быть не могутъ: это часто бывало съ изображеніями юношей, а иногда и бородатыхъ людей ²⁾ во фригійскомъ костюмѣ безъ всякихъ другихъ характерныхъ признаковъ Мѣсяца.

Характернѣйшимъ признакомъ Мѣсяца, въ значительномъ большинствѣ изображеній его, являются рога полумѣсяца за плечами бога; признакъ этотъ столь ясенъ, что намъ кажется совершенно невозможнымъ давать мужскимъ фигурамъ съ такими рогами какое-либо иное объясненіе. Этого столь характернаго признака мы не находимъ ни у какого другого божества, кромѣ различныхъ лунныхъ божествъ ³⁾. Особенно часто встрѣчаются въ такомъ видѣ изображенія греческой богини луны Селины ⁴⁾. Важно, однако, что на древнѣйшихъ изображеніяхъ ея, равно какъ и на болѣе позднихъ, но воспроизводящихъ типы лучшихъ временъ греческаго искусства, мы не находимъ такого, можно сказать, грубаго обозначенія сущности изображаемой фигуры: напримеръ, при изображеніяхъ Селины на вазовыхъ рисункахъ V в. находится серпъ мѣсяца, но онъ помѣщенъ сбоку, а не за плечами богини ⁵⁾. Помѣщеніе серпа мѣсяца за плечи и за голову луннаго божества представляетъ очевидную аналогію съ помѣщеніемъ солнечнаго диска за голову божествъ преимущественно солнечныхъ или, вообще, свѣтовыхъ, изображаемыхъ съ нимбомъ. Нимбъ же появляется на изображеніяхъ лишь около времени Александра В. ⁶⁾. Что касается Се-

¹⁾ Наименѣе всего были доступны намъ рѣзные камни, среди которыхъ должно находиться не мало изображеній Мѣсяца. Равно, не будучи специалистомъ въ нумизматикѣ, мы могли указывать лишь на ранѣе упомянутыя (особенно Рошеромъ и Дрекслеромъ) изображенія Мѣсяца на монетахъ.

²⁾ Arch. Anzeiger 1892, p. 111, № 14; такая же статуетка издана С. Рейнакомъ въ Rev. Arch. 1894, p. 375.

³⁾ Мы не будемъ касаться безобразныхъ идоловчиковъ изъ Сардиніи, изданныхъ Гиньо (pl. LVI bis), не зная ихъ древности и сомнѣваясь въ ихъ подлинности.

⁴⁾ Ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 20 сл.

⁵⁾ См., напр., рисунокъ у В. К. Мальмберга, Метопы древне-греческихъ храмовъ, Дерптъ, 1892, табл. III, 4.

⁶⁾ Ср. Stephani, Nimbus und Strahlenkranz, St.-Petersburg, 1859 = Mém. de l'Acad. de St.-Petersbourg, VI Serie, IX, p. 361—500.

лины, то изображенія ея съ полумѣсяцемъ за плечами встрѣчаются по большей части въ римское время ¹).

Такъ какъ о древнѣйшихъ мало-азійскихъ изображеніяхъ Мѣсяца намъ ничего неизвѣстно, а на издаваемомъ ниже рельефѣ вѣка III до Р. Х. онъ изображенъ безъ полумѣсяца за плечами, то весьма вѣроятно, что атрибутъ этотъ былъ перенесенъ на изображенія Мѣсяца съ изображеній Селины. Ramsau высказалъ, однако, другое предположеніе, на первый взглядъ остроумное и убѣдительное, что рога за плечами Мѣсяца суть ни что иное, какъ „вырожденіе“ непонятныхъ и странныхъ для художниковъ поздняго времени крыльевъ, притомъ крыльевъ извѣстной арханческой формы, съ закругленіями на концахъ ²). Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ изображеніяхъ Мѣсяца рога серпа изображены, по небрежности мастера, такъ, что могутъ напоминать крылья ³). На многихъ изображеніяхъ восточныхъ божествъ крылья поднимаются по обѣ стороны головы, такъ что оправдывается вышеуказанное предположеніе Рамзея ⁴). Но отсутствіе несомнѣнныхъ изображеній Мѣсяца съ крыльями, а особенно отсутствіе и у самого Мѣсяца на древнѣйшемъ изображеніи его (см. ниже) роговъ мѣсяца на плечахъ, дѣлаетъ предположеніе Рамзея не очень-то вѣроятнымъ.

Гёзе, издавшій подъ именемъ Мѣсяца-Аттиса нѣсколько статуетокъ юношей въ восточной одеждѣ и съ крыльями, объясняетъ эти послѣднія греческой передачей серпа мѣсяца, помѣщаемого азіатами за плечами бога Мѣсяца ⁵). Но и это предположеніе врядъ-ли допустимо, такъ какъ изданныя Гёзе терракотты, будучи украшеніемъ туалетныхъ сосудовъ, вовсе не представляютъ собою какихъ-либо опредѣленныхъ божествъ, а просто юношей и дѣтей въ мѣстной одеждѣ, которымъ мастеръ приставилъ крылья эротовъ.

Итакъ, серпъ мѣсяца за плечами соименнаго бога является необходимымъ атрибутомъ для отличія его отъ другихъ азіатскихъ божествъ, напримѣръ, Аттиса, Миеры, Савазія, такъ называемыхъ „двухъ слугъ Миеры“ и т. д., и для точнаго обозначенія его изображеній.

¹) Ср., напр., рельефъ на алтарѣ, хранящемся въ Луврѣ. Müller-Wieseler, Denkm. d. alt. Kunst II, 16. 190.

²) Journ. of hell. stud. X (1889). p. 230. Amer. Journ. of Archaeology III (1887), p. 363.

³) Напр., на монетѣ Парланды (рис. у Рошера, Ib 8, особенно правый рогъ), на рельефѣ изъ Буддура, гдѣ Коллинъонъ принялъ также рога за крылья.

⁴) Напр., на хеттѣйскихъ рельефахъ: Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, IV, fig. 276. 290.

⁵) Heuzey, Les figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre, Paris, 1883. p. 22, pl. 37g. Gaz. des Beaux-Arts XIV (1876), p. 401 сл. и рисунки на стр. 401 и 403.

Кромѣ Селины полумѣсяцъ за плечами встрѣчается на изображеніяхъ, довольно позднихъ временъ, двухъ Артемидъ: 1) Артемиды *Тауропόλος*, которая чтилась на западномъ берегу Малой Азіи ¹⁾. Она изображается иногда на монетахъ Амфиполя, съ калавомъ на головѣ и ясно видимыми рогами серпа мѣсяца за плечами, во весь ростъ и погрудь ²⁾; 2) Артемиды *Περγαια*, называвшейся такъ по главному мѣсту культа ея, памфилійскому городу Пергѣ ³⁾. Она представлена съ большими рогами мѣсяца на плечахъ на одномъ рельефномъ погрудномъ изображеніи ея ⁴⁾. На монетахъ Перги Артемида изображается или съ рогами мѣсяца на плечахъ ⁵⁾, или чаще въ обычномъ типѣ греческой Артемиды-охотницы, или иногда въ видѣ овальнаго камня, украшеннаго серпомъ мѣсяца внутри ея храма ⁶⁾. Изображенія обѣихъ этихъ, вѣроятно, мѣстныхъ богинь, названныхъ греками Артемидою, въ типѣ Селины объясняются смѣшеніемъ Артемиды и Селипы, начавшимся еще съ IV в. до Р. X. ⁷⁾.

Изображенія лунныхъ божествъ съ серпомъ мѣсяца за плечами встрѣчаются также на монетахъ сирійскихъ городовъ. Въ Каррахъ, какъ видно изъ изображеній на монетахъ тамошняго храма, лунный богъ чтился подъ видомъ бетиля. Поэтому лунныхъ боговъ, изображаемыхъ на сирійскихъ монетахъ, нельзя считать изображениями идола бога, почитавшагося въ Каррахъ; такъ какъ изображенія эти близки къ мало-азійскимъ, то намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объяснять происхождение ихъ влияніемъ изображеній Мѣсяца въ Малой Азіи, которыя могли быть занесены оттуда въ Сирію мало-азійскими выходцами.

Несомнѣнныя изображенія Мѣсяца, подтверждаемыя иногда подписью ΜΗΝ, находятся на монетахъ Лаодикіи Ливанской ⁸⁾. На этихъ монетахъ Мѣсяцъ изображенъ въ оригинальномъ, рѣдко встрѣчающемся на мало-азійскихъ монетахъ, типѣ ⁹⁾: богъ въ фригійской одеждѣ, съ

¹⁾ Cp. Schreiber у Рошера, *Ausführl. Lex. d. gr. u. röm. Mythol.* I, p. 567 сл.

²⁾ Müller-Wieseler, *Denkm. d. alt. Kunst* II, 16. 177. Roscher, l. I., также Sestini, *Museo Fontana* II, 11, его же *Lettere e dissertazioni numismatiche*, Firenze, 1818, IV, tav. I, 29.

³⁾ Schreiber у Рошера, *Lex. d. Myth.* I, p. 593. Lanckoroński, *Städte Pamphyliens und Pisidiens*, Wien, 1890, p. 37 сл.

⁴⁾ Lanckoroński, fig. 27. 50.

⁵⁾ Напр., у Mionnet, *Suppl.* VIII, p. 46, № 87.

⁶⁾ *Rev. Numism.* 1883, pl. IX, 9 (монета Поголы).

⁷⁾ Roscher, *Lex. d. Myth.* I, p. 572. Roscher, *Ueber Selene und Verwandtes*, p. 116.

⁸⁾ Saulcy, *Numismatique de la Terre Sainte*, p. 4 сл., pl. I, 1. 2.

⁹⁾ Head, H. N. p. 591 указываетъ такое изображеніе Мѣсяца только на монетахъ Олбасы.

копьемъ (?), стоитъ, держа подъ уздцы лошадь. Но что это фригійскій Мѣсяцъ или вообще лунный богъ, очевидно по видимымъ на одной монетѣ рогамъ полумѣсяца на плечахъ его (I, 1); на другой (I, 2) роговъ нѣтъ, но въ виду тождества обѣихъ группъ во всемъ остальномъ, а также въ виду присутствія на нѣкоторыхъ экземплярахъ подписи Μήν, приходится и это изображеніе считать за изображеніе Мѣсяца ¹⁾).

Болѣе отдаленныя изображенія луннаго арійскаго бога мы встрѣчаемъ на монетахъ индо-скинскихъ царей. На монетахъ царя Канерки (I в. по Р. X.) изображена фигура съ надписью Σαληνη, съ огромными рогами полумѣсяца на плечахъ; фигура стоитъ, обратясь влѣво, и протягиваетъ правую руку, какъ бы обращаясь съ рѣчью; въ лѣвой рукѣ—длинный скипетръ и короткая палка (можетъ быть, мечъ); одежда состоитъ изъ спускающейся ниже колѣнъ туники и широкаго плаща ²⁾. Совершенно такую же фигуру, но съ надписью Мао, мы находимъ на монетахъ того же царя ³⁾ и послѣдующихъ ⁴⁾, на монетахъ которыхъ фигура Мао, взявъ свои позы, повсюду сохраняетъ свой отличительный признакъ, указывающій на существованіе тамъ мѣстнаго мужскаго луннаго бога, вытѣснившаго греческую Селину.

Можно указать еще на одно изображеніе арійскаго же луннаго мужскаго бога на серебряномъ блюдѣ Парижской Національной Библиотеки, гдѣ, въ сценѣ жертвоприношенія какой-то богинѣ, изображенной въ центрѣ, мы видимъ два парящихъ въ воздухѣ серпа мѣсяца съ мужскими безбородыми головами на нихъ ⁵⁾.

Наконецъ, полумѣсяцъ за плечами человѣческаго бюста нерѣдко

¹⁾ На монетахъ Габы (Saulcy, p. 339 сл., pl. XIX, 1—7) находится изображеніе юноши, въ короткомъ хитонѣ и колпакѣ, въ родѣ фригійскаго, стоящаго въ позѣ, сходной съ позою фригійскаго Мѣсяца: на полѣ съ одной стороны полумѣсяцъ, съ другой—авѣда; голова юноши на лицевой сторонѣ монеты помѣщается иногда надъ серпомъ полумѣсяца. Но этихъ признаковъ недостаточно для отождествленія этого юноши съ фригійскимъ Мѣсяцемъ, такъ какъ у стоящихъ фигуръ полумѣсяца за плечами не находится; головы же надъ полумѣсяцемъ встрѣчаются и на иныхъ сирійскихъ монетахъ, напр., Артемиды на монетахъ Дамаска (Saulcy II, 3) и Герасъ (Saulcy XXII, 1) и мужскаго божества на монетахъ Пальмиры (Saulcy XXV, 17. 18. 20). Этотъ пальмирскій богъ, съ полумѣсяцемъ за плечами, изображенъ въ видѣ воина, держащаго въ лѣвой рукѣ копье, на рельефѣ съ одного алтаря въ Римѣ (Monum. inediti IV, tav. 38, 6—Mémoires de l'Institut de France XX (1854), pl. III, 1). Надпись (Kaibel, IGIS 971), 235 г. по Р. X., называетъ его Ἀγλιβαλος.

²⁾ Catalogue of indian coins. Greek and Scythic Kings, XXVI, 1.

³⁾ Ibid. XXVI, 9. XXVII, 3.

⁴⁾ Ibid. XXVII, 3. 18. 19. 21. 22. 23. 24. XXIX, 4.

⁵⁾ Gaz. archéol. 1885, pl. 33. Babelon, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale, Paris, 1887—8, pl. XLVIII. Русск. древн. III, рис. 85.

встрѣчается на монетахъ съ изображеніемъ императоровъ и особенно часто императрицъ ¹⁾. Быть можетъ, императрицы отождествляются въ данномъ случаѣ съ богинями Luna или Σελήνη, а императоры — съ фригійскимъ Мѣсяцемъ.

Всѣ вышеприведенные примѣры изображеній серпа мѣсяца за плечами человѣческой фигуры, какъ то и естественно, указываютъ на лунное божество. Поэтому, всѣ изображенія, представляющія человѣка въ фригійской одеждѣ съ этимъ характернымъ атрибутомъ, могутъ быть считаемы за изображенія фригійскаго Мѣсяца.

Сохранилось нѣсколько монументальныхъ изображеній головы Мѣсяца въ высокомъ рельефѣ на фронтонахъ, посвященныхъ, вѣроятно, ему храмовъ, открытых въ развалинахъ мало-азійскихъ городовъ. Всѣ эти изображенія относятся къ императорской эпохѣ.

1. Въ Памфилиі, близъ города Кремнъ (Κρεμναι), открыты остатки небольшого храма, на фронтонѣ котораго находилось погрудное изображение, повидимому, Мѣсяца ²⁾.

2. Въ Памфилиі же, въ городѣ Сидѣ, въ развалинахъ храма, найденъ фронтонъ съ изображеніемъ человѣческой головы въ центрѣ, которую, по аналогіи съ рельефомъ Кремнъ, можно считать за голову Мѣсяца ³⁾.

3. Погрудное изображеніе Мѣсяца на рельефѣ изъ Меоніи, рядомъ съ бюстомъ юноши съ лучами около головы, котораго нельзя назвать иначе, какъ Геліемъ, хотя надпись подъ рельефомъ этимъ называетъ Зевса Масфалатинскаго, Мѣсяцъ Τίτρον и Мѣсяцъ Τираίνν, изданъ дважды и оба раза, повидимому, въ весьма неточныхъ рисункахъ ⁴⁾. Мѣсяцъ отличается отъ сосѣда одеждою: на последнемъ накинутъ лишь плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, у Мѣсяца подобный же плащъ надѣтъ поверхъ туники съ рукавами. На головѣ фригійскій колпакъ, изображенный на рисункахъ такъ, что его можно принять за волосы, связанные въ пучекъ (или даже за χάλαρος) и считать бюстъ этотъ Селиной; но этому препятствуетъ варварская туника бога.

¹⁾ Rasche, Lex. universale rei numariae II, 2 p. 1879. Imhoff-Blumer, Porträtköpfe auf römischen Münzen, Leipzig, 1879, №№ 76. 79. 83. 100.

²⁾ Ланского ѱки, p. 132.

³⁾ Ibid. p. 131. Подобный же бюстъ въ срединѣ фронтона найденъ былъ въ Сагалассѣ (Ланского ѱки, fig. 111); здѣсь не видно ни фригійскаго колпака, ни роговъ мѣсяца за плечами. Поэтому голова изображаетъ, вѣроятно, Геліа, но возможно также, что оба отличительные признака Мѣсяца приставлены были изъ другого матеріала, напр., бронзы.

⁴⁾ Texier, Description de l'Asie Mineure, Paris, 1839, I, pl. 51, 1. Le Bas, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Monuments figurés, pl. 136.

Длинные вьющіеся волосы спадаютъ на плечи. Рога полумѣсяца помѣщены гораздо выше, чѣмъ они помѣщаются обыкновенно, такъ что серпъ приходится за шеей, а не за плечами.

4. Изъ другихъ погрудныхъ изображеній Мѣсяца, по сохранности и по тщательности работы, должно поставить на первомъ мѣстѣ голову бога, украшающую центръ одного изъ серебряныхъ блюдовъ извѣстнаго гильдесгеймскаго клада, хранящагося въ Antiquarium'ѣ Берлинскаго Музея ¹⁾. Погрудное изображение Мѣсяца находится въ центрѣ блюда, представляющаго pendant къ другому, гдѣ изображена голова богини (вѣроятно, Кивелы) съ согопа tugalis на головѣ. Голова бога, какъ обыкновенно бываетъ у подобныхъ изображеній ²⁾ повернута въ $\frac{3}{4}$ вправо; взоръ обращенъ вверхъ. На головѣ, съ длинными кудрями, фригійскій колпакъ, украшенный звѣздами; на шеѣ большая гривна; одежда обработана въ общихъ чертахъ и не обнаруживаетъ швовъ, необходимыхъ при изображеніи рубашки; надъ обоими плечами торчатъ рога мѣсяца. Последняя деталь рѣшительно указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ изображение Мѣсяца ³⁾.

5. Изъ рѣзныхъ камней наилучшее изображение головы Мѣсяца находится на камѣ Неаполитанскаго Музея ⁴⁾. Голова бога повернута

¹⁾ Wieseler, Der Hildesheimer Silberfund, Taf. III, 2.

²⁾ Изъ нихъ наилучшее—глиняная форма съ серебрянаго оригинала (голова Аены), найденная въ Херсонисѣ. Матеріалы по археологiи Россiи, изд. Имп. Арх. Комм. № 7, табл. I, 4.

³⁾ Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые находятъ возможнымъ видѣть въ этомъ изображеніи Аттиса (Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 322. Schoene, Hermes III (1869), p. 477. Decharme у Daremberg et Saglio, Dictionn. des antiq. I, 2, p. 1686), отождественнаго съ Мѣсяцемъ, основываясь на сопоставленіи его здѣсь съ Кивелою и на πῖλος ἀστέρητος, украшающаго его голову и подаренномъ, по преданію, Кивелою Аттису (Julian. Orat. V, p. 165, ed. Hertlein, p. 214. Sallust. de diis et mundo 4). Сопоставленіе и Мѣсяца съ Кивелою не представляетъ ничего невозможнаго. Кромѣ того, та богиня, съ которой часто сопоставляется Мѣсяцъ, именно Артемида Анаита, изображалась въ типѣ Кивелы (см. ниже); что касается колпака со звѣздами, то такой колпакъ, по своимъ украшеніямъ, еще болѣе приличествуетъ Мѣсяцу, чѣмъ Аттису. Упомянутое же, что онъ былъ подаренъ Кивелою Аттису, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ М. Азіи были выдѣляемы подобныя колпаки, которые могли служить головнымъ уборомъ и простыхъ смертныхъ.

⁴⁾ Annali XV (1843), tav. d'agg. O. P. 2. Hirt, Mythol. Bilderbuch XI, 8, p. 88. Въ Берлинскомъ Музеѣ хранится «blaue antike Paste. Der Mond... erscheint hier im Brustbilde... und über seinen Schultern der Halbmond. Tölken, Erklärendes Verzeichniss der antiken vertieft geschnittenen Steine der K. Preuss. Gemmensammlung, Berlin, 1835, p. 239, № 1402. Въ Британскомъ Музеѣ—Barut sard: buste of Lunus in profil to right wearing phrygian cap, resting on crescent, star above. (Висконти, Opere varie II, p. 244, № 288 (=p. 352, № 35), описываетъ одну камю изъ собранія гр. di Fries; Busto del dio Mene... quindi il suo abito frigio. Il pileo e ornato di stelle e la messa luna gli adorna le spalle). A Catalogue of engraved gems in the British Museum, London, 1888, № 1114.

въ профиль вправо; фригійскій колпакъ на ней украшенъ звѣздами; поверхъ хитона плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ небольшой круглой фибулой.

6. Изображеніе Мѣсяца, на камѣѣ Британскаго Музея, съ полумѣсяцемъ не за плечами, а въ сторонѣ отъ головы ¹⁾.

7. Изображенія головъ Мѣсяца на монетахъ различаются отчасти типами лицъ, отчасти деталями головнаго убора. Но тотъ или другой типъ головъ зависитъ отъ времени монеты и достоинства рѣзчика, а потому, имѣя лишь нѣсколько точныхъ изображеній головъ этихъ на таблицахъ, приложенныхъ къ упомянутому изслѣдованію Рошера, мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній на основаніи типовъ головъ. Наилучшая, по типу головы и сохранности, монета Севасты въ Галатіи не опредѣлена, къ сожалѣнію, хронологически ²⁾. Фригійскій колпакъ часто изображается украшеннымъ звѣздами ³⁾. Иногда, поверхъ колпака, надѣтъ лавровый вѣнокъ ⁴⁾, а на монетѣ Юліополя колпакъ украшенъ и звѣздами и вѣнкомъ ⁵⁾. Шейное украшеніе въ видѣ двойнаго ожерелья, но не гривны, какъ на гильдесгеймскомъ блюдѣ, видимъ лишь на анкирскихъ монетахъ ⁶⁾. Въ оригинальной композиціи изображена голова Мѣсяца на одной монетѣ Силлія (въ Памфиліи). Судя по описанію Ваддингтона, здѣсь голова Мѣсяца поддерживается снизу орломъ съ распростертыми крыльями, какъ нерѣдко изображали голову Гелія ⁷⁾. Вѣроятно, такая композиція орла и головы луннаго бога подражаетъ болѣе обычнымъ изображеніямъ солнечнаго бога. Иныхъ примѣровъ соединенія орла съ Мѣсяцемъ извѣстно намъ лишь два: „орелъ Зевса“, украшавшій жертвенникъ Мѣсяца въ храмѣ Аполлона Κισαλοδδηνος (II, 5), и орелъ, сидящій на серпѣ Мѣсяца на одномъ рельефѣ изъ Кулы (см. ниже). Изъ описанія Ваддингтона не видно,

¹⁾ Catalogue, № 1113. Не рѣшаемся утверждать, что изображеніе Мѣсяца находится на одномъ рѣзномъ камнѣ въ Вѣнѣ. Sacken und Kenner, Die Sammlungen des K. K. Münz- und Antiken-Cabinetes, Wien, 1866, p. 413. Полумѣсяца при этомъ изображеніи нѣтъ. Равнымъ образомъ, прочія головы, хотя бы и въ πῆλο; ἀστερωτός, правильно считать, въ виду отсутствія полумѣсяца, за изображенія Аттиса, Париса или Ганимеда и т. п. Таковъ, напр., камень, изданный Le Blond'омъ, I. 20 (нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ) или камень, изданный Caylus'омъ, Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques et romaines, Paris, 1756, II, pl. XLIX, 2. 3.

²⁾ Roscher, Ia 8. Еще лучше и древнѣе голова на монетѣ Амастріи (Ia 2), но она, не имѣя роговъ мѣсяца за плечами, быть можетъ, Мѣсяцу и не принадлежить.

³⁾ Roscher, Ia 7. 8 (монеты Силлія и Анкиры).

⁴⁾ Roscher, Ia 6 (монета Лаодикии).

⁵⁾ Layard, Introduction à l'étude du culte... de Mithra, pl. LXVII, 5.

⁶⁾ Roscher, Ia 8.

⁷⁾ Rev. Numism. 1853, p. 37 (монета времени Галліена).

есть-ли на головѣ, изображенной на монетѣ Силлія, фригійскій колпакъ; если его нѣтъ, то голова эта принадлежитъ, быть можетъ, къ тѣмъ страннымъ и рѣдкимъ изображеніямъ Гелія на серпѣ мѣсяца ¹⁾, старинныя попытки объясненія которыхъ, какъ „Солнца—властителя Мѣсяца“ ²⁾, основаннаго на невѣрномъ пониманіи эпитета Аттиса *menotyranus* (ср. выше, стр. 99¹⁾), кажутся намъ неудовлетворительными.

Чаще встрѣчаются изображенія Мѣсяца въ стоячей позѣ, опирающагося одною рукою на скипетръ или копье, т.-е. въ той позѣ, въ которой столь часто изображались греческія божества. Эта поза наиболѣе употребительна для статуарныхъ изображеній фригійскаго бога ³⁾.

Сохранившіяся статуарныя изображенія бога Мѣсяца въ указанной позѣ ограничиваются бронзовыми статуетками его въ Парижѣ.

8. Въ *Cabinet des Antiques* Національной Библіотеки Шабулье (*Catalogue* 2961) описываетъ одну такую статуетку, называя ее Мѣсяцемъ. Но онъ не отмѣчаетъ, находится-ли полумѣсяцъ на плечахъ, почему мы не рѣшаемся утверждать, что эта статуетка представляетъ изображеніе именно Мѣсяца ⁴⁾.

9. Другая статуетка Мѣсяца находится въ Луврѣ и, судя по краткому описанію и сравненію ея съ монетой Севасты фригійской, представляетъ бога, поставившаго лѣвую ногу на баранью голову. Правою рукою опирается онъ на скипетръ или копье, лѣвая рука (на монетѣ съ шишкой пиніи) протянута ⁵⁾. Статуетка вылита изъ такого же металла, что и монета, почему предположеніе Ваддингтона о фригійскомъ происхожденіи ея вполне вѣроятно.

10. Въ Аѳинскомъ Центральномъ Музеѣ хранится глиняная статуетка, происходящая изъ Малой Азіи и принадлежавшая ранѣе извѣстному собранію терракоттъ Мисеоса въ Смирнѣ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось получить разрѣшенія Генеральнаго эфора древностей фотографировать эту статуетку. Поза Мѣсяца здѣсь нѣсколько иная: правая рука, слегка согнутая, опущена внизъ и упирается въ бедро, ничего не держа; лѣвая рука была согнута въ локоть подъ прямымъ

¹⁾ На пластинкѣ съ изображеніемъ Кавира: *Arch. Zeit.* 1854, LXV, 3; на рѣзныхъ камняхъ: *Müller-Wieseler, Denkm. d. alt. Kunst* II, 76, 972.

²⁾ Ср. *Wieseler, Der Hildesheimer Silberfund*, p. 17 (прим.).

³⁾ Въ такой же позѣ изображается Мѣсяцъ на монетахъ различныхъ мало-азійскихъ городовъ; поза эта иногда варьируется тѣмъ, что одна нога бога ставится на голову быка или барана, указывающую на тавролоіи и кріонолоіи его культа.

⁴⁾ Статуетку эту предполагаетъ надать въ *Bull. de corr. hell.* членъ франц. школы въ Аѳинахъ г. *Perdrizet*.

⁵⁾ *Waddington, Rev. Numism.* 1851, p. 181 сл., pl. X, 5.

угломъ и держала какой-нибудь атрибутъ; теперь она отломана. На плечахъ расходятся въ обѣ стороны большіе рога луннаго серпа (правый подоманъ). На головѣ бога, повернутой нѣсколько вправо, въ сторону атрибута, поверхъ длинныхъ спадающихъ на плечи волосъ, фригійскій колпакъ; одежда состоитъ изъ плаща, застегнутаго на правомъ плечѣ и прикрывающаго лѣвое плечо и руку до локтя, и туники. Пояса не видно, такъ какъ онъ прикрытъ небольшою пазухой; другая большая пазуха спадастъ почти до колѣнъ; ниже ея статуетка обломана, но, судя по болѣе сохранившейся лѣвой части, ниже продолжалась опять туника, а ноги не были видны. Такимъ образомъ, Мѣсяцъ на этой статуеткѣ одѣтъ былъ или въ длинную туннику съ длинной пазухой, какую мы часто видимъ на изображеніяхъ восточнаго костюма Мѣсяца на монетахъ (ср. Roscher, Ia 14. 17) или въ хитонъ, доходящій до земли, какой надѣтъ на Мѣсяцѣ на рельефѣ изъ Фирки (см. ниже).

Статуарныя изображенія Мѣсяца копируются многочисленными рельефами на стилахъ и монетахъ.

11. Изъ числа первыхъ наиболѣе интересно изображеніе Мѣсяца *Τιάρου* (ср. II, 28) изъ Меоніи, гдѣ богъ представленъ стоящимъ рядомъ съ Зевсомъ Масфалатиномъ ¹⁾. На богѣ надѣто туземное одѣяніе: туника съ рукавами, прикрывающая поясъ пазухой, штаны и низенькіе сапожки. На головѣ обычный колпакъ; лѣвая рука выходитъ изъ-подъ плаща, застегнутаго на правомъ плечѣ, и держитъ шаръ. Правая опирается на копье (или жезлъ), нижняя часть котораго представлена уходящей за поверженнаго быка, чтобы не перебивать его фигуру, какъ то дѣлается нерѣдко ²⁾.

12. Рельефное изображеніе Мѣсяца Аскаина (II, 16) извѣстно лишь по слѣдующему, крайне недостаточному, описанію Рамзея: a relief representing the god Men half-length standing slightly to the right, wearing a high phrygian cap and with the crescent on his shoulders. Легкій поворотъ вправо сближаетъ эту фигуру съ вышеописанной и съ нѣкоторыми изображеніями Мѣсяца на монетахъ.

13. Рельефъ при надписи Γαλγестίν (II, 4), на скалѣ близъ Филиппъ въ Македоніи, судя по рисунку ³⁾, сильно испорченъ: лѣвая рука бога опирается на длинное копье или скипетръ; въ правой со-

¹⁾ Kerpel, Narrative of a journey across the Balkan, London, 1831, II, p. 345. Texier, Description de l'Asie Mineure I, pl. 52. Le Bas, Voyage Archéologique. Monuments figurés, pl. 136. Roscher, Taf. II. Ср. замѣчанія о рисункахъ С. Рейнака, Bibliothèque des monuments figurés I, p. 118.

²⁾ Рисунокъ у Тексея передаетъ быка гораздо лучше и ясно отмѣчаетъ его горбы.

³⁾ Henze et Daumet, Mission archéologique de Macédoine, pl. IV, 1.

гнутой держалъ онъ какой-то атрибутъ. Серпъ мѣсяца нижнею своею стороною не касается плечей, а идетъ въ стороны отъ головы, на которой поверхъ колпака находилось, повидимому, еще что-то, быть можетъ, звѣзда, приходившаяся въ центрѣ полумѣсяца. Одѣтъ богъ въ тунику, доходящую до колѣнъ.

14. Вѣроятно, Мѣсяцъ изображенъ на рельефѣ въ ханѣ Симавѣ, во Фригіи же. Рамзей описываетъ его такъ: a relief representing a figure compounded of Men and Telesphoros, wearing a very short mantle with a peaked hood, with the crescent moon behind his shoulders, standing facing and bearing a spear in his right hand ¹⁾. Отличительный признакъ Мѣсяца за плечами этой фигуры, опирающейся на скипетръ или копье, и острая шапка вполне позволяютъ видѣть здѣсь изображение Мѣсяца ²⁾.

Съ той же позѣ, какъ на рельефахъ и монетахъ, изображается Мѣсяцъ и на рѣзныхъ камняхъ.

15. На гранатѣ Парижской Національной Библіотеки (Chabouillet, Catalogue 2033) Мѣсяцъ изображенъ опирающимся правою рукою на скипетръ или копье; въ лѣвой рукѣ шишка пинія.

16. На халкедонѣ того же собранія (Chabouillet, Catalogue 2034) нога Мѣсяца поставлена на голову быка.

17. Въ Берлинскомъ музеѣ Tölken (1403. 1404) упоминаетъ два изображенія стоящаго Мѣсяца ³⁾. Одно изъ нихъ Шёне (Hermes III, p. 477²⁾) описываетъ такъ: ein Jüngling in orientalische Tracht steht en face, im Begriff mit der Patera in der vorgestreckten Rechten auf eine unten zur Seite angebrachte Ara zu libieren. Hinter seinen Schultern kommen die Enden einer Mondsichel zum Vorschein, auch auf der Brust scheint er eine Spange in Form eines Halbmondes zu tragen. Dass aber hier sicher Attis gemeint ist, zeigt der zu seiner Linken dargestellte Hahn. Но это, конечно, не Аттисъ, а Мѣсяцъ. Жертвенникъ на иныхъ изображеніяхъ, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается ⁴⁾.

18. Рельефъ, изданный Smith'омъ (II, 23), представляетъ Мѣсяца

¹⁾ Journ. of hell. stud. 1889, p. 227 сл. На основаніи надписи Παλλήχο Ασκληπιάς κόμη Κερυζέων πα(ρ)ίδι(α)κη (Δ)ιογένου Λύτρον, Рамзей считаетъ это изображеніе за единственно до сихъ поръ извѣстное изображеніе одного изъ сицилійскихъ Паликовъ (!!).

²⁾ Къ сожалѣнію, изъ описанія не видно, имѣетъ-ли эта фигура какую-либо одежду подъ короткимъ плащомъ, или она нагая; но и въ послѣднемъ случаѣ не исключается возможность считать ее Мѣсяцемъ (ср. ниже 24).

³⁾ Ср. Winkelmann, Description des pierres gravées du feu Baron de Stosch, Florence, 1755, № 397. 398. 399.

⁴⁾ На рѣзномъ камнѣ, описанномъ Сакеномъ и Кеннеромъ (l. l. p. 440, № 645), серпа мѣсяца за плечами бога не упоминается, а потому и нельзя рѣшить, дѣйствительно-ли это изображеніе Мѣсяца.

Кавалина въ той же, повидимому, позѣ, что и вышеописанные рельефы. Мѣсяцъ стоитъ подъ портикомъ храма о двухъ колоннахъ, какъ изображаются нерѣдко мѣстнотимые Мѣсяцы на монетахъ ¹⁾.

19. Ниже указываемый примѣръ (26) смѣшенія роговъ мѣсяца съ крыльями заставляетъ предполагать, не Мѣсяцъ-ли изображенъ на одномъ фрагментѣ рельефа, находящагося во Флоренціи, въ Museo Uffizi (IX зала надписей) ²⁾. Юноша (крылатый?) стоитъ подъ аркою храма; на немъ фригійскій костюмъ; правая рука поднята и опирается, вѣроятно, на посохъ; у ногъ юноши какое-то животное, можетъ быть, быкъ (голова отломлена) ³⁾.

20. Изображенія статуй Мѣсяца на монетахъ различныхъ городовъ М. Азии представлены въ хорошихъ снимкахъ на таблицахъ Ронпера. Эти изображенія, въ общемъ довольно однообразныя, различаются позою фигуръ и могутъ быть раздѣлены на три группы.

Одна изъ нихъ примыкаетъ къ рельефу изъ Меоніи (III, 11). Мѣсяцъ изображается смотрящимъ вправо, опираясь правою поднятою рукой на скипетръ, а въ лѣвой держа какой-нибудь атрибутъ. Лѣвая нога поставлена на голову жертвеннаго животного. На богѣ большой плащъ, спадающій съ праваго плеча и прикрывающій ноги. Въ деталяхъ изображенія, конечно, расходятся. Такъ, Мѣсяцъ (вѣроятно, Ἀσκληύς) на монетѣ Антиохіи Писидійской (Roscher Ia12) держитъ въ лѣвой рукѣ статуетку Побѣды, присутствіе которой можетъ объясняться тѣмъ, что Антиохія была римскою кесарскою колоніей; слѣва отъ бога стоитъ, оглядываясь на него, пѣтухъ. Мѣсяцъ Ἀχιλῆων (Ro-

¹⁾ Ср. Roscher, Ib 15 (изъ Галатіи, время Траяна): Мѣсяцъ изображенъ въ портикѣ о двухъ колоннахъ небольшого храма; правая рука протянута, лѣвая прикрита, повидимому, плащомъ и опущена. Поза Мѣсяца приближается къ аеонской статуеткѣ (№ 10). На монетѣ Простанны Писидійской (Roscher, Ib 14) храмъ представленъ съ фасада, и статуя Мѣсяца изображена спереди: обѣ руки согнуты въ локтяхъ подъ прямымъ угломъ и держатъ какіе-то трудноразличимые атрибуты; на боковыхъ стѣнахъ храма, по обѣимъ сторонамъ головы бога на особыхъ консоляхъ, стоятъ два пѣтуха или скорѣе статуи ихъ (ср. статуетку пѣтуха изъ святилища Аттиа въ Остіи: Mon. ined. IX, 8a, fig. 1a. 1b), а у ногъ два льва (ср. Head, H. N. p. 591). На иныхъ экземплярахъ вмѣсто двухъ пѣтуховъ сфинксы: послѣдняя деталь, равно какъ и изображение храма со статуей бога en face, напоминаетъ изображеніе храма Артемиды Пергейской на монетахъ Перги. Оригинальное украшеніе нижней части пелластръ храма на монетѣ Простанны можно, кажется, объяснить серебряными или иными блюдами, пожертвованными въ храмъ и развѣшанными по его антамъ. Большой храмъ Мѣсяца съ фасадомъ о шести колоннахъ изображенъ на монетахъ Нисы (Num. Chron. IV p. 141); стоящая въ храмѣ этомъ статуя Мѣсяца, опирающагося одной рукой на скипетръ и держащаго въ другой патеру, сходна съ иными изображеніями Мѣсяца на монетахъ Нисы и представляетъ, вѣроятно, Мѣсяцъ Камаритъ.

²⁾ Düttschke, Ant. Bildwerke in Oberitalien III, p. 164 сл., № 324.

³⁾ Ср. Roscher, Ia 16 (монета Сагаласса).

scheg Ia15) держитъ въ лѣвой рукѣ шишку пиніи. Мѣсяцъ на монетѣ Селевкіи Писидійской (Roscher Ia13), вслѣдствіе величины головы быка, поднялъ лѣвую ногу особенно высоко и упирается лѣвою рукою въ бедро. Описанная поза Мѣсяца свойственна, главнымъ образомъ, городамъ юв. Фригіи и сосѣдней съ нею Писидіи.

Другой типъ изображеній Мѣсяца таковъ: богъ, смотрящій влѣво, лѣвою рукою опирается на скипетръ и въ правой держитъ эмблему; обѣ ноги стоятъ на одномъ уровнѣ, отчего фигура гораздо спокойнѣе и оживляется лишь тѣмъ, что тяжесть тѣла поконится на правой ногѣ, а лѣвая отставлена; за плечами виситъ плащъ. Такая поза встрѣчается на монетахъ Beudos Vetus (Roscher Ia11 — атрибутъ шаръ), Нисы (Ia14 — атрибутъ патера, рядомъ съ правой ногой — голова быка), Сарды (Ia17 — атрибутъ шишка пиніи), Саиттъ (оригиналъ въ аеинскомъ нумизматическомъ собраніи, атрибутъ шишка пиніи), Сагаласса (Ia16, атрибутъ тотъ же, у правой ноги стоитъ быкъ). Область распространенія второго типа лежитъ къ западу и сѣверо-западу отъ области распространенія перваго типа.

Третій типъ изображеній Мѣсяца засвидѣтельствованъ монетами Галатіи. Мѣсяцъ, смотрящій влѣво, стоитъ на правой ногѣ, отставивъ лѣвую; лѣвая рука уперта въ бокъ, правая протянута впередъ (монета Анкиры, Roscher Ia18, Мѣсяцъ, безъ плаща, опирается правою рукою о якорь ¹⁾); анкирская же монета Ia19 — Мѣсяцъ въ плащѣ, съ плоской чашей въ правой рукѣ, ср. Ib15).

Наконецъ, Мѣсяца, стоящаго en face, видимъ мы на монетѣ Проставны Писидійской (Ib14) и Магнисіи на Меандрѣ (Ib1. 2). Правою рукою богъ опирается на ыирсъ, лѣвая опущена (что держала, разобрать нельзя). Справа, рядомъ съ лѣвою рукою, стоитъ ыирсъ, обвитый змѣею. Въ этомъ типѣ видятъ смѣшеніе Мѣсяца съ Асклипіемъ.

Конечно, три вышеуказанныхъ группы изображеній стоящаго Мѣсяца, при сопоставленіи всѣхъ его изображеній на монетахъ, быть можетъ, и не окажутся соответствующими каждая особой области. Число изображеній стоящихъ Мѣсяцевъ весьма значительно (намъ извѣстны они на монетахъ 27 городовъ), но для сравненія ихъ между собою надо было бы имѣть изображенія всѣхъ ихъ. Кромѣ того, на монетахъ одного и того же города Мѣсяцъ иногда изображается съ тѣми или другими различіями въ деталяхъ ²⁾.

¹⁾ Ср. Waddington, Rev. Numism. 1851, p. 159.

²⁾ Напр., на монетахъ Нисы (Mionnet Descr. III, 374. 383. 384. 399. 402. Suppl. VI, 407. VII, 411. 414. 415) мы видимъ Мѣсяца стоящаго и опирающагося лѣвой рукой на сворникъ.

21. Въ число этихъ изображеній статуи Мѣсяца на монетахъ надо включить изображеніе Мѣсяца на колесницѣ, запряженной парюю скачущихъ быковъ, на монетѣ фригійскаго города Теменофиръ (Roscher 1b13). Изображеніе это таково, что про него никакъ нельзя сказать: „богъ скачетъ на колесницѣ“; можно лишь сказать: „статуя бога поставлена на колесницу“. Статуя эта относится ко второму изъ описанныхъ выше типовъ; въ правой рукѣ бога, повидимому, пшпка пиніи. Изображеніе Мѣсяца оказывается, такимъ образомъ, самымъ обычнымъ. Мало оригинальнаго и въ композиціи всей группы, заимствованной отъ обычныхъ изображеній Селины ¹⁾. Быки, везущіе Мѣсяцъ, мѣстной горбатой породы, какъ и быки въ колесницѣ Селины на мало-азійскихъ и сирійскихъ ея изображеніяхъ.

22. Возможно, что Мѣсяцъ на колесницѣ, влекомый быками, былъ изображенъ на двухъ стилахъ, пайденныхъ въ мѣстности Thiunta, близъ Geuzlag'a, въ южн. Фригій ²⁾. Посрединѣ представленъ Зевсъ съ Тихою и Гермесомъ по сторонамъ его; на краяхъ слѣва Гелій на квадригѣ; справа сохранилась колесница, запряженная парюю быковъ, стоявшая же на ней фигура, сбитая на обѣихъ стилахъ, представляла, вѣроятно, мѣстно-чтимаго Мѣсяца.

23. Не изданнымъ остается интересное изображеніе Мѣсяца на надгробной стилѣ, посвященной Гекатѣ, изъ Салоникъ. Стила хранится въ Константинопольскомъ Музеѣ ³⁾. Въ одномъ поясѣ рельефно изображена трехличная Геката съ факелами; на головѣ одной Гекаты лунный дискъ, на которомъ бюстъ Солнца. Съ одной стороны Мѣсяцъ, съ другой небольшой кавиръ (?) съ молотомъ и въ сопровожденіи собаки (Reinach 1. 1.) ⁴⁾.

24. Издаваемый въ первый разъ мраморный рельефъ Аоннскаго Центрального Музея (№ 1444) (рис. 1) находился ранѣе въ собраніи Аонн. Арх.

скипетръ или копье, а въ правой рукѣ онъ держитъ патеру (на монетахъ М. Аврелія и Л. Вера), пшпку пиніи (на монетахъ Гордіана), опять патеру (на монетахъ Валеріана, по у ногъ появляется голова быка).

¹⁾ Ср. Maass, *Annali* 1881, p. 91 сл. Roscher, *Ueber Selene und Verwandtes*, p. 36 сл. На монетахъ Тарса (Lauard, *Introduction à l'étude du culte de Mithra*, pl. LXVII, 1. 2) мы находимъ два типа такого изображенія Селины: одинъ представляетъ богиню, нагнувшись впередъ, правящую быками, въ живомъ движеніи, зависящемъ отъ изображеній женскихъ фигуръ (б. ч. побѣдъ) на колесницахъ. Другой типъ представляетъ Селину, съ факеломъ, на быстро несущейся колесницѣ, въ спокойной позѣ храмовыхъ статуй; здѣсь, какъ и въ изображеніяхъ Мѣсяца, изображена не сама богиня, идущая на быкахъ, а лишь ея статуя, изгроможденная, для большей пышности, на колесницу.

²⁾ *Amer. Journ. of Arch.* IV (1889), p. 278 (съ сожалѣніемъ, одно лишь описаніе).

³⁾ S. Reinach, *Catalogue du Musée Impérial Ottoman d'antiquités*, Paris, 1882, p. 36, № 244. Jouin, *Musée Impérial Ottoman*, Constantinople, 1894, p. 42, № 124.

⁴⁾ Рельефъ этотъ издается г. Perdrizet.

Общества (№ по инвентарю 3826). Высота рельефа 0,41, ширина 0,43. Происходитъ этотъ рельефъ, какъ намъ любезно сообщилъ г. Вольтерсъ, откуда-то изъ окрестностей Афинъ ¹⁾. На рельефѣ представленъ Мѣсяцъ въ гротѣ Пана; это даетъ возможность предполагать, что издаваемый рельефъ находился пѣюгда въ числѣ иныхъ votivныхъ релье-

Рис. 1. Рельефъ Афинскаго Центрального Музея № 1444.

фовъ въ какой-нибудь святынѣ Пана ²⁾. Козлоногій Панъ, съ сирингомъ въ правой рукѣ и слегка изогнутой дубиной (λαγῶβλον) въ лѣвой,

¹⁾ Не онъ-ли упоминается въ *Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας*, 1880—81, p. 21: «ἐν ἀνάγλωφον ἐκ τῶν περὶ τῶν Ἀθηνῶν τέχνης ἀναπλιζούσης»?

²⁾ На другихъ рельефахъ, подобно нашему представляющихъ гротъ, Панъ является обыкновенно предводителемъ нимфъ. Перечисленіе такихъ рельефовъ даютъ: Michaelis, *Annali* 1863, p. 292 сл. Молωνᾶς, *Ath. Mitt.* 1880, p. 356 сл. Pottier, *Bull. de corr. hell.* 1881, p. 351 сл. Въ такой рамкѣ въ видѣ грота, вмѣсто болѣе обычнаго храма (ναῖος, aediculum), изображаются иногда и другія божества, напр., Афродита съ эротами и Паномъ на одномъ рельефѣ изъ Афинъ въ музеѣ Гёттингенскаго университета (G. Hubo, *Original-Werke des arch.-num. Instituts der Georg-Augustus Universität, Göttingen*, 1887, p. 44 сл.), Кивела на нѣсколькихъ рельефахъ, причемъ въ одномъ случаѣ надъ гротомъ сидитъ Панъ (*Arch. Zeit.* 1880, p. 3. 5, t. II, 2. IV, 1. 2. 4) и т. д.

въ козьей шкурѣ (*υεβρίς*), накинутой на плечи, не представляетъ ничего оригинальнаго. Женщина, стоящая по другую сторону Мѣсяца, не можетъ считаться простою смертною: ея поза такова же, что и у Папа и у Мѣсяца. Но назвать ее по имени мы затрудняемся. Присутствіе Пана невольно напоминаетъ обычно изображаемыхъ съ нимъ нимфъ, но эти послѣднія являются обыкновенно по нѣскольку вмѣстѣ. Ставить же эту богиню въ связь съ Мѣсяцемъ и считать ее за столь часто рядомъ съ нимъ сопоставляемую въ М. Азіи Артемиду Анаиту не позволяетъ намъ, съ одной стороны, отсутствіе какихъ-либо атрибутовъ, присущихъ этой богинѣ, съ другой стороны, то обстоятельство, что и композиція рельефа не позволяетъ эту фигуру ставить въ непосредственную связь съ Мѣсяцемъ: она скорѣе соответствуетъ Пану, нежели центральной, очевидно, главной фигурѣ Мѣсяца. Поза и одѣяніе ея не представляютъ ничего характернаго: такихъ женскихъ фигуръ, завернувшихъ въ большой пеплосъ, придерживаемый на груди правою рукою, можно на греческихъ рельефахъ найти множество ¹⁾. Равнымъ образомъ, излишне перечислять массу статуй и статуетокъ греческаго и римскаго времени, изображающихъ женщинъ въ такой же точно драпировкѣ.

Главная фигура характеризуется большими рогами серпа мѣсяца, выходящими на плечахъ изъ-подъ плаща, который перекинутъ поверхъ этихъ роговъ. Такимъ образомъ, рога эти разсматриваются художникомъ какъ нѣчто реальное, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ приставилъ бы рога поверхъ плаща, какъ то мы видимъ обыкновенно на прочихъ изображеніяхъ Мѣсяца въ М. Азіи. Отличается фигура Мѣсяца и отсутствіемъ фригійскаго колпака, равно какъ и короткими волосами на головѣ бога. Плащъ, спадающій на спину, застегнутъ на груди необычайно большою круглою плоскою фибулою. Рубашка съ длинными рукавами, съ каймою на концахъ, образуетъ надъ поясомъ небольшую, прикрывающую его, пазуху. Характерна верхняя часть рукавовъ: на обѣихъ рукахъ, немного выше локтя, видно неожиданное расширеніе рукава, такъ что нижняя, болѣе узкая часть выходитъ изъ-подъ верхней, широкой. Это можно объяснять или тѣмъ, что узкіе рукава принадлежатъ другой исподней рубашкѣ, поверхъ которой надѣта болѣе широкая туника съ широкими рукавами, или же тѣмъ, что расширяющіеся въ верхней части рукава образуютъ надъ локтемъ родъ пазухи,

¹⁾ Ср., напр., рельефы изъ афинскаго Асклепіона: Καβαδίας, Κατάλογος τοῦ ἐν Ἀθῆναις Κεντρικοῦ Μουσείου, №№ 1355. 1361. 1363. 1367; мегалопольскій рельефъ: Annali 1863, tav. L. 2; элевсинскій рельефъ: Bull. de corr. hell. 1881, pl. VII.

будучи перевязаны или какъ-либо подтянуты; но такая перевязь стѣснѣла бы руки и мѣшала бы движеніямъ, а потому и присутствіе ея мало вѣроятно. Ноги бога обнажены и обуты въ высокіе котурны или эмвады (Daremberg et Saglio, Dict. des antiq. п. сл. Embades), завязанные спереди перекрещивающимися ремнями. Отсутствіе штановъ и фригійскаго колпака, равно какъ греческій характеръ обуви ¹⁾, придаютъ фигурѣ Мѣсяца болѣе греческій характеръ, сравнительно со всѣми прочими его изображеніями, и намъ думается, что скульпторъ, изваявшій описываемый рельефъ, не былъ знакомъ съ восточнымъ, варварскимъ костюмомъ. Правая поднятая рука бога опирается на копье, лѣвая держитъ передъ грудью пѣтуха, изображеннаго, правда, недостаточно характерно.

Этотъ рельефъ, вышедшій, вѣроятно, изъ рукъ греческаго, аттическаго, мастера, представляетъ вольное изображеніе м. азійскаго бога, не зависящее отъ его идоловъ. Оно является, въ ряду изображеній Мѣсяца, случайнымъ, какъ случайно, повидимому, и сопоставленіе Мѣсяца съ Паномъ и какою-то богиней (можетъ быть, это одна изъ наядъ) ²⁾; присутствіе этихъ божествъ едва-ли слѣдуетъ объяснять какими-либо міеологическими тонкостями, вродѣ, напр., того, что и Мѣсяцъ и Панъ свѣтловы божества ³⁾ и т. п.

Типъ Мѣсяца, изображенный на издаваемомъ рельефѣ, ближе всего сходенъ съ типомъ его на монетахъ фригійскаго города Аттуды: чтившійся тамъ Мѣсяцъ *Károo* изображается во фригійскомъ, конечно, колпакѣ, лѣвою рукою опирается онъ на копье, а въ правой держитъ пѣтуха ⁴⁾.

Опредѣлить точно время нашего рельефа мы не беремся: позы фигуръ слишкомъ обыкновенны, размѣры самого рельефа слишкомъ малы, чтобы стиль могъ выразиться, напр., въ отдѣлѣ складокъ и т. п. На нашъ взглядъ, этотъ рельефъ долженъ быть относимъ ко времени около Р. X.

25. Еще болѣе отступаетъ отъ обычныхъ изображеній Мѣсяца изображеніе его на рельефѣ, изваянномъ на капители пилястра, найденнаго въ Вауеихъ, въ Бретоніи (рис. 2), и относимомъ Гёзэ къ III в. по Р. X. ⁵⁾.

¹⁾ Ср. сапожки на рельефѣ изъ Меоніи (11) и на аѳинскихъ рельефахъ IV в. по Р. X. съ изображеніемъ Аттисы. Arch. Zeit. 1863, t. 176. 177.

²⁾ О близости Пана къ наядамъ см. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 150 сл.

³⁾ Объ отношеніи Пана къ Селинѣ см. Roscher, ibid., p. 148 сл.

⁴⁾ Mionnet, Descr. IV, p. 242, № 288. Ср. Drexler, Zeitschr. f. Numism. XIV (1897), p. 376.

⁵⁾ Heuzey, Rev. Arch. XIX (1869), p. 1--6, pl. I.

Мѣсяцъ представленъ здѣсь совершенно обнаженнымъ, съ плотными формами тѣла. Является вопросъ, происходитъ-ли это отъ неумѣлости скульптора и стиля поздняго времени, или же Мѣсяцъ изображенъ здѣсь ребенкомъ, какъ на ниже описываемыхъ терракоттахъ. Непомѣрная ширина лица, пухлость щекъ говорятъ, кажется, въ пользу второго предположенія. Рога луннаго серпа помѣщены выше обыкновеннаго и нижнимъ краемъ своимъ не соприкасаются съ плечами; надъ головою виденъ второй, меньшій, полумѣсяцъ, вырѣзанный вглубь и, вѣроятно, заполненный прежде металлической вставкой; туловище изображено en face; правая опущенная рука держитъ какой-то длинный,

Рис. 2. Рельефъ изъ Ваусихъ въ Бретоніи.

до земли доходящій, предметъ, совершенно сбитый; лѣвая рука, естественно отведенная въ сторону, согнута въ локтѣ и поднимаетъ на высоту плеча шишку циніи, но не такъ, какъ на вышеописанныхъ изображеніяхъ Мѣсяца: остріе шишки обращено не вверхъ, а въ сторону, т.-е. такъ, какъ обыкновенно держать ее жрецы и геніи на ассирійскихъ рельефахъ, что удачно замѣтилъ Гёзз; къ этому надо прибавить, что на ассирійскихъ рельефахъ фигуры изображены въ профиль, а потому жестъ у нихъ выходитъ естественнѣе, нежели на описываемомъ рельефѣ, стоящемъ столь же далеко отъ прочихъ изображеній Мѣсяца по композиціи, какъ и по мѣсту своего находенія.

26. До насъ сохранилось единственное изображеніе Мѣсяца сидящимъ на землѣ. Такъ представляетъ его одна глиняная статуетка

изъ Меоніи (рис. 3) ¹⁾. Находящійся за плечами полумѣсяцъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній относительно значенія этой фигуры. Изображеніе бога въ юномъ возрастѣ сближаетъ эту терракотту съ ниже издаваемыми изображеніями Мѣсяца ѣдущимъ на пѣтухѣ, а также съ изображеніями эротовъ александрійскихъ и римскихъ временъ, александрійскаго Арпократа и т. п. Изображенія Мѣсяца юнымъ, даже младенцемъ вполне уместны, если вспомнить, какое значеніе имѣло въ его культѣ „рожденіе мѣсяца“ (ὁμοιότης II, 38). Богъ на меонійской

Рис. 3. Статуетка изъ Меоніи.

статуеткѣ представленъ нагимъ; только лѣвое плечо его прикрыто плащомъ, застегнутымъ на правомъ плечѣ. По-дѣтски сидитъ Мѣсяцъ; прямо на землѣ, правою рукою придерживая пѣтуха, сидящаго на правой ногѣ его, а лѣвою рукою поддерживая плащъ, въ пазухѣ котораго помѣщена, повидимому, шишка пипіи ²⁾. Голова Мѣсяца, съ длинными волосами, увѣнчана двумя цвѣтками или, скорѣе, листьями. Трудно разобрать, находится-ли на головѣ листоватый вѣнокъ или лишь прядь волосъ ³⁾.

Особую группу составляютъ изображенія Мѣсяца на конѣ или

¹⁾ Schlumberger, Gaz. arch. 1880, pl. 32.

²⁾ Schlumberger, p. 191 сл. видитъ здѣсь не шишку пипіи, а гроздь винограда. Если это такъ, то атрибутъ этого Мѣсяца младенца будетъ тотъ-же, что и у ниже описываемой (29) статуетки Имп. Эрмитажа.

³⁾ Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 322⁵ видитъ въ меонійской статуеткѣ изображеніе Аттиса. Но это едва-ли справедливо: если Аттисъ и изображенъ разъ съ маленькимъ полумѣсяцемъ (Mon. in ed. IX, 8a 2), то мы не имѣемъ основаній считать фигуры съ большимъ полумѣсяцемъ за плечами за его изображенія; что же касается замѣчанія Дрекслера, что «ein am Boden sitzender Men ganz ungewöhnlich ist», то, при незначительномъ количествѣ изображеній Мѣсяца, этого нельзя еще считать доказательствомъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно и изображеній Аттиса въ такой позѣ.

съ конемъ ¹⁾. Такія изображенія объясняются особенною склонностью малоазійцевъ, въ частности, фригійцевъ, представлять различныхъ боговъ конными, что, въ свою очередь, зависитъ отъ мѣстныхъ, отличныхъ отъ греческихъ, условій быта: варвары, привыкшіе къ ѣздѣ, и боговъ своихъ представляли и изображали конными. Такія, очевидно, представленія отразились отчасти и на изображеніяхъ Мѣсяца римскаго времени, единственно намъ пока извѣстныхъ, хотя въ ту пору М. Азія покорена была уже и греческимъ языкомъ, и греческимъ искусствомъ.

27. Конную фигуру Мѣсяца, при посвяtitельной надписи, найденную въ Булдуру (II, 8), очевидно описываетъ такъ: *basrelief d'exécution grossière représentant le dieu Men à cheval, tourné à droite, avec des ailes recoquillées*. Къ сожалѣнію, рельефъ этотъ ни срисованъ, ни фотографированъ, но мы рѣшительно не вѣримъ въ существованіе крыльевъ у этой фигуры и убѣждены, что за крылья приняты рога полумѣсяца ²⁾.

Несомнѣнно, конныя изображенія Мѣсяца мы находимъ на монетахъ Олбасы (Bull. de corr. hell. I, p. 336), Селевкии (Roscher Ib11) и Сагаласса (Ib12) ³⁾. Изображенія эти ничего оригинальнаго не представляютъ; что было въ рукахъ всадниковъ на монетахъ Олбасы и Селевкии, разобрать нельзя; у коннаго Мѣсяца на монетѣ Сагаласса въ правой рукѣ патера ⁴⁾.

¹⁾ О конныхъ изображеніяхъ Мѣсяца см. въ нашей статьѣ: Двѣ бронзовыя статуетки всадниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ и Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ. Арх. Изв. и Зам. 1895, № 4, стр. 112 сл.

²⁾ Это смѣшеніе серпа мѣсяца съ крыльями заставляетъ насъ сомнѣваться относительно другого рельефа въ вѣрности не только его описанія (у всадника также отмѣчаются совершенно ненужныя ему крылья), но и въ вѣрности списка надписи, находящейся при рельефѣ. Это открытый Рамзеемъ (Journ. of hell. stud. 1889, p. 224) во Фригіи, въ Бадинларѣ, «in a small stile a relief representing a winged horseman to the right, carrying in his right an object which may be a ball or a patera». Въ надписи, написанной плохо (the letters are so rude as to be hardly decipherable), вмѣсто читаемаго Рамзеемъ ΔΙΕΙΓΩΣΟΥ, мы думаемъ видѣть ΜΗΝΙ или ΜΗΝΕΙ, а всадника съ крыльями считаемъ за Мѣсяцъ съ серпомъ за плечами; что же касается атрибута, то патера-ли это или шаръ, все равно, такъ какъ и то, и другое встрѣчаемъ мы въ рукахъ статуй Мѣсяца, изображенныхъ на монетахъ (см. выше).

³⁾ Head, H. N. p. 556. 565, указываетъ такія же изображенія на монетахъ Азіи и Юліи.

⁴⁾ Только эти изображенія, изъ числа извѣстныхъ намъ всадниковъ, называемыя Мѣсяцами, мы и считаемъ несомнѣнными. Всадники на монетахъ Трапезунта (Roscher Ib 7. 8. 9) не имѣютъ луннаго серпа за плечами, а потому врядъ-ли слѣдуетъ ихъ считать изображеніями Мѣсяца. Тѣмъ менѣе основанія считать Мѣсяцами всадниковъ безъ полумѣсяца за плечами на монетахъ нѣкоторыхъ еракійскихъ городовъ. На монетахъ Прусы Head (H. N. p. 444) считаетъ фигуру на опустившемъ голову конѣ Мѣсяцемъ, но по рисунку (Laugard, Introduction à l'étude du culte de Mithra, LXV, 8. Catalogue of greek coins. Pontus, pl. XXV, 9), очевидно, что это Селина въ обычномъ, установившемся еще съ V в. типѣ ея, на конѣ, уходящемъ въ морскія волны (ср. Roscher, Ueber Selene und

Подобно тому, какъ часто огероизированные умершіе и Діоскуры изображались въ греческомъ искусствѣ верхомъ на конѣ, иногда стоя и держа коня подъ уздцы, такъ и Мѣсяцъ, изображающійся коннымъ, представляется иногда стоящимъ предъ своимъ конемъ, одною рукою держа его подъ уздцы, а другою опираясь на копье или скипетръ. Примѣръ такого изображенія Мѣсяца на монетахъ Лаодикіи Ливанской описанъ выше ¹⁾).

Существуетъ еще одинъ оригинальный типъ изображеній Мѣсяца, не отмѣченный учеными. Помимо оригинальнаго положенія бога, въ типѣ этомъ поражаетъ отсутствіе полумѣсяца за его плечами, который служитъ отличительнымъ признакомъ Мѣсяца во всѣхъ выше исчисленныхъ его изображеніяхъ. Это зависѣло, быть можетъ, отъ оригинальности композиціи, которая, очевидно, исключала подобныя же изображенія иныхъ боговъ, и тѣмъ самымъ опредѣляла значеніе фигуры бога. Но, съ другой стороны, этотъ типъ изображеній Мѣсяца объясняется, быть можетъ, бѣльшею древностью такихъ изображеній Мѣсяца, другими словами, возникновеніемъ ихъ въ то время, когда не появилось еще въ греческомъ искусствѣ изображенія полумѣсяца за плечами Селины и этотъ признакъ не могъ быть перенесенъ на изображенія мало-азійскаго луннаго бога ²⁾. Что признакъ этотъ, характеризующій лунныхъ божествъ, идетъ въ Азію изъ Греціи, мы заключаемъ изъ того, что всѣ вышеописанныя изображенія Мѣсяца и позами, и отдѣлкою одежды (плащей), и общимъ характеромъ явно указываютъ на полную зависимость ихъ отъ греческаго искусства.

Новый типъ изображеній Мѣсяца, судя по ниже издаваемому аттическому рельефу III—II в. до Р. X., стоитъ также въ зависимо-

Verwantes, p. 30. 37 сл). Недоумѣніе возбуждаетъ въ насъ другое упоминаемое Head'омъ (p. 552) изображеніе якобы Мѣсяца на монетахъ Нисы, сидящаго бокомъ на конѣ. Эта фигура, рисунка которой или болѣе точнаго описанія намъ найти не удалось, можетъ имѣть рога мѣсяца на плечахъ, и не быть Мѣсяцемъ, а Селиной, какъ показываетъ примѣръ на монетѣ Прусы. Но, съ другой стороны, это могло быть и изображеніе Мѣсяца, даже безъ полумѣсяца за плечами, какъ покажутъ ниже описываемыя изображенія Мѣсяца, сидящаго бокомъ на пѣтухѣ. Особенно возможно такое изображеніе, если Мѣсяцъ представленъ былъ младенцемъ. Ср. терракотту, изданную Кёне (Description du Musée de Cotschoubeu, pl. XXIII, 3), гдѣ младенецъ представленъ сидящимъ бокомъ на лошади, въ позѣ, сходной съ однимъ изъ изображеній Мѣсяца на пѣтухѣ (29). Отсутствіе фригійскаго колпака не позволяетъ въ этихъ терракоттахъ видѣть изображеніе юнаго мѣсяца.

¹⁾ Head, H. N. p. 591, указываетъ такое же изображеніе на монетѣ Олбасы.

²⁾ Къ сожалѣнію, вопросъ о времени появленія полумѣсяца за плечами Селины недостаточно выясненъ въ изслѣдованіи Рошера (Ueber Selene und Verwantes, p. 21), который ограничивается лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: «In späterer Zeit, namentlich in der hellenistisch-römischen Kunst, trat an die Stelle der Kopfscheibe die Mondsichel, die bisweilen auch über oder hinter den Schultern der Göttin sichtbar ist».

сти отъ искусства греческаго. Были-ли какія-либо мѣстныя фригійскія изображенія Мѣсяца въ такомъ родѣ, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Относительно оригинальнаго фригійскаго представленія Мѣсяца всадникомъ, мы не можемъ сказать, существовали-ли подобныя изображенія бога ранѣ римскаго времени, хотя и есть основанія предполагать существованіе ихъ.

28. Рельефъ Аѳинскаго Центральнаго Музея (№ 1406), найденный въ Фориѣ, въ Атикѣ, и судя по надписи, на немъ находящейся

Рис. 4. Рельефъ Аѳинскаго Центральнаго Музея № 1406.

(II, 2), не древнѣе III в. до Р. Х., былъ описанъ дважды ¹⁾, издается же здѣсь впервые (рис. 4).

Рельефъ заключенъ въ архитектурную рамку, представляющую

¹⁾ Sybel, Katalog der Skulpturen zu Athen, Marburg, 1881, p. 72 (безъ объясненія значенія рельефа). Подробнѣе описаніе Мильхгёфера, Die Museen Athens, Athen, 1881, p. 241: Votivrelief an den phrygischen Gott Mén(?). Dieser (in phrygischer Mütze) war rechts auf einem Adler schwebend dargestellt (jetzt falsche Restauration in Gyps). Vor ihm ein Tisch mit Speisen. Dahinter (links) die Weihenden: Mitrdates und seine Frau. Aus Thoricos in Attica. Flüchtige grobe Arbeit. Ничего подобнаго орлу, какъ видитъ читатель, нѣтъ.

двѣ анты и крышу, видимую какъ бы сбоку, судя по изображеніямъ антефиксъ, другими словами представленъ какъ бы продольный разрѣзъ храма, какъ то обыкновенно бываетъ на вотивныхъ рельефахъ ¹⁾). Найденъ былъ рельефъ разбитымъ и теперь реставрированъ гипсомъ, безъ дополненія головы и ногъ пѣтуха, совершенно ясно опредѣляемаго хвостомъ, верхними частями ногъ и шеей.

Вмѣсто указаннаго Келеромъ правильнаго возстановленія ἀ(νέθυχα) помѣщены неимѣющія смысла буквы ὈΝΟΣ. На прилагаемомъ рисункѣ реставрація указана чертами, причемъ положеніе ногъ пѣтуха и высота головы нарисованы предположительно. По сравненію съ двумя ниже изображаемыми терракоттами голова пѣтуха приходилась лишь нѣсколько ниже головы бога; по наклону верхней части туловища Мѣсяца вправо, можно думать, что лѣвою рукою онъ обнималъ шею пѣтуха. Верхняя часть туловища и правая рука покрыты одеждой; но какова одежда эта съ узкими рукавами, длинный-ли хитонъ или короткая туника, увѣренно опредѣлить нельзя, такъ какъ нижній край одежды не сохранился, а кромѣ того, ноги покрыты плащомъ, на которомъ сидитъ богъ и конецъ котораго свѣшивается, повидимому, съ лѣваго плеча его на шею пѣтуха. Мы склонны, однако, считать одежду Мѣсяца за длинный хитонъ, спадающій до ступней, судя по высоко на груди опоясанному поясу, какъ то бываетъ обычно у такихъ длинныхъ хитоновъ (ср., напр., Аполлона Мусагета). Фригійскій колпакъ на головѣ бога отличается отъ обычнаго типа его тѣмъ, что длинный конецъ его ниспадаетъ на лѣвое плечо, подобно концамъ баплывовъ, извѣстныхъ по персидскимъ изображеніямъ ²⁾). Въ правой рукѣ Мѣсяцъ держитъ плоскую патеру, очевидно, только что совершивъ изъ нея возліаніе предъ жертвеннымъ столомъ ³⁾). По другую сторону стола медленно подходятъ къ богу Митрадатъ и его жена, подпавъ правыя руки въ молитвенномъ жестѣ. На жертвенномъ столѣ—хлѣбъ, пирожки и фрукты.

Подобныя же изображенія Мѣсяца, сидящаго верхомъ на пѣтухѣ, находимъ мы на нѣкоторыхъ терракоттахъ.

29. Глиняная статуетка, найденная въ Керчи, представляетъ маль-

¹⁾ Ср. Milchhöfer, Ath. Mitt. V (1880) p. 221.

²⁾ Ср. колпакъ на Аттисѣ на венеціанскомъ рельефѣ, изданномъ Колиньюномъ въ *Monuments grecs publiés par la Société pour l'encouragement des études grecques en France*, 1881.

³⁾ Ср. берлинскій рѣзной камень № 1819.

чика, бокомъ сидящаго на пѣтухѣ (рис. 5)¹⁾. Въ правой рукѣ онъ держитъ виноградную гроздь, лѣвой держится за шею пѣтуха; на головѣ высочій колпакъ, очевидно, фригійскій; на плечахъ плащъ, застегнутый на груди и оставляющій непокрытою нижнюю часть тѣла; небрежность работы не позволяетъ разобрать точно одежду. На клювѣ и ногахъ пѣтуха видны слѣды голубой краски. Обнаженность нижней части тѣла на керченской статуэткѣ, хотя и напоминаетъ изображенія Аттиса, но объ-

Рис. 5. Керченская статуетка.

ясняется прежде всего младенчествомъ бога Мѣсяца; тѣмъ же должно, кажется, объяснять и то, что онъ сидитъ на пѣтухѣ не верхомъ, а бокомъ. Гроздь винограда въ рукѣ (если только это не шишка пиніи) можетъ находить себѣ объясненіе въ представленіи о Мѣсяцѣ, какъ подателѣ плодовъ (I, 15), а голубая окраска пѣтуха означаетъ, быть можетъ, бѣлаго пѣтуха, который былъ посвященъ Мѣсяцу (I, 3. 4), такъ какъ голубою краскою нерѣдко окрашивалось то, что должно бы было быть бѣлымъ.

¹⁾ Стефани, Отчетъ Имп. Арх. Комм. 1860, III, 12; ср. Древн. Босф. Киммер. LXXIII, 9. Сначала Стефани считалъ изображенную на этой терракоттѣ сцену за сцену изъ обыденной жизни, а потомъ (Отч. Имп. Арх. Комм. 1873, стр. 47) призналъ въ ней изображеніе Аттиса. Для доказательства этого, онъ указываетъ на другую керченскую терракотту (Отч. Имп. Арх. Комм. 1870, V, 4), въ которой онъ также видитъ изображеніе Аттиса, несущаго на плечахъ козла, а также на принадлежность пѣтуха къ культу Аттиса. Въ Отчетѣ 1876, стр. 175. 178, Стефани указалъ на мнимый исокефализмъ мальчика и пѣтуха, а то, что предполагаемый Аттисъ сидитъ на пѣтухѣ не верхомъ, а бокомъ, объяснялъ близостью Аттиса, какъ внука, къ жещивамъ. Толкованіе Стефани принялъ Дрекслеръ.

30. Изображеніе Мѣсяца же, по аналогіи съ аттическимъ рельефомъ, видимъ мы въ терракотѣ музея въ Карлсруэ (рис. 6), происходящей, быть можетъ, изъ Сициліи или южной Италіи ¹⁾. Богъ представленъ сидящимъ бокомъ на пѣтухѣ. На немъ рубашка и высокая шапка; правою рукою придерживаетъ онъ птицу, повидимому, также пѣтуха,

Рис. 6. Терракотта въ Музеѣ въ Карлсруэ.

сидящую на правой ногѣ его, какъ на статуэткѣ изъ Кулы; лѣвая рука не обнимаетъ шеи пѣтуха, какъ на другихъ изображеніяхъ Мѣсяца на пѣтухѣ. Отъ окраски статуетки по бѣловато-сѣрой грунтовкѣ сохранились на ногахъ пѣтуха и Мѣсяца слѣды красновато-розовой краски, а на прочихъ частяхъ желтовато-красной ²⁾.

¹⁾ Fröhner, Die griech. Vasen und Terrakotten der grossh. Kunsthalle zu Karlsruhe, Karlsruhe, 1860, № 612. Gerhard, Arch. Anzeiger 1851, p. 29. Walz, Ueber die Polychromie der antiken Sculptur, Tübingen, 1854, p. 10, t. II, 1. Ср. Стефани, Отч. Имп. Арх. Комм. 1873, p. 46. Вальцъ видѣлъ въ этой статуэткѣ испуганнаго, ѣдущаго въ храмъ Аскліпія съ благодарственною жертвой; Гергардъ объяснялъ ее Фосфоромъ, Стефани — Аттисомъ. Вѣрное толкованіе далъ Мипервини, Bullet. archeol. Napolitano II (1854), p. 107.

²⁾ Мипервини, l. l., p. 105 сл., считалъ изображеніемъ Мѣсяца одну неаполитанскую терракотту (tav. II, 4) изъ коллекціи Франч. Монджелли. Но фигура, сидящая бокомъ на пѣтухѣ на этой статуэткѣ, вѣроятно, женская, на что указываетъ широкая одежда, облегающая все тѣло, прическа, вѣнецъ въ родѣ кокошника, серьги въ ушахъ. Можетъ быть, это изображеніе Селины. Въ Берлинскомъ Antiquarium'ѣ (№ 7736) хранится также статуетка, происходящая яко бы изъ Миринны, которую Гурлитъ (Hist. und philol. Aufsätze Ernst Curtius zum 70 j. Geburtstag gewidmet, Berlin, 1884, p. 158) принялъ за изображеніе Артемиды, ѣдущей на пѣтухѣ, но которую Рошерь (Ueber Selene und Verwandtes, p. 107) правильно, повидимому, считаетъ за изображеніе Селины. В. Н. Златарскій, любезно сообщившій, по моей просьбѣ, эту статуетку съ статуеткою неаполитанскою, сообщилъ мнѣ, однако, что эти статуетки схожи лишь одинаковою повою сидѣнью на пѣтухѣ (не верхомъ, а бокомъ). Правая рука берлинской статуетки, протянутая влѣво отъ зрителя и согнутая въ локтѣ, держала, по словамъ В. Н. Златарскаго, какъ будто копье, лѣвая рука положена на шею пѣтуха. Одѣта фигура въ длинный женскій хитонъ съ короткими рукавами, оканчивающимися выше локтя, съ обильными складками; хитонъ высоко подпоясанъ кушакомъ; сверху хитона плащъ, доходящій до пятокъ, застег-

Этотъ, столь отличный отъ всѣхъ вышеописанныхъ, типъ изображеній Мѣсяца, сидящаго на пѣтухѣ, по общему содержанію своему, примыкаетъ къ многочисленнымъ изображеніямъ боговъ, ѣдущихъ на посвященныхъ имъ животныхъ ¹⁾.

По внѣшнимъ чертамъ эти изображенія Мѣсяца примыкаютъ также къ многочисленнымъ изображеніямъ эротовъ и младенцевъ, катающихся для забавы на различныхъ домашнихъ животныхъ, перѣдко на пѣтухахъ ²⁾. Такія изображенія, особенно умножившіяся съ III в., когда греческое искусство дошло до совершенства въ передачѣ дѣтскихъ фигуръ, повліяли, повидимому, и на изображенія Мѣсяца. Весьма возможно, что въ болѣе древнее время Мѣсяцъ и въ взросломъ видѣ изображался сидящимъ на пѣтухѣ; на рельефѣ изъ Фोरика богъ изображенъ юнымъ, но не младенцемъ; на терракотѣ изъ Карлсруэ онъ имѣетъ видъ мальчика, а на статуэткѣ Эрмитажа, относимой Стефани къ римской эпохѣ, онъ изображается уже младенцемъ, и только фригійскій колпакъ и плащъ отличаютъ его отъ вышеупомянутыхъ изображеній эротовъ и младенцевъ. Посадка бога на пѣтуха не верхомъ, какъ ѣздятъ эроты и дѣти, а бокомъ, придавала ему болѣе торжественный видъ: въ данномъ случаѣ, пѣтухъ какъ бы замѣнялъ собою тропь; при посадкѣ же верхомъ подчеркивалась бы ненатуральность и пѣкаторая комичность подобнаго представленія бога.

IV.

Изъ сопоставленія вышеперечисленныхъ памятниковъ, особенно монетъ, опредѣляется область распространенія культа бога Мѣсяца. Перечислимъ сперва, для болѣе яснаго опредѣленія ея, тѣ города, которые лежатъ по краямъ этой области. Юго-восточную границу составляютъ города зап. Ликаоніи: Иконій, Листра и Парлаида; въ Памфиліи: Сиде, на берегу Ликійскаго моря, и Силлій, недалеко отъ него.

нута круглой фибулой; на спинѣ, поверхъ плаща, колпакъ, на ногахъ фригійскіе сапожки; волосы отчасти связаны на затылкѣ въ пучекъ, отчасти распущены локонами, съ проборомъ посрединѣ. По полученнымъ В. Н. Златарскимъ въ Antiquarium'ѣ свѣдѣніямъ статуэтка эта не ядана.

¹⁾ Напр., Атисъ ѣдетъ на баранѣ (пластинка изъ слоновой кости въ Ватиканѣ), Müller-Wieselner, Denkm. d. alt. Kunst II, 63, 8; Афродита на голубѣ (архаическая терракотка изъ Агригента, Panofka, Terrakotten des Museums in Berlin, Berlin, 1842, L, 1), Горъ или Арпократъ на гусѣ (Heuzey, Les figurines de terre cuite du Musée du Louvre, pl. 53, 5, p. 29) и т. д.

²⁾ Примѣры у Стефани, Отч. Имп. Арх. Комм. 1873, стр. 46 сл. Древн. Босф. Кимм. 73, 9.

У насъ пока нѣтъ данныхъ относительно существованія культа Мѣсяца въ Ликии и большей части Каріи, и, такимъ образомъ, граница его проходитъ отъ Силліа чрезъ Олбасу и Юлію (близъ г. Кивирѣ) въ ту часть Каріи, которая соприкасается съ Фригіей и гдѣ идетъ она чрезъ Табы, Трапезополь, Афродисіаду и Антиохію на Меандрѣ и по фригійской сторонѣ его доходитъ до Эгейскаго моря чрезъ Нису, Магнисію и Принну. Въ Смирнѣ статуя Мѣсяца, какъ указано выше, находилась въ храмѣ Аполлона; о существованіи культа Мѣсяца въ Сардахъ свидѣлствуютъ и монеты и надписи, а Меонія, область на верховьяхъ Герма, дала наибольшее число надписей въ честь Мѣсяца. Отъ Gordus Julia къ сѣверу нумизматическія данныя ведутъ насъ далеко къ востоку, прямо въ Юліополь, близъ границы Галатіи, и въ столицу ея Анкиру. Простирались-ли культъ Мѣсяца непрерывно до Понтійской Кивирѣ и Трапезунта или тамъ чтился какой-либо иной, подобный фригійскому, лунный богъ, мы, по незнанію древней этнографіи М. Азіи, утверждать не рѣшаемся. Въ очерченныхъ же границахъ несомнѣнныхъ изображенія Мѣсяца находятся на монетахъ слѣдующихъ городовъ: Accilaeum, Alia, Antiochia ad Pisidiam, Apollonia, Attuda, Beudos Vetus, Grimenothyrae, Hierapolis, Laodicea ad Lycum, Metropolis, Pappa Tiberia, Philomelium, Prostanna, Sagalassus, Saittae, Seleucia, Sibium, Sidibunda, Silandus, Synnada, Temenothyrae. Этотъ списокъ, конечно, пополнится именами еще иныхъ городовъ, монеты которыхъ съ изображеніемъ Мѣсяца нами, быть можетъ, пропущены или пока еще остаются неизданными. Во всякомъ случаѣ, изъ списка этого видно, что центромъ культа Мѣсяца была южная Фригія и прилегающія части сосѣднихъ областей; отсюда вполне справедливо предположеніе, что Мѣсяцъ былъ богомъ того народа, который древними именовался фригійцами.

Тѣхъ семитическихъ лунныхъ боговъ сирійскихъ, о которыхъ приходилось упоминать выше, мы полагаемъ совершенно излишнимъ касаться теперь, ибо эти семитическія божества никакого ближайшаго отношенія къ фригійскому Мѣсяцу не имѣли. Рошеръ (р. 130), на нашъ взглядъ, совершенно напрасно ставитъ вопросъ о происхожденіи культа Мѣсяца въ Писидіи въ связь съ вопросомъ о семитизмѣ писидійцевъ. Напрасно также считаетъ Рошеръ (р. 131) изображеніе Мѣсяца между двумя львами на монетѣ Простанны „höchst wahrscheinlich rein semitisch“: подобное изображеніе мы находимъ и на монетѣ Нисы; къ тому же львы изображаются и на фригійскихъ памятникахъ. Мѣсяцъ писидійскій и ликаонскій, очевидно, тотъ же, что и фригійскій.

Слѣдую примѣру Ле-Блона, мы считаемъ вполне неправильнымъ употребительное и понинѣ въ нумизматикѣ имя *Lupus* въ примѣненіи къ фригійскому Мѣсяцу ¹⁾). Для насъ нѣтъ никакой необходимости употреблять это странное слово, такъ какъ у насъ одно и то же слово служить и для обозначенія свѣтила, и для обозначенія опредѣляемаго движеніемъ его времени. Никто изъ насъ, однако, встрѣтивъ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ „Мѣсяцъ Мѣсяцевичъ“, не вздумаетъ разсуждать о томъ, что обозначаютъ эти слова—свѣтило или періодъ времени; поэтому мы не считаемъ нужнымъ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, богомъ чего былъ Мѣ—времени или свѣтила, чѣмъ занимались старинные ученые.

Вѣроятно, у фригійцевъ первоначально было одно лунное божество, мужской богъ Мѣсяцъ; встрѣчаемая и въ надписяхъ, и на памятникахъ искусства Селина, очевидно, явилась въ Фригійи вмѣстѣ съ другими греческими богами ²⁾: трудно допустить, чтобы у фригійцевъ было двойственное представленіе объ одномъ и томъ же свѣтилѣ. Такая двойственность едва-ли возможна въ натуральной религіи народа, и она могла интересовать лишь философствующихъ мифологовъ поздняго времени ³⁾.

Правда, въ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ надписяхъ Мѣсяцъ упоминается на ряду съ Артемидой, которая почиталась также и богиней луны. Но въ этихъ надписяхъ, вѣроятно, имѣется въ виду Артемиды не греческая, а мѣстная, азіатская богиня, которая называется болѣе точно Артемидой Анаитой или Атимитой ⁴⁾, ничего общаго съ луною не имѣющая, а считавшаяся богиней плодородія, въ широкомъ смыслѣ этого слова ⁵⁾. Поэтому, тѣ статуи Мѣсяца и Артемиды, которыя стояли въ святилѣ Аполлона *Kισαλοδδηνου*, близъ Смирны, нельзя объяснять намѣреніемъ сопоставить мужское и женское божества луны ⁶⁾.

¹⁾ Это, единственный разъ употребленное Спартіаномъ, слово напоминаетъ кипрскаго *Ἀφρόδιτος*—или предполагаемую Ле-Блономъ форму *Σελήνης*.

²⁾ Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 13, указываетъ также на то, что культъ Селины появился въ Фригійи «in späterer Zeit».

³⁾ Существованіе у грековъ разсужденія о двоякой природѣ луны мы склонны объяснять знакомствомъ ихъ съ фригійскимъ Мѣсяцемъ и желаніемъ примирить два разнорѣчивыхъ представленія о божествѣ одного и того же свѣтила. Если бы были возможны подобнаго рода двойственные представленія, то явились бы, вѣроятно, и сопоставленія мужского и женскаго божествъ луны; но намъ неизвѣстно ни одного древняго текста, гдѣ бы стояли рядомъ *Μην καὶ Μην*, *Lupus et Luna*.

⁴⁾ Быть можетъ, Атимита испорченное варварское имя Артемиды.

⁵⁾ Ср. Е. Мейер у Рошера, *Ausf. Lex. d. Myth.* I, p. 330 сл. Preller-Robert, *Griech. Myth.* I⁴, p. 332 сл.

⁶⁾ Другой примѣръ такого же сопоставленія указываютъ на монетѣ фригійскаго города *Ταῖα* (Roscher, *la*10). Но фигура, называемая нумизматами Мѣсяцемъ, не имѣетъ подумѣяща за плечами, почему мы и не увѣрены въ правильности такого наименованія.

О томъ, что Артемида Анаита изображалась въ типѣ, сходномъ съ типомъ Матери боговъ, указываетъ, повидимому, наименование ея „матерью“ (II, 15) и несомнѣнно свидѣтельствуется объ этомъ рельефъ изъ Меоніи, на которомъ Артемида, опредѣленная надписью, изображена въ типѣ Кивелы ¹⁾. Сопоставленіе Мѣсяца съ мѣстною богиней, представляемою въ видѣ Кивелы, напоминаетъ ближайшимъ образомъ сопоставленіе на памятникахъ искусства Кивелы и Аттиса; съ культомъ этихъ божествъ культъ Мѣсяца сближался тавроволіями и кріоволіями, о существованіи которыхъ свидѣлствуютъ изображенія Мѣсяца съ головами быка и барана у ногъ (иногда рядомъ съ Мѣсяцемъ помѣщается вся фигура быка). Быть можетъ, въ томъ древкѣ, на которое опирается Мѣсяцъ на многочисленныхъ изображеніяхъ его, надо видѣть то копые, которымъ закалывались жертвы богу, ту *ἱερὰν λόγχην*, о которой упоминаетъ Стравонъ (IX, р. 509) ²⁾. Имѣли-ли тавроволіи и кріоволіи въ культѣ Мѣсяца значеніе очищенія (что сообщало имъ особенную важность въ мистеріяхъ Миеры и Кивелы съ Аттисомъ) ³⁾, объ этомъ мы никакихъ указаній не имѣемъ; ставить обряды этихъ культовъ въ какую-либо преемственную связь, т.-е. предполагать заимствование ихъ однимъ культомъ у другого, мы не видимъ основаній, хотя и слѣдуетъ вспомнить, что отождествленіе въ Римѣ, въ IV в. по Р. Х., Мѣсяца съ Аттисомъ (стр. 99⁴⁾) засвидѣтельствовано именно памятниками тавроволій. Объяснять тавроволіи Мѣсяца какою-либо связью между серпомъ Мѣсяца и рогами быка—сходство это указывается и древними, и новыми мифологами—мы считаемъ фантазіей: быкъ, очевидно, является здѣсь только какъ самое большое изъ домашнихъ животныхъ; за нимъ слѣдуетъ баранъ и, наконецъ, пѣтухъ. А какое сходство эти послѣдніе имѣютъ съ луною? Вообще, опредѣлить точнѣе отношенія между Кивелою и Мѣсяцемъ, по недостатку данныхъ, возможнымъ не представляется ⁴⁾.

Въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ древнихъ о Мѣсяцѣ совершенно отсутствуютъ какія-либо указанія на мифъ о богѣ этомъ, предполагать существованіе которыхъ мы имѣемъ полное основаніе по аналогіи

¹⁾ Мουσ. х. β:βλ. 1878—80, р. 163.

²⁾ Ср. азияскій рельефъ III, 24. Съ рельефомъ изъ Меоніи (III, 11) ближайшую аналогію представляетъ одно изображеніе Миеры (Layard, Introduction à l'étude du culte de Mithra, pl. LXXIV), гдѣ богъ представленъ съ мечомъ въ правой рукѣ и шаромъ въ лѣвой на заклотомъ имъ быкѣ.

³⁾ Preller-Jordan, Röm. Myth., p. 390 сл.

⁴⁾ Ramsay, Journ. of hell. stud. X (1889), р. 22, думаетъ, что отношенія эти были сыновнія и сближаетъ Мѣсяцъ съ Аполлономъ.

съ сохранившимися отчасти фригійскими сказаніями о Великой Матери боговъ и Аттисѣ и Савазіи. Быть можетъ, существовали какіе-либо рассказы и о Мѣсяцѣ; въ нихъ объяснялось, быть можетъ, отношеніе его къ Великой Матери, съ которой онъ часто сопоставляется, къ Савазію, въ мистеріяхъ котораго Мѣсяцъ отождествлялся съ этимъ богомъ (I, 12. II, 38), къ Аттису, съ которымъ отождествлялся онъ въ мистеріяхъ Великой Матери (II, 38). Лучшимъ доказательствомъ существованія сказаній о Мѣсяцѣ служитъ появленіе его въ театральныхъ пародіяхъ, гдѣ, можетъ быть, одновременно съ нимъ выступала и его сѣмѣица, Артемида.

О первоначальныхъ представленіяхъ фригійцевъ о Мѣсяцѣ мы судить, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, не можемъ. Если въ нѣкоторыхъ надписяхъ (II, 28. 29) ранѣе Мѣсяца упоминается Зевсъ, за то въ другой (II, 36) Мѣсяцъ называется раньше Зевса. Мѣсяцъ является какъ бы верховнымъ богомъ: онъ называется „царемъ“ (τὸρανος); на памятникахъ искусства изображается онъ со сферою въ рукѣ, символомъ міродержавія; власть его простирается и на небеса (οὐράνιος), и на землю, которой онъ подаетъ обильные урожаи (I, 15), и на подземное царство (καταχθόνιος), гдѣ онъ можетъ оказывать какое-то вліяніе на судьбу умершихъ (стр. 95). Живые люди находятся также въ его власти: онъ заступаетъ за обиженныхъ, по ихъ просьбѣ (II, 11. 24. 32); достаточно пожаловаться богу на обидчика „письменно“ (πιττάκιον διδόναι или βάλλειν) или поставить палку противъ обидчика въ святилѣ Мѣсяца, и богъ наказываетъ обидчика болѣзною, а то и смертію ¹⁾. Но, конечно, своевременнымъ и должнымъ приношеніемъ можно было отвратить гнѣвъ бога (II, 11. 24. 29. 32. 36). Мѣсяцъ, какими-то неизвѣстными намъ ближе способами, давалъ приказанія и предсказанія. Онъ указываетъ мѣсто, гдѣ должно воздвигнуть ему святилище (II, 38), жертвенники (II, 34), налагаетъ на поклонниковъ своихъ посты (II, 29), требуетъ отъ нихъ соблюденія установленныхъ въ святилищѣ его правилъ. Всѣ эти сношенія бога съ вѣрующими совершались, разумѣется, чрезъ жрецовъ; но какимъ образомъ, неизвѣстно (можетъ быть, чрезъ сновидѣнія). Весьма возможно, что жрецы бога носили имя μηγαῦρται, подобно тому, какъ жрецы Великой Матери назывались μητραῦρται; но это слово упоминается лишь въ лите-

¹⁾ Но такого рода помощь бога обиженнымъ, а также наказанія за нарушеніе различнаго рода священнѣхъ постановленій не представляютъ ничего характернаго въ культѣ Мѣсяца, такъ какъ такіа же свойства приписываются и другимъ мало-азійскимъ божествамъ, ср. Ramsay, Journ. of hell. stud. X (1889), p. 216 сл.

ратурныхъ источникахъ и смѣшивается зачастую съ именемъ жрецовъ Великой Матери ¹⁾. Значеніе слова *μητραῦρτης* совершенно ясно ²⁾: такъ назывался жрецъ, собиравшій подаянія Матери боговъ. Отсюда можно думать, что *μητραῦρτης*—сборщикъ подаяній Мѣсяцу; впрочемъ, ежемѣсячность празднествъ въ честь Матери Боговъ (Marini l. l.) позволяетъ отождествлять минагиртовъ съ митрагиртами и понимать этотъ терминъ въ смыслѣ „сборщикъ мѣсячины“ для Кивелы же.

Изъ свидѣтельства Стравона о святинѣ Мѣсяца *Κάρου* (I, 8) и изъ надписей (II, 4. 13. 14. 31) видно, что, при нѣкоторыхъ храмахъ Мѣсяца, совершались исцѣленія. Очень можетъ быть, что школа герофильскихъ врачей, упоминаемая Стравономъ, стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ святинѣ Мѣсяца, и что отношеніе врачей къ жрецамъ тамъ было такое же, что и въ святиняхъ Асклепія. Нѣтъ основаній предполагать, что врачеванія совершались во всѣхъ святиняхъ Мѣсяца; существованіе ихъ зависѣло, вѣроятно, отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условий. Изъ упоминанія Аеінея (I, 9) о минеральной водѣ въ какой-то „деревнѣ Мѣсяца“ можно заключать, что водою этой жрецы тамошняго храма пользовались для леченія приходившихъ въ храмъ. Но изъ этого нельзя еще считать Мѣсяцъ „богомъ-цѣлителемъ“ и сравнивать его съ Асклепіемъ, какъ къ тому склоняется Рошеръ. Общій обоимъ божествамъ пѣтухъ ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ, такъ какъ онъ былъ посвященъ и многимъ инымъ божествамъ. Жезлъ, обвитый змѣею, казалось бы, сближаетъ Мѣсяца съ Асклепіемъ еще болѣе, но и онъ является атрибутомъ иныхъ фригійскихъ божествъ ³⁾. Такимъ образомъ, присутствіе змѣи при Мѣсяцѣ объясняется скорѣе связью его съ прочими фригійскими божествами, нежели съ Асклепіемъ.

Шишка пиніи является иногда вполне опредѣленнымъ атрибу-

¹⁾ Ср. Roscher, p. 134 ¹¹. Евсевій (Praep. evangel. p. 73, 13), повторяя рассказъ Діонисія Аλικарнасскаго (Ant. rom. II, 19) о фригійцахъ, ходившихъ по Риму съ висѣвшими на нихъ изображеніями Кивелы и Аттиса (ср. рельефъ съ изображеніемъ жрицы въ такомъ нарядѣ, Müller-Wieseler, Denkm. d. alt. Kunst, II, 75; недавно въ Римѣ найденъ и уборъ этотъ, Arch. Anzeiger, 1892, p. 111), замѣняетъ *μητραῦρτης* чрезъ *μητραῦρτης*. Іоаннъ Златоустъ упоминаетъ о „минагиртахъ“ въ числѣ прочихъ языческихъ шарлатановъ (II, 2, p. 667c, ed. Montfaucou, 1838); упоминаются они также Цецомъ (Hist. XIII, 143).

²⁾ Dionys. Hal. II, 19, ср. Marini V. Procli 19. Прочія мѣста древнихъ приведены въ Thesaurus linguae graecae, п. сл. *μητραῦρτης* и *μητραῦρτης*.

³⁾ Напр., жезлъ въ храмѣ Аттиса въ Остіи; на упомянутомъ барельефѣ изъ Кулы змѣя поддерживаетъ полумѣсяцъ; наконецъ, факелъ, обвитый змѣею, мы видимъ въ рукахъ Кивелы на алтарѣ тавроволий (Arch. Zeit. 1863, Taf. 176. 177). Особенно важную роль играла змѣя въ культѣ и мистеріяхъ Савазія.

томъ Мѣсяца ¹⁾. Но этотъ атрибутъ свойствененъ и другимъ фригійскимъ божествамъ: Кивелѣ и Аттису, равно какъ и ассирійскимъ божествамъ и геніямъ ²⁾. Онъ объясняется, вѣроятно, употребленіемъ шишекъ пиніи, какъ ароматическаго топлива при жертвоприношеніяхъ. Сходство этого постояннаго атрибута Мѣсяца съ такимъ же атрибутомъ Асклепія представляетъ простую случайность, хотя и въ святинахъ Асклепія шишки пиніи могли употребляться для какихъ-либо окуриваній.

Пѣтухъ былъ посвященъ многимъ божествамъ ³⁾. Но особую близость имѣетъ онъ къ Мѣсяцу, какъ къ ночному свѣтилѣ ⁴⁾. Пѣтуха, по вѣрованіямъ многихъ народовъ, боится демоны.

Изъ прочихъ атрибутовъ Мѣсяца достойна упоминанія сфера, которую онъ держитъ въ рукахъ на нѣкоторыхъ монетахъ ⁵⁾. Такой атрибутъ чаще всего встрѣчается въ рукахъ Зевса и императоровъ и объясняется какъ символъ міродержавія ⁶⁾. Этотъ атрибутъ Мѣсяца также сближаетъ его съ нѣкоторыми мало-азійскими божествами; сферу видимъ мы въ рукахъ конной статуи на трапезунтскихъ монетахъ (Roscher, Ib 9), у статуетки всадника, найденной въ святилищѣ Кивелы на Сипилѣ, въ рукахъ бога, стоящаго опершись на копье и считаемаго Савазіемъ ⁷⁾, наконецъ, у Миеры, на указанномъ выше изображеніи.

Объ обрядахъ культа Мѣсяца даетъ свѣдѣнія лишь надпись Ксанеа (II, 38). Тамъ упоминается о срокахъ очищеній, опредѣляется, что идетъ изъ приносимой жертвы богу и что приносящему. Но надпись эта имѣетъ въ виду ближе всего самого Ксанеа, какъ устроителя святилища. Никто, кромѣ него, не можетъ совершать тамъ жертвоприношенія; въ случаѣ отсутствія Ксанеа, жертву можетъ приносить лишь поставленное имъ лицо, а если кто принесетъ жертву безъ Ксанеа, то жертва, все равно, не будетъ принята богомъ; нарушители правилъ, установленныхъ Ксанеомъ, совершаютъ неискупимый грѣхъ предъ Мѣсяцемъ Тиранномъ. Время принесенія жертвъ Мѣсяцу опредѣляется въ

¹⁾ Напримѣръ, на монетѣ Сагаласса, времени Валеріана, на одной сторонѣ погрудное изображеніе Мѣсяца, на другой—шишка съ полумѣсяцемъ и звѣздою надъ нею (Rev. Numism. 1853, p. 45, pl. II, 4); на монетѣ Аттуды шишка помѣщена между двумя алтарями, поставленными на высокой платформѣ (Layard, Introduction à l'étude du culte de Mithra, pl. LXVII, 4).

²⁾ Ср. S. Reinach, Catalogue du Musée Impérial d'antiquités de Constantinople, p. 87.

³⁾ См. упомянутую статью Гурлитта.

⁴⁾ О пѣтухѣ и Селинѣ ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 107.

⁵⁾ Roscher, Ia II. Zeitschr. f. Numism. X, p. 50. Mionnet, Descr. IV, p. 113, № 622.

⁶⁾ Sittl, Der Adler und die Weltkugel, als Attribute des Zens, Leipzig, 1884, p. 42 сл.

⁷⁾ Monum. ined. Suppl. tav. 28,3.

седьмой день мѣсяца и въ періодъ отъ новомѣсячія до 15-го числа, т.-е. до начала ущерба. Изъ упоминаній этихъ не видно, приносились-ли жертвы и въ иные дни и отличались-ли онѣ чѣмъ-либо отъ жертвъ въ опредѣленное въ надписи время. Кончается надпись предложеніемъ устроить братство (ἑταρος) Мѣсяцу Тиранну; опредѣляются условія, что и въ какомъ количествѣ братчики должны доставлять въ святилище. Вся надпись носитъ личный характеръ: Ксанеъ заботится обезпечить свои права и свою долю, какъ жреца въ устроенномъ имъ, по мнѣнію Фукара, на мѣстѣ заброшеннаго святилища какого-то безыменнаго героя, новомъ святилищѣ Мѣсяца и общаетъ милость бога всѣмъ приходящимъ къ нему „въ простотѣ души“. Неизвѣстно, имѣло-ли успѣхъ предпріятіе Ксанеа, нашлись-ли желающіе устроить братство и были-ли у новаго бога другіе поклонники, кромѣ устроителя святилища.

Это святилище Мѣсяца Тиранна, устроенное ливійцемъ Ксанеомъ на чужой сторонѣ, было, конечно, лишь жалкимъ подобіемъ знаменитыхъ святилищъ его въ М. Азіи. Тамъ святилища Мѣсяца владѣли обширными землями; при нихъ было много служителей; доходами съ земель пользовался и распоряжался жрецъ. Такія обширныя владѣнія имѣло, по свидѣтельству Страбона, святилище Мѣсяца *Φαρνάκου* въ Америкѣ и Мѣсяца *Ἀσκαίου*, близъ Антиохіи Писидійской (I, 6. 7.); но земли послѣдняго, послѣ смерти Аминты (въ 25 г. до Р. Х.), были отъ храма отобраны.

Видѣтъ въ надписи на пограничномъ столбѣ святилища Мѣсяца Аскаина въ Аполлоніи Писидійской (II, 18) указаніе на право убѣжища въ храмѣ этомъ, мы не рѣшаемся, въ виду того, что римлянами были ограничены права убѣжища м. азійскихъ храмовъ, а также по аналогіи съ правилами, установленными Ксанеомъ, по которымъ запрещалось челоуѣкоубійцѣ даже ходить около святилища. Такимъ образомъ, аполлонійская надпись значитъ только „священная и неприкосновенная грань славнаго бога Мѣсяца Аскаина“.

О нѣкоторыхъ храмахъ Мѣсяца даютъ представленіе вышеописанныя изображенія ихъ ¹⁾. Храмы эти не представляютъ чего-либо оригинальнаго.

¹⁾ Кромѣ того, храмомъ Мѣсяца, судя по изображенію бога этого на фронтонѣ (III, 2), можно считать развалины зданія (Р. на планѣ Ланцкоронскаго) въ Сидѣ. Это зданіе состояло изъ большой абсиды (10 м. глуб., 14,30 шир.), съ портикомъ (4 м. шир.) изъ коринтскихъ колоннъ предъ нею, стоявшей на высокомъ базисѣ и обращенной фасадомъ къ западу. Къ храму Мѣсяца принадлежатъ, вѣроятно, развалины, найденныя Ланцкоронскимъ близъ Крентъ (III, 1). Объ изображеніи большого жертвенника *Μηγάς Κάρο* на монетахъ Аттуды рѣчь была выше.

Таковы свѣдѣнія о культѣ Мѣсяца, которыя удалось намъ собрать. Ихъ далеко недостаточно, чтобы говорить о сущности представленій фригійцевъ и м. азійскихъ грековъ объ этомъ богѣ. Всѣ почти вышеприведенныя свидѣтельства относятся къ римскому времени; лишь немногія восходятъ до III в. до Р. Х. Такимъ образомъ, о древности культа Мѣсяца мы ничего не знаемъ; правда, Пухштейнъ ¹⁾ склоненъ видѣть древнѣйшее изображеніе Мѣсяца въ серпѣ, несомомъ двумя фигурами съ рогами быка на такъ называемыхъ „хеттейскихъ“ рельефахъ Язили-Кая (др. Птерій). Но рельефы эти ближе всего стоятъ въ связи съ сирийскими и месопотамскими памятниками, а недавняя находка тамъ Шантромъ гвоздеобразной надписи ²⁾ еще болѣе указываетъ на зависимость памятниковъ этихъ отъ семитическаго юга. Поэтому и изображеніе на хеттейскихъ рельефахъ полумѣсяца скорѣе относится къ семитическому лунному божеству

Древнѣйшими свидѣтельствами о культѣ м. азійскаго Мѣсяца являются нѣкоторые изъ вышеописанныхъ памятниковъ (III, 28. 10. 24), да греческія имена, образованныя отъ имени этого бога ³⁾. Эти имена, появляясь съ III в. до Р. Х., сперва употребительны лишь у мало-азійцевъ, а потомъ распространяются и за предѣлы М. Азіи. Изъ такого поздняго появленія культа Мѣсяца Рамсей выводитъ весьма смѣлую, на нашъ взглядъ, теорію: имя и представленія о Мѣсяцѣ, какъ лунномъ божествѣ, явились какъ бы въ силу недоразумѣнія; греки, передѣлавъ туземное имя Μάνης или Μάν, бога солнечнаго и пророческаго, въ Μήν, придали ему значеніе луннаго бога, и изъ крыльевъ сдѣлали рога мѣсяца за плечами ⁴⁾. Что фригійское имя Мѣсяца звучало иначе, чѣмъ греческое Μήν, это понятно само собою; что Μάνης во Фригіи, подобно Мидасу, былъ однимъ изъ древнихъ боговъ, вполне возможно. Но чтобы это божество было солнечнымъ и чтобы всѣ вышеуказанныя представленія о немъ основывались лишь на ошибочномъ пониманіи его имени греками, этому противорѣчитъ прежде всего то, что именно на древнѣйшихъ памятникахъ (II, 1. 2) являются почитателями Мѣсяца не греки, а варвары, которымъ, конечно, было извѣстно и фригійское имя бога и которые могли лучше насъ судить о томъ, вѣрно-ли оно переведено на греческій языкъ словомъ Μήν или нѣтъ.

¹⁾ Humann und Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, p. 57.

²⁾ Rev. Archéol. 1894, p. 109 сл.

³⁾ См. о нихъ Letronne, Annali 1847, p. 340 сл. и Ramsay, Journ. of hell. stud. 1883, p. 31.

⁴⁾ Journ. of hell. stud. 1883, p. 37. 1889, p. 230.

Относительно теоріи Рамзея о крыльяхъ и полумѣсяцѣ рѣчь была выше, и мы пытались доказать, что крылатыя изображенія Мѣсяца произошли отъ ошибокъ новыхъ археологовъ.

Если позволительно строить какія-либо предположенія о неизвѣстныхъ ближайшимъ образомъ временахъ глубокой древности, то мы предпочитаемъ послѣдовать за Морі, который предполагалъ, что фригійскій Мѣсяцъ есть древнѣйшее арійское лунное божество, почему оно и находитъ себѣ позднѣе аналогію въ Мáo индоскиескихъ царей и, быть можетъ, въ Мѣсяцѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, въ которыхъ, въ послѣднее время, находятъ сильное вліяніе сказаній иранскихъ.

Но всѣ такого рода общіе и сложные вопросы рѣшать не намъ, а лицамъ, болѣе насъ опытнымъ, которымъ мы желали лишь представить собраніе разнаго рода свидѣтельствъ о фригійскомъ лунномъ богѣ.

АРХАИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗЪ АТТИКИ.

Р. Лепера.

Когда, въ декабрѣ 1891 года, я въ первый разъ былъ въ Трахонахъ (Τραχονες), мѣстечкѣ Аттики, приблизительно въ 7—8-ми кило-

метрахъ къ югу отъ Афинъ, то среди собранныхъ въ домѣ владѣльцевъ этой мѣстности древностей замѣтилъ камень съ неизданною еще архаическою надписью. Тогда мнѣ не удалось списать эту надпись или снять съ нея эстампажъ, такъ какъ бывшій тамъ ἐπιστάτης не осмѣлился дозволить мнѣ сдѣлать это въ отсутствіе хозяевъ. Впослѣдствіи, получивъ разрѣшеніе отъ одного изъ теперешнихъ владѣльцевъ имѣнія, г-на Γ. Πιττοῦστου (прежде оно принадлежало Комнинамъ; г-жа Πιττοῦστου одна изъ 3-хъ дочерей послѣдняго Комнина), я, при вторичномъ посѣщеніи, въ іюнѣ 1892 года, Трахонъ, сдѣлалъ возможно тщательную копію и два эстампажа, по которымъ и издаю здѣсь этотъ памятникъ ¹⁾).

Онъ представляетъ собою плоскую плиту изъ пороса, около 10 — 15 см. толщины, обломанную какъ сверху, такъ, кажется, и

¹⁾ Мнѣ неизвѣстно, чтобы онъ былъ тѣмъ временемъ гдѣ-нибудь изданъ.

снизу. Теперешняя длина ея 80 см., ширина 41 см. Средняя часть плиты, долженствовавшая, безъ сомнѣнія, изображать туловище божества (Гермеса), выступаетъ надъ поверхностью краевъ приблизительно на $1\frac{1}{2}$ см. Въ верхней же части плиты въ одномъ мѣстѣ выступающая поверхность доходитъ до самыхъ краевъ, образуя почти квадратные придатки, какъ будто имѣющіе цѣлью отмѣтить плечи или руки. Надъ гладкой поверхностью этого изображенія выдѣляется только фаллъ, да видны еще, особенно съ правой стороны, параллельныя линіи, отмѣчавшія локоны волосъ, падавшихъ на передъ по обѣ стороны головы. Сама голова отломана, но на верхнемъ краю плиты, повидимому, сохранился еще слѣдъ подбородка. Вокругъ фалла правильнымъ четырехугольникомъ размѣщена надпись. Буквы ея, величиною отъ 2 до 3 см., вырѣзаны отчетливо, но въ верхней строкѣ читаются съ трудомъ, такъ какъ верхняя часть поверхности камня болѣе вывѣтрилась. Правый край надписи нѣсколько попорченъ, почему верхнія концы буквы ϵ , ς , ν , ϵ исчезли.

Судя по письму, наша надпись несомнѣнно принадлежитъ еще VI вѣку, будучи во всякомъ случаѣ старше надписи Писистрата, сына Иппія, С. I. A. IV 373e, и даже постановленія относительно саламинскихъ клируховъ (Ath. Mitt. X, p. 117 сл.), относимаго Кёлеромъ къ 570 — 560 гг. Если можно воспользоваться попыткой хронологическаго опредѣленія аттическихъ надписей по письму, сдѣланною Roberts'омъ въ его An Introduction to Greek Epigraphy, London, 1887, p. 74—107, то мы въ правѣ отнести нашу надпись къ его III-му періоду, опредѣляемому имъ приблизительно первую четверть VI в. и характеризуемому отсутствіемъ формъ μ и ν (появляются въ IV періодѣ, приблизительно 570—535 гг.), ϵ , α , υ (съ V періода, пригл. 535—510 гг.) и θ (съ VI періода, въ концѣ VI в.). Но кромѣ этихъ отрицательныхъ признаковъ для нашей надписи весьма характеристичны формы ρ , встрѣчающіяся только въ болѣе древнихъ надписяхъ, и σ (ζ) въ послѣдней строкѣ, написанное въ обратную сторону, что Roberts (p. 79, прим. къ № 43) справедливо объясняетъ привычкою, оставшеюся отъ недавняго еще употребленія письма справа налево.

Къ сожалѣнію, никто не могъ мнѣ сообщить точно мѣсто, гдѣ найдена была эта надпись. Почва Трахонъ дала намъ уже довольно значительное число эпиграфическихъ памятниковъ ¹⁾, начиная съ раскопокъ графа Блудова въ мѣстности Περυαρί, верстахъ въ двухъ къ

¹⁾ См. Milchhöfer, Antikenbericht aus Attika. Ath. Mitt. XIII, p. 359 сл., №№ 728—745.

ю.-в. отъ усадьбы Трахонъ, гдѣ находятся еще замѣтные слѣды большого населенія и вырыты были постановленія дима Αἰζωνή. Но территория владѣльцевъ Трахонъ простирается значительно далѣе на юго-востокъ до самаго склона Имитта и заключаетъ въ себѣ замѣтныя развалины, по крайней мѣрѣ, еще двухъ древнихъ поселеній ¹⁾, изъ которыхъ одно должно принадлежать диму Ἀλαί той же триттіи, другое я, отчасти согласно съ Мильхгёферомъ ²⁾, предположительно отнесъ къ диму Εὐφρονίου, слѣдующей далѣе на востокъ береговой триттіи Эрехоиды ³⁾, такъ какъ нѣсколько надгробныхъ надписей этого дима находятся въ Πιρναί, Трахонахъ и сосѣдней усадьбѣ Χασάμ. Также и относительно нашей надписи можно думать, что она доставлена въ Трахоны изъ какой-нибудь болѣе отдаленной части этого большого имѣнія, и мы сейчасъ увидимъ, что, по содержанію ея, можно предположить, что она происходитъ изъ дима Εὐφρονίου.

Надпись наша читается такъ: Ἐρμῆν Εὐφρονίδῃσι τόνδε Καλλίας ἐπόησεν, т. е. Каллій сдѣлалъ этого Гермеса для Евфронидъ. Здѣсь намъ встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, новое слово Εὐφρονίδαи. Покойный Лоллингъ, которому я показывалъ надпись въ Афинахъ, высказалъ мнѣніе, что Εὐφρονίδαи, можетъ быть, новое названіе какого-нибудь аттическаго рода или фратріи, по заказу котораго Каллій сдѣлалъ этого Гермеса. Но мнѣ кажется совершенно необычнымъ и мало вѣроятнымъ, чтобы, снабжая свое произведение надписью, представляющей къ тому же стихъ (о чемъ ниже), мастеръ, дѣлавшій вещь по чужому заказу, не сообщилъ въ ней ничего интересующаго заказчика, главнымъ образомъ ея назначенія. Естественнѣе на мой взглядъ предположеніе, что Εὐφρονίδαи есть новое названіе какихъ-то божествъ, которымъ Каллій самъ посвятилъ свое произведеніе, изображеніе Гермеса. Но новыя-ли это какія-нибудь божества или лишь новое названіе какихъ-нибудь божествъ, извѣстныхъ намъ подъ другимъ названіемъ? Невольно приходитъ на умъ сопоставленіе съ тождественнымъ по значенію названіемъ Εὐμενίδες. Не есть-ли Εὐφρονίδαи новое названіе этихъ божествъ, извѣстныхъ намъ уже подъ названіемъ Εὐμενίδες, Ἐρινόες, Σεμναί, Πότνιαи? Предположеніе это подкрѣпляется еще соображеніемъ, что Εὐμενίδες названіе собственно не аттическое, а, какъ сообщаетъ Пав-

¹⁾ См.: Milchhöfer, Karten v. Attika. Heft III -VI, p. 17 сл. и Heft II, p. 29 сл. Ж. М. Н. П. 1893, мартъ, отд. кл. фил., стр. 85.

²⁾ Untersuchungen über die Demeinordnung des Kleisthenes, p. 12.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1893, отд. кл. фил., мартъ, стр. 93, ноябрь, стр. 140 и особенно Ath. Mitt. XVII, p. 342.

савій II, 11, 4, сивіонское или вообще можетъ быть пелопоннисское. К. О. Müller ¹⁾ указывалъ на то, что Эсхилъ ни въ своей трагедіи, носящей теперь названіе Εὐμενίδες, ни вообще гдѣ-либо не называетъ Эриній этимъ именемъ. За то мы какъ разъ встрѣчаемъ у него въ приложеніи къ Эриніямъ эпитетъ εὐφρονες ²⁾. Къ тому же Εὐφρόνη, первоначально, конечно, эпитетъ ночи, у поэтовъ и у Геродота часто употребляется прямо вмѣсто νύξ. Ночь же была по Гесіоду Θεοῦ. 217, Эсхилу Εὐμ. 321 и Ликофрону (v. 437), матерью Эриній, такъ что Εὐφρονίδαи могло быть ихъ μητρωνομήδον, подобно тому, какъ Уранъ носить эпитетъ Εὐφρονίδης въ одной эпиграммѣ изъ Вигиніи ³⁾.

Совершенно такое же отношеніе, какое между эпитетами Εὐφρονες и Εὐφρονίδαи, существуетъ и между другими двумя эпитетами тѣхъ же богинь: πότναι у Herod. IX, 97, Aesch. 'Επτά 887, Soph. Oid. ἐν Кол. 84 и ποτνιαδες θεαί у Eur. 'Οр. 318. Но интересно далѣе еще то, что Эриніи считались также дочерьми Евонины (Εὐωνόμη — Istri fr. 9 въ схол. къ Соф. Oid. ἐν. Кол. 42 и схол. къ Эсхипу I, 188, и изъ Эпименида у Цеца въ схол. къ Ликофр. 406), которую Истръ отождествляетъ съ Землею. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что богиня земли подъ именемъ Евонины почиталась въ димѣ Εὐώνωρον или Εὐώνωρῖα. Герой же (или божество) Εὐώνωρος, сынъ Земли (Γῆ), т. е. той же Евонины, и Урана ⁴⁾, весьма вѣроятно, только для того и выдуманъ мифологами, чтобы дать диму мужскаго эпонима; впрочемъ, можетъ быть, это также старинный мѣстный эпитетъ какого-нибудь бога (напр. Гермеса) ⁵⁾. Мы видѣли уже, что наша надпись происходитъ изъ той мѣстности, въ которой или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которой находился димъ Εὐώνωρον, и трудно отдѣлаться отъ мысли, что въ этомъ сплетеніи именъ заключается болѣе чѣмъ простая случайность. Весьма вѣроятно, что Евонима и Евфрониды-Эриніи принадлежать къ одному культовому циклу, хотя и нѣтъ необходимости, конечно, чтобы святилища ихъ были непременно въ предѣлахъ одного дима; можетъ быть, они были въ сосѣднихъ димахъ, когда-то тѣснѣе связанныхъ общимъ культомъ ⁶⁾. Можетъ показаться,

¹⁾ Aeschylos Eumeniden griech. und deutsch mit erläuternden Abhandlungen, Göttingen, 1833, p. 176.

²⁾ v. 992 и 1030 (ed. Weil, 1884) и, вѣроятно, v. 1040 (въ рукописяхъ εὐφύφρονες).

³⁾ Kaibel, Epigr. 1029—Anth. Pal. app. n. 281,6.

⁴⁾ Steph. Byz. s. v. Εὐωνορία.

⁵⁾ Евонимъ, сынъ Земли и Кифисса, Steph. Byz. ibid., во всякомъ случаѣ не имѣетъ отношенія къ диму Εὐώνωρον, а вѣроятно, отецъ Авлиды Вигітійской.

⁶⁾ Къ той же филѣ, какъ и димъ Αἰξωνή, лежавшій, какъ мы сказали, къ юго-востоку отъ Трахонъ, принадлежалъ и димъ 'Επισκίδαи. Не есть-ли 'Επισκίδαи также про-

что мы впадаемъ въ противорѣчіе, отождествляя Евфронида, предполагаемыхъ дочерей Евфроны-Ночи, съ Эривіями, дочерьми Евонимы-Земли; но противорѣчіе это только кажущееся. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, силы и воздѣйствіе земли и мрака въ первоначальной мифологіи объединялись и олицетворялись въ одномъ божествѣ. Земля заключаетъ мракъ, вѣчную ночь въ своихъ нѣдрахъ, она сама по себѣ мрачна и освѣщается извнѣ силами, побѣждающими мракъ, отъ нея поднимается ночь, лишь только заходитъ дневное свѣтило, особенно отчетливо, если солнце скрывается за горами. Думаютъ, что Эривія, кромѣ этического значенія, имѣли также и значеніе физическое, которое, очевидно, выступало на первый планъ въ культѣ и благодаря которому онѣ и получили тѣ, такъ называемыя, евфимистическія названія, какъ богини, способствующія плодородію въ растительномъ и животномъ царствѣ, а затѣмъ и у людей (Aesch. *Eur.* 916 sqq. см. Preller, *Griech. Mythologie*, Bd. I, 4-te Aufl. bearb. v. C. Robert, 1894, p. 837 сл.).

Rapp, авторъ статьи *Erinyes* въ Мифологическомъ словарѣ Roscher'a, столб. 1310 сл., сводитъ эту физическую дѣятельность Эривіи въ первоначальному значенію ихъ, какъ богинь тучъ, и объясняетъ ихъ связь съ землею и подземнымъ царствомъ (столб. 1318 сл.) тѣмъ, что по представленію древнихъ грековъ, какъ, на примѣръ, и въ германской мифологіи, тучи происходили изъ земли, поднимаясь изъ нея въ видѣ тумановъ. Мнѣ кажется, что этотъ образъ какъ бы исходящихъ изъ нѣдръ земли испареній, легкихъ и подвижныхъ, явственныхъ особенно при восходѣ и передъ закатомъ солнца на склонахъ горъ, все облекающихъ своею массою, былъ господствующимъ въ представленіи объ Эривіяхъ. Ихъ таинственныя, подвижныя и неясныя очертанія наводили трепетъ на преслѣдуемаго нечистою совѣстью человѣка и въ нихъ онъ видѣлъ исходящія изъ невѣдомаго царства мрака тѣни, души убитыхъ или обиженныхъ имъ, преслѣдующія его, требующія возмездія ¹⁾). Для матери этихъ богинь тумановъ, поднимающихся изъ земли, какъ разъ подходила земля, разсматриваемая какъ символъ и начало мрака и ночи ²⁾).

званіе строгихъ и справедливыхъ (*ἐπιτιμαίς*) богинь возмездія Эривіи-Евфронидъ, или же названіе рода, въ которомъ былъ развитъ культъ ихъ? Если такъ, то возможно, что наша надпись происходитъ изъ этого дима, или, по крайней мѣрѣ, что онъ находился въ той же мѣстности; во всякомъ случаѣ, мы имѣли бы основаніе отнести этотъ димъ, который до сихъ поръ не поддавался топографическому опредѣленію, въ одну тритію съ Αἰζωνή.

¹⁾ Какъ души разсматриваетъ Эривію Rohde, *Psyche*, p. 247.

²⁾ Это и выразилось въ томъ, что въ тѣхъ версіяхъ, гдѣ матерью Эривіи называется Евонима, къ ней присоединяется въ качествѣ отца ихъ Σχότος, Soph. *Oid. év Kol.* 40, 106.

тельно большая часть неправильностей въ стихахъ эпиграммъ встрѣчается въ именахъ собственныхъ, и такъ какъ для нихъ новые ученые допускаютъ отступленія отъ правильнаго строя стиха. Но, мнѣ кажется, что вообще обыкновенный взглядъ на „неправильные стихи“ эпиграммъ, какъ на неудачныя попытки неумѣлаго составителя втиснуть въ неподходящій размѣръ опредѣленные, часто совершенно неукладывающіяся въ стихъ слова, по крайней мѣрѣ, что касается эпиграммъ болѣе древняго времени, не совсѣмъ правиленъ.

Можно сказать, большинство дошедшихъ до насъ эпиграммъ, даже самаго, повидимому, ничтожнаго содержанія, въ надписяхъ до V в. включительно выражено стихами. Несомнѣнно, что въ это время проза, только въ V-мъ вѣкѣ получающая литературное развитіе, не считалась пригодною для запечатлѣнія словомъ какого-нибудь факта или мысли. Но нужно признать, что и стихъ, который долженъ былъ быть тогда во всеобщемъ употребленіи, которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ пожелать воспользоваться каждый, вѣроятно, былъ болѣе свободенъ, менѣе отчеканенъ и строгъ, чѣмъ стихъ поэтовъ. Конечно, этотъ послѣдній, самъ выработавшійся изъ народнаго, вліялъ на него, а съ другой стороны заставлялъ относиться къ нему какъ къ несовершенному, избѣгать его и, въ концѣ концовъ, вытѣснилъ его; дѣла область употребленія его съ прозой, получившей права гражданства. Гомеровскій гекзаметръ былъ несомнѣнно уже стихъ литературный, хотя намъ и трудно судить теперь, насколько его первоначальныя вольности и неправильности, можетъ быть, только значительно позднѣе были сглажены редакторами и насколько, быть можетъ, различныя грамматическія и просодическія особенности гомеровскаго языка созданы искусственно изъ стремленія сгладить метрическія неправильности. Во всякомъ случаѣ, гомеровскій стихъ несомнѣнно не есть первоначальный стихъ: онъ образовался изъ болѣе простаго, болѣе свободнаго, менѣе строгаго и опредѣленнаго, а въ то же время, по общему теперь уже, кажется, убѣжденію метриковъ, и изъ болѣе краткаго. Bergk ¹⁾ высказалъ мнѣніе, что гекзаметръ образовался изъ сложенія двухъ пареміаковъ (παροιμίαοι) $\times - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup$, причемъ первый брался всегда безъ анакрузы и могъ являться въ каталектической формѣ (ἐνόπλιος), во второмъ же характеръ анакрузы опредѣлялся сообразно съ концомъ перваго стиха, окончаніе котораго навсегда запечатлѣлось въ почти постоянной цезурѣ въ 3-ей стопѣ гексаметра

¹⁾ Ueber d. älteste Versmaass d. Griechen, Progr. 1854.—Kleine philol. Schriften, II, p. 392 слл.

πευθιμερης или хата τρίτον τροχαιον. Bergk же указалъ и на слѣды самостоятельнаго существованія такого короткаго стиха.

Usener ¹⁾ отмѣтилъ тотъ фактъ, что изъ многихъ стиховъ Гомера еще видно, какъ и конечный слогъ первой половины гекзаметра и начальный—второй, соответствующіе концу перваго изъ первоначально отдѣльныхъ стиховъ и анакрузѣ второго, могли быть безразличными (ансипитес). Онъ приводитъ далѣе нѣсколько стиховъ изъ надписей (по большей части не позже V-го вѣка), считаемыхъ обыкновенно за неудачные гекзаметры, но на самомъ дѣлѣ совершенно правильныхъ, если разсматривать каждый изъ нихъ за два отдѣльныхъ краткихъ стиха (пареміака). Число подобныхъ стиховъ надписей можеть быть еще значительно увеличено, чѣмъ въ значительной степени подтверждается правильность предположенія, что еще, по крайней мѣрѣ, въ V в. пареміакъ и свободное соединеніе двухъ и нѣсколькихъ пареміаковъ были въ ходу. Мало того, Usener отмѣтилъ еще въ болѣе древнихъ эпиграммахъ возможность свободного соединенія стиховъ трохаическаго и дактическаго размѣровъ и, повидимому, неравнаго числа стопъ. Выводъ, который дѣлаеть отсюда Usener, возводя всѣ эти стихи къ первоначальному основному четырехстопному стиху произвольной схемы,—не вытекаетъ отсюда съ необходимостью и довольно проблематиченъ. Въ коротенькой диссертациі Symbolae ad historiam versuum logaedicorum, 1892 г., Fr. Kalkner мѣтко отмѣтилъ явленіе, ускользнувшее отъ Usener'a, благодаря его стремленію обратить каждый стихъ произвольнымъ распредѣленіемъ иктовъ въ четырехстопный: именно на то, что болѣе древній греческій стихъ, начавши вырабатываться съ конца ²⁾, только на концѣ имѣеть опредѣленную, твердо установленную форму, въ то время какъ въ началѣ и число, и количество слоговъ можеть значительно варіировать. Kalkner (стр. 12) иллюстрируетъ это двумя примѣрами: родосской пѣсенкой, сохранившейся у Аѳиня, VIII, р. 360 b и гимномъ Діонису (Plut. Qu. Gr. 36, р. 299 b).

Въ послѣднемъ, на примѣръ, мы имѣемъ такой рядъ стиховъ ³⁾:

¹⁾ Altgriechischer Versbau, 1887.

²⁾ См. также Roszbach въ Theorie der musischen Künste der Hellenen von A. Roszbach u. B. Westphal, 3-te Aufl., Bd. III, 2-te Abth., 1889 г., р. 510 и относительно индійскаго стиха Westphal, ibid. III, Abt. 1, р. 45.

³⁾ Usener (р. 80) даетъ такую схему ихъ:

```

— — — — — — — —
— — — — — — — —
— — — — — — — —
| : — — — : |
— — — — — — — —
— — — — — — — —

```

Ἐλθεῖν ἦρω Διόνυσέ	—	—	—	—	—	—	—
Ἀλεῖον ἐς ναόν				—	—	—	—
ἀγρόν σὺν Χαρίτεσσιν	—	—	—	—	—	—	—
[ἐς ναόν], ἐς ναόν			—	—	—	—	—
τῷ βοέῳ ποδὶ θύων	—	—	—	—	—	—	—
ἄξιε ταῦρε				—	—	—	—
ἄξιε ταῦρε.				—	—	—	—

Очевидно, стихи эти эквивалентны между собой, ритмически если не равны, то подобны одинъ другому; подобіе же это естественно усматривать въ одинаковости конца каждаго стиха, который, значить, настолько доминируетъ, что сглаживаетъ впечатлѣніе, производимое различнымъ началомъ стиховъ. Часть стиха, предшествующая двумъ послѣднимъ стопамъ, состоящая изъ одного, двухъ, трехъ долгихъ или краткихъ слоговъ, не принимается въ расчетъ и можетъ отсутствовать.

Естественно предположить, что изъ такого же короткаго стиха, оканчивающагося стопами — — — —, выработался и пареміакъ; здѣсь процессъ закрѣпленія пошелъ еще дальше къ началу, твердо установилась стопа 3-ья отъ конца, также дактилическая, и колебанію подвергается только предшествующая ей такъ называемая анакруза. Впрочемъ, именно въ 3-ей отъ конца стопѣ пареміака или въ первой и 4-ой стопахъ сложенныхъ изъ двухъ пареміаковъ гекзаметра и пентаметра чаще всего наблюдается замѣна лактиля трохеемъ и трибрахіемъ, особенно въ собственныхъ именахъ ¹⁾. Далѣе, подобно тому, какъ въ вышеприведенномъ гимнѣ Діонису двумъ опредѣленнымъ стопамъ стиха, можетъ предшествовать до трехъ долгихъ слоговъ, такъ, вѣроятно, и трехстопный стихъ (какъ пареміакъ) допускалъ анакрузу не только одно-или двухморную — — — —, но и трехморную — — — —, или вообще часть стиха, соотвѣтствующая анакрузѣ и первой стопѣ пареміака, могла сильно варіироваться.

Обратившись теперь къ надписямъ, я приведу только немногія эпиграммы, заключающія въ себѣ стихи болѣе древняго строенія. Не задаваясь цѣлью разбирать каждую изъ этихъ надписей въ отдѣльности, но пользуясь ими только для сопоставленія съ издаваемой мною надписью, я считаю себя въ правѣ обойтись безъ разсмотрѣ-

¹⁾ Относительно трибрахія и ямба въ первой стопѣ гекзаметра у Гомера см., на примѣръ, Christ, Metrik der Griechen und Römer, 1874, p. 207. — Вѣрно замѣчаетъ Kalkner (стр. 20, прим. 1), что возможность замѣны долгаго слога краткимъ въ первомъ арсіеѣ обуславливается не большей силой ударенія въ первой стопѣ, а какъ разъ наоборотъ меньшей.

нія взглядовъ и конъектуръ разныхъ ученыхъ и ограничиться указаніемъ номера въ изданномъ Э. Гоффманомъ сборникѣ надписей: Sylloge epigrammatum Graecorum quae ante medium saeculum a. Chr. n. tertium incisa ad nos pervenerunt (1893), присоединяя, гдѣ возможно, номеръ болѣе общихъ сборниковъ, какъ С. I. A., I. G. A. или Kaibel's Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta.

Мы выбираемъ надписи только болѣе древнія, не позже V в.

(1) Hoffm. 310. I. G. A. 510. Kaib. 745.

Νιάρων ὁ Δεινομένεος	— — — — —
καὶ τοὶ Σουραχόσιοι	— — — — —
τῷ Δὲ Τυράν' ἀπὸ Κόμας	— — — — —

Соединеніе трехъ параміаковъ, изъ которыхъ два первые каталектические: 1-ая стопа, въ первыхъ двухъ стихахъ трохей вмѣсто дактиля.

(2) Посвященіе Эхемврата въ Оивахъ, приводимое Павсаниемъ X, 7, 6.

Ἐχέμβροτος Ἀρχὰς ἔθηκε	— — — — —
τῷ Ἡρακλεῖ	— — — — —
νικήσας τὸδ' ἄγαλμα	— — — — —
Ἀμφικτυόνων ἐν ἀέθλοις	— — — — —
Ἑλλησιν δ' ἄδων	— — — — —
μέλεα καὶ ἐλέγους	— — — — —

Во 2-омъ стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать неслитную форму Ἡρακλέει, а въ 5-омъ Ἑλλησιν αἰείδων; тогда и въ этихъ стихахъ предпоследняя стопа имѣетъ также дактиль. 2-ой, 5-ый и 6-ой стихи каталектические.

(3) I. G. A. 543.

Τᾶς Ἡρας ἰαρός εἰμι	— — — — —
τᾶς ἐν πεδίῳ	— — — — —
Θυνίαρος με ἀνέθηκε	— — — — —
ὄρταμος Φέργων δεχάταν	— — — — —

2-ой и 4-ой стихи каталектические. Въ 4-омъ конечнымъ двумъ стопамъ предшествуютъ четыре слога, изъ которыхъ три долгихъ, т.-е. стихъ можетъ быть разсматриваемъ какъ четырехстопный.

(4) Hoffm. 213. С. I. A. IV 373⁹⁴.

— — — — — ης θῆκε	— — — — —
Διὸς κούρη τὸδ' ἄ[γα]λμα	— — — — —
[Ἰσπερ δὴ] πατὴρ ὤς	— — — — —
Χαιρίωνος ἐπεύχεται (εἶ)ναι	— — — — —

Первые два стиха гладко соединяются въ гекзаметръ, 4-й стихъ опять четырехстопный.

(5) Hoffm. 66. I. G. A. 368.

Χαίρετε οἱ παρόντες — — — — —
 ἐγὼ δ' Ἀντιστάτης υἱὸς Ἀτάρβου — — — — —

Далѣе слѣдуютъ два каталектическихъ пареміака, соединяющихся въ правильный пентаметръ.

(6) Hoffm. 254. C. I. A. IV 375⁹⁵.

Ἀρχερμος ἐποίησεν ὁ Χῖος
 Ἰφιδίχη μ' ἀνέθηκεν
 Ἀθηναῖαι πολιούχῳ

2-ой и 3-й стихи соединяются въ правильный гекзаметръ. Въ первомъ стихѣ передъ постоянною частью — — — — — опять можно считать двѣ стопы, спондеи и трибрахій.

(7) Hoffm. 348. Kaib. 778.

Νικίας μ' ἀνέθηκεν
 Ἀπόλλωνι υἱὸς Θρασυμήδεος

Въ первомъ пареміакѣ трохей въ первой стопѣ, во 2-омъ тремъ правильнымъ стопамъ пареміака предшествуетъ анакруза — — — — —.

Этихъ примѣровъ достаточно, хотя мы далеко не исчерпали всего количества подобныхъ стиховъ. Обращаясь къ нашей надписи, мы опять можемъ констатировать, что оба стиха имѣютъ одинаковое окончаніе — — — — —, и въ немъ, очевидно, лежитъ вся сила того, что они ритмически другъ другу соотвѣтствуютъ. Часть, предшествующая этому твердо сложившемуся концу, въ одномъ состоитъ изъ 2-хъ долгихъ слоговъ, въ другомъ изъ двухъ трохеевъ. Но каждая изъ нихъ имѣла на себѣ, вѣроятно, одно метрическое удареніе, такъ что оба стиха представляютъ такую схему:

— — — — —
 — — — — —

Ни соединеніе трехстопнаго пареміака съ четырехстопнымъ, повидимому, стихомъ, ни соединеніе трохеевъ въ началѣ стиха съ дактилемъ во второй части не представляетъ ничего отличнаго отъ другихъ стиховъ надписей.

Если нужно дать названіе нашему стиху, то мы имѣемъ здѣсь соединеніе пареміака съ 3-имъ акаталектическимъ гликонеемъ¹⁾.

¹⁾ См. Rossbach², p. 527.

О ГОРОДѢ АНАСТАСІОПОЛѢ.

В. Р е г е л я.

Во время нашего путешествія по Эракии въ 1886 году нами было обращено особенное вниманіе на развалины, расположенныя въ юго-западной Эракии, на сѣверномъ берегу морскаго залива или озера Буругель, и извѣстныя подъ названіемъ „Буру-калесси“.

Объ этихъ развалинахъ говорятъ нѣсколько путешественниковъ турецкаго періода. Впервые упоминаетъ о нихъ Пьеръ Белонъ въ срединѣ XVI в. ¹⁾. Онъ называетъ ихъ „Bougon“ и положеніе ихъ въ большой болотистой равнинѣ на берегу озера съ соленою водою сравниваетъ съ положеніемъ города Aigues mortes въ южной Франціи. Въ началѣ XVIII в. эти развалины видѣлъ путешественникъ Павелъ Лукасъ ²⁾. Онъ называетъ ихъ „Bougon Caltet“ и говоритъ, что отсюда къ горамъ, на разстояніи болѣе 1.500 футовъ, проходитъ большая стѣна, толщиною въ 22 фута. По его мнѣнію, городъ былъ построенъ однимъ изъ послѣднихъ византійскихъ императоровъ для защиты отъ нападенія турокъ. Въ концѣ XVIII в. о разрушенной крѣпости „Bougon-Calessi“ говоритъ Феликсъ Божуръ ³⁾; онъ считаетъ ее городомъ Dicaea или крѣпостью, построенною вполнѣдствіи на мѣстѣ этого города. За нимъ, въ началѣ XIX в., англичанинъ Кларкъ ⁴⁾ посѣтилъ эти разва-

¹⁾ Les observations de plusieurs singularités et choses memorables, trouuées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie, et autres pays estranges, redigées en trois liures, par Pierre Belon du Mans, Paris, 1555. Латинскій переводъ принадлежитъ Карлу Клузію и появился въ 1605 г. Извлеченіе изъ книги Белона сообщено у Tafel, De via militari Romanorum Egnatia, Tubingae 1842, p. XIX—XXXI. См. lib. I, cap. 60.

²⁾ Voyage du Sieur Paul Lucas fait par ordre du roi dans la Grèce, l'Asie mineure, la Macédoine, vol. I, Amsterdam, 1714. Извлеченіе находится у Tafel, De via Egnatia, p. XXXI—XXXIX.

³⁾ Felix Beaujour, Voyage militaire dans l'empire Othoman, Paris, 1829. Извлеченіе у Tafel, De via Egnatia, p. XXXIX—XLVII.

⁴⁾ Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, vol. VIII. Извлеченіе у Tafel, De via Egnatia, p. LVIII—LXXIV.

*

лины и описываетъ ихъ подробно. Во время своего путешествія онъ прибылъ на сѣверномъ берегу озера къ живописнымъ развалинамъ очень большихъ размѣровъ, похожимъ на монастырь. Мощепая дорога шла чрезъ болото къ этимъ развалинамъ, отъ которыхъ сохранились почти всѣ стѣны и многія башни. Внутри стѣнъ онъ нашелъ остатки церкви и часовни, которыя, повидимому, были перестроены изъ другого строенія, служившаго для военныхъ цѣлей. Внутренняя часть этого строенія состояла изъ сводовъ, которые, очевидно, были задѣланы; стѣны ихъ были покрашены еще въ первыя времена христіанства. Кларкъ открылъ тамъ остатки греческой скульптуры, между прочимъ, часть женской статуи изъ бѣлаго мрамора. Затѣмъ онъ замѣтилъ остатки пропилей, съ тремя воротами съ каждой стороны входа. Одни ворота находились на западной сторонѣ строенія; здѣсь онъ замѣтилъ у основанія его остатки древней греческой архитектуры, заключавшіеся въ большихъ кускахъ мрамора, положенныхъ одинъ на другой безъ извести. Въ стѣнахъ церкви онъ обратилъ вниманіе на нѣсколько большихъ обтесанныхъ кусковъ вѣссоскаго мрамора, повидимому, служившихъ орнаментами греческаго храма. Наконецъ, ему удалось найти на этомъ мѣстѣ нѣсколько монетъ, но онѣ не дали ему никакого объясненія, такъ какъ всѣ онѣ были „церковныя“. Кларкъ называетъ эти развалины „Boğr Kalis“ и приходитъ къ заключенію, что это древній городъ Вистонія, упоминаемый еще Геродотомъ. Послѣдній путешественникъ, посѣтившій эту мѣстность, насколько намъ извѣстно, былъ Викенель ¹⁾, который „Bougoun-Kalessi“ или „Bour-Kalessi“ принимаетъ за развалины древнихъ Абдеръ.

Въ настоящее время вся мѣстность около Буру-гѣль вообще пользуется дурной славой, а самымъ таинственнымъ и загадочнымъ мѣстомъ здѣсь считается мѣсто Буру-калесси. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ носились о немъ самые странные и разнообразныя рассказы, которые могутъ служить весьма нагляднымъ доказательствомъ того, какъ способна увлекаться фантазія восточныхъ народовъ. По разсказу однихъ, окружность его составляла 3 сутокъ; другіе сообщали, что въ немъ всѣ стѣны покрыты надписями; третьи увѣряли насъ, что мѣсто покрыто терновникомъ и совершенно недоступно; четвертые убѣждали насъ, что въ густой чащѣ находится масса змѣй; нѣкоторые передавали, что все мѣсто совсѣмъ затоплено; шестые пытались запугать насъ тѣмъ, что развалины города служатъ постояннымъ убѣ-

¹⁾ Viquésnel, Voyage en Turquie d'Europe, Paris, 1868, II, p. 268.

жищемъ разбойничьихъ шаякъ. Проводники наши отказывались сопроводить насъ въ это ужасное мѣсто, такъ что мы вынуждены были предварительно захватить въ городъ Енидже и въ сопровожденіи двухъ заптіе (жандармовъ) отправились туда. Оказалось, что тамъ находятся развалины небольшого города, безъ надписей, безъ терновника, безъ змѣй, безъ воды и безъ разбойниковъ!

Буру-гѣль, древняя Вистовида, озеро или скорѣе морской заливъ, доходитъ почти до самыхъ Родопскихъ горъ. На узкомъ пространствѣ между сѣвернымъ берегомъ его и горами проходила *via Egnatia*, дорога изъ Солуны въ Константинополь. Здѣсь недалеко отъ сѣверо-западнаго берега и находится Буру-калесси—остатки прежняго города.

Развалины расположены на ровной мѣстности и представляютъ видъ неправильнаго параллелограмма, длинная сторона котораго обращена къ берегу. Весь городъ имѣлъ въ окружности отъ 20—30 минутъ и былъ окруженъ очень высокими и крѣпкими стѣнами, защищенными такими же башнями. Стѣны въ настоящее время бѣльшею частью обрушились, а башни отчасти сохранились. Мы насчитали на южной сторонѣ 4 башни, на западной — 2, на сѣверной — 4 и на восточной — 1. Отъ юго-восточнаго и юго-западнаго угловъ города двѣ такія же стѣны идутъ до самаго морского берега; благодаря имъ Буру-калесси былъ приморскимъ городомъ и имѣлъ свой портъ. Вообще, судя по высокимъ стѣнамъ и башнямъ, это былъ городъ трудно-доступный непріятелю. На южной сторонѣ, въ самой срединѣ города, находятся ворота, защищенные 2-мя изъ упомянутыхъ башенъ. Черезъ эти ворота былъ выходъ къ порту и отсюда же дорога шла изъ города въ юго-западномъ направленіи чрезъ другія ворота въ западной портовой стѣнѣ. На сѣверо-западномъ углу города находились другія ворота, также защищенные 2-мя изъ упомянутыхъ башенъ. Отсюда дорога шла на сѣверъ и соединяла городъ съ *via Egnatia*, проходившей между городомъ и горами.

Всѣ стѣны и башни построены изъ кирпича и несомнѣнно относятся къ древнѣйшей византійской эпохѣ. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ позднѣйшими византійскими постройками, напримѣръ, сосѣдняго Мессинъ-калесси и города Гюмюльджины, но по конструкціи мы находимъ самое близкое сходство ихъ со стѣнами и башнями города Никеи въ Малой Азій, постройка и возстановленіе которыхъ относится, главнымъ образомъ, къ III—IV в. по Р. Хр. На одной изъ башенъ находится монограмма изъ кирпича:

$$\begin{array}{c} \text{Т} \\ \text{К} \text{---} \text{Н} \\ \text{НН} \end{array}$$

Двѣ стѣны, идущія отъ города къ морскому берегу, имѣютъ отличную отъ другихъ стѣнъ конструкцію. Внутри городскихъ стѣнъ не сохранилось ничего, вся поверхность сравнялась съ землею. На сѣверъ идетъ другая стѣна до самыхъ горъ, служившая, повидимому, акведуктомъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ Буру-калесси никакихъ остатковъ древняго зданія или монастыря, никакихъ обломковъ оессоскаго мрамора или слѣдовъ древне-греческой скульптуры, о которыхъ говоритъ Кларкъ въ своемъ описаніи этого мѣста.

Обратимся къ вопросу о томъ, какому городу принадлежать развалины Буру-калесси. Мы привели выше мнѣнія Божура и Викенеля, которые отождествляютъ Буру-калесси съ городами Дикеей и Абдерами. Мелетій ¹⁾ и Кларкъ называютъ его городомъ Вистоніей (Βιστωνία πόλις), а Тафель ²⁾ считаетъ его византійскимъ городомъ Πόρος (Μπόρου = Вигу). Однако, доводы приводимые въ пользу указанныхъ мнѣній, не выдерживаютъ критики. При рѣшеніи вопроса о прежнемъ названіи Буру-калесси, первое мѣсто должно принадлежать извѣстіямъ Прокопія и Іоанна Кантакузина.

Прокопій ³⁾ сообщаетъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о постройкахъ, произведенныхъ Юстиніаномъ въ городѣ Анастасіополѣ, расположенномъ на морскомъ берегу юго-западной Θρακίης: 'Αναστασιούπολις δὲ ἡ τῇδε οὖσα τειχίρης μὲν καὶ πρότερον ἦν, ἐν δὲ τῇ παραλίᾳ κειμένη ἀφύλακτον εἶχε τὴν ταύτην ἡμίονα. τὰ πλοῖα πολλάκις ἀμέλει ἐνταῦθα καταίροντα ὑποχείρια βαρβάροις Οὐννοῖς ἐξαπινάτως γηγένηται· ὥστε καὶ τὰς νήσους ἐνθένδε τὰς τῇ χώρᾳ ἐπιχειμένας ἠνώχλησαν. 'Ιουστινιανὸς δὲ βασιλεὺς διατειχίσματι τὴν παραλίαν περιβαλὼν ὅλην, ταῖς τε ναυσὶ καὶ τοῖς νησιώταις τὴν ἀσφάλειαν ἀνεώσασατο. ἀλλὰ καὶ τὸν τοῦ ὕδατος ὀχετὸν ἐκ τῶν ὁρῶν, ᾧ ταύτῃ ἀνέχει, μέχρι εἰς τὴν πόλιν ὑπέρροχον ἀνέστησεν ὕψος. Списки митрополій и епископствъ Константинопольской церкви подтверждаютъ намъ существованіе епископства въ г. Анастасіополѣ. Въ болѣе древнее время епископъ былъ подчиненъ Адрианопольскому митрополиту ⁴⁾, а впослѣдствіи, послѣ основанія Родопской митрополіи, — Траянопольскому митрополиту ⁵⁾. Въ позднѣйшихъ спискахъ онъ слѣдовалъ непосредственно за епископами городовъ Мосинополя (нынѣ развалины Мессинъ-калесси) и Пороса (развалины недалеко отъ нынѣшняго Порто-Лагоса) и передъ епископомъ г. Ксанѳи. Названные три города находились: первый — на востокъ,

¹⁾ Μελετίου Γεωγραφία, XVIII, 6. Изд. Bevet. 1807, III, p. 55.

²⁾ De via Egnatia, pars II, p. 48 sq.

³⁾ De aedificiis, IV, 11, ed Bonn. III, 303 sq.

⁴⁾ Notitiae graec. episcop. ed. Parthey, p. 73, 161, 180, 196.

⁵⁾ Ibid., p. 122, 160, 179, 196, 219.

второй—на югъ и третій—на западъ отъ Буру-калесси, на нѣсколько часовъ разстоянія отъ него.

Итакъ, списки епископовъ доказываютъ намъ существованіе г. Анастасіополя именно въ этой мѣстности ¹⁾, а приведенное нами извѣстіе Прокопія объ этомъ городѣ во всѣхъ деталяхъ подходитъ къ Буру-калесси. Съ одной стороны, Прокопій сообщаетъ намъ, что городъ еще до Юстиніана былъ окруженъ стѣнами, но не имѣлъ защищеннаго порта, а потому гунны безпрепятственно грабили суда, стоявшія на берегу. Юстиніанъ впервые построилъ на морскомъ берегу стѣны, чѣмъ и предоставилъ городу и островамъ свободную и безопасную торговлю. Мы уже видѣли, что дѣйствительно стѣны Буру-калесси по своей конструкціи относятся къ древнѣйшему византійскому періоду. Отъ города къ морскому берегу идутъ двѣ отдѣльныя стѣны, которыя построены не одновременно съ городскими стѣнами; эти стѣны и были построены Юстиніаномъ и, весьма естественно, защищали портъ и свободное сообщеніе между портомъ и городомъ. Съ другой стороны, Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ построилъ большой акведукъ съ горъ въ Анастасіополь. Въ Буру-калесси дѣйствительно существуетъ отъ города въ горы большая стѣна, которая была извѣстна также какъ Павлу Лукасу ²⁾, такъ и географу Мелетію ³⁾ и, несомнѣнно, нѣкогда служила акведукомъ. Къ тому же, Буру-калесси единственное мѣсто, гдѣ море настолько приближается къ горамъ, что устройство акведука отъ горъ въ приморскій городъ оказывается возможнымъ; во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно находится отъ горнаго хребта на довольно большомъ разстояніи.

Названіе города Анастасіополя встрѣчается также въ дѣлахъ вселенскихъ соборовъ 787, 796 и 879 гг. ⁴⁾. Потомъ мы болѣе не встрѣчаемъ его имени.

Извѣстія Прокопія о городѣ Анастасіополѣ дополняются свѣдѣніями, которыя встрѣчаются у Іоанна Кантакузина. Онъ рассказываетъ намъ, что императоръ Андроникъ въ XIV в. восстановилъ городъ во Фракіи, который былъ основанъ императоромъ Анастасіемъ и получилъ отъ него названіе, а теперь былъ переименованъ въ Перивеорій ⁵⁾. Го-

¹⁾ По мнѣнію Тафеля, De via Egnatia, pars II, p. 37 sq., г. Анастасіополь находился на нижнемъ теченіи р. Кара-су (Эбра), на правомъ берегу.

²⁾ l. c.

³⁾ l. c.

⁴⁾ Mansi Concil. XII, 995, 1099; XIII, 143; XVII, 375.

⁵⁾ Ioann. Cantacuz. II, 38, ed. Bonn. I, p. 542: οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ περὶ Θράκην παρὰ λίον ἑτέραν πόλιν κατεσκαμμένην καὶ αὐτὴν, ἣς φασιν Ἀναστάσιον βασιλεῖα Ῥωμαίων οἰκιστὴν καὶ ἐξ ἐκείνου προσηγορευομένην, ἀνέστησεν αὐθις οὐ πᾶσαν, ἀλλ' ὅσον μάλιστα ἐνὴν ἀπολαβὼν, καὶ Περιθεώριον προσηγόρευσεν.—III, 32, ed. Bonn. II, p. 197: εἰς τὴν Ἀναστασίου πόλιν, ἣ Περιθεώριον ὑπὸ βασιλέως Ἀνδρονίκου προσηγόρευτο, ἐγένετο.

родъ, какъ видно изъ Кантакузина, былъ расположенъ на морскомъ берегу и находился недалеко отъ Мосинополя и Гюмюльджинны, на западъ отъ нихъ ¹⁾. Название города Периееорія встрѣчается также въ позднѣйшихъ епископскихъ спискахъ, причемъ дважды рядомъ съ названіемъ Анастасіополя ²⁾, и у другихъ византійскихъ писателей ³⁾.

Еще болѣе опредѣленно о мѣстоположеніи прежняго Анастасіополя отзывается французскій путешественникъ Bertrandon de la Brocquière. Въ 1433 г., на пути въ Серры, онъ прибылъ въ Комотжену (Гюмюльджину), оттуда въ Мосинополь (Месинъ-калесси) и затѣмъ на берегу залива въ Периееорій, который, по словамъ его, уже въ то время былъ разрушенъ и опустошенъ ⁴⁾. Изъ описанія его и Кантакузина вновь подтверждается, что Анастасіополь былъ построенъ въ V—VI в. по Р. Хр. и тождественъ съ византійскимъ городомъ Периееоріемъ; городъ находился на западъ отъ Гюмюльджинны и Мосинополя, на большомъ пути въ Македонію, былъ расположенъ на сѣверномъ берегу залива Буру-гѣль и имѣлъ высокія стѣны.

Извѣстія всѣхъ вышеприведенныхъ источниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что полумифическое „Буру-калесси“ тождественно съ древнимъ городомъ Анастасіополемъ, переименованнымъ въ послѣдствіи въ Периееорій.

¹⁾ III, 70, ed. Bonn. II, p. 429—430: βασιλεὶ δὲ τῷ Καντακουζηνῷ ἐν Κομμουτζηνοῖς τὴν ἐπάνοδον τῆς καὶ αὐτῷ ἐκδεχομένῳ, ἐδόκει δεῖν προελθεῖν ἐπὶ μικρὸν..... καὶ προῆλθεν ἄχρι πόλεως Μεσσηνίας παλαιᾶς..... ἣν γὰρ ὀλίγον ἐν ᾧ διεῖχε Περιθεώριον Μεσσηνίας. — IV, 42, ed. Bonn. III, p. 313: καὶ ἡ (Περσικὴ στρατιὰ) ἐκ τῆς Ἀδριανοῦ καὶ τῶν περὶ ἐκείνην πολιχνίων ἐπῆλθε Κομμουτζηνοῖς, καὶ ἄχρι Περιθεωρίου ἦλθεν. — IV, 45, ed. Bonn. III, p. 331: Παλαιολόγος δὲ ὁ βασιλεὺς.... περὶ Τένεδον τριήρεσι διατριβὼν.... ἦκεν εἰς Περιθεώριον καθεῖθεν εἰς Κομμουτζηνᾶ. — Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что дорога шла изъ Адрианополя чрезъ Гюмюльджинну и Мосинополь въ Периееорію, слѣдовательно, Периееорію находился на западъ отъ Мосинополя, и къ тому же недалеко отъ него.

²⁾ Notit. græc. episcop., p. 122, 136, 219, 234.

³⁾ См. Tafel, De via Egnatia, pars II, p. 44 sq.

⁴⁾ Bertrandon de la Brocquière, Voyage d'Outremer et retour de Jerusalem en France par la voie de terre, pendant le cours des années 1432 et 1433, въ Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Sciences morales et politiques, t. V, p. 571 сл.; Péritiq, ville ancienne et autrefois considérable, est sur un golfe qui s'avance dans les terres d'environ quarante milles, et qui part de Monte-Santo, où sont tant de caloyers. Elle a des Grecs pour habitans, et pour défense de bonnes murailles, qui cependant sont entamées par de grandes brèches. De là, pour aller à Lessère, le chemin est une grande plaine.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦИИ ВЪ „ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΑΖΟΥΣΑХЪ“ АРИСТОФАНА.

В. ЕРНШТЕДТА.

Въ „Θεσμοφοριαζουσαхъ“ Аристофана дѣйствіе происходитъ сначала передъ домомъ поэта Агаэона, затѣмъ передъ храмомъ Θεσμοφορѣ. Гдѣ именно, т.-е. послѣ какихъ словъ комедіи прекращается дѣйствіе въ одномъ мѣстѣ и начинается дѣйствіе въ другомъ, на это въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ (Диндорфа, Бергка, Мейнеке, Фельзена, Blaydes'a), по обыкновенію, нѣтъ указаній, хотя вопросъ этотъ, естественно возникающій передъ каждымъ читателемъ поэта, вовсе самъ собою не рѣшается. Въ литературѣ Аристофана и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его мы находимъ рѣшенія различными и, какъ мнѣ кажется, болѣе или менѣе неудачными.

Для удобства читателей, приведемъ все то мѣсто комедіи, въ предѣлахъ коего гдѣ-нибудь необходимо допустить перемѣну сцены ¹⁾. Агаэонъ удаляется въ свой домъ послѣ словъ (265): εἴσω τις ὡς τάχιστα μ' ἐσχωλησάτω. Затѣмъ говоритъ Еврипидъ:

ἀνὴρ μὲν ἡμῖν οὕτως καὶ δὴ γυνή
τό γ' εἶδος ἦν λαλήεις δ', ὅπως τῷ φθέγματι
γυναικεῖς εἴ καὶ πιθανῶς.

ΜΗΝΣΙΛΟΧΟΣ

πειράσομαι.

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

βάδιζε τοῖνον.

¹⁾ Говорю покуда о перемѣнѣ сценъ, т.-е. мѣста дѣйствія, чтобы не предпрѣшать вопроса о перемѣнѣ декораціи. Хотя бы декорація въ продолженіе всей комедіи оставалась одна и та же, каждое слово «Θεσμοφοριαζουσα» произносится, конечно, на томъ или другомъ мѣстѣ дѣйствія.

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

μὰ τὸν Ἀπόλλω οὐκ, ἦν γε μὴ

270. ὁμόσης ἐμοὶ

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

τί χρῆμα;

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

συστώσειν ἐμέ

πάσαις τέχναις, ἦν μοί τι περιπίπτῃ κακόν.

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

ὁμνυμι τοίνυν αἰθέρ' οἴκησιν Διός.

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

τί μᾶλλον ἢ τὴν Ἴπποκράτους ξυνοικίαν;

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

ὁμνυμι τοίνυν πάντας ἄρδην τοὺς θεούς.

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

275. μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φρὴν ὤμοσεν
ἡ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοχ', οὐδ' ὤρκωσ' ἐγώ.

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

ἔκσπευδε ταχέως· ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.
ἐγὼ δ' ἄπειμι.

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

δεῦρό νυν, ὦ Θραῦτθ', ἔπου.

280. ὦ Θραῦττα, θέασαι, καομένων τῶν λαμπάδων
ὅσον τὸ χρῆμ' ἀνέρχεθ' ὑπὸ τῆς λιγνύος.
ἀλλ', ὦ περικαλλῇ Θεσμοφόρῳ, δέξασθέ με
ἀγαθῇ τύχῃ καὶ δεῦρο καὶ πάλιν οἴκαδε.
ὦ Θραῦττα, τὴν χίστην κάθελε, κατ' ἔξελε
285. τὰ πόπαν', ὅπως λαβοῦσα θύσω τοῖν θεοῖν.
δέσποινα πολυτίμητε Δήμητερ φίλῃ
καὶ Φερσέφαττα, πολλὰ πολλάκις μέ σοι
θύειν ἔχουσιν, εἰ δὲ μᾶλλον νῦν λαθεῖν.
καὶ τὴν θυγατέρα χοῖρον ἀνδρός μοι τυχεῖν

290. πλουτοῦντος, ἄλλως δ' ἡλιθίου κάβελτέρου,
καὶ ποσθαλίσκον νοῦν ἔχειν μοι καὶ φρένας.
ποῦ ποῦ καθίζωμ' ἐν καλῷ, τῶν ῥητόρων
ἴν' ἐξακούω; σὺ δ' ἀπιθ', ὦ Θραῦττ', ἐκποδῶν
δοῦλοις γὰρ οὐκ ἔξεστ' ἀκούειν τῶν λόγων.

Далѣе, женщина-глашатай провозглашаетъ: εὐφημία ἔστω, εὐφημία ἔστω. εὐχεσθε τοῖν Θεσμοφόροις и т. д. Черта, проведенная въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напримѣръ, у Фриче и Энгера, подъ стихомъ 294, не имѣетъ отношенія къ вопросу о перемѣнѣ сцены, судя по тому, что Фриче и Энгерь перемѣну сцены, какъ мы сейчасъ увидимъ, предполагаютъ раньше. Геппертъ, *Die altgriechische Bühne* (Leipzig, 1843), p. 165, дѣйствительно говоритъ о *Veränderung der Scene* въ этомъ мѣстѣ, но это, должно быть, просто недосмотръ, какъ можно думать уже въ виду того, что онъ слова глашатая εὐφημία ἔστω, εὐφημία ἔστω и т. д. называетъ *Chorgesang*, пѣснью хора, будто бы предназначенной „главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать менѣе замѣтною остановку, наступившую въ дѣйствиіи вслѣдствіе перемѣны сцены и чѣмъ-нибудь наполнить промежутки“.

Фриче, Энгерь и нѣкоторые другіе ученые ¹⁾, по примѣру Брунка, считаютъ, что перемѣна декораціи происходитъ вслѣдъ за стихами (275—76):

μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φρὴν ὤμοσεν,
ἡ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοχ', οὐδ' ὥρχωσ' ἐγώ.

Что именно приводило ихъ къ такому заключенію, объ этомъ мы скажемъ ниже; но почему бы они такъ ни думали, мнѣніе это несостоятельно, ибо, если бы, начиная уже отъ ст. 277 (слова Еврипида):

ἔχσπευδε ταχέως· ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται,

сцена изображала не домъ Агаѳона, а Θεσμοφορίи, то Мнисилоху незачѣмъ было бы уходить, а тѣмъ менѣе торопиться, чтобы поспѣть къ Θεσμοφορίю.

Ближе къ истинѣ, какъ намъ кажется, взглядъ Шёнборна (A. Schönborn, *Die Skene der Hellenen*, Leipzig, 1858, p. 302) и Крузе (Heng. Kruse, *Quaestiones Aristophaneae*, Flensburg, 1874, p. 25), полагающихъ, что перемѣна декораціи происходитъ послѣ словъ Еври-

¹⁾ Въ томъ числѣ Эрнестъ Дройзенъ (*Quaestiones de Aristophanis re scaenica*, Bonnæ, 1868, p. 68 сл.) и J. W. White (*The «Stage» in Aristophanes: Harvard Studies* 1891, p. 200²).

пида ἐγὼ δ' ἄπειμι (279). Эти слова, несомнѣнно, произносятся еще передъ домомъ Агаѳона. Но возможно-ли, какъ бы мало времени ни требовалось на переѣзду декораціи (а требовалось, вѣроятно, не такъ-то мало). возможно-ли, чтобы новое *дѣйствіе*, послѣ хотя бы минутнаго полнаго опустѣнія сцены, начиналось въ серединѣ стиха? Конечно, нѣтъ: такого нарушенія единства стиха не позволить себѣ и новый поэтъ, а тѣмъ менѣе могъ допустить его древній. Во всякомъ случаѣ, предположить нѣчто подобное мы не имѣемъ никакого права.

Несомнѣнно, однако, что въ стихахъ 280 сл.

ὦ Θράττα, θέασαι, καομένων τῶν λαμπάδων
 ὅσον τὸ χρῆμ' ἀνέρχεται ὑπὸ τῆς λιγυρίας

мы находимся уже предъ Фезмофоріемъ. Отсюда слѣдуетъ, что переѣздна декораціи, если таковая имѣетъ мѣсто, происходитъ въ концѣ стиха 279, т.-е. послѣ словъ Мнисилоха: δεῦρό νυν, ὦ Θράττ', ἔπου. Съ этими словами „свойственникъ“ Еврипида, достаточно подразнивши поэта, направляется, наконецъ, къ выходу (ἐκσπεύδει). Съ такими же словами, чтобы привести одинъ примѣръ изъ нѣсколькихъ, въ „Мирѣ“, передъ первую парабазою, удаляется Тригей, вмѣстѣ съ Опорою и Теопрією (726 сл.):

δεῦρ', ὦ χόρα,
 ἔπεισθον ἄμ' ἐμοὶ θάττον, ὥς πολλοὶ πάντες
 ποδοῦντες ὑμᾶς ἀναμένουσ' ἐστουχότες.

Насъ спросятъ: если первое дѣйствіе кончается не раньше словъ Мнисилоха: δεῦρό νυν, ὦ Θράττ', ἔπου, а послѣ нихъ, то откуда является ѳракіянка-рабыня, къ которой они обращены? Шёнборнъ, въ указанномъ мѣстѣ, говоритъ, между прочимъ: „что Мнисилохъ совершенно удаляется со сцены, видно въ особенности изъ того, что онъ послѣ ст. 279 является въ сопровожденіи ѳракіянки. О послѣдней раньше, когда онъ вмѣстѣ съ Еврипидомъ направлялся къ дому Агаѳона, не было рѣчи; да она и не могла сопровождать его, такъ какъ Еврипидъ въ то время не предполагалъ самъ воспользоваться необходимыми для жертвоприношенія предметами или отдать ихъ Мнисилоху, а предполагалъ отправить вмѣсто себя Агаѳона на празднество Фезмофорій“. Мы отчасти согласны съ Шёнборномъ. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы Еврипидъ съ Мнисилохомъ явились къ Агаѳону въ сопровожденіи совершенно ненужной имъ служанки, присутствіе которой во всемъ первомъ дѣйствіи нисколько не замѣтно: предложеніе Мнисилоха замѣнить Агаѳона, который отказывается отъ предназначавшейся ему роли, для Еврипида неожиданно (ст. 210 и 212), а Мпи-

силохъ въ началѣ пьесы не знаетъ даже, куда его ведутъ. Но отсюда все-таки никомъ образомъ не слѣдуетъ, что новое дѣйствіе начинается въ срединѣ стиха 279. Гдѣ бы мы ни предположили начало новаго дѣйствія, оракіянкѣ, все равно, взятыя неоткуда. Если Мнисилохъ, въ полной аммуниціи, съ благословенія Еврипида направляется на глазахъ публики въ Θεσμοφορίю *безъ оракіянки*, то онъ и прибыть туда долженъ, послѣ перемѣны декораціи, безъ оракіянки. Въ „Θεσμοφοριαзусахъ“ щучье велѣнье и вообще сказочные мотивы ни причесть. Очень сообразительные люди скажутъ, вѣроятно, что Мнисилохъ, уходя вмѣстѣ съ Еврипидомъ послѣ словъ ἐγὼ δ' ἄπειμι, можетъ вѣдь на пути къ Θεσμοφορίю зайти домой и оттуда взять рабыню. Такимъ людямъ можно отвѣтить, что 1) Мнисилоху, конечно, крайне неловко было бы показаться дома въ томъ нарядѣ, въ какомъ онъ покидаетъ домъ Агаѳона, 2) и времени-то не могло быть для того, чтобы зайти домой и захватить все нужное для жертвоприношенія, ибо, по словамъ Еврипида, на Θεσμοφορίѣ уже показался (невидимый для театральной публики) сигналъ, возвѣщающій о началѣ праздника:

ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῇ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.

Будь оракіянка необходима (хотя она не говоритъ ни слова и считается присутствующей только въ продолженіе 15-ти стиховъ, 279 — 294), ее можно было бы взять на прокатъ у Агаѳона, въ придачу къ остальной экипировкѣ Мнисилоха. Но поэтъ, должно быть, призналъ болѣе цѣлесообразнымъ обойтись безъ дѣйствительнаго присутствія оракіянки. Второе дѣйствіе начинается съ „комического выхода“ Мнисилоха, который съ надлежащимъ шаржемъ представляетъ аѳинскую мѣщанку, сознающую, что сегодня на ея улицѣ праздникъ. Обращенія къ служанкѣ составляютъ необходимую принадлежность ея суетливости и трескотни, но каррикатурность обращенія еще подчеркивается отсутствіемъ служанки. При этомъ нѣтъ никакого препятствія допустить, что Мнисилохъ начинаетъ свое фиглярство еще до ухода со сцены, или, лучше сказать, во время самаго ухода, именно словами: θεῶρόν μου, ὦ Θράξ, ἔπου. Напротивъ того, если „комическій выходъ“, съ обращеніями къ отсутствующей оракіянкѣ, начинается, собственно, еще при уходѣ, то этимъ уничтожается всякая возможность недоумѣнія со стороны публики по поводу такого обращенія при новомъ появленіи Мнисилоха. Теперь слова: ὦ Θράξ, θέασαι и т. д. сразу должны встрѣтить дружный взрывъ веселости.

Какимъ образомъ должно себѣ представлять перемѣну декораціи по-

слѣ ст. 279, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться; распространяться объ этомъ нѣтъ и возможности, ибо мы, говоря откровенно, ничего достовѣрнаго на этотъ счетъ относительно V-го вѣка не знаемъ. Нѣкоторые ученые, преимущественно нѣмецкіе, держатся теперь того взгляда, что ни въ другихъ комедіяхъ Аристофана, ни въ „Θεσμοφορίазусахъ“ никакой *Scenenverwandlung* не было. По мнѣнію Ніяра ¹⁾, въ „Θεσμοφορίазусахъ“ *fuit per totam fabulam una scaena, eratque in media Thesmophorion repraesentatum, iuxta domus Agathonis*. Если это такъ, то 1) подтверждается то, что выше сказано о еракіянѣ, 2) ясно, что Мнисилохъ со словами *δεῦρό νυν, ὡ Θράτθ', ἔπου*, а не раньше, удаляется отъ дома Агаѳона, чтобы подойти къ Θεσμοφορίю. Но Ніяръ ошибается, по крайней мѣрѣ, относительно „Θεσμοφορίазусъ“. Напрасно онъ ссылагся на слова Еврипида:

ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.
ἐγὼ δ' ἄπειμι

и говорить: *debebat hoc de Thesmophorio praesente dici, quia socer statim in scaena ad templum pergere iubetur*. Какой бы ни былъ сигналъ на Θεσμοφορίѣ, онъ долженъ быть видимъ издали, и указывать на таковой сигналъ естественнѣе издали. Во всякомъ случаѣ, Ніяръ упустилъ изъ виду, что Еврипидъ передъ приведенными сейчасъ словами говорилъ Мнисилоху: *ἔκσπευδε ταχέως*, а если нѣкоторые новые ученые вмѣсто *ἔκσπευδε* читаютъ *καὶ σπεῦδε* (Гамакеръ) или *οὐ σπεῦδε* (Фельзенъ), то вѣдь съ ними можно и не согласиться, тѣмъ болѣе, что съ обѣими конъектурами согласиться трудно.

Почему же нѣкоторые ученые, какъ сказано выше, держались или держатся еще теперь того мнѣнія, что перемѣна декораціи происходитъ послѣ стиховъ (275—276):

μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φρὴν ὤμοσεν,
ἡ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοχ', οὐδ' ὥρκωσ' ἐγώ

Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ, но съ его основаніемъ считаться необходимо. Основаніе внушительное: ссылаются не только на слова схолиаста, но, сверхъ того, на свидѣтельство еще болѣе древнее, принадлежащее чуть-ли не самому поэту и заключающееся въ такъ-называемой *παρεπιγραφῇ* Равенскаго кодекса. Именно послѣ ст. 276 въ этомъ кодексѣ *sequitur novo versu in contextu verborum παρεπιγραφη*:

¹⁾ Joh. Niejahr, *Quaestiones Aristophaneae scaenicae*, Diss. Gryphiswald. 1877, p. 33.

—ὁλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται ¹⁾), а схоліастъ замѣчаетъ: παρεπιγραφή. ἐκκυ-
κλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον. Брункъ, слѣдую Кустеру, читаетъ па-
рэпиграфу такъ: ὁλολύζουσι γυναῖκες. ἱερὸν ὠθεῖται, и, отлично отъ Ку-
стера, поясняетъ ²⁾): In parepigrapha post hunc versum verba ἱερὸν ὠθεῖ-
ται significant scenae conspectum mutari, et machinarum opе, ut apud nos
fieri solet, templum propelli, seu novum scenae apparatus templi speciem
exhibere. Поправка γυναῖκες вм. τε довольно смѣла, однако она цѣли
своей не достигаетъ, ибо вторая половина парэпиграфы остается очень
странной. Берглеръ предложилъ читать: γέρων ὠθεῖται, Рейске: ἱερὸν αἰωρεῖ-
ται, Боте: τό τε ἱερὸν ὠθεῖται, наконецъ Фриче: τὸ (вм. τε) ἱερὸν ὠθεῖται.
Все это не только не убѣдительно, но даже невозможно, по причинамъ,
объяснять которыя, кажется, нѣтъ надобности. Гольцингеръ (Karl. R.
v. Holzinger), въ своей монографіи Ueber die Parepigraphae zu Aristo-
phanes (Wien, 1883), р. 21 сл., останавливается, за неимѣніемъ луч-
шаго, на редакціи Фриче: ὁλολύζουσι. τὸ ἱερὸν ὠθεῖται, хотя, разумѣется,
τὸ ἱερὸν ὠθεῖται, „святыня (или святилище) *толкается*“, совер-
шенно немыслимое выраженіе. Быть можетъ, кто-нибудь предложитъ
ἔξωθεῖται вм. ὠθεῖται, съ намекомъ болѣе прозрачнымъ на машину, ἔξω-
стра. Но стоитъ-ли вообще трудиться надъ возстановленіемъ парэпи-
графы, долженствующей свидѣтельствовать о перемѣнѣ декораціи, когда
никакой такой перемѣны въ этомъ именно мѣстѣ допустить невоз-
можно? Намъ возразятъ указаніемъ на схолію (παρεπιγραφή. ἐκκυκλεῖται
ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον), авторъ которой вѣдь констатируетъ суще-
ствованіе парэпиграфы и, повидимому, перифразируетъ ее, подобно
тому, какъ схоліастъ того же Равеннскаго кодекса замѣчаетъ, напри-
мѣръ, къ „Птицамъ“ 222: αὐλεῖ:—τοῦτο παρεπιγέγραπται, δηλοῦν ὅτι μι-
μεῖται τις τὴν ἀηδῶνα (въ текстѣ послѣ ст. 222 дѣйствительно есть пар-
эпиграфа αὐλεῖ), а къ „Θεσμοφορίαзусамъ“ 129: ὁλολύζει:—παρεπιγραφὴ
τοῦτο. εἰπόντος γάρ τοῦ Ἀγάθωνος ὁ κηδεστὴς τοῦ Εὐριπίδου ὁλολύζει εἰς τὴν
θηλύτητα αὐτοῦ κтл. (въ текстѣ послѣ ст. 129 есть парэпиграфа: ὁλολύζει
γέρων=ὁλολύζει ὁ γέρων). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ схоліастъ
только констатируетъ парэпиграфу, не перифразируя, не объясняя ея.
Такъ, на примѣръ, схолія Равеннскаго кодекса къ „Лягушкамъ“ 1264
гласитъ: διαύλιον διαυλεῖ τις (читай проσαυλεῖ τις): τοῦτο παρεπιγραφή,
ὥσπερ καὶ ἄλλα πολλάκις; въ текстѣ надъ ст. 1264 стоитъ: διαύλειον πρὸς

¹⁾ Примѣч. Фельзена къ ст. 277. Рукописное преданіе «Θεσμοφορίαзусъ» основано на одномъ codex Ravennas, съ котораго списанъ cod. Augustanus (Monacensis) и по кото-
рому сдѣлана editio princeps. См. Velsen, Ueber den codex Urbinas der Lysistrata und
der Thesmophoriazusen des Arist., Halle, 1871.

²⁾ Кустеръ самъ переводитъ: Clamorem inter sacra tollunt mulieres.

αὐλεῖ τις (= διαύλιον προσαυλεῖ τις). Нигдѣ однако, сколько я могъ замѣтить ¹⁾, схоліастъ не ограничивается перифразомъ одной части парэпиграфы, какъ въ разбираемомъ мѣстѣ, если считать, что схоліа ἐκχυλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον относится къ словамъ: ὁλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ относящихся сюда случаяхъ схоліастъ иногда не считаетъ нужнымъ дать перифразъ парэпиграфы, но никогда не забываетъ привести самую парэпиграфу, или въ формѣ леммы схоліи, или въ самой схоліи. Въ данномъ случаѣ ничего такого нѣтъ. Наша схоліа леммы не имѣетъ и никакими соотвѣствующими другъ другу знаками не связана со словами: ὁλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται. Какое же имѣемъ мы хоть вѣшнее основаніе относить ее къ этимъ именно словамъ?

Въ новыхъ изданіяхъ схолій на Аристофана, а также у А. Мартена (Les scolies du manuscrit d' Aristophane à Ravenne), передъ схоліею: παρ-επιγραφῇ. ἐκχυλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον стоитъ цифра 277, что, правда, не мѣшало бы относить ее къ словамъ ὁλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται, помѣщающимся между стихами 276 и 277, но не мѣшаетъ также, полагаемъ, отнести помянутую схолію къ стиху 277 и послѣдующему:

ἔσπευδε ταχέως, ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.

Парэпиграфою схоліастъ назвалъ подчеркнутыя нами слова потому, что въ нихъ упомянуто, по его мнѣнію (на нашъ взглядъ, ошибочному), о появленіи предъ зрителями Θεσμοφορία и что упоминаніе о появленіи сопровождается фактомъ появленія. Слово παρ-επιγραφῇ тутъ употреблено въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Дѣло въ томъ, что этотъ терминъ имѣетъ въ схоліяхъ на Аристофана не одно, а два значенія, какъ прекрасно доказалъ Гольдингеръ въ указанной выше монографіи, хотя онъ доказываетъ, собственно, протівоположное. Παρ-επιγραφῇ означаетъ, во-1-хъ, какъ мы видѣли, приписку къ тексту пьесы, указывающую на нѣчто происходящее (или слышное) на сценѣ помимо рѣчей дѣйствующихъ лицъ; такихъ приписокъ въ рукописномъ преданіи древнихъ сценическихъ поэтовъ оказывается немного, мало въ особенности у трагиковъ, больше у Аристофана; во-2-хъ, παρ-επιγραφῇ можетъ означать такіа слова самого текста пьесы, которыя указываютъ на какое-нибудь происходящее на сценѣ дѣйствіе; иначе сказать, παρ-επιγραφῇ можетъ озна-

¹⁾ Матеріалъ собранъ у Э. Дройзена и у Гольдингера въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

чать слова текста, замѣняющія собою или дѣлающія излишнею пар-эпиγραφу первой категоріи. Изъ числа *παρεπιγραφαί*, упоминаемыхъ въ схоліяхъ, большинство принадлежитъ во второй категоріи, хотя Гольцингеръ всячески старается все свести къ первой. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ *codex Venetus* въ ст. 256 „Мира“ есть схолія: *οὗτοσί γὰρ κόνδυλος*: — *παρεπιγραφή*: ἅμα γὰρ τῷ εἰπεῖν δίδωσιν αὐτῷ τὸν κόνδυλον. Въ томъ же кодексѣ къ ст. 424 той же комедіи есть схолія: *δῶρον δίδωμι*: — *παρεπιγραφή*: τοῦτο γὰρ εἰπὼν φιάλην χρυσὴν δίδωσιν αὐτῷ. Тамъ же къ ст. 118: *ἀλλ' ἀρπάσομαι σφῶν αὐτά* имѣется схолія: *παρεπιγραφή*: ταῦτα γὰρ εἰπὼν χλευάζει καὶ ἀναιδῶς ἀρπάζει κтл. Къ „Всадникамъ“ ст. 155 сл.:

ΔΗ. ἄγε δὴ σὺ κατὰθου πρῶτα τὰ σκεύη χαμαί·
ἐπειτα τὴν γῆν πρόσχυσον καὶ τοὺς θεούς.

ΑΛ. ἰδοὺ· τί ἔστιν;

Въ томъ же кодексѣ замѣчаетъ схоліастъ *ἰδοὺ*: *πεποίηκεν δ προσέταξε*. *παρεπιγραφή* δὲ καλεῖται τὰ τοιαῦτα πάντα; съ чѣмъ можно сравнить схолію другого кодекса къ „Облакамъ“ 82: *ἰδοὺ· τί ἔστιν*: — *τὸ αἰτηθὲν παρὰ τοῦ πρεσβύτου ποιῶν ὁ νεανίσκος τὴν δεξιὰν ὥρεξεν αὐτῷ*. καὶ δῆλον ὅτι *παρεπιγραφή* τὸ *ἰδοὺ*. Къ ст. 432 сл. „Всадниковъ“:

ΑΛ. ἐγὼ δὲ συστείλας γε τοὺς ἀλλᾶντας εἴτ' ἀφήσω

κατὰ κῆμ' ἐμαυτὸν οὖριον, κλέειν σε μακρὰ χελεύσας

въ *cod. Ven.* есть схолія: *καὶ τοῦτο παρεπιγραφή*: δ γὰρ εἶπε, καὶ ποιεῖ κтл. Къ тѣмъ же „Всадникамъ“ ст. 710:

ΚΛ. ἔλξω σε πρὸς τὸν δῆμον, ἵνα δῶς μοι δίκην

тотъ же *cod. Ven.* имѣетъ схолію: *ἠττήθη γὰρ ἐν τῇ βουλῇ*. *παρεπιγραφή* δέ· *ποιεῖ γὰρ ὅπερ εἶρηκεν*. Кромѣ того, обратимъ вниманіе еще на двѣ схоліи Венеціанскаго кодекса къ „Всадникамъ“. Къ ст. 1 *Ἰατταταιδὲς* одна изъ схолій гласитъ: *σχετλιαστικὸν τὸ ῥῆμα*. *παρεπιγραφή* δὲ λέγεται, ἀλλὰ καὶ γίνεται τοῖς σχήμασιν. Вѣроятно, должно быть: *παρεπιγραφή* δέ· λέγεται ἅμα καὶ γίνεται τοῖς σχήμασιν ¹⁾. Къ ст. 373 *τὰς βλεφαρίδας σου παρατιλῶ* схоліастъ замѣчаетъ: *παρεπιγραφή* τὸ *σχῆμα*: ἐπὶ γὰρ τὰς ὀψεις τοῦ ἀλλαντοπώλου ἐπιβαλὼν τὰς χεῖρας τὰ βλέφαρα ἐκτίλλει. Отсюда мы узнаемъ — о чемъ, впрочемъ, могли бы и сами догадаться, — что во второмъ значеніи *παρεπιγραφή* есть риторическая *σχῆμα*, т.-е. *σχῆμα* τοῦ λόγου, специально *τῆς διανοίας*. См. также схол. на Евр. Эк. 812 (*οἶμοι τάλαίνα*: — *παρεπιγραφή* τὸ *σχῆμα*) и Цеца къ Ликофрону Алекс. 1 (*λέξω τὰ*

¹⁾ Другія, болѣе сложныя поправки см. у Гольцингера, р. 41 сл.
сворникъ.

πάντα νητρεχῶς ἃ μ' ἱστορεῖς: τοῦτο τὸ σχῆμα καὶ ὁ ποιητικὸς τρόπος παρ-
επιγραφῇ καλεῖται, ὅτι ὁ ἄνωθεν οὐκ ἐμφαίνεται δείκνυται παρeπiγραφόμενον
ἐκ τῆς χειμένης γραφῆς). Въ такомъ значеніи терминъ *παρeπiγραφῇ* встрѣ-
чается не только въ *cod. Venetus* и въ *codd. recentiores*, но уже и въ
Равеннскомъ, именно три или четыре раза въ *схολіяхъ*, общихъ Ра-
веннскому и Венеціанскому кодексамъ („Миръ“ 250, „Облака“ 3.
1240 и, по свидѣтельству Мартена, также 734, см. Holzinger l. l.,
p. 36), и одинъ разъ въ Равеннскомъ кодексѣ одномъ, „Обл.“ 267:
παρeπiγραφῇ διπλασιάσας γὰρ τὸ ἱμάτιον περιβαλέσθαι φησὶν αὐτὸ θέλειν
ὕπὲρ τοῦ σκέπεσθαι. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія приписать, какъ
это дѣлаетъ Гольцингеръ, Цепу „заблужденіе“, въ силу котораго *παρeπiγραφῇ*
получило второе значеніе. Это „заблужденіе“ гораздо древнѣе;
оно не моложе того времени, которому принадлежалъ общій архетипъ
Равеннискаго и Венеціанскаго кодексовъ.

Итакъ, мы имѣемъ полное право отнести *схολію παρeπiγραφῇ*.
ἐκκυχλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον къ стихамъ 277 сл.:

*ἔκσπευδε ταχέως, ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ θεσμοφορείῳ φαίνεται.*

Есть-ли, послѣ этого, еще какое-нибудь основаніе принимать слова
ὀλολύρουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται за *παρeπiγραφῇ*? Намъ кажется, что нѣтъ.
Если же эти слова не составляютъ *παρeπiγραφῇ*, то они могутъ быть
только искаженнымъ триметромъ, исправить который, быть можетъ, не
такъ трудно, какъ должно казаться на первый взглядъ. Припомнимъ
то, что непосредственно предшествуетъ у Аристофана. Мнисилохъ ко-
стюмированъ и загримированъ для своей роли на празднествѣ *Θεσμο-*
φορίῳ; Еврипидъ говоритъ ему: „ступай теперь!“ Но Мнисилохъ не
склоненъ торопиться: онъ требуетъ формальной клятвы въ томъ, что
Еврипидъ всѣми силами будетъ выручать его, въ случаѣ, если съ нимъ
приключится бѣда. Еврипидъ клянется, разумѣется, по своему (ср.
Евр. fr. 487), „эеиромъ, жилищемъ Зевса“ (272):

ἔμνομι τοίνυν αἰθέρ', οἴκησιν Διός.

Мнисилохъ недоволенъ и спрашиваетъ саркастически:

τί μᾶλλον ἢ τὴν Ἰπποκράτους ξυνοικίαν;

„Почему не лучше—меблированными комнатами Иппократа?“ Тогда
Еврипидъ клянется (ср. Евр. Мед. 747) „всѣми богами залпомъ“:

ἔμνομι τοίνυν πᾶσιν ἄρδην τοῖς θεοῖς.

Но Мнисилохъ и тутъ находитъ къ чему придраться: Еврипидъ вѣдь
покаялся, не сказавъ при этомъ, въ чемъ клянется. Мало-ли въ чемъ
онъ могъ поклясться въ душѣ своей? Эту мысль Мнисилохъ выражаетъ

въ формѣ пародіи на извѣстный стихъ изъ „Ипполита“, за который поэтѣ такъ часто доставалось:

μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φρὴν ὤμοσεν,
ἢ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοχ',

„ну, такъ помни, что душа твоя повлялась, но уста не клялись“, и прибавляетъ:

οὐδ' ὄρκωσ' ἐγώ,

„а такой клятвы (какую ты, чего добраго, въ душѣ произнесъ) я отъ тебя не требовалъ“. По принятому тексту, Мнисилохъ не договариваетъ: „и не принимаю я твоей клятвы; дѣлай, что хочешь!“ Онъ не серьезно пѣтитъ, но, въ отместку за прошедшую непріятную операцію и за предстоящую незавидную роль, старается немного вывести Еврипида изъ терпѣнія. Еврипидъ это понимаетъ и прогоняетъ его, наградивъ лестнымъ эпитетомъ (котораго въ нашемъ текстѣ нѣтъ) и указавъ, что сигналъ на Θεσμοφορίῃς уже виденъ: мѣшкать нечего. Предлагаемъ читать:

ΜΝ. μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φρὴν ὤμοσεν,
ἢ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοχ', οὐδ' ὄρκωσ' ἐγώ,
οὐδὲ δέχομαι τὸν ὄρκον.

ΕΥΡ. ὦ θλιώτατε,
ἔσπευδε ταχέως, ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας κτλ.

Ср. „Ляг.“ 589: δέχομαι τὸν ὄρκον κατὰ ταῦτοις λαμβάνω.

Ходъ порчи мы себѣ представляемъ такимъ образомъ. Стихъ:

ΟΥΔΕΔΕΧΟΜΑΙ ΤΟΝ ΟΡΚΟΝ . ΩΘΛΙΩΤΑΤΕ

вслѣдствіе случайныхъ поврежденій получилъ, приблизительно, такой видъ:

Ο≡ΛΓΛ≡≡ΟΥ≡ΙΤС≡ΙСР≡ΟΝ ΩΘ≡Ι≡ΤΑΙ≡

изъ чего какой-нибудь переписчикъ или корректоръ сдѣлалъ

ΟΛΟΛΥΖΟΥΣΙ ΤΕ· ΙΕΡΟΝΩΘΕΙΤΑΙ,

можетъ быть, воображая, что эти слова составляютъ древнюю парэпиграфѣ.

Кто одобряетъ, въ сущности, ходъ мыслей, приведшій насъ къ заключенію о томъ, что слова ὀλολύζουσι τε· ἱερὸν ὠθεῖται сѣтъ искаженный стихъ, согласится, что для довершенія нашего разсужденія мы обязаны были показать, какой, примѣрно, стихъ, болѣе или менѣе похожій по начертаніямъ на мнимую парэпиграфѣ, былъ бы умѣстенъ въ данномъ случаѣ. Если не окажется возможнымъ изъ тѣхъ же данныхъ извлечь нѣчто лучшее или хотя бы равное по достоинству, то въ этомъ уже будетъ заключаться косвенное подтвержденіе нашей по-

*

пытки восстановленія стиха. Надѣяться на другого рода подтвержденіе или опроверженіе врядъ-ли возможно.

Коснувшись вопроса о парэпиграфахъ и новѣйшей монографіи о нихъ Гольцингера, мы позволимъ себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ одномъ мѣстѣ схолій на Аристофана, которое, по мнѣнію названнаго ученаго (р. 47), „само по себѣ наиболѣе способно ввести въ заблужденіе читателя схолій (den Scholienleser) относительно понятія *παρεπίγραφη*“. Гольцингеръ совершенно правъ, судя по тому, что онъ самъ, если не ошибаемся, находится въ числѣ введенныхъ въ заблужденіе „читателей схолій“. Къ „Богатству“ ст. 8:

καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα. τῷ δὲ Λοξίῳ

въ cod. Rav. есть замѣтка: *τοῦτο παρεπίγραφῃ λέγεται*. По Диндорфу, въ рукописи читается *παρ' ἐπίγραφῃ*; по Мартену—*παρεπίγραφῃ*, но чтеніе Гольцингера подтверждено Р. Шеллемъ (Sitzungsber. d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München, Jahrg. 1889, 2 Bd., р. 41). Впрочемъ, какое изъ этихъ чтеній ни принадлежало бы рукописи, никто, повидимому, не сомнѣвается и не сомнѣвался въ томъ, что правильнымъ чтеніемъ должно считать *παρεπίγραφῃ*. Что же въ этой схолии особеннаго? Гольцингеръ указываетъ на двѣ особенности ея: 1) она помѣщается между строками текста, надъ словами *καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα*, тогда какъ другія схоліи этой категоріи всѣ писаны на поляхъ; 2) „замѣтка *τοῦτο παρεπίγραφῃ λέγεται* въ томъ отношеніи отстываетъ отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ раньше (Гольцингеромъ) мѣстъ этого рода, что объясненіе, въ чемъ заключалась эта парэпиграфа, ни предшествуетъ, какъ, напр., въ схол. на Всадн. 157 и на Миръ 1258, ни слѣдуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ“. Изъ этого обстоятельства Гольцингеръ выводитъ заключеніе, что замѣтка, „очевидно, намѣренно сокращена“. Первую особенность Гольцингеръ пытается объяснить предположеніемъ, что „писецъ кодекса R, помѣстившій эту замѣтку между строками, считалъ парэпиграфой слова текста *καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα* и хотѣлъ сказать этимъ выраженіемъ, что съ произнесеніемъ ихъ (словъ текста *κ. т. μ. δ. т.*) долженъ быть связанъ извѣстный жестъ актера. Такимъ образомъ, въ этомъ междустрочномъ положеніи—если мы не желаемъ признать его обусловленнымъ исключительно недостаткомъ мѣста или другими случайностями, что вѣдь не можетъ быть доказано—можно видѣть заблужденіе переписчика, но не болѣе“. Устранивъ такимъ образомъ указанныя имъ же чрезвычайныя затрудненія, Гольцингеръ

рѣшаетъ дѣло своимъ обычнымъ способомъ: сама парэпиграфѣ утрачена; она гласила: δείκνυσι τῷ σχήματι ὅτι ἄλλος αὐτῷ εἴρηται περὶ τοῦτου; къ ней была на полѣ замѣтка: τοῦτο παρἐπιγραφῇ λέγεται, которая со временемъ успѣла занять неподобающее ей мѣсто. Незачѣмъ указывать мелкія противорѣчія въ разсужденіи Гольцингера. Онъ не обратилъ вниманіе на то существенное обстоятельство, что всякое предписаніе о жестѣ, которымъ должны сопровождаться слова καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα, было бы нелѣпо. Эти слова представляютъ собою простую и обычную формулу перехода отъ одного предмета рѣчи къ другому. Желаетъ-ли актеръ сопровождать такую формулу какимъ-нибудь жестомъ или пѣтъ, это его дѣло: слова настолько ясны, что во вспомогательномъ жестѣ не нуждаются. Если къ этому обстоятельству присоединить первую изъ указанныхъ Гольцингеромъ вѣдшихъ особенностей схолиі, именно что она помѣщается между строками, гдѣ схолиі съ упоминаніемъ о парэпиграфѣ никогда не помѣщаются, то остается только вывести заключеніе, что ни о какой парэпиграфѣ тутъ не могло быть рѣчи. Но что же значать слова τοῦτο παρἐπιγραφῇ λέγεται? Въ одной рукописи Аристофана (Θ=Laug. 2779) къ тѣмъ же словамъ καὶ ταῦτα μὲν δὴ таῦта есть схолія: κύκλος. Терминомъ κύκλος риторы обозначали фразу или тираду, начинающуюся и оканчивающуюся однимъ и тѣмъ же словомъ ¹⁾); схоліастъ называлъ κύκλος слова таῦτα μὲν δὴ таῦτα, оставивъ въ сторонѣ частицу καί. Другой схоліастъ къ словамъ καὶ ταῦτα μὲν δὴ таῦта замѣтилъ: καὶ ταῦτα μὲν δὴ τοῦτον ἔχει τὸν τρόπον· ἔστι δὲ τὸ σχῆμα ἀποδεικτικὸν τῆς πρώτης διανοίας. Еще другой схоліастъ ²⁾ замѣчаетъ къ тѣмъ же словамъ: τὸ δεῦτε, οὐ ταῦτα ἀντὶ τοῦ οὕτως ἔστι, τροπὴ ὁωρικῇ τοῦ ἢ εἰς ἄ. καὶ ἔστι τὸ σχῆμα ἀποδεικτικόν. Въ „Облакахъ“ ст. 176 къ слову εἶεν (собственно εἶέν), представляющему собою тоже формулу перехода отъ одного предмета къ другому ³⁾, R и V даютъ схолію: τοῦτο καλεῖται ἀπόδειξις (тоῦ) λόγου; къ ст. 1075 той же комедіи, по поводу того же слова, мы находимъ въ R схолію: τὸ εἶεν λέγεται ἀπόδειξις λόγου, а въ V— τοῦτο καλεῖται ἀπόδειξις. Такого же рода замѣчаніемъ являются въ данномъ мѣстѣ слова τοῦτο παρἐπιγραφῇ λέγεται; только вѣсто παρἐπιγραφῇ

¹⁾ Гермогенъ п. εὐρέσεως, τόμ. δ' гл. 8 (Rhet. Gr. III, p. 170, 14 слл. Walz., II, p. 252 Sp.): κύκλος ἐστὶ σχῆμα καὶ αὐτὸ ἐρμηνείας ἰδίον, κύκλος ἐμπεριέχον λόγου· γίνεται δὲ ὅταν ἀφ' οὗ ἀρξῇται τις ὀνόματος ἢ ῥήματος, εἰς τὸ αὐτὸ καταλήξῃ πάλιν, μῆτε πῶσιν ἀλλάξας μῆτε σχῆμα μῆτε ὑπόνοον μῆτε ἀριθμὸν μῆτε ἄλλο τι. Въ заключеніи главы онъ даетъ еще другое опредѣленіе, въ формѣ «кикла»: κύκλος ἐστὶ τὸ ἀφ' ὧν ἂν ἀρξῇται τις ὀνομάτων εἰς τὰ αὐτὰ καταλήγειν δύνασθαι πάλιν. τοῦτο γάρ ἐστιν ὁ κύκλος.

²⁾ См. C. O. Zuretti, Scolii al Pluto ed alle Rane d'Aristofane dal codice Veneto 472 e dal codice Cremonese 12229, L, 6, 28 (Torino, 1890), p. 90. Ср. p. 69.

³⁾ См. наши «Порфиріевскіе отрывки», стр. 141 сл.

должно читать параграфъ. Считаемо нелишнимъ выписать свидетельства объ этомъ малоизвѣстномъ (въ такомъ значеніи) риторическомъ терминѣ, такъ какъ ихъ немного и они, кажется, нигдѣ не сведены. Въ схоліяхъ В (=cod. Ven. Marc. 453) на Илиаду мы читаемъ: 1) къ I 304 ὡς τὼ γ': ὁ τρόπος παραγραφῆ· μετιὼν γὰρ ἐπὶ ἐτέραν διήγησιν τούτῳ χρῆται ¹⁾; 2) къ IX (въ началѣ): ὅταν δὲ ἄλλων πραγμάτων ἀρχεσθαι μέλλῃ, ὡς οἱ νόμιμοι (δόκιμοι cī. Dindorf) τῶν ἱστοριογράφων, παραγραφὰς ἐμβάλλει. μεταβαίνων γὰρ ἐπὶ τὰ Ἑλλήνων ἀπεχορύφωσε τὸν λόγον ²⁾; 3) къ XVI 1: ...ὡς μέλλων δὲ ἐτέρων μεγάλων ἐνάρχεσθαι πραγμάτων, παραγραφὴν ἐνέβαλε τὸν στίχον. ἔστι δὲ τοιαῦτα πολλὰ παρ' Ὀμήρῳ· „ὡς οἱ μὲν Τρῶες φυλακὰς ἔχον“ (Il. IX 1)· „ὡς οἱ μὲν μάρναντο“ (Il. XI 596)· „ὡς ὁ μὲν ἐν κλισίῃσιν“ (Il. XII 1)· „ὡς οἱ μὲν στενάχοντο“ (Il. XXIII 1)· „ὡς ὁ μὲν ἔνθ' ἦρᾶτο“ (Od. VII 1)· „ὡς ὁ μὲν ἔνθα καθεῦθε“ (Od. VI 1, VII 344) ³⁾; наконецъ, 4) Евстаθій къ Ил. I 304 говоритъ: Ὅτι τὸ „ὡς τὼ γε ἀντιβίοισι μαχεσσαμένῳ ἐπέεσσιν ἀνστήτην“, σχῆμα δὲ καταστατικὸν ἐννοίας, οἱ γραμματικοὶ παραγραφὴν καλοῦσι, συγκαταριθμοῦντες αὐτὸ τοῖς ποιητικοῖς τρόποις. χρώμεθα δὲ τούτῳ τῷ σχήματι, ὅτε συμπληρώσαντες τὰ φθάσαντα ἐπὶ ἐτέραν διήγησιν μεταβαίνομεν. τοιοῦτον καὶ μετ' ὀλίγα τὸ „ὡς οἱ μὲν τὰ πένοντο κατὰ στρατόν“ καὶ ἄλλα μυρία. Какимъ образомъ возникло такое значеніе термина παραγραφῆ, понять не трудно, если вспомнить то, что по другому поводу сказано нами объ исторіи этого слова ⁴⁾.

¹⁾ То же въ Scholia T(ownleyana), G(enevensia) и L(ipsiensia), въ послѣднихъ съ прибавленіемъ σχῆμα καταστατικόν, заимствованнымъ изъ Евстаθія.

²⁾ То же въ T и L, въ первыхъ безъ словъ μεταβαίνων—λόγον и съ нѣкоторыми вариантами (м. пр. παρεγγράφας вм. παραγράφας).

³⁾ То же въ T и L, въ первомъ съ прибавками въ цитатахъ.

⁴⁾ «Порфириевскіе отрывки», стр. 42 сл.

КЪ ГОРАЦІЮ.

О. Шебора.

Одна изъ самыхъ симпатичныхъ одъ Горациа, именно III 23, все еще продолжаетъ причинять хлопоты толкователямъ римскаго лирика. Камнемъ преткновенія, какъ извѣстно, является заключительная строфа этой оды:

Immunis aram si tetigit manus,
Non sumptuosa blandior hostia,
Mollivit aversos Penates
Farre pio et saliente mica.

Толкователи никакъ не могутъ придти къ соглашенію относительно значенія въ данномъ мѣстѣ прилагательнаго „immunis“; между тѣмъ отъ толкованія этого слова зависитъ не только весь смыслъ заключительной строфы, но и пониманіе смысла всей оды вообще.

Предлагаемая учеными два различныхъ толкованія прилагательнаго immunis, именно „невинный, чистый“ и „безъ даровъ“ или „безъ большихъ даровъ“, вносятъ въ разсматриваемую строфу столь ощутительныя несообразности, что и нынѣ не перестаютъ раздаваться авторитетные голоса противъ подлинности ¹⁾ злополучной строфы, которую уже Guyet, а за нимъ Перлгампъ, Мейнеке, Линкеръ и др. объявили бессмысленной поддѣлкой чуть-ли не безграмотнаго интерполятора ²⁾. Неподлинность интересующей насъ строфы готовъ былъ признать даже такой рѣшительный консерваторъ, какъ Дилленбургеръ: Totus autem locus tam obscurus est, ut, si contra omnium codicum et scholiastarum antiquis-

¹⁾ Такъ поступаетъ изъ нашихъ ученыхъ Г. Э. Зенгеръ и во 2-мъ изданіи (1895) своего «Критическаго комментарія къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горациа», стр. 195—200.

²⁾ Quidquid tentes, ut hos versus a fraudis suspicione vindices, nunquam efficies, ut vel sententiae vel latinitati satis fiat.

simam auctoritatem liceret, hanc stropham Horatiano carmini fraude adfixam esse concederem; libentius certe facerem quam ullam aliam.

Причина неудовлетворительности толкованія разсматриваемой строфы заключается, по нашему мнѣнiю, въ томъ, что къ интерпретаціи ея толкователи приступали и приступаютъ съ готовымъ толкованіемъ, вмѣсто того, чтобы путемъ методической интерпретаціи словъ поэта стараться уяснить себѣ ихъ смыслъ. Всѣ убѣждены въ томъ, что слова „*immunis aram si tetigit manus*“ заключаютъ въ себѣ указаніе на условіе, при которомъ жертва, даже незначительная, особенно угодна богамъ. Эту-то мысль всѣ и стараются всѣми правдами и неправдами вложить въ слова поэта; отсюда естественное послѣдствіе: натяжки, противорѣчія, словомъ—тотъ Гордіевъ узелъ, который многіе предпочли разрубить предположеніемъ интерполяціи, отчаявшись въ возможности развязать его.

Виновникомъ этого рокового прѣстоуꙋ ꙗꙋѣдоꙋ является Порфиріонъ, толкующій слова „*immunis aram si tetigit manus*“ такимъ образомъ: *subaudiendum extrinsecus „scelerum“ aut quid tale, quia „immunem scelerum“ manum vult intellegi, id est a sceleribus puram, quam dicit blandiorem diis esse farre et granis salis sacrificantem, quam si sumptuosa hostia sacrificet.* Изъ этого примѣчанія ясно видно, что Порфиріонъ, какъ выше замѣчено, предрѣшаетъ (*quia... vult intellegi*) смыслъ толкуемой строфы и что придаваемое имъ абсолютному *immunis* значеніе не основано на фактическомъ употребленіи этого слова въ такомъ значеніи, а придумано толкователемъ съ цѣлью обосновать влагаемую имъ произвольно въ слова Горация мысль объ угодной богамъ, хотя бы и незначительной, жертвѣ. Такъ точно поступаютъ и защитники толкованія Порфиріона; возьмемъ хоть новѣйшихъ: Г. Фридриха ¹⁾ и Θ. Ф. Зѣлинскаго ²⁾. У перваго на стр. 146 мы читаемъ: *Fasst man ferner immunis nicht als „rein“, so fehlt jede Begründung dafür, dass das einfache Opfer der Phidyle den Göttern ebenso willkommen sein soll wie ein kostspieliges.* — Ну, а если Гораций хотѣлъ сказать вовсе не то, и мы все-таки примемъ *immunis* въ несвойственномъ ему значеніи?—Фридрихъ продолжаетъ: *In den zahlreichen Parallelstellen, die man beibringt, ist diese Begründung stets deutlich gegeben.* Eurip. fr. 940 N. *ἔῃ ἱερὸν, ὅταν τις εὐσεβεῖν θύῃ θεοῖς, καὶ μικρὰ θύῃ, τοῦχάνει σωτηρίας* ist unserer Stelle dem Gedanken nach congruent, folglich müssen auch die ent-

¹⁾ Q. Horatius Flaccus. Philologische Untersuchungen von G. Friedrich, Leipzig, 1894.

²⁾ Къ Горацию. Филолог. Обзорѣніе, VIII, 1 (1895).

sprechenden Glieder εὐ-εἰς und immunis dem Sinne nach gleich sein. Но о конгруентности мыслей здѣсь могла бы быть рѣчь только въ томъ случаѣ, еслибы immunis безспорно соотвѣтствовало по значенію слову εὐεἰς; вдобавокъ, для такой конгруентности въ греческомъ примѣрѣ недостаетъ важнаго члена — mollire aversos Penates, чему не соотвѣтствуетъ τοῦχάγειν σωτηρίας. Придаваемую слову immunis „singuläre Bedeutung“ (т. е. „rein“), Фридрихъ доказываетъ ссылками на Hor. Epist. I, 20, 10 carus eris Romae, donec te deserat aetas, C. III, 24, 35 quid leges sine moribus vanae proficiunt? и Sat. II, 5, 65 filia Nasicae, metuentis reddere soldum, гдѣ aetas, по значенію = flos aetatis, mores = boni mores, soldum = весь долгъ (собств. весь капиталъ, вся сумма); но aetas и mos такъ наз. voces mediae (чего нельзя сказать объ immunis), а требуемое въ данномъ мѣстѣ значеніе soldum вытекаетъ изъ сочетанія его съ reddere.

Обратимся, однако, къ другому защитнику толкованія Порфиріона. Θ. Ф. Зѣлинскій (I. с., стр. 38) передаетъ содержаніе 3-ей и 4-ой строфы такъ: „Пусть другіе тратятся на драгоценныя жертвы, ты въ этомъ не нуждаешься“ и затѣмъ продолжаетъ: „Почему не нуждаешься?“ Отвѣтъ одинъ: „потому, что сердце у тебя чисто“. У Горациа же стоять: ибо ¹⁾

immunis aram si tetigit manus,

то цѣнность жертвы безразлична. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что immunis значить „чистый, невинный“, т. е., другими словами, что объясненіе Порфиріона immunem scelorum manum vult intelligi по существу правильно“. — Итакъ, immunis несомнѣнно значить „чистый, невинный!“ Изъ чего это слѣдуетъ? А вотъ изъ чего: 1) изъ того, что на предлагаемый, безъ сомнѣнія, существенный вопросъ: „почему не нуждаешься?“ дается совершенно произвольный отвѣтъ: „потому, что у тебя сердце чисто“, и 2) изъ того, что между спорной заключительной строфой и предшествующими, опять-таки, произвольно устанавливается такая логическая связь (ибо), какую можно было бы констатировать лишь въ томъ случаѣ, еслибы отвѣтъ, даваемый на упомянутый вопросъ, былъ, въ самомъ дѣлѣ, обязателенъ, а значеніе слова immunis не составляло бы спорнаго вопроса. Изъ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что сдѣланный изъ произвольныхъ посылокъ выводъ — произволенъ и сомнителенъ. Никто, надѣмся, не будетъ возражать противъ того, что нельзя устанавливать логическую связь между заключительной спорной строфой и предыдущими, пока

¹⁾ Этого и бо у Горациа, однако, нѣтъ.

значеніе слова, отъ котораго такая связь зависитъ, не установлено, другими словами, пока наше *immunis* = х. Въ противномъ случаѣ ничто не могло бы помѣшать намъ утверждать, напр., что у Горація стоитъ: „но
immunis aram si tetigit manus,

то цѣнность жертвы безразлична“, откуда не менѣе несомнѣнно слѣдовало бы, что *immunis* значитъ здѣсь „нечестивый“, какъ, въ самомъ дѣлѣ, и полагали нѣкоторые прежніе толкователи; доказать возможность такого значенія этого прилагательнаго было бы; пожалуй, не болѣе трудно, чѣмъ признать за нимъ значеніе „чистый, невинный“ при абсолютномъ его употребленіи.

Произволень, какъ мы замѣтили, также и отвѣтъ: „потому, что у тебя сердце чисто“ на важный для толкованія данной оды вопросъ: „почему Фидилѣ нѣтъ надобности умоливать боговъ многочисленными жертвенными животными“. Извлекать этотъ отвѣтъ изъ спорнаго *immunis*, конечно, нельзя, а въ предыдущихъ строфахъ о „чистотѣ сердца“ и помина нѣтъ. Уважаемый толкователь, правда, находитъ (стр. 37), что понятіе „чистота сердца“ должна быть надлежащимъ образомъ подчеркнута поэтомъ въ его стихотвореніи, такъ какъ, по его (толкователя) мнѣнію, основная мысль оды должна (точно Горацій писалъ по заказу будущихъ своихъ толкователей!) заключаться въ томъ, что недостающія бѣдняку для умоливанія боговъ матеріальныя средства онъ замѣняетъ чистотою сердца. Затѣмъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій передаетъ содержаніе первыхъ двухъ строкъ толкуемой оды (оставляя обращеніе „*rustica Phidyle*“ безъ перевода) и продолжаетъ: „Гдѣ здѣсь понятіе чистота сердца? Отвѣтъ одинъ: оно заключается въ эпитетѣ *rustica Phidyle*, невинная Фидила (а не „обитательница деревни“, какъ переводитъ О. А. Шеборъ)“¹⁾. Удивительное дѣло! Дважды Горацій долженъ былъ въ этой одѣ выразить по-латыни понятіе „невинный“, и оба раза онъ употребилъ для этого такія прилагательныя, которыя этого понятія вовсе не выражаютъ. Свой переводъ эпитета *rustica* уважаемый толкователь защищаетъ прежде всего указаніемъ на то, что у Горація въ обращеніяхъ эпитеты нерѣдко замѣняютъ цѣлыя причинныя предложенія (слѣдуютъ ссылки на С. I, 4, 14; II, 2, 2 и II, 3, 4; изъ этихъ примѣровъ причинное отношеніе имѣется на самомъ дѣлѣ лишь въ послѣднемъ). Но кто мѣшаетъ

¹⁾ Мы должны отклонить отъ себя честь этого единственно вѣрнаго перевода, ибо такъ, кажется, переводили всѣ до насъ и будутъ, надо полагать, переводить всѣ и послѣ насъ. Ѳ. Ф. Зѣлинскій имѣетъ въ виду нашъ «Комментарій къ избраннымъ стихотвореніямъ Горація», С.-Петербургъ, 1894.

почтенному толкователю переводить, напр., такъ: если ты, Фидила, въ качествѣ обитательницы деревни, вознесешь и т. д.? Мы просто указали значеніе слова *rustica*, какъ то дѣлаетъ самъ О. Ф. Зѣлинскій, переводя „невинная Фидила“, а не „Фидила, такъ какъ ты невинна“. Что касается спеціально слова *rusticus*, то уважаемый толкователь ограничивается лишь замѣчаніемъ, что переносное значеніе этого слова достаточно извѣстно, и ссылается на *Juv. VI, 64*:

Appula gannit

*sicut in amplexu subito, et—miserabile!—longum
attendit Thymele; Thymele tunc rustica discit.*

Это мѣсто сопровождается такимъ комментариемъ: „именно то, что невинная Тимела при видѣ такихъ сценъ „учится уму-разуму“ — именно это вызываетъ жалость поэта“ ¹⁾. И такихъ примѣровъ (т. е., гдѣ *rusticus* = невинный) не мало“. Насъ удивляетъ одно: если такихъ примѣровъ не мало, то почему уважаемый толкователь цитируетъ именно такой, который предполагаемаго значенія слова *rusticus* вовсе не подтверждаетъ. Если упоминаемая тутъ Тимела и не есть мима Тимела ²⁾, о которой Ювеналь говоритъ въ I, 36 и VIII, 197, то она все-таки такая же психопатка-батилистка, какъ и другія двѣ дамы, о которыхъ говорится въ данномъ мѣстѣ; она во время скабрезной пляски Батилла превращается въ глупую деревенскую дѣвушку (*tunc* надо непременно соединять съ *rustica*), т. е., смотритъ, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза, и просвѣщается, ловя движенія Батилла, чтобы при случаѣ пустить ихъ въ ходъ. Какъ бы тамъ ни было, женщину, причисляемую поэтомъ къ категоріи такихъ, на которыхъ опасно жениться (ст. 62), едва-ли можно называть „невинной Тимелой“ и „родной дочерью Фидилы“, особенно тому, кто въ данной одѣ Горациа усматриваетъ панегирикъ невинности или чистотѣ сердца Фидилы. Интересно было бы узнать другіе примѣры, въ которыхъ слово *rusticus* встрѣчается въ значеніи „невинный“: мы такихъ примѣровъ, говоря откровенно, не знаемъ. Итакъ, попытки отстоять толкованіе Порфиріона разсмотрѣннымъ только что путемъ приходится признать неудавшимися.

Но О. Ф. Зѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать отъ столь обстоя-

¹⁾ Въ новѣйшемъ изданіи O. Jahn-Bücheler'a (1886) этотъ стихъ читается, однако, такъ:

sicut in amplexu subito et miserabile longum, attendit Thymele и т. д.—При этой, единственно вѣрной интерпункціи о жалости поэта къ „невинной Тимелѣ“ вовсе не говорится.

²⁾ См. Friedländer, *Sittengesch.*, IIe, p. 460 и примѣч. къ *Juv. VI, 66* Вейднера (второе изданіе).

тельнаго и осторожнаго ученаго, старается доказать возможность защищаемаго имъ значенія слова *impunis* еще и другимъ путемъ: онъ разсматриваетъ семасіологию спорнаго слова, не упуская изъ вида ни международнаго, ни сакральнаго права, ни разговорной рѣчи комедіи, ни употребленія слова *impunis* у Горация. Не пускаясь въ разсмотрѣніе разсужденія уважаемаго автора, съ которымъ въ общемъ можно согласиться, мы остановимся лишь на результатѣ разсужденія: „Если съ точки зрѣнія международнаго права“, говоритъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, „*impunis* почти то же, что *amicus*, то съ точки зрѣнія сакральнаго права оно почти то же, что *pius*; *impunis* тотъ человѣкъ, которому покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ его стороны; путемъ такого перехода получается значеніе „невинный“, въ которомъ наше слово встрѣчается нѣсколько разъ съ род. пад. *pecis, delictorum* (собств. „не обязанный къ повинностямъ въ искупленіе убійства, грѣховъ“), и съ *abl. vitiis*. Сама исторія слова доказываетъ, что это значеніе присуще ему самому, независимо отъ этихъ сочетаній“. Итакъ, на почвѣ сакральнаго права слово *impunis* получило значеніе „невинный“ и, получивъ разъ таковое значеніе, оно стало соединяться съ *gen.* и *abl.* ближайшаго опредѣленія. Но вѣдь *impunis* въ этихъ сочетаніяхъ вовсе не имѣетъ значенія „невинный“, а „неповинный“ (затѣмъ „непричастный, свободный“), какъ это констатируетъ самъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій прибавкою (въ скобкахъ): *собств. „не обязанный къ повинностямъ въ искупленіе убійства, грѣховъ“*. Этического значенія абсолютной невинности или чистоты, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ латинскаго языка, слово *impunis* само по себѣ никогда не имѣетъ; вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, доказываетъ исторія слова *impunis* полнѣйшимъ отсутствіемъ въ дошедшихъ памятникахъ примѣровъ употребленія абсолютнаго *impunis* въ такомъ значеніи. Понятіе абсолютной невинности можно выразить черезъ *impunis* только при сочетаніи его съ требуемымъ ближайшимъ опредѣленіемъ, напр., *impunis omnibus humanis vitiis* (Vell. II, 35, 2). Итакъ, сдѣланное уже Бентлеемъ противъ толкованія Порфиріона возраженіе: „*nusquam reperitur ea vox (scil. impunis), ἀπλῶς et per se posita, pro experte sceleris*“ до сихъ поръ остается въ полной силѣ.

Но допустимъ, что Порфиріонъ и его приверженцы правы, и *impunis* здѣсь значить „невинный, чистый“: съ какой стати тогда „невинной“ рукѣ *mollire aversos Penates*? Просимъ отмѣтить, что даже не просто *placare Penates*, а именно *mollire aversos Penates*.

Какимъ это образомъ у „невиннаго, чистаго“ человѣка *aversi Penates*? Это противорѣчіе Фридрихъ (l. c., p. 148) старается устранить такъ: „Es erklärt sich alles, wenn wir annehmen, dass Phidyle die vilica des Horaz ist; aversos Penates wäre dann auf diesen zu beziehen; und die Penaten mochten wohl Ursache haben ihm abgeneigt zu sein: er nennt sich ja selbst *parcus deorum cultor et infrequens* I, 34, 1. Horaz lässt die vilica für sich opfern“. Кому, однако, могло быть все это понятно, безъ спеціальнаго комментарія? Развѣ во всей одѣ есть хоть малѣйшій намекъ на такой ея смыслъ ¹⁾? Вдобавокъ, заключительная строфа содержитъ, безъ сомнѣнія, общую мысль (гному), какъ это видно изъ отсутствія притяжательнаго мѣстоименія при *manus* и изъ *perf. gnom. tetigit* и *mollivit*; впрочемъ, Фридрихъ отдаетъ предпочтеніе варианту *mollibit*, хотя подобныхъ формъ у Горациа вовсе нѣтъ.

Ө. Ф. Зѣлинскій на этомъ противорѣчій не останавливается и въ своемъ переводѣ данной строфы даже пропускаетъ слово *aversi*; между тѣмъ при даваемомъ имъ объясненіи значенія слова *immunis* (*immunis* — тотъ человѣкъ, которому покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ его стороны), это противорѣчіе особенно ощутительно: рука, которой покровительство и расположеніе боговъ обезпечено, имѣетъ все-таки надобность смягчать разгнѣванныхъ на нее Пенатовъ.

Но уважаемый толкователь, вѣроятно, никакого противорѣчія здѣсь не видитъ, такъ какъ у него свой особенный взглядъ на представленія римлянъ о богахъ. Вотъ что мы читаемъ въ упомянутой выше замѣткѣ (стр. 36): „Какъ съ точки зрѣнія международнаго права чужой народъ представляется римлянамъ а *priogē* враждебнымъ ихъ государству, и для прекращенія этихъ враждебныхъ отношеній требуется заключеніе *foederis*, такъ точно и съ точки зрѣнія сакральнаго права боги представляются а *priogē* разгнѣванными противъ людей, и для прекращенія ихъ гнѣва нужно ихъ *placare*, чѣмъ заключается нѣчто въ родѣ договора между богами и людьми (отсюда синтезъ *hostia: hostis*)“.

Нѣтъ надобности, кажется, доказывать, что высказанный тутъ, но ничѣмъ не подтвержденный взглядъ на представленіе римлянъ о ихъ богахъ (гнѣвъ а *priogē*) находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ, что намъ извѣстно о вѣрованіяхъ и культахъ римлянъ; слѣдовательно, строить что-либо на столь зыбкомъ фундаментѣ врядъ-ли возможно. Между тѣмъ, это положеніе послужило Ө. Ф.

¹⁾ См. также Г. Э. Зенгеръ, l. c., стр. 322.

Зѣлинскому исходной точкой для толкованія оды, о которой онъ выражается такъ: „нѣтъ другого произведенія, которое въ такой степени раскрывало бы передъ современнымъ читателемъ всю душу римской религіи“.

Недоумѣніе возбуждаетъ также и слѣдующее утвержденіе, которое уважаемый авторъ выводитъ изъ своей гипотезы объ апріорномъ гнѣвѣ боговъ (стр. 37): „Боги умилоствуютъ жертвами (авторъ разумѣетъ, конечно, кровавыя жертвы); но жертвы стѣдѣтъ денегъ; чтобы приносить ихъ, нужно быть богатымъ. Итакъ, выходитъ, что богачъ, помимо всѣхъ благъ, можетъ въ какой угодно мѣрѣ приобрѣсть расположеніе боговъ, *pauper ubique jacet*“. Развѣ существуютъ какія-нибудь указанія на то, что предполагаемый *Θ. Φ. Зѣлинскимъ* апріорный гнѣвъ, стало быть, гнѣвъ незаслуженный, умилоствовался непременно кровавыми жертвами, притомъ такими и въ такомъ количествѣ, что умилоствленіе боговъ могло быть доступно лишь для богачей? Намъ вѣдь извѣстно, что культъ боговъ у римлянъ отличался, правда, строгостью и замысловатостью обрядовъ, но не дороговизной ¹⁾, что искони, на ряду съ кровавыми жертвами (а, можетъ быть, даже ранѣ ихъ), существовали жертвы некроавыя; что кровавыми обязательно должны были быть лишь искупительныя жертвы (*piacula*, отсюда *hostiae piacularae* или *animales*); наконецъ, что въ вопросѣ о цѣнности жертвы можно было сообразоваться съ матеріальными средствами ²⁾.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности едва-ли возникалъ тотъ вопросъ, въ отвѣтъ на который уважаемый толкователь усматриваетъ „высокое нравственное значеніе“ разбираемой оды, т. е. вопросъ: можетъ-ли бѣднякъ другимъ качествомъ замѣнить то богатство, котораго ему недостаетъ и которое необходимо для умилоствленія боговъ?—Кромѣ того, въ рассматриваемой одѣ едва-ли возможно слишкомъ напирать на бѣдность и недостатокъ матеріальныхъ средствъ для умилоствленія боговъ: Фидила въ состояніи принести богамъ, при-

¹⁾ *Cp. Cic. De re publ. II, 14, 27: Sacrorum autem ipsorum diligentiam difficilem, apparatus perfacilem esse voluit (Numa Pompilius): nam quae perdiscenda quaeque observanda essent multa constituit, sed ea sine impensa. Sic religionibus colendis operam addidit, sumptum removit.*

²⁾ *Cp. Tib. I, 1, 19 sqq.*

Vos quoque felices quondam, nunc pauperis agri

Custodes fertis munera vestra, lares:

Tunc vitula innumeros lustrabat caesa iuencos:

Nunc agna exigui est hostia parva soli.

См. также Hor. C. II, 17, 30—32; IV, 2, 53—60.

близительно, такую жертву, какую Тибуллъ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, очищаетъ свое помѣстье; а Тибуллъ вовсе не былъ „бѣднякомъ“ (ср. Ног. Epist. I, 4), хотя онъ и называетъ свое имѣніе скуднымъ. Тотъ же Тибуллъ (I, 10, 26), обращаясь къ Ларамъ съ мольбою о спасеніи своей жизни въ предстоявшемъ ему походѣ, сулить имъ не больше того, что можетъ принести въ жертву Ларамъ Фидила, т. е. поросенка.

Изъ сказаннаго, кажется, можно вывести заключеніе, что толкованіе *aversi Penates* въ смыслѣ апріорнаго гнѣва упомянутаго выше противорѣчія (*immunis* = „невинный“ — *mollire aversos Penates*) не устраняетъ. Но въ такомъ случаѣ нельзя утверждать, что „правильность толкованія Порфиріона доказана“. Напротивъ, если что-нибудь доказано въ занимающемъ насъ вопросѣ, такъ это неправильность и несостоятельность толкованія Порфиріона.

Въ заключеніе замѣтимъ, что О. Ф. Зѣлинскій, увлекаясь желаніемъ доказать правильность толкованіе схолиаста, не замѣтилъ, что его собственная гипотеза объ апріорномъ гнѣвѣ боговъ пахнетъ въ противорѣчіи съ предполагаемой имъ основной мыслью толкуемой оды. Эта мысль, по мнѣнію уважаемаго толкователя, заключается въ утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ о возможности для бѣдняка замѣнить дорого стоящаго жертвы чистотою сердца (стр. 37). Въ самомъ дѣлѣ, если представлять себѣ боговъ „а ргіогі разгнѣванными противъ людей“, стало бытъ, враждебными имъ, невзирая на нравственныя ихъ качества, то возможно-ли видѣть въ нравственной чистотѣ или чистотѣ сердца, которой боги въ апріорномъ гнѣвѣ своемъ никакого значенія не придаютъ, средство умиловитъ этотъ гнѣвъ? Намъ кажется, что нѣтъ; но тогда не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ жертвъ чистотою сердца, а равно и о людяхъ, которымъ (по аналогіи съ *imunes* съ точки зрѣнія международнаго права, стр. 38), покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ ихъ стороны.

Обратимся, однако, ко второму толкованію интересующей насъ строфы, отличающемуся отъ только что разсмотрѣннаго лишь тѣмъ, что сторонники его, не считая возможнымъ принимать прилагат. *immunis* въ значеніи „невинный, чистый“, понимаютъ его въ смыслѣ „безъ даровъ“ или (въ виду послѣдняго стиха оды) „безъ большихъ даровъ“ ¹⁾. Выходитъ, что умиловитъ разгнѣванныхъ Пенатовъ осо-

¹⁾ Точность не только второго, но и перваго перевода, основаннаго на Ног. С. IV, 12, 23 и Ер. I, 14, 33, можетъ быть оспариваема; см. замѣтку О. Ф. Зѣлинскаго, стр. 38 (внизу) и слѣд.

бенно способна пустая или почти пустая рука. Поучаемый этими толкователями читатель съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: почему пустая или почти пустая рука пользуется такимъ преимуществомъ въ глазахъ Пенатовъ? У Горация на этотъ вопросъ отвѣта не находимъ (Гораций не имѣлъ и надобности задавать его себѣ), но толкователи, не долго думая, все-таки отвѣчаютъ, что тутъ рѣчь идетъ объ успѣшности скромной жертвы отъ чистаго сердца. „Чистое сердце“, о которомъ въ одѣ и помину нѣтъ, тутъ необходимо, такъ какъ безъ этой произвольной маскировки заключительная строфа, благодаря толкователямъ, обращается въ рекомендацію скаредности по отношенію къ богамъ ¹⁾. Гораций одно время, правда, былъ *ragus deorum cultor*, но если онъ желалъ рекомендовать то же самое Фидилѣ, то зачѣмъ въ 1-ой строфѣ онъ предлагаетъ ей умиловать Ларовъ ладаномъ, плодами селѣтними и прожорливымъ поросенкомъ? Или Гораций хотѣлъ сказать, что можно угодить Ларамъ и этакъ, а еще лучше ограничиться однимъ подобіемъ жертвоприношенія? На такое предположеніе поэзія Горация не даетъ намъ никакого права. Итакъ, неудовлетворительность этого толкованія очевидна ²⁾.—Удовлетворительное толкованіе спорной строфы, по нашему мнѣнію, можно отыскать не иначе, какъ отрѣшившись не на половину, а цѣликомъ отъ толкованія Порфиріона. Въ упомянутомъ нами уже своемъ „Комментаріи къ избраннымъ стихотвореніямъ Горация“ мы сдѣлали такую попытку; въ школьномъ изданіи мы, конечно, вынуждены были ограничиться лишь намеками, не вдаваясь въ опроверженіе существующихъ мнѣній ученыхъ и не развивая обстоятельно своей мысли и своихъ доводовъ. Предложенное нами новое толкованіе вызвало двѣ замѣтки со стороны двухъ авторитетныхъ нашихъ филологовъ, именно О. Е. Корша и О. Ф. Зѣлинскаго. Замѣтки эти посвящены не столько опроверженію нашего взгляда, сколько защитѣ существующихъ двухъ толкованій, которыя и были нами рассмотрѣны въ этой статьѣ. На замѣтку О. Ф. Зѣлинскаго, содержащей много оригинальнаго, мы сочли долгомъ остановиться подольше, между тѣмъ, какъ замѣтку О. Е. Корша, заключающую въ себѣ лишь легкую варіацію второго изъ существующихъ толкованій, мы нашли возможнымъ лишь упомянуть, тѣмъ болѣе что отвѣтить О. Е. Коршу мы намѣрены въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, не предрѣшая ни такъ, ни иначе смысла спорной заклю-

¹⁾ См. толкованіе О. Е. Корша въ его рецензіи на нашъ „Комментарій къ избраннымъ стихотвореніямъ Горация“ (Филол. Обзор. VII, 2, стр. 205 сл.).

²⁾ См. „Крит. комментарий“ Г. Э. Зенгера, стр. 197—200.

чительной строфы, мы приступаемъ къ разбору и толкованію интересующаго насъ стихотворенія.

Первыя три строфы не представляютъ никакихъ затрудненій, и смыслъ ихъ вполне ясенъ: „Если ты, Фидила, какъ обитательница деревни, въ новолуніе вознесешь ладони къ небесамъ и умиловиши Ларовъ ладаномъ, селѣтными плодами и жадною свиньей, то будутъ цѣлы твои лозы, твой посѣвъ и стадо (ст. 1—8). Крупныя жертвенныя животныя, пасущіяся въ дубравахъ Алгида и выращиваемыя на лугахъ Альбанскихъ, кровью своей обагрятъ вѣдь сѣкиры понтификовъ“ (ст. 9—13). Смыслъ этого обращенія поэта къ Фидилѣ, очевидно, слѣдующій: „въ качествѣ обитательницы деревни, ты можешь ограничиться умиловленіемъ Ларовъ, непосредственныхъ покровителей твоего дома и хозяйства: воздай имъ то немногое, чего они требуютъ, и они не оставятъ тебя своей милостью; приносить въ жертву богамъ крупныхъ животныхъ есть дѣло понтификовъ, призывающихъ милость великихъ боговъ на все государство“.

Затѣмъ Горацій продолжаетъ:

te nihil attinet
Temptare multa caede bidentium
Parvos coronantem marino
Rore deos fragilique myrto.

И эти стихи не представляютъ, въ сущности, никакихъ трудностей; но толкователями, какъ мы полагаемъ, не обращено до сихъ поръ должнаго вниманія на слова „parvos coronantem marino rore deos fragilique myrto“. Безъ этихъ словъ, остальное значить: „ты не имѣешь никакой надобности искушать (т. е. добиваться расположенія) маленькихъ боговъ ¹⁾ (Ларовъ, Пенатовъ), закалывая многихъ жертвенныхъ животныхъ, другими словами, кровью многочисленныхъ жертвенныхъ животныхъ“. Какъ же теперь съ этимъ вьжутся слова „parvos coronantem et q. s.“?

Причастіе coronantem, составляя такъ наз. partic. appositum (coniunctum) къ te, замѣняетъ при немъ или предложеніе опредѣлительное: „ты, которая украшаешь вѣнками своихъ маленькихъ боговъ, не имѣешь никакой надобности“, или предложеніе обстоятельствоное: „ты, украшая (т. е. въ то время, какъ ты..., если ты..., потому что ты украшаешь) своихъ маленькихъ боговъ, не имѣешь надобности“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ „coronantem“ заключаетъ въ себѣ

¹⁾ Дополненіе parvos deos зависитъ какъ отъ temptare, такъ и отъ coronantem.
сворникъ.

указаніе на обстоятельство, избавляющее Фидилу отъ надобности кровью многочисленныхъ жертвенныхъ животныхъ добиваться расположенія Ларовъ: она можетъ ограничиться тѣмъ, о чемъ говорится въ 1-ой строфѣ.

Стоитъ только обратить должное вниманіе на то, какое значеніе въ культѣ Ларовъ имѣло украшеніе ихъ вѣнками ¹⁾, чтобы убѣдиться въ томъ, что именно и единственно въ словахъ „*coronantem... myrto*“ заключается отвѣтъ на поставленный вполне справедливо О. Ф. Зѣлинскимъ на видъ вопросъ: „почему не нуждаешься ты въ дорогихъ жертвахъ?“ Смыслъ этого отвѣта будетъ: „Потому, что ты, усердная почитательница Ларовъ, никогда ихъ не забываешь и, благодаря этому, пользуешься ихъ расположеніемъ“ ²⁾. Насколько Лары, въ представленіяхъ римлянъ, дорожили такимъ къ себѣ вниманіемъ со стороны своихъ хозяевъ, засвидѣтельствовано устами Лара въ прологѣ къ Плавтовой комедіи *Aulularia*. Упомянувъ о непочтительномъ отношеніи къ себѣ скупого Евеліона, его отца и дѣда, Ларъ продолжаетъ (ст. 23—27):

*Huic (Euclioni) filia unast: ea mihi cotidie
Aut ture aut vino aut aliqui semper supplicat:
Dat mihi coronas. Eius honoris gratia
Feci, thesaurum ut hic reperiret Euclio,
Quo illam facilius nuptum, si vellet, daret.*

Ларъ, тронутый вниманіемъ къ нему Федры—ея вѣночками—хлопочетъ о ея замужествѣ. Такъ, по убѣжденію Горация, относятся Лары „къ радѣющей о нихъ Фидилѣ“, этой, по истинѣ, родной сестрѣ Плавтовой Федры: ей поэтому нѣтъ надобности дорогими жертвами стараться загладить свое нерадѣніе въ надеждѣ, что Лары соблазнятся этими дорогими жертвами (*temptare multa caede bidentium*).

Такъ, по нашему мнѣнію, должны были понимать рассматриваемыя слова поэта его современники, которымъ еще извѣстны были детали культа Ларовъ: въ словахъ „*coronantem... myrto*“, которымъ поэтъ, вдобавокъ, отвелъ видное мѣсто въ концѣ строфы, они не могли видѣть лишь ничего незначущую прибавку.

¹⁾ См., напр., *Plaut. Aul.* 25, 384; *Trin.* 39; *Tib.* I, 10, 22; II, 1, 59 сл. Число примѣровъ можно было бы значительно увеличить.

²⁾ О. Ф. Зѣлинскій, «въ противоположность намъ, не видитъ надобности понимать слова *coronantem... myrto* въ причинномъ смыслѣ»; мы, съ своей стороны, не находимъ никакой возможности передавать ихъ черезъ повелит. накл.: «ты украшай своихъ маленькихъ боговъ розмариномъ и миртомъ». О предполагаемой тутъ уважаемымъ толкователемъ вариаци мысли, подобной I, 7, 1 слѣд., рѣчи быть не можетъ; приводимыя Кисслигомъ къ I, 7, 1 параллели могутъ относиться къ *tinguet*, но никакъ не къ *coronantem... myrto*.

Итакъ, отвѣтъ на вопросъ: „почему Фидила не имѣетъ надобности прибѣгать къ дорогимъ жертвамъ“, найденъ, и мы въ насилуваніи значенія прилаг. *rusticus* и *immunis* не нуждаемся.

Переходимъ къ заключительной строфѣ. Прежде всего намъ, конечно, необходимо остановиться на словѣ *immunis*: нужно точно опредѣлить его значенія и указать, въ какомъ изъ нихъ оно можетъ быть понимаемо въ данномъ мѣстѣ.

Прилагательное *immunis* (*in-munis*), происходя отъ суц. *munus* (моене)¹⁾ = повинность, значить: „не несущій повинностей, свободный отъ повинностей“. Не нести повинностей можно или съ согласія того, кто въ правѣ ихъ отъ насъ требовать, или самовольно, уклоняясь отъ несенія ихъ. Въ первомъ значеніи *immunis* употребляется какъ техническій терминъ о народѣ, который, пользуясь покровительствомъ и расположеніемъ Рима, не былъ обязанъ платить ему за это деньгами или услугами. Мы вполне согласны съ этимъ опредѣленіемъ, даннымъ О. Ф. Зѣлинскимъ (стр. 38), а равно и съ тѣмъ, что употребленное у Горация *Epist. I, 14, 33* и с. *IV, 12, 23* *immunis* опирается на указываемое значеніе этого прилагательнаго; не споримъ, что *immunis* въ этомъ значеніи выражаетъ похвалу²⁾.

Во второмъ значеніи, содержащемъ, несомнѣнно, отгѣнокъ порицанія, *immunis* встрѣчается дѣйствительно гораздо рѣже, именно *Plaut. Trin. 350*: *civis immunis* „согражданинъ, уклоняющійся отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей по отношенію къ согражданамъ“, т. е. (пожалуй) не услужливый; точно такъ же *ibid. 354*. Подобнымъ образомъ, кажется, можно объяснить и „*immoene facinus*“ (*ibid. 24*): „дѣло, не приносящее того, чего мы въ правѣ ожидать“, т. е. благодарности; стало быть—дѣло неблагодарное. Сюда относится также примѣръ „*immunes Grai*“ изъ Акція (у Цицерона *pro Sest. 57, 122*):

o ingratici Argivi, immunes Grai, immemores benefici!

далѣе *Cic. Lael. 14, 50*: *non enim est inhumana virtus neque immunis neque superba* и *Verg. G. IV, 244*. Последній примѣръ мы относимъ сюда, такъ какъ *immunis* = ἀσύμβολοςъ заключаетъ въ себѣ отгѣнокъ порицанія.

¹⁾ Ср. *infamis, inermis, iners*; *immunis* не происходитъ отъ встрѣчающагося у Плавта *Merc. 105* и Луцилія (ар. *Non.*, р. 23, 15) *munis*, которое, очевидно, выведено по аналогіи (*ingratus: gratus* и т. п.) изъ *immunis*.

²⁾ Впрочемъ, въ с. *IV, 12, 23* *immunis*, вѣроятно, = ἀσύμβολοςъ; ср. *Verg. G. IV, 244*: *immunisque sedens aliena ad pabula fucus*; *Gell. VII, 13, 2*: *ne omnino, ut dicitur, immunes et asymboli veniremus*.

Спрашивается, въ какомъ изъ этихъ двухъ значеній абсолютнаго *impunis* оно употреблено въ началѣ интересующей насъ строфы? въ похвальномъ или порицательномъ?— Намъ отвѣчаютъ: конечно, въ похвальномъ!— Но развѣ боги освобождаютъ кого-нибудь отъ повинностей или обязанностей по отношенію къ себѣ? Есть какія-нибудь указанія на то, что боги даютъ кому бы то ни было *impunitatem*? Вѣдь и Фидилѣ, которую толкователи причисляютъ и должны причислять къ предполагаемымъ ими *impunes*, Гораций совѣтуетъ приносить Ларамъ жертвы, находя только лишней роскошь жертвъ ¹⁾. Но, положимъ, что у Пенатовъ были свои *impunes*, именно люди „съ чистымъ сердцемъ, невинные“. За что же тогда Пенаты гнѣваются (*aversi Penates*)? Не капризъ-ли это?

Итакъ, *impunis* въ данномъ мѣстѣ должно быть понимаемо въ порицательномъ смыслѣ: *impunis manus*, въ противоположность къ Фидилѣ, украшающей своихъ маленькихъ боговъ вѣнками изъ розмарина и мирта, означаетъ руку человѣка, уклоняющагося отъ этой повинности или обязанности и этимъ самымъ навлекающаго на себя гнѣвъ Пенатовъ; такой человѣкъ, почувствовавъ гнѣвъ Пенатовъ, напрасно прибѣгаетъ къ дорогимъ жертвамъ: его рука умилостивить ими отвернувшихся отъ него Пенатовъ не съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ горсть полбы съ солью. т. е. чѣмъ самая ничтожная жертва.

Каковъ смыслъ всей оды? По нашему толкованію слѣдующій: частному человѣку нѣтъ надобности прибѣгать къ роскошнымъ жертвамъ: отъ него боги требуютъ внимательнаго къ себѣ отношенія: кто нарушаетъ это требованіе, тотъ дорогою жертвой не искупить своей вины.

¹⁾ См. Г. Э. Зенгеръ; l. l., p. 197.

ИЗЪ ПИНДАРА.

ЭПВАНЦАМЪ О СОЛНЕЧНОМЪ ЗАТМЕНИИ.

(Hyporchemata, 107 (74) Bergk)

Вал. Майкова.

Считаю долгомъ принести свою глубокую благодарность многоуважаемому О. О. Соколову, который въ своихъ лекціяхъ сумѣлъ указать на высокое поэтическое значеніе Пиндара, такъ долго или ложно понимавшееся, или совершенно непризнаваемое. Живю помню, какъ О. О., въ одну изъ своихъ лекцій, прочелъ VII (VI) Исемійскій эпипникій, начинающійся вдохновенными словами поэта, исполненными поэзіею и патріотизмомъ: Τὴν τῶν τάρος, ὦ μάκαρα Θῆβα κτλ. Если мои слабыя попытки передать эпипникій Пиндара русскою прозою имѣютъ какое-либо значеніе, то главная заслуга принадлежитъ О. О., умѣвшему поддержать и одухотворить мои первыя начинанія.

О солнца лучъ, ты все и всюду зрящій,
Зачѣмъ средь бѣла дня тьмой покрываешь насъ?
Зачѣмъ въ полдневный зной жарою насъ палящій,
Зачѣмъ скрываешь намъ нашъ самый свѣтлый часъ?
Скрываешь путь дневной, насъ мракомъ покрывая?
Что ты вѣщаешь намъ, насъ тьмой предупреждая?
Да не грозитъ она намъ горемъ и бѣдой!
Тебя конями Зевса заклинаемъ!
Война-ли? Голодъ-ли? Обвалъ-ли снѣговой?
Иль гибельный мятежъ—мы смертные не знаемъ!
Свирѣпая-ль зима?.. убійственный-ли зной?
И новый-ли потопъ, несущій истребленье
Всему живущему и міру обновленье?..
Нѣтъ силы не скорбѣть: мнѣ жаль своихъ родныхъ.
И съ ними всей душой сливаюсь въ скорби ихъ.

Прекрасную оцѣнку историческаго значенія переведеннаго нами отрывка Пиндара даетъ Круазе въ своемъ извѣстномъ трудѣ, посвя-

ценномъ ѳиванскому лирику ¹⁾: „Легко себѣ представить, съ какою скорбью Пиндаръ относился къ великой борьбѣ, во время которой Греція находилась на одной сторонѣ, а его родной городъ на другой. Обстоятельства ставили его въ необходимость идти въ разрѣзъ со своими согражданами: онъ не могъ возносить молитвъ за ихъ дѣло, но какъ горько было ему сочувствовать врагамъ этого дѣла. Чтобы понять, какъ эта рознь была для него тяжела, стоитъ только припомнить прекрасный отрывокъ ипорхемы, вызванной солнечнымъ затмѣніемъ. Въ немъ Пиндаръ сперва взываетъ къ богамъ о пощадѣ ѳивъ, а заканчиваетъ удивительно трогательнымъ порывомъ, выражающимъ намѣреніе перенести съ твердостью всѣ страданія, только бы его личное горе согласовалось съ горемъ его соотечественниковъ. Страдать одному, не вызывая сочувствій тѣхъ, кого онъ любилъ, такова была тогда судьба Пиндара. Греція счастлива, но ѳиванскій поэтъ груститъ ²⁾. Да и какъ не грустить: персы уничтожены, но какая участь постигнетъ ѳивы? Свершилась-ли уже въ то время месть грековъ, или она только угрожала, безпокойство духа въ Пиндарѣ должно было быть сильно“.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести маленькую хронологическую справку по поводу вопроса, къ какому солнечному затмѣнію относится переведенный нами отрывокъ. Въ извѣстномъ сочиненіи „L'art de vérifier les dates“, I, 1, 205, наиболѣе подходящимъ для насъ затмѣніемъ указано центральное затмѣніе 17 февраля 478 года, видимое въ Европѣ, Африкѣ и Азіи. Къ этому же выводу приходитъ на основаніи космографическихъ соображеній и G. Hoffmann въ своей статьѣ „Die in einem Fragmente des Dichters Pindar erwähnte Sonnenfinsternis“, Prgr., Triest, 1889 ³⁾.

¹⁾ La poésie de Pindare etc. par Alfr. Croiset, 1880, p. 271.

²⁾ Καίπερ ἀγυόμενος θυμόν (Isthm. VII (VIII), 5).

³⁾ Ср. также рецензію на статью Гофмана Hergel'я въ Wochenschr. f. klass. Philologie, 1889, № 52.

WIDENER
BOOK DUE
SEP 10 1991

4470514
2/12/71

NOV 2 1971

3569311

DEC 15 1971

